

МАГНИТ

ДМИТРИЙ
ГЯЛКОВСКИЙ

ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ

МАГНИТ

**Псков
2004**

**ББК 83.3 (2 Рос=Рус)6
Г 162**

Галковский Д. Е.
Г 162 Магнит. – Псков, 2004. – 456 с., ил.

ISBN 5-94542-119-7

© Д. Е. Галковский, 2004
© ГП "Псковская областная типография", 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

В прошлом году я выпустил книгу «Пропаганда», где собрал статьи, интервью, фельетоны, анкеты и выступления, написанные-наговорённые с 1990 по 1998 год, то есть в период трагикомической публикации «Бесконечного тупика». В этом сборнике публикуются подобные же материалы за 2001-2004 годы, то есть созданные после моего «второго пришествия» в отечественную литературу. Получилось не так много, поэтому я решил добавить две философские работы, написанные в середине 90-х, а также пару интервью, взятых мною для журнала «Кто есть кто» (последние публикуются в приложении).

Вообще-то сборник стоило назвать «Пропаганда-2», коротко и страшно. Но поскольку в книгу вошла философская эссеистика, подобное название было бы неточным. Недолго думая, я взял орфографический словарь Ушакова (Учпедгиз, 1960), открыл сотую страницу, посмотрел десятую строчку сверху. Там было написано «магнит». Неплохое название. Так тому и быть.

* * *

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность Н. З-кому, благодаря помощи которого я рассчитался с долгами и мог в течение года не думать о материальных проблемах.

ӘССЕ

РУССКАЯ ПОЛИТИКА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ*

*«Русский простолюдин знает
и любит родную природу».*
В.Набоков. «Дар»

I

Русское общественное мнение возникло в начале XIX века, вполне оформилось к его середине, продолжало существовать после 17-го года в русской эмиграции, и в рудиментарной, но всё-таки имеющей быть форме наличествует даже в современной «Эрэф». Но способность русского общества к рациональной самооценке сформировалась только к началу XX века и проявила себя лишь однажды - в знаменитых «Вехах». «Вехи» - единственный культурный манифест русской цивилизации, единственная согласованная акция представителей русской культуры, соединившая в себе новаторство, глубину постановки задач и блестящую литературную форму. Это достаточно замкнутое и автономное явление: что-то появилось в духовном мире России и сразу же погибло.

Вообще культура систематического мышления обладает большой степенью «заразности» и, раз возникнув, существует неопределённо долго. Плесень интеллектуального эгоизма необычайно цепка и быстро заполняет собой все поры филологической реальности. В интеллектуальной истории России мы имеем крайне РЕДКИЙ пример гибели философии. Эта «смертность», хрупкость, может быть, главная

особенность русского мышления. Русская мысль, слабая и вторичная, была всё-таки достаточно мощна, чтобы существовать, но, «посуществовав» немного, она снова погасла в азиатской ночи. По крайней мере, в этом есть определённый трагизм, который, может быть, явится достаточной компенсацией её изначальной слабости. Внутренняя вялость мышления компенсируется внешней динамикой, процесс интеллектуального саморазвития - процессом социально навязанного разрушения. Подобное «единство места и времени» драмы отечественного самосознания даёт ей некоторый сюжет. Здесь имеется возможность общей оценки, и в этом смысле можно говорить о некоторой «русской идее».

II

История «Вех» весьма необычна. Пожалуй, ни один документ такого масштаба и рода не имел столь парадоксальной судьбы. Всеобщее неприятие «Вех» со стороны современников производит фантастическое впечатление, особенно если учесть, что последующий ход исторических событий разжевал идеи философских эссе до полного неприличия басенной морали.

Очевидно, что в случае «Вех» речь шла не просто о недопонимании, о недостаточном уровне культуры читающей публики, а о разном менталитете авторов и читателей. Нельзя сказать, что русское общество оказалось не в состоянии прочесть это произведение (между прочим, написанное вполне доступным языком и в своей аргументации зачастую рассчитанное на уровень «развитого студента»). Нет, оно демонстративно отказалось это сделать, отвернувшись от «Вех», как от чего-то невыразимо гадкого, вызывающего почти физиологическое отвращение.

Интересно, что эта реакция была воспринята веховцами как личная неудача, и они вплоть до 17-го года фактически прекратили критику интеллигенции. Это косвенно свидетельствует о том, что заявленный в «Вехах» тип мировоззрения был в значительной степени чужероден самим авторам. Сборник явился чем-то вроде прыжка выше головы, звёздным часом, которым его авторы исчерпали свою интеллектуальную энергию. На это указывает и тот факт, что в «понятийном аппарате» сборника лишь весьма интуитивно и противоречиво проводится граница между интеллектуалами и интеллигентами, то есть между производителями идей и их популяризаторами и распространителями. А не видя всей глубины противоречий между небольшой группой творческих личностей и гораздо более широким слоем культурных посредников, авторы сборника, естественно, не смогли достаточно ясно определить собственную роль в духовной жизни общества и взять и выдержать сообразный этой роли тон.

Собственно кому были адресованы «Вехи»? Если это был первый манифест зарождающегося САМО-сознания нации, то его авторы могли апеллировать только к самим себе. К сожалению, сами веховцы этой проблемы просто не поняли. То, что вопрос об адресации не был поставлен в самих «Вехах», ещё объяснимо. Но авторы «Вех» не решили его для себя и после позорного и окончательного провала «русского общественного мнения». Авторы «Вех» сказали простым русским языком самоочевидную вещь: подлинную культуру и демократическое общество можно построить только исходя из примата внутренней жизни личности, а не коллективизма русской интеллигенции, подчиняющей личностное начало нуждам и задачам бессодержательной «социальной жизни». Либеральная и демократическая об-

щественность России ответила на это грязной демагогией. Это закономерно. Странно, что авторы «Вех», во-первых, очень болезненно переживали своё интеллектуальное одиночество и, во-вторых, не сделали в цепи умозаключений следующий шаг: если самоочевидное «что» было непонято и отринуто читателями, значит, дело в неправильном «как». По сути правильные «Вехи» были неправильно сделаны. Всё говорилось так, но не на том языке. Не нашли языка – возник сбой в программировании. Констатируя чудовищную глупость русской интеллигенции, «веховцы» попытались убедить её в этом при помощи перевода диалога в область метафизики. Но для интеллигентов надо было писать в гораздо более простой форме, «с примерами», брать голосовыми связками и тиражной массой, играя на мифологических комплексах и в конце концов апеллируя прежде всего к интеллигентским низам. Если этого не произошло, то дело было скорее в убеждении самих себя (причём убеждении не совсем удачном, если сам вдохновитель сборника Гершензон после революции 1917 года перешёл на сторону большевиков). В противном случае речь бы шла не о метафизике, а об агитации и пропаганде среди неразвитой интеллигентской массы. Кстати, именно так действовали кадеты и социалисты: они не спорили с веховцами, а «объясняли» их массовому читателю. Милюков стал разъезжать по городам России, читая антивеховские лекции, был основан журнал «Запросы Жизни», главная цель которого была полемика с «Вехами», по всей периодике прокатился шквал соответствующих выступлений и т.д. и т.п. Шла «масшированная кампания». В ответ на это веховцы хотели выпустить новый сборник, хотели выпустить подборку полемических высказываний вокруг «Вех», хотели ещё что-то, но не сделали ничего. У них не

было «аппарата», и они проиграли. Порицая коллективизм интеллигенции, они решили бороться против него индивидуалистическими методами, тогда как для «партии» мнения отдельных людей не интересны и она их легко подавляет просто своей массой.

На самом деле у веховцев не было политической задачи. Они писали для себя. Следовательно, это был некоторый «отчёт перед референтной группой». Но кто же являлся референтной группой для веховцев? Увы, всё та же интеллигенция. «Вехи» - это не адаптивный текст, и за этим текстом ничего нет. Это не был интеллектуальный урок для российской интеллигенции со стороны русских интеллектуалов, потому что здесь не было и апелляции собственно к интеллектуалам. Интеллектуалами и были в России только сами веховцы, но в «Вехах» они вместо попытки внутреннего диалога друг с другом апеллировали к своим интеллигентским инстинктам, являвшимся личной проблемой каждого автора в отдельности. Каждый автор «Вех» убеждал только самого себя, но учебник невозможно написать для себя. Учебники пишутся для других. С точки зрения «идеологической» веховцы перемудрили, мечта бисер перед примитивной интеллигентской толпой. С точки зрения философской веховцы взяли неправильный тон «декларации», заменив самоанализ призывами к самоанализу и забыв при этом, что на уровне метафизическом уже не существует партий и партийной истины, следовательно, обращения и призывы лишены какого-либо смысла. Прозвучавший в «Вехах» призыв к «покаянию» интеллигенции так же нелеп, как призыв к интеллигенции перестать быть интеллигенцией. Интеллигенцию надо было использовать, а первый этап этого - посмотреть на самих себя как интеллектуалов, а не интел-

лигентов, вывести себя за рамки интеллигентской толпы.

Совершенно неправильное отношение «веховцев» к интеллигенции в значительной степени обусловлено неправильным отношением к более низким социальным слоям. Так, Булгаков в пылу полемического задора писал: «Народ наш, - скажу это не обинуясь, - при всей своей неграмотности, просвещённое своей интеллигенцией». При этом он не обратил внимания на то, что речь идёт о «СВОЕЙ» интеллигенции, что интеллигенция-то в отличие от интеллектуальной элиты и связана с народом ещё достаточно крепко и органично. Кто же будет общаться, точнее нянчиться, с малограмотной чернью, «сволочью», которой только предстоит стать сначала «хамами» городских окраин, а потом «пролетариями»? Только полуобразованная «интеллигенция». Интеллигенции народ был интересен. Она постоянно к нему лезла, она была связана с ним тысячами нитей и именно её, а не собственно «народ» надо было ИСПОЛЬЗОВАТЬ. Использовать как грубых проводников поверхностного европеизма в народную толщу, как пропагандистов низшего звена. Кстати, при подобном изменении точки отсчёта интеллигенция выглядела вовсе не так жалко, как это рисовалось авторам «Вех». На фоне ТАКОГО народа, каким были русские в начале века, русская интеллигенция была очень и очень ПРИЛИЧНА.

Другое дело, что на фоне уровня миропонимания, заявленного в «Вехах», интеллигенция была по меньшей мере жалка. В этом ещё не было ничего страшного. Но русская интеллигенция в своём отношении к «Вехам» окончательно обозначила безусловно негативное отношение к СВОЕЙ интеллектуальной элите. Ещё можно было не принимать гениальных одиночек XIX века, но в начале XX

был отринут только появившийся СОЦИАЛЬНЫЙ СЛОЙ, и речь пошла уже о социальной закономерности. Не в том дело, что интеллигенция была «страшно далека от своих гениев», а в том, что она этих гениев «не слушалась» и даже «не слушала». Это действительно редкий пример в духовной жизни человечества. Ведь обычно культурные менеджеры и посредники, наоборот, относятся к выдающимся представителям духовной жизни нации весьма почтительно. При частных человеческих случаях естественной зависти или мещанского консерватизма всё же общая тональность – почитание и благоговение. Русские же интеллигенты вытирали ноги о Пушкина и Достоевского, не говоря уже о веховцах. Русская интеллигенция была какая-то другая. И элита у неё была другая, а может быть, она в ней вообще не нуждалась – ведь достаточно мало народов обладает самосознанием.

С другой стороны, и у веховцев была странная ненависть к интеллигенции, точнее, её неприятие носило странный характер. Например, Франк сетовал в «Вехах» на распределительное отношение русской интеллигенции к культуре. Но интеллигенты и должны распределять, а не производить. Эта обида на нетворческий характер сельских учителей и заводских техников весьма подозрительна. Обычно иррациональные упреки, носящие абстрактно-обобщённый характер, базируются не на культурной или социальной, а на этнической почве. Никто всерьёз не упрекает ребёнка в том, что он ребёнок, упреки немца в том, что он немец, или китайца в том, что он китаец, обычны. Вчитаемся в веховскую характеристику интеллигентского образа жизни:

«В целом интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения: ни малейшей дисциплины, ни малейшей последовательности даже во внеш-

нем; день уходит неизвестно на что, сегодня так, а завтра, по вдохновению, всё вверх ногами; праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, наивная недобросовестность в работе, в общественных делах необузданная склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности, перед властью - то гордый вызов, то податливость...» (Гершензон).

Это скорее этническая критика интеллигентского образа жизни. Его физиологическое неприятие. Однако нельзя сказать, что здесь мы видим перед собой набросанные кистью мастера уникальные проявления «загадочной русской души». Наоборот, такой тип жизни хорошо известен. Это не что иное, как полная характеристика быта АЗИАТСКОГО интеллигента - турецкого, арабского, индийского, на худой конец румынского или греческого.

Другой вопрос, что это азиатское безумие из-за дуализма русской культуры мучительно и вызывает страдание личности, трагически переживающей собственную слабость. Любому русскому слишком знакома боль дневников Толстого: «Третьего дня писал, что надобно положить вставать в 8 часов, не пить кофий, не говорить с глупцом Кунаковым о Т.Н. И опять вчера проспал до обеда, выпил два кофейника и весь вечер задумчиво проговорил с Кунаковым. Он опять смеялся надо мной, дурно отзывался о Т.Н., а я не смел его срезать». И это годами.

Подобная ремиссия европейского сознания приводит к наивной семинарской этике. На, собственно, Востоке этики просто не существует, так как не существует рефлексии и её эмоциональной основы - чувства вины. На периферии западного мира этика существует, но в максимально грубой форме, явленной в толстовстве с его скрежещущими и западающими шестернями, придающими наивный тита-

низм нравственным вопросам, по сути своей детским и не стоящим выеденного яйца. Собственно, русская этика как абстрактная философская дисциплина была сформулирована именно Толстым, который дал стиль переживания этических вопросов, до этого лишь имитируемый философией Соловьёва. Далее, развиваясь, русская этика пришла к постановке первой осмысленной проблемы, правда, уже в эмиграции, где, так же скрежеща и западая, органичик «русской этической мысли» стал пытаться вывистеть простую мелодию: «Большевики негодяи, а их жертвы в определённой степени как бы порядочные люди». Разгорелась полемика вокруг мыслей Ивана Ильина о противлении злу силою. Таким образом, мысль Толстого через 50 лет достигла своего антитезиса. Завязалась «полемика на этические темы». Обсуждался вопрос: есть ли зло ударить по щеке хулигана - и это в цивилизации, которая уничтожала в то же самое время десятки тысяч человеческих жизней каждый день. Что-то здесь русским мешало; если для человека ПРОБЛЕМА встать с дивана, значит что-то мешает - церебральный паралич или сломанные ноги. И для русской личности эти детские вопросы («пап, кто сильнее - слон или кит?») действительно были ПРОБЛЕМАМИ, потому что русская личность была с перебитыми ногами - по ночам она становилась на четвереньки и выла на Луну, как профессор Бездомный из «Мастера и Маргариты». Драма Толстого - сюжет его жизни и, параллельно, динамика развития мифа - это столкновение европейского автономного «я» с коллективистским «мы» Азии. Он был, несомненно, европейцем до мозга костей, но европейцем быть ему было трудно. Больно. Поиск удобной жизни, сообразной жизни и привёл к вроде бы абсурдному толстовству: «Продать имение и залезть на дерево». Толстовский

ужас перед смертью был концентрированным выражением общего ужаса перед индивидуальным существованием. Толстой был мудр, и он почувствовал настолько верно, что возникло толстовство. Масштаб его сейчас забыт, но он был огромен (собственно, весь образованный класс России 80-х годов прошлого века прошёл через толстовство: толстовцами были все - от Бунина до Крупской). Толстовство быстро сошло на нет в суматохе начала XX века, хотя его дальнейшее успешное развитие, может быть, означало бы относительно безопасную азиатизацию России, коррекцию петровского «перебора».

Внутренняя противоречивость русского индивидуального сознания приводит к второсортности и социальной неудачности интеллигентских профессий. В «Вехах» по этому поводу достаточно красноречиво высказывается Изгоев:

«Средний массовый интеллигент в России большею частью не любит своего дела и не знает его. Он плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч. и проч. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважения. Если он увлечётся своей профессией, всецело отдастся ей - его ждут самые жестокие сарказмы со стороны товарищей, как настоящих революционеров, так и фразёрствующих бездельников».

Та же мысль в статье Бердяева:

«Кому приходилось иметь дело с интеллигентами на работе, тому известно, как дорого обходится ... интеллигентская «принципиальная» непрактичность».

Здесь тоже даётся скорее ЭТНИЧЕСКАЯ, чем социальная характеристика интеллигенции. Что такое «интеллигент на работе, с которым приходится иметь дело»? Работают в конторе 20 служащих - 10

интеллигентов и 10 неинтеллигентов. Интеллигенты - полуобразованное хулиганье, мешающее работать остальным. Кто же «остальные»? Тут дело уже не в «интеллектуалах» и «интеллигентах», а в отличиях этнических и субэтнических. Если восточноевропейский еврей, украинец, грузин или русский разночинец - пиши пропало. Если немец, германизированный еврей или русский из дворян - работа пойдёт. Любому человеку, знакомому с социальной и культурной жизнью предреволюционной России, ясно, что приведённые выше характеристики интеллигентского отношения к работе совершенно неприменимы к жившим в России немцам и германизированным евреям, не говоря уже о русском дворянстве, находившимся по сравнению с интеллигенцией в другой социальной ситуации.

Крайне показательно, что после революции «белые карьеристы» мгновенно превратились в неудачников, а за «плохих учителей и инженеров» кто-то начал усердно молиться. Немцы были сосланы в Сибирь и Среднюю Азию, где стали главной тягловой силой местных колхозов, а азербайджанцы и каракалпаки составили основу новой интеллигенции, делая бешеную карьеру. В то время как в Грузии появились целые деревни, где жители поголовно имели высшее образование, у немецких колхозников в Таджикистане зачастую не было и среднего. При этом белое русское дворянство было мгновенно уничтожено, но «серый» русский крестьянин в новом мире выжил, причём не только из-за своей подавляющей численности. Особой карьеры он опять не сделал, ибо если раньше он уступал европейцам, то теперь его социально обгоняли азиаты, но его медленное, но постоянное смещение в сторону Европы продолжилось. Общая ситуация в России сместилась из-за постепенных не политических, а

«геологических» изменений в низовой толще России, идущих в сторону европеизации наперекор политическим декларациям, просто вслед общему вектору исторического процесса XX века (глобальная урбанизация, увеличивающаяся наукоёмкость производства и сферы управления и т.д.). Тотальное смещение в культурном спектре общества привело к тому, что старую русскую интеллигенцию сейчас скорее напоминает местный образованный класс азиатских районов СССР. Если взять живущих в Алма-Ате русских и казахских интеллигентов, то «плохой инженер, журналист, техник» - именно казах, русский же часто квалифицированный профессионал, на котором и держится дело и которому казахи только мешают. Если казах и специалист, то по «общим вопросам». Он управленец и бюрократ, который занимается политикой. Это типичная дилемма колониальной интеллигенции. В этом смысле Россия была первая деколонизирующаяся страна, в которой из-за совпадения в одном лице колонии и метрополии деколонизация произошла наиболее рано и в наиболее разрушительной форме - в форме самоуничтожения.

К сожалению, на уровне сознания стоящую перед Россией «азиатскую проблему» авторы «Вех» так и не сформулировали. Вообще само слово «азиатское» встречается в статьях сборника поразительно редко.

Булгаков пишет в своей статье:

«Интеллигенция есть то прорубленное Петром окно в Европу (1), через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый. Ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу сто-миллионного народа».

И далее по этому поводу Булгаков встревоженно задаёт риторический вопрос: «Поднимется ли на высоту своей задачи русская интеллигенция, получит ли Россия столь нужный ей образованный класс с русской душой, посвящённым разумом, твёрдой волею, ибо в противном случае интеллигенция, в союзе с татарщиной, которой ещё так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию».

Это, пожалуй, единственное упоминание «азиатской угрозы» при постоянном подчёркивании угрозы европейской. Между тем «татарщина» была сосредоточена в России XIX - н.ХХ в. отнюдь не в противостоящей интеллигенции «государственности и общественности», а в самой народной толще. И сам Булгаков на уровне сознания это вполне понимал:

«Разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нём тёмные стихии, которых так много в русской истории, глубоко отравленной злой татарщиной и инстинктами кочевников-завоевателей. В исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преп. Сергия и Запорожской сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачёва. И эти грозные, неорганизованные, стихийные силы в своём разрушительном нигилизме только по-видимому приближаются к революционной интеллигенции, хотя они и принимаются ею за революционизм в собственном её духе; на самом деле они очень старого происхождения, значительно старше самой интеллигенции. Они с трудом преодолевались русской государственностью, полагавшей им внешние границы, сковывающею их, но они не были ею вполне побеждены. Интеллигентское просветительство одной стороной своего влияния пробуждает эти дремавшие инстинкты и возвращает Россию к хаотическому состоянию, её обессиливающему и с такими

трудностями и жертвами преодолеваемую ею в истории».

Но Булгаков на этой констатации останавливается и не делает самоочевидный вывод о том, что русская государственность есть орудие нейтрализации и подавления азиатского начала и что само наличие своеобразной «русской интеллигенции» есть одно из печальных последствий татарского-монголо-ига. Подобные логические сбои, постоянные для авторов «Вех», имеют, конечно, глубокие корни, лежащие за пределами рационального анализа ситуации. Только этим можно объяснить упорное и принципиальное непонимание сверхэлементарной вещи:

1. Недемократическая форма правления в России начала века есть нормальное следствие низкого уровня культуры самого народа. Она, таким образом, ему «сообразна» (удобна, понятна, органична).

2. Недемократичность русской интеллигенции есть тоже следствие низкого уровня культуры народа, так что упреки интеллигенции в нетерпимости и т.д. — есть упреки самому русскому народу.

Отсюда

3. Поскольку авторы «Вех» в своей критике сосредоточились на интеллигенции, а не на самом народе, они совершили тем самым ту же ошибку, что и критикуемая ими интеллигенция, осуждавшая форму правления, но не обуславливающую эту форму культурную среду.

Кроме отсутствия прилагательного «азиатское», в лексиконе «Вех» бросается в глаза отсутствие местоимения «я». Авторы сборника постоянно призывают к самосовершенствованию, но это именно «призывы» и к тому же в безлично-коллективной форме: «К новому сознанию мы можем перейти лишь через покаяние и самообличение», — заявляет Бердяев. Можно сказать, что здесь в «мы» входит и «я»

автора (что, впрочем, учитывая суть покаяния, уже несколько сомнительно). Но стоит произвести соответствующую подстановку, и фраза окажется совершенно невозможной в устах Бердяева и его соратников. «К новому сознанию я могу перейти через покаяние и самообличение» - совершенно невозможно. Ни один из авторов «Вех» конкретно ни в чём не покаялся. В «Вехах» вообще отсутствуют даже невинные оправдательные оговорки в стиле «в молодости и я по наивности отдал дань заблуждениям интеллигентской среды».

Булгаков пишет:

«Крайне непопулярны среди интеллигенции понятия ЛИЧНОЙ нравственности, ЛИЧНОГО самосовершенствования, выработки ЛИЧНОСТИ (и, наоборот, особенный, сакраментальный характер имеет слово ОБЩЕСТВЕННЫЙ)».

В самих «Вехах» понятия ЛИЧНОГО чрезвычайно популярно. В «Вехах» ВСЕ говорят о личном покаянии. Но НИКТО лично не кается.

Между тем биографии семи авторов сборника дают достаточный материал для покаяния. Из них шесть были в своё время убеждёнными марксистами, и отнюдь не только на гимназической скамье, а и «войдя в ум», лет в 30. (При этом седьмой - Гершензон - как уже указывалось выше, даже не исключение.) И речь шла вовсе не о платонической любви к коммунистической утопии - как минимум четыре «веховца» за свой коммунизм сидели в тюрьме, причём Струве, как известно, был автором первой программы РСДРП, а Кистяковский снискал сомнительные лавры «основоположника украинского марксизма».

Отсутствие подлинного покаяния в «Вехах» заставляет задуматься о религиозной ориентации авторов сборника (2). Христианин покаялся бы инстинктивно - ведь это ТОН христианства. Однако пока-

яние не было использовано даже как стилистическая фигура, отправная точка для повествования. Веховцы должны были сделать это хотя бы по эстетическим соображениям – как единственно филологически оправданный зачин, – но они не сделали этого даже рационально, рассудочно, а это уже позорно. Авторы «Вех» обвиняли, например, Льва Толстого в стремлении принизить человеческую индивидуальность, что, конечно, справедливо. Но, в отличие от авторов «Вех», Толстой предпринял попытку личного покаяния, написав «Исповедь». Толстовство есть вид нравственной деятельности, нравственного учения. «Веховство» на этом фоне выглядит в лучшем случае как «нравственная стилизация». Там нет нравственной личности, а есть лишь преподаватели нравственности.

Подобное несоответствие между интеллектуальными декларациями авторов сборника и «живой жизнью» их внутреннего мира имеет, конечно, очень серьёзные причины. В сущности, речь идёт о несоответствии между глубоко западной идеей личной ответственности и восточным ортодоксальным христианством. Идея покаяния характерна для русской культуры, и в этом сказывается её генетическое родство с культурой западной, но в русской культуре покаяние носит иной оттенок, оттенок юродства и унижения. В этом смысле покаяние есть не путь восхождения, не путь обретения большей индивидуальной автономии и свободы, а наоборот, признание фатальной неудачности индивидуалистического существования, трагическое переживание не «состояния личности», а скорее – «несостоявшейся личности», не выдержавшей свободы индивидуального состояния. При глубочайшем ЧУВСТВОВАНИИ личного существования здесь присутствует принципиальное НЕПОНИМАНИЕ самой идеи человечес-

кой личности. А следовательно, и трагической ответственности человеческого «я» за свои поступки, мистерии интеллектуального одиночества и т.д. Веховцы очень плохо осознавали противоречие между автономным существованием человеческого «я» (и его способностью к развитию) и глубокой психической и физиологической предопределённостью социальной жизни индивида. Поэтому-то им и пришла в голову фантастическая идея: объяснить интеллигенции, что она интеллигенция, чтобы она перестала быть интеллигенцией. Эта ошибка лишь на более высоком уровне повторяла аналогичную ошибку самой русской интеллигенции, которая была уверена, что интеллигент, поставленный революцией на место чиновника или палача, не будет ни чиновником, ни палачом, а останется интеллигентом.

По-европейски образованные авторы «Вех» призывали к развитию личностного начала через европейское покаяние; по-русски искушённые авторы «Вех» оберегали свою внутреннюю жизнь от русского покаяния, гасящего гордыню человеческого «я». Но именно это русское покаяние, а вовсе не немецкая философия создало саму возможность «Вех» - ведь самосознание нельзя заимствовать, оно может быть только выстрадано. Образно говоря, не потому были написаны «Вехи», что «ход русской революции 1905 года открыл глаза», и даже не потому их авторы постарели-поумнели, а вот травила в университете азиатская погань студентика, Бердяев травил тоже, да СТАЛО НЕХОРОШО. Но это скорее не противоречие духа, а противоречие души. Не отказ автономной личности от убийства из-за того, что убийство есть нарушение нравственного принципа, а отказ актёра от роли убийцы из-за несоответствия его амплуа. «Душа не лежит». В этом таится странный дух безответственности, которым

пронизаны «Вехи». Причинно-следственная связь постоянно и безответственно нарушается - это, например, хорошо видно в статье Кистяковского.

В своей статье «В защиту права» Кистяковский отрицает само бытие огромной юридической машины Российской империи. Тысячи законов и постановлений, кодифицированных в огромный свод, хорошо поставленная система подготовки юристов, одно из наиболее прогрессивных судебных законодательств - ничего этого для Кистяковского не существует уже на том смехотворном основании, что юридическая мысль в России «не всколыхнула» интеллигентские круги. В двух-трёх фразах он бросает чисто демагогические обвинения в адрес российского законодательства. И как нарочно, совершенно невпопад. Кистяковский сетует по поводу «архаики русского гражданского кодекса», тогда как это палка о двух концах - консерватизм играет особую роль в юриспруденции, тем более в такой деликатной, связанной с естественными нормами и обычаями области, как гражданское право. Кистяковский резко отрицает изъятия из первоначального корпуса судебных реформ, но эти изъятия были естественным и оправданным следствием реальной судебной практики, выявившей неподготовленность русского общества к столь радикальным преобразованиям (речь идёт о сужении компетенции суда присяжных при разборе дел о преступлениях международных террористических организаций). Кистяковский заявляет, что во время русской революции 1905-1907 гг. «русский уголовный суд превратился в первобытное орудие политической мести». Но это ни с чем несообразная ложь - русский уголовный суд осуждал во время первой русской революции хулиганов, грабивших и убивавших мирных жителей. Нет ни одного примера осуждения кого бы то ни было за

политические убеждения. При этом, ведя себя как мальчишка и прибегая к дешёвой политической демагогии, за пустопорожними обвинениями Кистяковский упускает из виду ГЛАВНЫЙ ВОПРОС: соблюдаются ли права человека в русском законодательстве, обеспечиваются ли российским гражданам основные экономические и социальные свободы. А ответ на этот вопрос безусловно положительный, даже если не делать естественной поправки на общий уровень культуры русского общества в сравнении с развитыми европейскими странами. Ясно же, что правовое отличие между Германской и Российской империями было достаточно незначительным, и это при том, что в экономическом и культурном отношении Германия была, конечно, гораздо более развитой страной, и здесь Россия 1908 года сопоставима с Германией скорее 1808 года.

Как же мог действительно образованный и культурный человек, каковым, несомненно, являлся Кистяковский, говорить на исходе первого десятилетия XX века о «бездне бесправия русского народа», да ещё в статье, посвящённой КРИТИКЕ интеллигентского сознания? В чём же заключалось это бесправие? Разве в России не было судов, не было законов? В стране, где рабочее законодательство появилось чуть ли не раньше рабочих? И ни одного факта. По сути, при голословных призывах к правовому началу Кистяковский не приводит ни одного факта из реальной юридической жизни России.

В этой ситуации резонно посмотреть с точки зрения юридической на факты биографии самого Кистяковского. К 24-м годам этот молодой человек был последовательно выгнан из двух гимназий (Киевской и Черниговской) и трёх университетов (Киевского, Харьковского и Дерптского). Кроме того, за это время Кистяковский удостоился чести быть «выг-

нанным» из целого государства, а именно Австро-Венгрии. В каждом конкретном случае причина была особая, но в целом видно, что «правовед» Кистяковский с молодых ногтей был человеком с ярко выраженным антисоциальным поведением.

С одной стороны, это весьма странное несоответствие - что-то вроде безногого прыгуна или философа-алкоголика. И лишь при одной точке зрения всё становится на свои места. Парадокс Кистяковского вполне объясним, если его квалифицировать как представителя угнетённого народа. У колониальной интеллигенции нет потребности конструктивно участвовать в правовой жизни колонии - ей нужна власть над территорией и власть абсолютная. В тонкости она не входит. Здесь заключается единственное правдоподобное объяснение идеологической слепоты Кистяковского, и с его антироссийской филиппикой можно вполне согласиться - в самой обустроенной в правовом отношении колонии коренное население будет действительно страдать от «бездны бесправия». Отсюда и ясна подлинная сущность «плохих инженеров и врачей». Это несостоявшиеся местные бюрократы, стремящиеся свергнуть колониальную администрацию и занять её место. И Кистяковский совершенно правильно пишет, неожиданно раскрывая подлинную причину своего пристрастия к юриспруденции, совершенно невыводимую из его политического поведения:

«Чрезвычайно характерно, что наряду с стремлением построить сложные общественные формы исключительно на этических принципах наша интеллигенция в своих организациях обнаруживает поразительное пристрастие к формальным правилам и подробной регламентации; в этом случае она проявляет особенную веру в статьи и параграфы организационных уставов. <...> тенденция к подроб-

ной регламентации и регулированию всех общественных отношений статьями писанных законов присуща полицейскому государству, и она составляет отличительный признак его в противоположность государству правовому. Можно сказать, что правосознание нашей интеллигенции и находится на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности. Все типичные черты последней отражаются на склонностях нашей интеллигенции к формализму и бюрократизму <...> бюрократизм проявляется во всех организациях нашей интеллигенции и особенно в её политических партиях».

Следует отметить, что именно Кистяковского ставят на котурны современные западные исследователи «Вех» как единственного автора сборника, более-менее внятно сформулировавшего проблему правового нигилизма русской интеллигенции и деклариовавшего необходимость развития русской философии права. Однако при этом они совершенно не понимают национальной специфики и ошибаются, парадоксальным образом одновременно и занижая и завышая уровень правосознания русского общества. Завышая, потому что Кистяковский вовсе не был правоведом-философом - он лишь играл некоторую «социальную роль», он «казался» («хотел казаться» и «казался»), обозначая собой вывеску несуществующего явления. Несуществующего не социально (хотя и это губительно), а мировоззренчески, что является провалом полным. С другой стороны, «играя» правоведа, он естественно ломился в открытую дверь, как и всякой актёр стилизуя проблему, «играя», кроме всего прочего, и враждебное окружение, в котором он якобы находился. На самом деле в дореволюционной России была нерелевантная правовая культура, культура как мёртвый, но действующий механизм, собственно -

«колониальная администрация» из-за патовой ситуации при своём идеальном действии как бы не существующая. Образно говоря, в России существовало правосудие потому, что на протяжении длительного времени азиатская чаша весов Фемиды уравновешивала европейскую. Колониальная система была создана, но она не ощущалась как колониальная, то есть несправедливая. Следовательно, она была законная. Это единственный в мире пример легитимной колониальной системы, и легитимной не только с точки зрения нравственности или исторической справедливости, а и с точки зрения формально-юридической.

В «Вехах» (напр., в статье Струве) совершенно справедливо подчёркивается характерный анархизм русской интеллигенции, находящейся в постоянной и изнурительной борьбе с собственным государством. Но каким государством? Государством «вообще»? Отнюдь нет - речь шла о борьбе с конкретным государством - с государством белых шайтанов. За свою азиатскую вонючку русская интеллигенция шла на смерть, гнала под пулемёты дивизии недрогнувшей рукой. «За родимку милую - власть советскую» отечественная интеллигенция положила в кровопролитной войне миллионы соотечественников, проявляя чудеса исполнительности и законопослушания, молясь на отпечатанные на изношенной пишущей машинке мандаты и декреты. Казалось бы, абсурд, ибо РСФСР соотносилась с Российской империей так же, как с великолепным Зимним дворцом соотносились воспетые Андреем Белым «вонькие московские дворики». Но «вонькие дворики» пахли родной Азией, а это искупало всё. Если деревенская баба целует в грязную попку свою деточку ненаглядную: «вонючка, вонючка милая», то тут не «антисанитария», а лирика. Это проявление инстинкта продолжения

рода - постоянно гадящий уродливый утёнок должен вызывать симпатию. Он и вызывает. При таком положении он может исходить соплями и покрываться струпьями - такого его будут любить даже больше. Чем гаже и отвратительнее становилась Россия, чем быстрее она превращалась в чисто азиатский мир, тем с большей симпатией и любовью русская интеллигенция, натерпевшаяся унижений за 200 лет европейского государства, целовала советскую власть в родную азиатскую задницу.

На самом деле я весьма далёк от наивной дидактики классической дихотомии «восток-запад», но следует учитывать особый характер слов «восточный» и «азиатский» в русских условиях. Если сравнивать современную Англию и Японию, то при колоссальных различиях в духовной жизни наблюдается паритет или даже некоторое преобладание Японии в области экономической и социальной. Но проблема России-это не столкновение на одном культурном поле Англии и Японии. Перед Россией другой выбор - между окраиной Европы и окраиной Азии, то есть выбор между Польшей и Афганистаном. Поэтому для русского интеллектуала возможно только грубое и последовательное западничество. Никакой компромисс между Западом и Востоком в России невозможен уже за отсутствием второй договаривающейся стороны. Переход на ругательства в предыдущем абзаце есть не следствие темперамента автора, а скорее бесстрастная констатация некоторого «положения вещей» в русской культуре, где слово «азиатское» всегда было ругательством, так что «европейскому ЛИЦУ» в виде антитезы противопоставлялась «азиатская РОЖА». В силу ряда исторических причин «Восток» в русских условиях является в значительной степени просто проявлением этнической и социальной дегене-

рации. Количество монголоидных черт в русском этносе последовательно увеличивается при переходе на более низкий социальный уровень. Преступность выше среди лиц с элементами монголоидности. Несмотря на значительный элемент метисизации, этнический тип монголоида для любого русского это уродливая и злая маска «татарина», которой противостоит идеал народной красоты – чистый, даже утрированно европейский тип.

«Азиатское» в России гораздо грубее и примитивнее, так как не имеет своего законченного развития, «вершины», отчасти кореллирующей коренящееся в основании уродство. В известном смысле отношение к высшим проявлениям человеческого духа в азиатской части культуры России даже грубее, чем на собственно Востоке. Русский материализм подчёркнуто груб, груб с надрывом и внутренним неприятием этого. Для русской интеллигенции характерно отношение к высшим проявлениям человеческого духа с точки зрения подчёркнуто-грубого утилитаризма, в стиле «товар принёс?», «деньги где?». На Востоке изначальный материализм дополняется иерархичностью, по крайней мере удачно имитирующей духовную жизнь – например, «культ учителя» в буддийских монастырях. Вестернизация Японии, кроме всего прочего, сопровождалась почтительным и даже благоговейным отношением к европейским учителям. Там совершенно отсутствовала характерная для России звериная ненависть к культуре, доходящая, по меткому выражению Бердяева, до «народнического мракобесия», когда в 70-х годах XIX, века интеллигенты призывали просто к отказу от образования и даже чтения книг. Эта ненависть, кроме всего прочего, сопровождалась настойчивым сведением конкретных проблем к метафизическим разглагольствованиям, что

с самого начала придало русской публицистике оттенок непрошибаемой глупости, подросткового гиперинтеллектуализма, призванного скрыть собственное невежество в вопросах конкретных. Это и есть демагогия в самом прямом и точном значении этого слова: вопросы религиозные и философские грубо обрываются в стиле «почём рысу купил», вопросы практической жизни заменяются примитивной болтовнёй и морализированием на отвлечённые темы (метко названной тем же Бердяевым «кружковой отсебятиной»). Разумеется, с самого начала подобное общество оказалось благодатной почвой для инъекции социализма – сначала как риторического морализирования на социальные темы, а потом и как известной социальной практики.

Струве по этому поводу заметил: «Русская интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс»...»

Но при этом он почему-то не остановился на подробном рассмотрении этих «особенных условий». Между тем ясно, что здесь под «особенными условиями» Струве подразумеваются пережитки азиатчины. То есть русская интеллигенция есть продукт взаимодействия социализма (коллективизма) с азиатским миром, точнее, применения (рецепции) социализма в азиатском мире. Социализм давал стиль для критики европейской культуры. При этом исчезла его риторичность и памфлетность, вполне ощутимая только при сопоставлении с другими элементами западной культуры, и остался стиль умничания, разрушающий, может быть, главную фору Запада – всеобъемлющий космополитизм, дающий

возможность сохранить лицо нации-ученику. Здесь была создана форма космополитического национализма, возможности национального вызова под маской всё того же космополитизма. Это идеологически очень важный момент. Социализм дал возможность критики западной культуры, так как его антиинтеллектуализм был скрыт под квазинаучной оболочкой. Здесь Азия получила инструмент идеологического оформления собственной «интеллектуальной неуспешности»: «не могу» можно было теперь более-менее удачно заменить на «не хочу».

Это очень важно, так как «нигилизм русской интеллигенции», отрицание высших идей, разрушение ради разрушения в значительной степени происходили из невозможности ясно сформулировать свой идеал. Дуализм русской культуры создал патовую ситуацию - место колониальной элиты было занято, но она не могла открыто сказать: перебьём белых чиновников и капиталистов и займём их место. При «национально-освободительном движении» это сказать можно. То есть сказать-то можно и в первом случае, но только во втором случае можно сохранить лицо, так как здесь правила неудачной игры изменяются не из ощущения внутренней ничтожности, а исходя из высших соображений огромной эмоциональной силы (освобождение Родины).

Своеобразным «протосоциализмом» в России было интеллигентское течение «народничества». Противоречия между европейской и азиатской культурами в России были настолько велики, что появилось мощное течение азиатского протеста. Но эти культуры были настолько переплетены, имели переходные ступени и т.д., что, возникнув как течение, и течение очень мощное, народничество просто не смогло ясно осознать, почему оно появилось и в чём его истинные цели. «Белых оккупантов» как бы и не

было. Не было метрополии, и как бы не было и колоний. Было лишь мощное, но размытое и ясно не формулируемое чувство колониального угнетения. Собственно, «тяжёлой атмосферы», о которой так ныли всё больше и больше (и именно после европеизирующих реформ 60-х). И которая была именно «неопределённая», «неуловимая». Хотелось разрушать мир вообще. Не захватить власть в городе, а сжечь города. Социализм чётко прорисовал вероятные мишени ненависти, дав возможность социальной демагогии. Если нельзя было сказать «прогоним белых чиновников, помещиков и капиталистов», то стало возможным сказать «уничтожим чиновников, помещиков и капиталистов вообще». Другое дело, что эта удачная формула таила в себе роковое противоречие. Возникал вопрос: «что дальше?», так как во втором случае уже нельзя было добавить естественное завершение: «...и займём их место». С одной стороны, здесь неизбежно возникал «бесконечный конвейер смерти» (потом действительно работавший, и работавший успешно), с другой - возникала, по-видимому, до сих пор не вполне понятая проблема социальной и культурной сегрегации. Такая форма антиколониальной революции уничтожала метрополию, но одновременно навсегда фиксировала колониальный, изначально вторичный характер нового общества. В этом смысле антиколониальная революция оборачивалась колониальной реакцией - видимо, неизбежный парадокс «самоколонизирующегося» общества.

Идея социализма как массового движения зародилась в эпоху расцвета капиталистического колониализма (вывоз сырья - завоз вещей). Маркс пристально рассматривал в «Капитале» взаимодействия между «мастерской мира» Великобританией и её колониями. В «Вехах» Франк подчёркивал распреде-

лительный характер социализма, в сущности бесплодного, ничего не производящего и целиком сосредоточенного на идее распределения. Это колониальный социализм. Важно не производство, а правильное распределение товаров, поступающих извне. Ничего не производится - всё перераспределяется - это основа колониальной экономики, таким образом изначально социалистической.

Так называемую социалистическую революцию в России можно считать последней великой европейской революцией, но одновременно и первой национально-освободительной революцией, положившей начало крушению системы капиталистического колониализма (3). Полуазиатская природа России привела к тому, что русская революция в отличие от классических европейских революций имела чисто распределительный, социалистический, а не буржуазный характер. В этом таится и её исключительная сила, намного превосходящая самые разрушительные революции Европы. Убойная сила буржуазной революции была возведена в квадрат «второй революцией» - революцией антиколониальной. Иррациональность ситуации увеличивалась тем, что для условий России была невозможна «правильная деколонизация».

Высший туземный класс колонии постоянно находится перед проблемой эмиграции. Хрестоматийный парадокс колониальной революции - колония борется с метрополией за свою независимость, но обрыв нитей с более развитой цивилизацией приводит к такому культурному и экономическому падению, что туземная элита (компрадорская буржуазия, чиновничество и интеллигенция) в конце концов вынуждена бежать в ненавистную метрополию. В XX веке эта схема осуществлялась с железной последовательностью в десятках государств, конеч-

но, с большим варьированием масштаба - от Индии, где кризис протекал в относительно мягкой форме (уход англичан создал скорее международные проблемы), до трагического исхода арабской интеллигенции из Алжира.

Двусмысленность ситуации в России заключалась в том, что русской метрополии не было. Петербург оказался грандиозным двухсотлетним блефом, потёмкинской деревней. Это до смешного облегчало антиколониальную революцию, но ставило вождей этой революции в очень двусмысленное и даже унижительное положение. Не имея реальной побеждённой метрополии, они были вынуждены её имитировать, создавая в свою очередь потёмкинскую деревню второго порядка - «враждебное капиталистическое окружение», якобы напряжённо думающее о судьбе будто бы взбунтовавшейся и обретшей независимость России. Собственно, первая антиколониальная революция была симитирована. Интересно, что впоследствии ВСЕ социалистические революции совершались путём грубой внешней инспирации. Как правило, в соответствующее государство просто вводились войска (Прибалтика, Восточная Европа, Китай, Корея и т.д.). В этом есть глубокая закономерность, и тут русская революция не может быть грандиозным исключением. Стоит вспомнить огромную помощь Германии и США, оказанную партии Ленина и Троцкого. В этом аспекте парадоксы внешней политики СССР, всё это сочетание бешеной злобы и детской доверчивости, шизофренического снобизма и униженного заискивания перед второстепенными западными миллионерами, вполне объяснимы. Сразу после захвата власти, не найдя метрополии, большевики стали её искать. Их идеал в этот период - временно, до победы мировой революции - стать колонией современного государ-

ства. Договорные отношения с Германией строились по чисто колониальной схеме: получение техники и специалистов из Германии, вывоз в Германию сырья. В этом смысле последующая борьба с Германией во второй мировой войне оборачивается продолжением борьбы с метафизической метрополией, а последующие идеи мирового господства уже кольцеобразно совпадают с исходной точкой. Советской культуре свойственно странное сплетение симпатии к Западу и чувства покинутости Западом, враждебности, чуждости. Из этого чувства рождается сильнейшая идея захвата Запада (которой, несмотря на все фобии европейцев, до удивления не было в царской России) - как обретения метрополии, отца. Собственно, вся история СССР - это «поиск метрополии» и соответственно героические усилия по превращению России в колонию. В подоплёке этого процесса лежат идеологические реминисценции фантазий русской интеллигенции - представьте себе, что Наполеон (I или III) превратил Россию в колонию. Тогда бы отечественная интеллигенция сохранила лицо, избавившись от мучающего её кошмара русского самозванства, и социальное «лезвие Оккама» было бы обращено на борьбу с внешним, а не внутренним «удвоением реальности». История стала бы ПОНЯТНА, цели ЯСНЫ.

Бердяев сказал: «Самое страшное в том, что утопии сбываются». К этому только следует добавить, что в максимальной степени сбываются неосознанные утопии: не вытесненные вовне в виде безопасных прожектов, а снящиеся. Человеческая история есть вереница последовательно сбывшихся снов. Увидев, что произошло с русской интеллигенцией, мы увидим, чего ей хотелось. А кроме иррационального стремления к смерти, ей, видимо, хотелось просто уехать из России. В результате революции и

гражданской войны наиболее пострадали русское дворянство и ультралевые аутсайдеры (с учётом того, что последние окончательно получили своё на 10-20 лет позже). Либеральная интеллигенция, которая и заварила кашу в феврале 1917-го, пострадала сравнительно мало - большая её часть благополучно эмигрировала. Николай II погиб страшной смертью, Троцкий - тоже. А Керенский благополучно дожил до 50-летия революции. Русские либералы оказались наиболее благополучной частью русского образованного слоя. Видимо, их неосознанной метафизической целью изначально являлась эвакуация из России. И они, единственные, получили от революции то, чего на самом деле хотели.

Западничество и славянофильство были умозрительными тенденциями, вылившимися в эпоху Николая II в соответствующую практику, а во время революции - давшими соответствующий результат. Подлинная позиция интеллигента в России - это постоянное балансирование между сциллой просвещённого авторитаризма и харибдой авторитарного просвещения. Снятием этого безвыходного противоречия могла явиться эмиграция или, точнее, эвакуация на Запад. Это и есть наиболее последовательное «западничество» как социальное действие. Между прочим, подобная эвакуация явилась бы и освобождением от себя, от собственной невольно разрушительной роли в русской истории. Если бы Владимир Ульянов, после казни брата и исключения из университета, взял и уехал навсегда из проклятой России в Северо-американские Соединённые Штаты, это была бы огромная помощь многострадальному русскому народу. Но Ленина заклинило на «проклятой империи Российской», и он, прожив в Европе 15 лет и ненавидя Россию лютой ненавистью, постоянно и напряжённо думал именно о русских

событиях: кого-то обличал, кого-то проклинал, кого-то обманывал, кому-то мстил.

Другой аспект проблемы: как можно было спасти Россию в начале века? - Быть может, просто разделом русской культуры и цивилизации на колонию и метрополию.

О проблеме эмиграции из России в XIX веке, если не считать нескольких памфлетов, не сказано ничего. В «Вехах» про бегство из России тоже ничего нет. Для интеллектуальной элиты, живущей в полуазиатской стране, которая только что пережила общенациональный кризис, «слабовато». Однако более того, проблема эмиграции не поставлена веховцами даже в послереволюционном сборнике «Из глубины», а это уже явная нелепость. После Брестского мира, краха экономики, развязывания коммунистического террора, распада России даже не поставить ВОПРОСА об эмиграции, к тому же накануне реального отъезда большинства веховцев за пределы РСФСР (из 7 авторов «Вех» 5 эмигрировало и 1 умер на юге России во время гражданской войны), это уже ошибка грубая. Точнее, не ошибка - при мышлении на таком уровне уже не бывает ошибок, - речь идёт о проявленности изначального дефекта духовной культуры.

Об этом дефекте уже говорилось выше: внутренняя жизнь русского «я» в значительной степени носит декларативный, театральный характер. Речь идёт не столько о внутреннем состоянии, сколько о «вживании в образ». Реальные человеческие проблемы заменяются проблемой их правдоподобного ситуационного воспроизведения, человек постоянно смотрит на себя «со стороны», постоянно обеспокоен, как он выглядит. Общевропейские ценности индивидуалистического существования остаются неизблемыми, но само индивидуалистическое су-

ществование личности не имеет ценности. Авторы «Вех» постоянно доказывали на страницах сборника необходимость разрешения кризиса идентичности русского «я», но никто не пытался разрешить этот кризис для себя лично. Наоборот, его разрешение пугало, ибо окончательно фиксировало магический круг одиночества, отделяющий «я» интеллектуала от «мы» интеллигенции. Расплата последовала немедленно. Пытаясь решить проблему вообще и решить наиболее ожидаемым способом, авторы «Вех» не смогли конкретно уяснить реальных задач, поставленных перед ними русской историей. Речь идёт не только и не столько о личной трагедии авторов «Вех». Ведь масштаб этого манифеста был гораздо больше - речь шла о путях развития всей России. Расплата за отсутствие личностного подхода поставила одновременно под вопрос и веховское «что делать»: позитивную культурную программу «Вех» - идею создания русской религиозной культуры, особой восточноевропейской цивилизации.

III

Крах русской государственности, произошедший в 1917 году, сопровождался общей неудачей «русской религиозной философии», оказавшейся неспособной реконструировать восточное христианство и создать приемлемый способ индивидуальной религиозной жизни для образованных классов предреволюционной России. Более того, сама эта задача в контексте последующих событий оказалась не только невыполнимой, но и изначально неправильной, приведшей к непроизводительной трате интеллектуальных сил, в условиях России весьма незначительных. Одновременно произошла окончательная дискредитация и самого православия как такового. Православие оказалось совершенно неспособным не только

к длительному отпору азиатской парамусульманской деспотии, но и просто к достаточно автономному существованию в условиях этнически, религиозно и политически чуждого общества (что вообще для религии не только возможно, но и характерно).

Здесь следует обратиться к личности основателя идеи «русской религиозной философии» - Владимира Соловьёва. Соловьёв один в скрытом виде соединял в себе всю будущую «философскую общественность» России. В его парадоксальной фигуре всё это сочеталось и ещё вмещалось. Соловьёв по своей жизненной задаче был гораздо выше всех авторов «Вех», вместе взятых. Он давал потенциальную возможность на русской почве индивидуалистической интеллектуальной культуре, пытался нащупать способ существования автономной русской личности. Но гениальной задаче, которую перед этим человеком поставила история, он дал если не бездарное, то посредственное, истерическое выполнение. «Веховцы» вместо пути развития синтетической личности Соловьёва, тона его жизни, пошли по пути развития его «учения», которое было в лучшем случае интеллектуальной стилизацией. Если бы последователи Соловьёва увидели в его судьбе жизненную драму русской индивидуальности, то есть собственную жизненную ситуацию, к тому же в отличие от его судьбы ещё не проигранную до конца, тогда ирония Соловьёва нашла бы свой стиль и оправдание - как ирония личности по отношению к личине русского общества. И далее в «Вехах», когда зашло уже далеко, - трещина этой иронии, всё разрастаясь и углубляясь, мало-помалу всё-таки привела бы к первоначально чудовищной идее отторжения от этого мира русского безумия - к идее ЭВАКУАЦИИ ИЗ РОССИИ.

Поскольку в смысле философском «Вехи» - это

развёртка программы Соловьёва, ошибки «Вех» есть лишь развитие ошибок Соловьёва. В этом смысле авторы «Вех» действовали даже правильно, логично. Соловьёв дал аксиоматизацию русской философии, «очертил круг проблем». Внутри этого НЕВЕРНОГО круга веховцы действовали верно, последовательно.

Кривые аксиомы Соловьёва являются следствием изначальной двусмысленности, даже комизма исходного состояния русского сознания. Он предпринял героическую попытку сохранить элемент наивности, естественности хода мысли, что для метафизики есть условие хотя и недостаточное, но необходимое. Как это ни парадоксально, заметный у Соловьёва оттенок неуважения к интеллигентному читателю обуславливался тем, что он просто не продумал фиктивности стоящей перед ним задачи. Собственно, он находился перед выбором «идеология или философия» и всё-таки выбрал последнее. В противном случае он бы сказал ПРЯМО: «Наша задача - адаптация православия к современной европейской культуре, сделаем это сознательно и «высоко», по крайней мере с некоторой дозой лицемерия» (которое у него по отношению к христианству БЫЛО). Тогда его учение свелось бы к канцелярской «бумаге» примерно следующего содержания:

«Учитывая, что до сих пор основная масса русского населения находится на крайне низком уровне культуры, с целью дальнейшего распространения просвещения и одновременно сохранения национальной самобытности следует, при сознательном ограничении критики православия, в то же время разработать формы индивидуальной жизни образованных классов внутри восточного христианства. С этой целью в Москве и Санкт-Петербурге необходимо организовать полуофициальные собрания для

вовлечения в культурную религиозную жизнь интеллигентной молодёжи, как дворянской, так и разночинской. Кроме того, необходимо открыть сословию священников доступ в университеты, учредить правительственные стипендии для развитых священнослужителей и принять тому подобные меры попечительного благоспешествования благоустроению русской православной церкви».

Вместо этого Соловьёв поставил вопрос о создании «Третьего Завета» и великом объединении православия с католичеством, протестантизмом и иудаизмом. Речь пошла о построении всемирной теократической империи, о «Философии всеединства», завершающей историю мировой философии, и т.д. Просто удачная попытка модернизации православия уже бы обессмертила имя Соловьёва и, может быть, спасла в XX веке от насильственной смерти десятки миллионов людей. Но Соловьёву, в сущности так и оставшемуся ребёнком, создание противочумной сыворотки казалось чем-то слишком частным и скучным.

В результате к началу века православие в России потерпело крах. Ситуация была гораздо хуже ситуации накануне Французской революции. Тогда образованные классы потешались над католицизмом вслед за высмеивающим его Вольтером. Православие накануне Русской революции высмеивать не надо было, и никто этим действительно не занимался. Это было ненужно по той простой причине, что оно было гомерически смешно само по себе.

В 1904-1913 годах в России была издана 12-томная «Толковая Библия» - первый опыт полностью откомментированного перевода Библии на гражданский язык. Это был итог многолетней работы профессоров духовных академий, рассчитанный не на рядовых мирян, а на интеллигентных верующих и свя-

щенников. О чём же писалось в этой квинтэссенции российской православной науки? Каков был её уровень? Стоит привести несколько цитат. Например:

«В выражении «в начале сотворил Бог небо и землю» употреблено слово «бара», которое по общему верованию как иудеев, так и христиан, равно как и по всему последующему библейскому употреблению, преимущественно служит выражением идеи божественного делания, имеет значение творческой деятельности или создания из ничего. Этим самым, следовательно, опровергаются все материалистические гипотезы о мире...»

«Библейская деталь о создании Евы из ребра Адама многим кажется соблазнительной и на основании её некоторые весь данный рассказ толкуют аллегорически (некоторые даже из отцов и учителей Церкви). Но самый характер данного библейского повествования, отмечающий с такой тщательностью все его детали (4), исключает здесь возможность аллегории».

При этом авторы комментариев не соблюдали даже логику своего мракобесия и то и дело прибегали к притянутым за уши «научным доказательствам», почерпнутым из гимназического учебника по природоведению:

«Превращение жены Лота в соляной столб есть действительный исторический факт. Предполагают, что в тот самый момент, когда жена Лота остановилась, чтобы взглянуть на город, она была охвачена разрушительным, вулканическим вихрем, который не только мгновенно в том же самом положении умертвил её, но и покрыл своего рода асфальтовой корой; с течением времени эта окаменелая форма приняла в себя целый ряд соляных отложений из образовавшегося здесь соляного моря и таким путём со временем превратилась в большую соляную глыбу».

Издание подобной «Толковой Библии», к тому же написанной на безобразном семинарско-фельетонном языке, было выражением полного духовного бессилия православия. Интеллигенция не доросла до «Проблем идеализма», она отказывалась от православия, а в русских условиях, следовательно, и от христианства как такового, ещё на скамье старших классов гимназии.

Эта девственная почва самой судьбой была уготована для азиатской галиматии большевиков, которые, в отличие от профессоров духовных академий, знали, что идеализм неверен не потому, что в Библии написано «бара», а что эту мысль ещё надо как-то доказывать, а также знали, что женщина не произошла от мужчины и что облепленной асфальтом и покрытой солью жены Лота не было. Большевики эту истину с провинциальной основательностью ПЕРЕЖИВАЛИ, ЖИЛИ ею, неся европейское откровение в рязанские и саратовские «аулы», очень просто и доходчиво объясняя миллионам людей, и эти миллионы слушали их раскрыв рот, потрясённые чудесами синематографа и «лампочки Ильича». Кроме всего прочего, большевикам просто искренне ВЕРИЛИ (да и как не верить: вскрыли святые мощи, а там кукла). Верили большевикам, а не Мережковскому, Флоренскому или Булгакову, потому что они не объясняли в брошюрах, а большевики объясняли. Пока русские мыслители от большого ума развивали «самобытную русскую религиозную философию», русское православие к началу XX века превратилось в религию круглых дураков.

При этом Соловьёв в своей идее «религиозной философии» не ошибся ни в масштабе (провинциальная мегаломания), ни в тоне (ироничном до срыва в цинизм или мистификацию). Соловьёв ошибся в исполнении. Он был плохим писателем и не смог со-

здать цепной реакции (гениальный одиночка - профессора университетов - гимназические учителя - преподаватели начальных училищ). Его могло бы вынести на литературном таланте, как Толстого, ибо, как и Толстой, он угадал верно. Но Соловьёв дал узкое направление «соловьёвства», по которому его последователи побрели в эмигрантское «послебытие». «Вехи» это правильное сужение масштаба соловьёвства - речь пошла уже «всего-навсего» о создании самобытной православной философии и о некоторой модернизации православной церкви. Тон также был скорректирован до зверски-серьёзного. Даже «специалист по молодёжи» Изгоев в «Вехах» крайне «сурьёзен». Все после Соловьёва действовали совсем не понарошку, но дело в том, что в ситуации с «православием» интеллектуалу нельзя было действовать совершенно серьёзно.

Православие было настолько отстало, что атеизм в России был неизбежен. Если чудовищный удар по католицизму, нанесённый европейским просвещением и далее утилитаризмом XIX века, был выдержан европейской цивилизацией с огромным трудом, то слабое и духовно незрелое православие смело за полвека. Христианский сентиментализм Достоевского был слабо связан с полуазиатским духом православия, а православие Леонтьева было слабо связано с современной (послепетровской) русской культурой, насквозь сентиментальной. Некоторое ПОДОБИЕ новой православной культуры можно увидеть далее - в тщедушных стилизациях русского модерна (Васнецов и Флоренский), но это лишь некоторая ИЛЛЮЗИЯ, что и характерно для художественного вообще творчества, и уж, конечно, для творчества модернистского.

Собственно Россия из-за православия была наиболее потенциально близка к атеизму как господ-

ствующей идеологии, и это осуществилось. Булгаков с ужасом восклицал в «Вехах»: «В русском атеизме больше всего поражает то религиозное легкомыслие, с которым он принимается». Но слабость русской культуры выразилась не в том, что атеизм был легко или трудно ПРИНЯТ, а в том, что он не был СОЗДАН, выстрадан. Западный атеизм был в конечном счёте ядовитым, но естественным плодом того же христианства (на это указывает тот факт, что совершенно отсутствует мусульманский, индуистский или буддистский атеизм), и здесь Запад получал шанс сопротивления, что ему с величайшим трудом и изворотливостью всё же удавалось. Но от православия западный атеизм вообще мокрого места не оставил. Булгаков сетовал, что ветвь материализма и атеизма была искусственно пересажена на русскую почву и вне уравнивающих и дополняющих его ветвей западного древа познания разраслась в смертоносный анчар. При этом он не обратил внимания, что ветвь была пересажена всё-таки не в пустыню (иначе бы она и не прижилась), а в очень благодатную почву. Этой почвой было православие – религия достаточно западная, чтобы принять семя атеизма, и религия достаточно восточная, чтобы не оказать ему интеллектуального сопротивления. Западный атеизм православию обрадовался, стал вращаться в него с радостным хрустом. Ведь, кроме всего прочего, в России не только христианство было крайне архаично, но практически полностью отсутствовало гуманистическое наследие греко-римского язычества.

Неудивительно, что русская революция сначала сопровождалась триумфом православия. Восстановление русской патриархии чуть ли ни день в день совпадает с большевистским переворотом, что далеко не случайно. Существует последовательность

исторических событий, и выборы русского патриарха лишь на первый взгляд выпадают из общего вектора. Лишь на первый взгляд здесь явный парадокс – восстановление исторической преемственности посреди всеобщего разрушения России. Всё встанет на свои места и выстроится в логическую цепочку, если рассматривать одновременный выход на историческую сцену предсовнаркома и патриарха как разные проявления одного геологического процесса – азиатизации России. Святейший Синод был осуществлением контроля европейского государства над полуазиатским христианством. Вообще сила русских проявлена в государстве. Русские по преимуществу народ не религиозный, а государственный. На Западе существовал дуализм христианства и светской власти, которая тоже носила коррелятивно религиозный (языческий) характер. В России амплитуда маятника между светской и религиозной властью была исчезающе мала, и русская личность до петровских реформ погибала от гипотонии ещё до своего окончательного рождения. Однако в России всегда речь шла о превалировании светской (государственной) власти над церковной. Европеизация вызвала не религиозную оппозицию, а полное подчинение полуазиатской церкви светской власти. И соответственно наоборот, разрушение европейского государства вызвало церковную автономию. Показательно, что русская церковь в эмиграции так и не стала серьёзной опорой русского сопротивления. Так же как и подсоветская церковь, карловчане были заморожены приманкой автономной от государства патриархии, поэтому они не воссоздали Синод русской православной церкви в изгнании и потеряли правопреимственность с дореволюционным православием, проиграв вроде бы идеологически беспроясненную ситуацию.

Характерно также, что даже будучи в XX веке поставлена судьбой в положение идеологически крайне выгодное: в благородное и столь сообразное духу христианства положение «гонимости», православие оказалось интеллектуально и духовно бесплодным. В смысле не страшной человеческой трагедии, а трагедии духа, православие нельзя сравнить ни с трагическим кризисом протестантизма, ни даже с трагикомедией разваливающегося католицизма в XIX-XX вв. Все значительные культурные явления в духовной жизни современной православной церкви и религиозной православной мысли произошли за счёт вторичного воздействия западного христианства и не имеют самостоятельного значения. Конечно, католичество и протестантизм испытывали и испытывают к православию огромный интерес, порождённый сложными чувствами и прежде всего исключительной притягательностью ситуации одновременной внутренней близости и инакости религиозного опыта. Но вне этого интереса православие не развивается и не может развиваться в рамках и на уровне религиозной философии. «Русская религиозная философия», как показала история, совершенно бесплодна, и таким образом является в конечном счёте ошибкой, свидетельством интеллектуальной неталантливости русского этноса.

Религиозная философия и САМА ПО СЕБЕ является нонсенсом, но в контексте адаптационной культуры католичества с его полуторатысячелетним прошлым культурного универсума Европы это можно воспринимать серьёзно. Православие же интеллектуально влачило существование в постепенно, но неуклонно деградирующей Византии, затем прозябало на мусульманских задворках цивилизованного мира. Религиозный раскол в России XVII века знаменовал собой гибель православия как государствен-

ной культуры. Пётр I был вынужден отказаться от православия как культурной основы и институционально подчинил его государству, потому что оно полностью себя дискредитировало и было интеллектуально мертво. Всё новое время Россия со своим замороженным секуляризацией православием находилась в гордом одиночестве. Православие греков, болгар и сербов было действительно нечто отсталое и убогое, отчего даже у знакомых с ситуацией на Балканах славянофилов опускались руки (ср. высказывания по этому поводу Леонтьева или Булгакова). Это религия балканских крестьян, наивная и вульгарная, или форма жизни провинциального горожанина на окраине Европы, носящего христианство как медаль, свидетельствующую о его приобщённости к великой европейской цивилизации: «Он не только гражданин азиатского турецкого государства, он с политесом - европеец». О грузинской православной церкви лучше не говорить - это уже джигитовка, «рубка лозы». Никакой мысли, тем более философии православной не было. И вот в этих условиях на хрупкие плечи только зарождающейся русской мысли, толком не прошедшей даже философского атеизма XVII-XVIII веков, была взвалена непосильная задача создания религиозной философии. Изменение духовного плана русской цивилизации, переориентация её в сторону субъективного и автономного само по себе было необыкновенно трудно, но это к тому же предполагалось осуществить в самой трудной, в самой экстравагантной форме.

Собственно, в мировой истории мы находим лишь один пример подобного процесса, вызванный уникальным переплетением исторических и культурных событий - речь идёт об эпохе патристики. Как известно, эпоха учителей церкви была на самом деле

творческим периодом христианства, когда христианство, собственно, создавалось. С точки зрения античной культуры это было гениальное отступление Рима, наголову разбитого, но правильно отступающего и сохраняющего хоть что-нибудь. Это и есть один из главных признаков цивилизации - умение правильно отступать, правильно проигрывать. Рим, проиграв почти всё, сумел что-то сохранить перед хлынувшей из всех щелей разошедшейся империи азиатизацией жизни, а затем и германским завоеванием. Германцы были темны и невежественны, но они были европейцами - высоколобыми варварами с потенциальным интересом к личности, к индивидуальности человеческого «я». Не понимая великую культуру античности, они могли вполне понять лепет христианства, но, кроме сохранения скрытого в христианстве Аристотеля и Платона, Риму удалось «перефокусировать» ментальность новой варварской цивилизации, внушить необыкновенный интерес к интроспекции, самоуглублению, интерес к личной духовной жизни. В германцах была гениально почувствована слабинка - трещина в хитиновом панцире коллективистского насекомого. И туда капнули кислотой христианства. Немцы сами себя переварили, и создалась Великая Европа. В Западной Римской империи это удалось. В Восточной - в конечном счёте нет. Перед русской мыслью, собственно, стояла задача СОЗДАНИЯ православия, которого как религии «образованных белых людей» просто не было, как не было христианства в I-II веке. На заре развития русского сознания, в творчестве славянофилов этого не понималось. Соловьёв, впервые соединив разрозненные мысли славянофилов в нечто целое, если и не понял, то почувствовал двусмысленность ситуации - во второй-то половине XIX века. Отсюда его дурашливость, неопрятная и тя-

желовесная ирония - безвкусная даже для русского «серебряного века» с его неистребимым комедианством и ненастоящестью. Он видел ЗАМЫСЕЛ и понимал хотя бы отчасти его нелепость, неизбежность и ненужность. В значительной степени соловьёвство (в личности самого Соловьёва и далее в лице его декадентствующих последователей, вроде Флоренского или Вяч. Иванова) было интеллектуальной игрой, наслоившейся на действительно высокую трагедию, трагедию гибели духовно слабой религии в псевдомодернистском обществе притворяющегося Западом Востока.

Между прочим, задача модернизации православия из-за тысячелетнего опоздания неизбежно приводила к вывернутому наизнанку католичеству. Но идея католичества фонтанировала полторы тысячи лет, в католичестве присутствовала ИЗБЫТОЧНОСТЬ: заставили инженеров высочайшего класса делать кочерги - они сделали, всё что можно и даже больше - телескопические, с инкрустацией, невидимые, декоративные, квази-, псевдо- и, наконец, антикочерги. Естественно, русское православие, утверждая себя постоянно как НЕкатоличество (просто чтобы отстоять и утвердить своё право на существование), неизбежно становилось АНТИкатоличеством, то есть чем-то как раз совсем неоригинальным, так как коррелят католичеству был давно порождён в виде западноевропейского масонства. И София Премудрость Божия и тому подобные самобеглые произведения русского ума, увы, есть лишь кальки с западноевропейского масонства XVIII-XIX вв. Великий Соловьёв опять же это сознавал, например, читая панегирики Конту, которого он всерьёз предлагал объявить православным святым(!), что, конечно, было невозможно сделать всерьёз и что таким образом придавало всему соловьёвству

некий оттенок, вполне прослеживаемый основателем «учения», но совершенно невидимый учениками и последователями.

В «Вехах» с наивной гордостью говорилось о том, что русская метафизика в своём главном русле всегда носила религиозный характер. Это было действительно так, и, может быть, действительно и далее следовало бы стремиться развивать русскую мысль в этом направлении. Другой вопрос, в «Вехах» не поставленный, - есть ли это путь наиболее плодотворный и здоровый. Ведь философия смертельный враг любой религии - в этом и очарование религиозной философии - в её невозможности. Неотомизм есть положительно невозможная философия - но он существует, и в этом его особая прелесть. Но это частность. В русской философии проблему решили до смешного просто - «будем религиозную философию развивать» (5). А как же трагедия человеческого духа, как же смерть Сократа, слёзы Паскаля, безумие Ницше? И русские философы повисли со своей «софиологией» на первом же суку - европейского философского иррационализма XVIII века (с которого, кстати, и началась философская мысль России - ещё чисто подражательная и полужностранный.) Получилась всё та же кружковая доморощенная философия, но уже не позитивистская, а религиозная. Во времена славянофилов это было терпимо, даже неизбежно, для XX века - «мимо»: «Шёл в комнату - попал в другую». Ошибка не в личностях - достойная трагичная судьба о. Булгакова, например, вызывает уважение, но ЭТО НИКОМУ НЕ НУЖНО. Вся русская религиозная философия именно в своих религиозных аспектах разрушается Вольтером и Дидро, уровня религиозного вольномыслия которых не было в России даже спустя столетие. Это религиозная философия при

полном отсутствии нерелигиозной философии и даже философии антиклерикальной (что должно естественно дополнять картину в виде «адвоката дьявола»).

Бердяев отчасти осознавал это, обращая в «Вехах» внимание на слова Соловьёва о том, что «русским свойственно принижение разумного начала». Но при этом он заявил, что «между тем русская мистика, по существу своему очень ценная, нуждается в философской объективации и нормировке в интересах русской культуры». Заявил, совершенно не объяснив, как и, главное, зачем выполнять эту самопротиворечивую программу? Во всём мире мистика чужда философии и возможно лишь их рудиментарное и фрагментарное соединение, а у нас именно из-за слабого развития интеллектуальной культуры философы должны заниматься рационалистической стилизацией мистического опыта. Бедный философ и сам не понял всей глубины предстоящего сарказма истории, написав далее:

«В последнее время начинается поворот <русской интеллигенции к мистике>, и есть опасение, чтобы в повороте этом не обнаружилась родственная вражда к объективному разуму, равно как и склонность самой мистики утилизировать себя для традиционных общественных целей».

Количество интеллектуальных ходов всегда ограничено. Огромные усилия нации были потрачены на осуществление пускай и грандиозной, но безумной и совершенно невыполнимой задачи. Последующие события ответили на вопрос, можно ли позволить себе поэтический мистицизм, не кончив гимназического курса, да и нужно ли, этого ли не хватает. Можно ли делать культурную ставку на высшие достижения, а не на здравый смысл среднего уровня.

Была ли упущена синица? Наверное, да, если вспомнить, например, судьбу Питирима Сорокина,

вышвырнутого Лениным из России и ставшего отцом американской социологии. Собственно, его злые и верные статьи 20-22-го годов знаменовали собой начало социологии в России. Показательно, что оригинальная русская социология, сам стиль «социологии по-русски» был наконец выработан тогда, когда русские потеряли своё государство и были совершенно и почти навсегда отлучены от русской социальной жизни. Иллюзии кончились - дебют русской социологии начался с того, что Сорокин написал: во время революции и гражданской войны был перебит офицерский корпус и изменился сам антропологический тип русского человека. Если бы веховцы сказали в 1908-м, что анализ духовной жизни России со всей очевидностью и вполне однозначно приводит к страшному выводу: «Создать на подобных основаниях дееспособную культуру НЕВОЗМОЖНО». Может быть, это и послужило бы первым реальным шагом к созданию русской философии. Но авторы «Вех» испугались даже мелькнувшего намёка на возможность такого вывода и стали всячески открепиваться от знаменитых слов Гершензона: «Между нами и нашим народом - иная рознь ... он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом... КАКОВЫ МЫ ЕСТЬ, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной»,

«Вехи» объединяет с самыми крайними революционерами отношение к России - полное неприятие. Исходя из этого отношения, революционеры постановили уничтожить Россию, что и было сделано. Веховцы постановили Россию изменить - что не было сделано и не могло быть сделано. Зато можно было вынести эту невыносимую Россию за скобки. Это

было бы и личной удачей, если посмотреть на проблему с точки зрения «грубой реальности», - просто выезд всех веховцев за границу за десять лет до революции сделал бы этих людей менее несчастными. Кистяковский не погиб бы во время гражданской войны, Булгаков не потерял бы своего сына, Гершензон, наверное, не совершил бы страшной ошибки интеллектуального предательства и т.д. (6). И МЫСЛЬ БЫ СОХРАНИЛАСЬ, русская аристократия духа действительно стала бы аристократией, кастой, что только и возможно в глупой России, где европейский логос всегда будет поставлен в положение аристократическое (или аутсайдерское) просто из-за малочисленности его носителей. И это не есть позорное бегство - отделение есть создание, отделив себя, интеллектуальная элита получает инструмент и право на реконструкцию. Реконструкция в России только и могла начаться с эвакуации. По крайней мере с постановки проблемы эвакуации.

IV

В 30-40-е годы произошло постепенное угасание русской эмиграции и инерционное разрушение марксизма, который оказался последним прибежищем автономного мышления на территории России. Марксизм был наиболее близкой к азиатскому коллективистскому восприятию философией, философией «экономического цинизма», низводящего личность мыслителя до безликого «производителя идей», впоследствии приобретаемых потребителями для идеологической наркотизации, призванной этически оправдать их неизбежно социально безнравственное поведение. Попыткой вторичного производства со стороны марксизма определённой «идеологии», призванной обслуживать своеобразно по-

нимаемые интересы потребителя, явились течения «сменовеховства» (7) и «евразийства» - политико-философские конструкции, специально собранные для экспортных нужд советского государства на сумасшедшей фабрике коммунистического марксизма. Это чрезвычайно интересное явление, так как здесь в концентрированной и символической форме выявляются некоторые основные качества русской культуры, её схематизм, мертвенность и декоративность - правдоподобность, доведённая до такой неправдоподобной степени, что постепенно превращается в правду и ставит таким образом своего создателя в трагикомическое положение ученика чародея, научившегося вызывать демонов, но не умеющего ими управлять. «Освоив» марксизм, русские попросили его создать несколько полезных вещей. Марксизм нарисовал грубые и совершенно бесполезные декорации сменовеховства, а потом сожрал своих наивных хозяев. Вся зловещесть этого «происшествия» станет ясна, если мы обратимся к происхождению самого марксизма - здесь интеллектуальные эксперименты русских выглядят карикатурным повторением трагедии западноевропейского мышления нового времени, так сказать, «склонности мистики утилизировать себя для традиционных общественных целей».

Евразийство - было первой «идеологией» русского государства, первой идеей, специально сконструированной для кого-то с целью сознательной дезориентации и использования. Характерно, что сам по себе социализм как социальная практика не нуждался в идеологии. Внутри России потребителей сколько-нибудь сложных мифологических конструкций не осталось, и евразийство изначально создавалось для внешнего потребления. Социалистическое общество могло мыслить и каким-либо челове-

ческим языком объяснять и утверждать себя, вообще жить филологически - только вне себя, за пределами СССР, причём это мышление должно было быть априори фальшиво, должно было быть сознательным обманом. Но поскольку, кроме этого обмана, ничего не было, то тут провела работу сама мать-природа. Так как у марксизма взятого отдельно по себе никакой рефлексии, никакого осмысления себя быть не могло, то евразийство, сконструированное ОГПУ, это и есть единственная идеология марксизма, так что применение марксистского метода на практике и оборачивается его онтологической сущностью. Ведь идеология в марксистском смысле этого слова и есть не что иное, как сознательный обман со стороны «господствующего класса».

Евразийство похоже на современный ему национал-социализм, с той только разницей, что действия советского государства совершенно не нуждались в каком-либо оправдании или даже объяснении. Евразийство оправдывало и объясняло действия по азиатизации России, но оправдание и объяснение нужно только европейскому сознанию, его же как раз и искореняли. Поэтому евразийство в сущности является издевательством - объяснением уничтожаемым европейцам, почему их следует уничтожать. Национал-социализм был псевдоазиатизацией Европы - временной реакцией на крушение её восточного фланга. Лозунг Гитлера - борьба против внутренних (евреи) и внешних азиатов азиатскими методами прямого подавления. Это несвойственная новой Европе переоценка Азии, возведение её в ранг противника, а не колониального материала, то есть отказ от основной идеи колониализма: «не соперничество, а использование». Если евразийство соединить с государственной риторикой СССР, мы полу-

чим стиль гитлеровского национал-социализма. Но фашистам надо было постоянно объяснять и оправдывать свои действия, и в этом была их необыкновенная слабость. Фашизм разработал достаточно разветвлённую идеологическую систему, позволившую стать более-менее фашистом даже Хайдеггеру, но фашизм был наивен, в него действительно «верили», а следовательно не могли принимать ситуационно выгодных решений за рамками идеологических догм.

Советский материализм удачно сочетал в себе фанатизм религиозной секты с прагматизмом современной капиталистической демократии. Национал-социализм при сравнимом уровне твердолобости сильно проигрывал интернационал-социализму в уровне утилитаризма. Поэтому именно Сталин, а не Гитлер привлёк на свою сторону западных союзников. Социализм как социальная проекция материализма оказался гораздо мощнее, так как был первой в мировой истории «внеидеологической идеологией», исходящей из чистого бихевиоризма. Последовательный материализм естественно должен переступать и через материалистическое учение как тоже идеальную конструкцию. Но с другой стороны, в смысле метафизическом социализм оказался с самого начала мёртв, и Россия в XX веке, противопоставив себя «старому миру», не создала «НОВОГО мира» – жизнеспособной мифологии, упрямо объясняющей мироздание со всеми его частностями и производными «иначе», не «так», а «ЭДАК», «наперекосяк».

По своей сути социалистическая идеология была фиктивна. Можно легко представить молодого неглупого немца, звонко барабанищего на вступительных экзаменах в высшую школу гестапо ответы на доставшиеся вопросы:

1. Грабительский Версальский договор.

2. Примеры антиарийской пропаганды в берлинской прессе 1932-1933 гг.

3. Коминтерн как орудие сталинского террора на международной арене.

Но совершенно невозможно представить себе молодого неглупого русского, который в здравом уме и твёрдой памяти стал бы всерьёз отвечать по пунктам:

1. Брестский мир как блестящая победа ленинской внешней политики.

2. Разоблачение ВКП(б) троцкистско-зиновьевской банды фашистских двурушников и шпионов.

3. Сталин о задачах стахановского движения.

(Кстати, КОГО набрали по такому критерию в советскую тайную полицию, неплохой вопрос для начинающего социолога.)

Социализм построил общество с вроде бы существующими личностями: учёными, писателями, деятелями искусства. Но реально ответить всем этим людям (в рамках того мира, в котором они живут) можно только одной стандартной фразой: «А что я тебе могу сказать? Я твоего дела не читал». Личность в таком обществе не важна - важна роль. Говорить о сущности роли можно только с главным режиссёром. Однако выясняется, что главный режиссёр давно умер и спектакль продолжается по инерции, просто потому, что актёры слишком «по-станиславскому» вжились в образ. Более того, вы с ужасом убеждаетесь, что у советской пьесы нет автора. Ещё можно говорить о подлинном авторстве единственного советского романа, удостоенного Нобелевской премии, но евразийство даже не украдено.

При знакомстве с текстами евразийцев бросается в глаза декларативность, полная укладываемость в две-три фразы. Больше всего это напоминает «ле-

генду» прилежного диверсанта (8). «Эвакуировался в тыл, отстал от эшелона». Многочасовые допросы никакой новой информации не добавляют. Из подвала доносится всё то же монотонное бубнение. «Отстал от эшелона. Не помню. Эвакуировался в тыл». В первых строчках евразийских статей размашистой кистью провинциального журналиста рисуется грандиозная панорама: «великая равнина», «континент Евразия». Хорошо. Заинтригованный читатель ждёт, «что дальше». Но, увы, - дальше ничего нет (9).

Марксизм есть экономический материализм. Но что такое экономический материализм, вообще ЭКОНОМИЧЕСКАЯ философия? Тут дело совершенно не в экономике. Большевики за полгода развалили народное хозяйство до основания, бездарно разогнали Учредительное собрание, поставив себя в изоляцию и от сочувствующей им русской интеллигенции, разорвали дипломатические отношения почти со всем миром, и ДАЖЕ НЕСМОТРЯ НА ЭТО победили. Значит было колоссальнейшее преимущество, которое не только покрывало чудовищные недостатки, но и давало фору. За те же полгода большевики, будучи совершенными дилетантами, на совершенно пустом месте создали чудовищный аппарат тотального сыска и развернули массовый террор. Первые осмысленные акции советской власти:

6 июля 1918 года - провокационное убийство германского посла графа Мирбаха (предательство германского союзника, явно проигрывающего Антанте);

7 июля 1918 года - разгром спровоцированного мятежа левых эсеров (создание временного алиби в глазах ещё сильной Германии и полная узурпация политической власти);

16 июля 1918 года - убийство Николая II и наследника (уничтожение естественных лидеров белого движения и окончательная компроментация в

глазах образованного класса России «заваривших кашу» деятелей февральской революции);

30 августа 1918 года - инсценировка покушения на Ленина (10) и начало «красного террора» (уничтожение русского городского населения).

Вот обратная сторона «принципиально непрактичной» деятельности русских интеллигентов. Далее всё шло по нарастающей. Символом политической деятельности большевиков является увенчивающий гражданскую войну расстрел белых офицеров. После разгрома Врангеля примерно половина белых офицеров (45 000) остались в Крыму. («Родина слышит, Родина знает». «Родина - простит».) Тогда появилось низкорослое кривоное существо с вежливой китайской улыбкой: «Галаздане афицелы, вама неабахадима залегестлиловаца, э-э, для палуцэния пасобия» (11). Офицеры зарегистрировались. Их взяли и расстреляли из пулемётов. Это суть всей 70-летней деятельности большевиков - коварные «двухходовки». Поражает не «глубина расчёта», всегда примитивного, а последовательность. Последовательность животного или даже механизма, бездушная, беспощадная, не оставляющая никаких шансов, никакого «счастливого случая». Зарегистрировались - расстреляли, зарегистрировались - расстреляли. И так 70 лет. Все обвинения большевиков в жестокости нелепы, как нелепо обвинение в кровожадности хищного насекомого. Он «надыбал» себе ноу хау: укол яйцекладом в нервное сплетение гусеницы - откладывание яичка - вылупление из яичка личинки - выжирание личинкой гусеницы изнутри - окукливание и вылупление взрослой особи - спаривание - укол яйцекладом в нервное сплетение гусеницы. И всё - этот «экономический материализм» продолжается миллионами лет. При чём здесь «философия» какая-то? Сама постановка вопроса уже смешна.

В «Вехах» чудики дали на себя информацию миру, который убил в последующие десятилетия 60 миллионов людей, для которого человеческая жизнь уже не значила ничего, так что сообщения о массовых расправах звучали скорее как сообщение синоптиков - «прошли дожди», «выпал снег»: «К концу декабря была очищена территория Тамбовской губернии». В «Вехах» русские интеллектуалы сказали:

1. Россия есть периферия культурного мира, и европейское начало здесь слабо.

2. Следовательно, вместо развития слабого европейского начала надо создать самобытный западно-восточный мир.

(При этом веховцы не акцентировали внимания на другом варианте - на варианте последовательного и упрямого западничества, которое по мере своего развития встречало бы всё более сильное сопротивление и поставило бы в конце концов его проводников перед проблемой эмиграции. Эту страшную мысль веховцы просто вытеснили в глубь сознания.)

Сначала подобный вывод вызвал у русской интеллигенции взрыв негодования (зарождающееся сознание начинает с ненависти к себе). Но через десять лет победившей Азией было подхвачено: да, создадим, и именно самобытную русскую цивилизацию, но... для дезориентации белых дьяволов. Русская «почти Азия» вместо укрепления Европы решила поиграть на контрастах, стать не частью, а целым. Советская «почти Европа» пришла к тому же выводу. СССР - это хитрая Азия, искушённая Азия. До 1917 года Россия вместе с Австро-Венгрией замыкала цепочку великих европейских держав. После 1917 вместе с Японией она открывала список великих держав, правда, азиатских (12).

В «Вехах» сказали, а русская реальность подхватила под белы ручки и повела упирающихся

задохликов семимильными шагами. Уже первый съезд евразийцев в Берлине (начало 1925 года) проводился на деньги ГПУ, многие лекции на нём читали шпионы и диверсанты, которым придумали «интересные мысли» (автора!) и которые они выучили вплоть до «полемики»: «Ты будешь говорить то, а я тебе возражать это». После же использования большинство евразийцев вывезли в СССР и расстреляли.

То, что в «евразийстве» философская программа «Вех» нашла своё пародийное воплощение, есть лишь частное следствие общей закономерности. В конце концов вся история русской мысли есть идиотическое воплощение чьих-то аллегорий. Всегда грубое материальное воспроизведение иногда весьма тонких идеальных конструкций. Деревенский мужик поймал маленькому Володе Набокову бабочку, держа дешёвую капустницу жирными пальцами за сложенные крылья: «У нас бабочек этих» - это идеальный символ услужливости русской истории. Сущность русского социализма проста до издевательства. Барин прочёл басню Мандевиля о пчёлах, позвал своего пасечника: «Стёпка, трутней в тряпку собери и кипятком ошпарь». Механизм улья испортился, пчёлы сдохли. Восточная бездарность - органическая неспособность что-то выдумать, создать, «сделать из ничего» сопровождается у русских европейской предприимчивостью. Восточный традиционализм, спасающий от «неудачного новаторства», в России крайне слаб. У русского дурака постоянно «свербит». На пустом месте он развивает бешеную энергию - пляшет на похоронах и рыдает на свадьбе. В сущности, занимаясь распределением «ничего». Самое оскорбительное, доводящее русского до бешенства - это сопротивление распределяемого материала. В античности творчество уподобляли припоминанию вечно существующих идей, которые изна-

чально, вне времени, человек знает, но временно забывает, попав в воронку временного круга. Врождённый материализм русского приводит его к отождествлению идей с конкретными людьми и предметами. (Соответственно, Абендланд превращается для него в Аидланд платоновского царства теней.) Когда предметы сопротивляются манипулированию, а люди начинают уклоняться от подчинения его воле, русский воспринимает это как мировую несправедливость, как нарушение мировой гармонии и стремится восстановить порядок, начиная сопротивляющийся материал уничтожать. Срыв хлебозаготовок он понимает как разрушение вечной платоновской идеи хлеба, которую проклятые кулаки «не отдают». В России очень любят носителей идей, но мёртвых. Мёртвых легко распределять, вокруг них легко плясать и плакать – они не побьют и вообще не сделают уже ничего десяткам, сотням и тысячам кормящихся вокруг них бездарных захребетников – русских интеллигентов. Жил поэт Гумилёв, писал стихи. Стихи замечательные, нравящиеся, но их автор был опасно жив. Гумилёва убили, потом запретили, потом простили и разрешили. Сожгли его книги, затем опубликовали его рукописи. Наградили его палача, потом расстреляли. Зарыли труп Гумилёва в землю, вырыли, снова зарыли в другом месте, снова вырыли и т.д. и т.п. И этот унылый русский спектакль с эксгумацией трупов, обливанием их кислотой, облепливанием черепов умерших пластилином, перезахоронением, наказанием и реабилитированием людей, к которым наказывающие не имеют никакого отношения, ибо для них они просто являются идеями, которые они порют, как выпорол неправильное море знаменитый персидский царь, намекнув тем самым, что древние персы тоже немножко европейцы, тоже способны к деятельно-

му умозрению, - этот унылый русский спектакль ужасающ и вечен.

V

Русский образованный класс совершил в 1917 году такую страшную ошибку, что выжившие после февральского эксперимента акушеры русской демократии последующий период своей жизни прожили в состоянии непрекращающегося идеологического визга. Речь уже не шла об оправдании «перед кем-то», важно было убедить в правильности своих действий самих себя. И не потому, что это было важно для достижения каких-то целей, а просто СТРАШНО БЫЛО. Визг шёл на одной высокой и более чем фальшивой ноте - «царизм виноват!».

Действия русской интеллигенции были чудовищны. К февралю 1917 года успехи русского государства были очевидны и грандиозны (собственно, поэтому интеллигенция и пошла на риск государственного переворота во время мировой войны). Россия являлась единственной европейской страной, не отрезанной войной от сырьевой базы - война на истощение была России выгодна. После наступления Брусилова в 1916 году у Четверного союза не осталось военных средств для широких наступательных операций на Востоке. Русские войска готовились к захвату Константинополя и Будапешта. По договорам с союзниками Россия после окончания войны аннексировала черноморские проливы и устанавливала полный контроль над Восточной Европой. Крах Четверного блока в течение максимум одного года был очевиден, но, кроме того, 3 февраля 1917 года США приняли окончательное решение об объявлении войны Германии. Русская интеллигенция решила - ПОРА. После предварительных согласований с западными союзниками (поездка «представителей

русской общественности» в Лондон в 1916 г.) она решила взять власть в свои руки. Речь шла не о свержении власти Николая II, а о социальной революции, об отстранении от власти целого сословия — сословия русского дворянства, давно отказавшегося от своих привилегий, но имеющего несчастье «занимать место». Была разгромлена система министерств: уволены и частью посажены в тюрьму министры и их заместители, началась перетасовка министерских коллегий, чистка аппаратов. Новыми министрами были назначены странные люди, не имеющие реального опыта управления государством. Через один-два месяца их сменили люди ещё более странные, потом ещё, и наконец, незадолго до прихода большевиков, произошла четвёртая смена министров, которые по уровню своей некомпетенции приближались к ленинскому «совнаркому». Уже первая смена нового кабинета министров вызвала панику и полную дезориентацию центрального аппарата управления. К ещё более губительным последствиям привело смещение власти на местах. Прошла замена всех губернаторов, местных судебных органов и т.д., причём в провинции власть захватывали явные шарлатаны и самозванцы, часто вообще не имеющие опыта работы в каких бы то ни было организациях (13). Величайшее государство мира было разгромлено за ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ. К началу осени 1917 года русское государство было совершенно недееспособно...

По этому поводу можно было бы сказать многое, но достаточно произнести одну фразу: трудно представить тот уровень мракобесия и невежества, которого достигла русская интеллигенция за несколько десятилетий своего «самобытного» развития.

В «Вехах» наиболее неприятное впечатление оставляет христианская риторика, особенно режущая

слух из-за литературной неударённости авторов. При помощи мастерского владения словом можно было по крайней мере замаскировать совершенную неприложимость устаревшего мифа христианства к реальной России начала XX века. Конечно, поэтика христианства даёт сообразное мифологическое воплощение мистерии человеческой жизни во все времена и для всех народов, но вне художественного творчества невозможно приложить, скажем, миф Эдипа для выявления и снятия эдипового комплекса. Эдипов комплекс невозможно объяснять встав на позицию Эдипа, для этого надо встать на позицию психоаналитика. Поэтому все попытки проповеди со стороны веховцев производят тягостное впечатление полной неуместности. Читателю становится в конце концов стыдно за авторов, срывающихся с тона рационального анализа в религиозную графоманию.

Стоит вчитаться в эти строки. Например, в «Веках» Булгаков ломает руки:

«И эта мятущаяся тревога, эта нездешняя мечта о нездешней правде кладёт на интеллигенцию свой особый отпечаток, делает её такой странной, исступлённой, неуравновешенной, как бы одержимой. Как та прекрасная Суламита, потерявшая своего жениха: на ложе своём ночью, по улицам и площадям искала она того, кого любила душа её, спрашивала у стражей градских, не видали ли они её возлюбленного, но стражи, обходящие город, вместо ответа, только избивали её и ранили её. А между тем Возлюбленный, Тот о Ком тоскует душа её, близок. Он стоит и стучится в это сердце, гордое, непокорное интеллигентское сердце...»

Эта «Песнь песней» продолжилась Булгаковым в сборнике «Из глубины»:

«Светлый вертоградарь в заветном питомнике Своём, зовёт Он тихим гласом: МАРИЯ! - и вот-вот

услышит заветный зов русская душа и с воплем безумной радости падёт к ногам своего Раввуни».

Или у другого автора сборника «Из глубины»:

«Народ уничтожил и интеллигенцию. Он подобно Самсону, обманутому Далилой, повалил своды храма на всех присутствующих, в том числе и на Далилу».

Эти попытки объяснить происходящее в образах ветхого мифа «арабских сказок» были уже никому не нужны и не интересны. И Булгаков сетовал в том же сборнике:

«Ведь и в правящих, и в учёных кругах <церкви>, в сущности, царит одинаковое равнодушие к религиозным вопросам <...> Нет жажды, нет тревоги <...> Как отнеслись к огнепалющему вопросу о почитании имени Божия? В сущности, никак, с ледяным равнодушием <...> Было ли замечено грандиозное явление мистической литературы - «рукописи» А.Н.Шмидт (14), в которых дан, может быть, ключ к новейшим событиям мировой истории?»

Эти риторические вопросы Булгаков бросал в пустое пространство обработанной немецким генеральным штабом России, всерьёз порицая прошедший церковный собор 1917 года за отсутствие на нём религиозной экзальтации Вселенских соборов первых веков христианства (!). А в это время Сулами-ты, Далилы и Раввуни занимались на просторах разрушенного российского государства не скучной теорией, а простым практическим делом: по счастливому выражению Ленина - «корчеванием пней капиталистической эксплуатации».

При этом Ревекка Майзель (15), палач Соловецкого монастыря, топившая «беляков» баржами, любила перед расстрелом зверски избивать молоденьких гоев. Роза Шварц убила в Киеве несколько сот человек, выкалывала иглами глаза, заливала глот-

ки белых нелюдей расплавленным оловом, причём предпочитала делать это на специально сооружённой сцене под смех и аплодисменты товарищей. Ремонвер в Одессе убивала не только арестованных, но и вызванных в ЧК свидетелей, которые имели несчастье ей понравиться. В Москве более привередливая Брауде, ища «возлюбленного, о котором тосковала душа её», перед расстрелом лично раздевала всех мужчин.

Если интеллектуальная элита России пыталась вымученно приложить к объяснению исторических событий головные мифологические конструкции, то, например, начитавшиеся Фенимора Купера еврейские труженики, этот ударный отряд азиатской реакции, совершенно естественно в восточном мифе ЖИЛИ и, следовательно, могли делать с лобастыми Укропами Помидоровичами всё что угодно. Ведь ясно же, что внутри своего мифа царь Эдип выколет глаза булавкой любому психоаналитику, а тот ему не сделает ничего.

Последующая судьба сборника «Из глубины» очень показательна. Если «Вехи» встретили рёвом возмущения, то этот сборник вообще не издали никогда. Ни в России, ни в эмиграции. Издали в Париже через 50 лет, когда «вышел срок давности». Единственный экземпляр нераспроданного в 1918 году тиража из России вывез Бердяев. Но Бердяев был отпущен за границу после продолжительной беседы с руководством ОГПУ, которое, по его словам, произвело на него «очень благоприятное впечатление». Это впечатление было настолько благоприятно, что сборник увидел свет почти через двадцать лет после смерти Бердяева. Можно подумать, что «Из глубины» не печатали, потому что боялись повредить авторам, оставшимся в Советской России. Но ничто не мешало Бердяеву опубликовать свою статью (по-

моему, одну из его лучших статей (16)) отдельно, как это сделал наивный Булгаков. Но Бердяев не сделал и этого. Что касается наивного Булгакова, то он всё-таки был не настолько наивен, чтобы не думать о судьбе своего горячо любимого сына, потерявшегося в водовороте гражданской войны, но потом в Советской России нашедшегося и написавшего ему письмо, после чего Булгаков стал всё более и более сосредоточиваться не на политических или социальных, а на абстрактно богословских вопросах. Схожая ситуация была и у других авторов «Вех» и «Из глубины». О третьем сборнике «поправленные жизнью» русские интеллектуалы уже и не заикались. На этом критика «Вех» была успешно завершена. Как незадолго до смерти написал в «Литературной газете» слепой Варлам Шаламов: «Проблематика «Колымских рассказов» в конце концов снята самой жизнью.»

Разумеется, дань поэтической мифологии в «Вехах» есть всё-таки частность. Основа веховцев - европейское «рацио». Но эта частность есть проявление настораживающей тенденции. Если это сливки, то что же молоко? Если русские интеллектуалы испытывали влечение род недуга к вульгарной мистической фразеологии, то что же говорить о простых смертных, об интеллигентской массе? Почему вообще «Вехи» и «Из глубины» написаны прежде всего философами, а не социологами и юристами? Почему Бердяев, Булгаков, Франк составляют основу «веховства»? Логичнее было бы наоборот. Основу сборника должны были составить статьи социологов, историков и юристов: Кистяковского, Новгородцева, Изгоева, и на этом общем фоне, строго рациональном и богатом фактическим материалом, можно было позволить себе метафизические экскурсы русских религиозных философов, прида-

ющих рациональной основе метафизическую глубину. Это проявление действительно религиозного характера русской философии. Когда наиболее умные мыслители оказываются и наиболее иррациональными по своему мироощущению. Или, если посмотреть на это явление с противоположной точки зрения, наиболее иррациональные представители русской интеллектуальной культуры являются и наиболее последовательными рационалистами. Соответственно, собственно русские рационалисты занимают в этой схеме место РЕЛИГИОЗНЫХ ОБСКУРАНТОВ.

Величайшей ошибкой было бы считать русских рационалистов, всю эту унылую череду русских неокантианцев, позитивистов и катедр-социалистов, рационалистами по своей сути, НУТРУ. Для иллюстрации можно привести пример казалось бы максимально невыигрышный - личность Сергея Николаевича Трубецкого, князя, ректора Московского университета, специалиста по античной философии. Его философские работы - это произведения аккуратной и трудолюбивой посредственности. Видно, что это «служба», то, чем человек занимается «на работе». Но дома, «в халате» Трубецкой занимался другим - писал газетные фельетоны, грязные, с подзаборной руганью и, в отличие от Салтыкова-Щедрина, тоже потерявшего культурную связь со своей средой и полностью «обынтеллигентившегося», лишённые крупницы таланта. Трубецкой, усвоивший самые отвратительные замашки русской интеллигенции, с бешеным темпераментом обрушивался на своих «идеологических противников». Тряслись руки, текла слюна:

«В пику газете «Фактор прогресса» профессора Хамоватого Мартын Обезьянников стал издавать газету «Здравый смысл». Проезжая по Красной пло-

щади, Обезьянников многозначительно взглянул на памятник Минину и Пожарскому... Кроме самого Обезьянникова, редакторами были славянин неопределённой национальности Войцех Войцехович Трепачек, публицисты Василий Вышибалов и Тигран Жердябов. Потом шли фельетонисты Платон Целковомудренный под псевдонимом Старуха-Лепетуха, Евлампий Бутонов и Максим Петров Нетронь-Завоняйка. В Петербурге было два корреспондента - князь Содомский и генерал Поросятин, писавший под псевдонимом Рельсопрокатный...»

И далее, обозвав своих оппонентов хамскими прозвищами (а это весь славянофильский лагерь от Льва Тихомирова до Розанова), князь с обстоятельностью начинает обливать грязью каждого из них в отдельности. Один пишет у него статью «Каким я был негодяем», другой посылает в газету сообщение из Франции: «Все французские сердца бьются в унисон с русскими - загипнотизированная общественным настроением сука родила щенка с пятном в виде двуглавого орла на брюхе». И т.д. и т.п.

Из всего этого неумного одесского остроумия видно, что никакой полемики Трубецкой вести не мог «по определению»: все люди, несогласные с его точкой зрения, казались ему в лучшем случае мелкими подлецами, в худшем - опасными преступниками, подлежащими уголовному преследованию. То есть весь европеизм, вся образованность князя были блефом, «внешним лоском». Плохо не то, что здесь мы видим поверхностный РАЦИОНАЛИЗМ, а то, что он ПОВЕРХНОСТНЫЙ. Русские интеллигенты верили в чертей, сглаз, гадали на кофейной гуще. Их европеизм выражался только в том, что это делалось «не на виду», а на тайных собраниях. Иначе бы русские интеллигенты и не проиграли всё за 6 МЕСЯЦЕВ. Ведь вообще «знание - сила», и нет

вещи более устойчивой, цепкой и мощной, чем разум человека. Величайший критик рационализма Зигмунд Фрейд, пожалуй, как никто другой понимавший ограниченность человеческого сознания, всё же сказал на склоне своей жизни: «Голос разума слаб, но имеет одну странную особенность - он звучит и звучит до тех пор, пока ему не внемлют». Русские либералы, русские рационалисты проиграли так быстро и безнадёжно потому, что эту мысль можно дополнить другой максимой: «Голос безумия мощен, и он ревёт и ревёт до тех пор, пока человек не оглохнет». Именно этот голос безумия, подымавшийся из недр интеллигентского сознания, заставил сделать русскую интеллигенцию последовательно все возможные ошибки. На очередной вызов реальности интеллигенты отвечали не трезвой оценкой ситуации и принятием рациональных решений, а магическим перемещением предметов. Подлинная одежда русского интеллигента в 1917 году это не строгая тройка и даже не китель, а фартук и колпак средневекового волшебника. Если в «Вехах» мы находим крестьящихся и молящихся политологов, то здесь - изнурённых средневековым волшебством масонских практиков. Русские решили, что если надеть фартук и колпак, то государство будет управляться само собой. Нарядились, собрались в кружок. Взялись за руки, закрутили хоровод слева-направо - ничего не получается. Справа-налево - опять плохо. Подпрыгнули три раза, сказали: «Ширин-вырин-молодец!» Закопали пять золотых на Поле Чудес - опять ничего. Если в Европе масонство было «риторикой», декоративным оформлением некоторых реальных механизмов западного мира, то в России начала XX века это обернулось чистой бутафорией. Картонным телефоном, который вместо того, чтобы стоять на сцене и «изображать телефон», «поступил в продажу».

Как почти неизбежное следствие подобной фиктивности к власти пришло ультралевое течение масонства, которое в лице Ленина и Троцкого откровенно издевалось над масонством, считало масонов полезными ничтожествами. Масонство, успешно контролирующее государственного левиафана в Европе и Америке, не смогло сделать этого в России, потому что, во-первых, русское государство по концентрации в себе мощи нации на порядок превосходило даже прусскую монархию в период её самого оголтелого солдафонства, и, во-вторых, потому что система масонских лож в России в лучшем случае могла быть организацией немецких землячеств в Прибалтике, но не имела «низового аппарата» (на котором всё и держится) в коренной России. Бумажный тигр «телефонного права» масонов ничем не обеспечивался, и в результате их даже не уничтожили, а использовали как «вторичное сырьё» для международной дипломатической игры молодой советской республики, создания системы глобального шпионажа и т.д. (В последнее время по этому поводу началась публикация ряда красноречивых документов - например, о деятельности украинских масонских лож в Польше 20-30-х годов, полностью контролируемой ОГПУ.)

Действия, аналогичные действиям русской интеллигенции, сделавшей в начале XX века ставку на политическое масонство, предприняли бы люди, решившие противопоставить мощи русского государства неофициальный совет старейшин, столь характерный для Востока. Действительно, например, на Северном Кавказе старейшины родов обладают огромной властью, служащей реальным противовесом произволу чиновников и тираническим устремлениям молодых честолюбцев. Дело, однако, в том,

что в России никаких родов нет, и более того, старики в русских деревнях подвергаются насмешкам как бесполезные едоки - «заедающие чужой век» комичные паразиты. Для полноты картины эту аналогию следует продолжить. Предположим, что зоркое и попечительное русское государство инициативу услужливых реформаторов поддержало и развило: правильно, «старикам везде у нас почёт», необходимо развивать и поощрять институт русских старейшин. И вот уже по всей стране созданы соответствующие «домоуправления», где совершенно ничтожные русские пьяницы «заседают», получают от государства «зарплату» и превращаются в третьестепенный, но болезненный (17) элемент всё того же родного государства.

Вот трагикомическая история западноевропейского масонства в России XX века. На Западе масонство очень сильно и обладает реальной силой - в России его переварили за полгода, заставили плясать под дудочку, чего не удалось даже Наполеону и Гитлеру. Через пять лет после революции по всему миру были созданы огромные партии фанатичных сторонников Великого Ленина. Коммунисты шатали основание Веймарской республики, превратились в международную проблему. По приказу из Кремля в независимых европейских государствах 20-30-х годов поднимались вооружённые восстания. Потом Россия захватила пол-Европы, превратилась в великую атомную державу, и наконец после подавления Пражской весны ООН объявило 1970 год международным годом Ленина.

Блеф европеизации сопровождался всё-таки созданием истеричной, лживой, но в своих высших проявлениях выдающейся цивилизации, по крайней мере в области литературы, сценического искусства и отчасти музыки. Но попытка «вторичной евро-

пеизации» была блефом полным. Во-первых, такая была совершенно не нужна (зачем по второму разу-то?), и, во-вторых, весь декларируемый европеизм русской интеллигенции на самом деле был пропитан азиатской ненавистью к европейскому государству, что превращало «второе русское просвещение» в комедию положений. Ситуация, когда выросший в полуазиатском захолустье «западник» ПлеХанов вместе с дочкой раввина Любовью Исааковной Аксельрод орал на «восточных деспотов» Николая Романова-Дармштатд-Готторптского и Александру Гессенскую, по уровню незатейливого юмора приближается к лучшим фильмам Чарли Чаплина. Это естественное следствие неестественной двойственности русской истории. Упрёки индийского интеллигента начала века в «азиатской жестокости» английской королевы (ближайшей родственницей которой, как известно, была последняя русская императрица) по-человечески понятны и, во всяком случае, не вызывают смеха, так как в колонии есть «занятое место», и это действительно жестоко. Жестокость подавления восстания сипаев заключается в том, что сами индийцы были отчуждены от возможности проявить собственную, САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ жестокость. Более того, сама по себе деколонизация Индии в известном смысле есть путь её дальнейшей европеизации, ибо вестернизированное государство, естественно, не может быть колонией.

Блефующий, как правило, играет на повышение, поэтому азиатская реакция на излишнюю европеизацию России приобрела форму УЛЬТРАЗАПАДНИЧЕСТВА. Лозунг «догоним и перегоним Европу» был равно характерен и для большевиков и для кадетов. Разногласия заключались в способах и областях «обгона». Большевики хотели перещеголять Запад преж-

де всего в области социальных преобразований, кадеты - например, в области юриспруденции: в 1917 году Россия получила с их помощью фантастический избирательный закон, о демократичности которого США или Франция могли только мечтать. Например, равное избирательное право для женщин существовало тогда только в Норвегии и Дании. Англия, родина феминизма, только подумывала о соответствующей реформе, поставив для начала эксперимент в некоторых доминионах. А в России ввели одним махом, и миллионы лущающих семечки краснощёких деревенских девок в одночасье стали «головой выше» английских аристократок. Дальше, больше. В Германии, Бельгии, Голландии, Испании возрастной ценз избирателей был 25 лет, в Австро-Венгрии 24 года, в наиболее передовых демократических странах Запада: Англии, США, Франции - 21 год. А в России - 20. Знай наших! Ни в одной стране мира не было избирательного права у военнотружущих. А в России - ввели, да ещё во время мировой войны. Был отменён имущественный ценз, ценз оседлости, грамотности и т.д. В целом избирательный закон в России обгонял естественный ход постепенной демократизации самых передовых государств на 30-40 лет. (Для сравнения: в США возрастной ценз избирателей был снижен только в 1971 году.) Впрочем был проявлен и мудрый консерватизм. В избирательный закон было введено одно ограничение: в выборах запрещалось принимать участие «господам Романовым». Среди царских родственников были учёные, литераторы, благотворители - но они оказались недостойны быть полноправными гражданами Русской республики (которую, кстати, провозгласили до выборов в Учредительное собрание, нарушая свой же закон, - «очень хотелось» и провозгласили). Между тем Ни-

колай II фактически добровольно передал власть и именно Учредительному собранию, явившись в правовом отношении его единственным автором. Увидев, что никто его не поддерживает, он целиком поддержал идею своих противников: говорите, надо республику - хорошо, я отрекаюсь; говорите, что надо соблюсти законность, - хорошо, я готов оформить отречение как легитимный акт, и вы можете проводить выборы, не опасаясь правового нигилизма. Михаил, в пользу которого он отрёкся, первым делом заявил, что он поддерживает идею Учредительного собрания и отдаёт ему право определения будущей формы правления. В ответ на это кадеты (главные организаторы Февральской революции), формально «конституционно-МОНАРХИЧЕСКАЯ демократическая партия», заявили, что никакие они не монархисты, что это всё была 15-летняя маскировка для «фраеров», и Романовых надо гнать из России в три шеи. В результате клоунских выборов в Учредительное собрание кадеты и их союзники, проводившие 95% работы по организации Февральской революции, получили 5% голосов. Впрочем, победившие противники кадетов рано радовались, что «обули фраеров». Им просто сказали на первом же заседании: «А ну, фраера, валите отсюда».

В маскировке азиатской реакции под западничество нет ничего удивительного с точки зрения психологической. Недоразвитие личности неизбежно приводит к тому, что первым этапом её самоосознания является стихийный протест против собственного индивидуального существования. Ведь индивидуальное существование вовсе не является само по себе абсолютным благом. Прежде всего, индивидуальное существование трагично, так как для личности смерть есть актуальная данность, а для единицы коллектива личная смертность маскируется

«жизнью рода». Кроме того, жизнь личности есть постоянное переживание собственного одиночества, хотя бы уже потому, что для личности полная совершенная любовь это любовь не только к существу противоположного пола, но и к личности, а совпадение развитой и совершенной индивидуальности с внешней красотой есть вещь гораздо более редкая - отсюда характерная для личности трагедия неразделённой любви. Не случайно тема несчастной любви характерна для эпохи формирования европейского индивидуализма («Страдания молодого Вертера» Гёте).

Из-за болезненности индивидуального существования крайне важна естественность и плавность развития индивидуалистической культуры. Те же «Страдания молодого Вертера» явились первым европейским бестселлером, и этой книгой ознаменовалось рождение индивидуального сознания как культуры (сентиментализм), как чего-то массового, характерного для определённого слоя, постепенно расширявшегося на протяжении более двухсот лет и обнимающего в современных культурных странах более половины населения, так что индивидуалистическая культура стала одновременно культурой массовой, превратилась в СТИЛИЗАЦИЮ индивидуального существования, может быть, даже навязываемую определённой части населения. Вне этой КУЛЬТУРЫ состояние индивидуального существования по меньшей мере неудобно, часто - мучительно. Человек ощущает себя социально покинутым, «никому не нужным». Реакцией на это является индивидуалистический бунт против индивидуализма, тот «героизм» русской интеллигенции, о котором писал в «Вехах» Сергей Булгаков, и который был крайне примитивной формой индивидуализма - реакцией мещанина на несообразный ему

уровень индивидуализации (18). Булгаков показатель-но абстрактно и вскользь противопоставлял в «Ве-хах» полуевропейскому «героизму» некое «подвиж-ничество». Собственно, если спокойно обдумать эти-мологию этого слова, речь идёт о мудром отказе от личностного начала, о жертве индивидуальным существованием как заведомо непосильной задачей, жертве во имя душевной гармонии. Однако Булга-ков не видел, что «подвижничество» в смысле по-литическом есть европейская реакция царизма на русскую азиатскую революцию. Также он не пони-мал, что яд индивидуального существования может весьма легко привести к разрушению личности (ко-торая не хочет быть личностью и разбивает себе голову о мостовую), ибо сознательный отказ от са-мосознания возможен только на достаточно высо-ких степенях индивидуальной жизни и доступен лишь одиночкам. Между прочим, сама проблема от-каза от индивидуального бытия тоже проявление неудобности этой формы существования: Личность неизбежно переживает мистирию угасания разума в старости, а при родовом сознании проблема «кра-сивого старения», правильной деградации отсутству-ет. При этом стандартные формы решения подобной проблемы не выработаны даже современным Запа-дом. Это задача будущего века, а может быть и ве-ков, и уж, конечно, не наивной России начала XX было её решать. Другое дело - организация своеоб-разного «ордена глумливой адаптации», создающе-го пародийную иллюзию коллективной жизни и вы-зывающего «смеховое снятие» рационально нераз-решимой проблемы. Западноевропейское масонство с его неистребимой двусмысленностью вполне мог-ло явиться в русских условиях элементом псевдо-коллективистской поведенческой культуры. В этом смысле ошибка (19) русского масонства не в его

гипертрофированном развитии как таковом, а в том, что его шутовскую культуру приняли излишне серьёзно, разрушив тем самым «идеологический лак», в течение столетий предохраняющий западное масонство от агрессивной внешней среды. В русском масонстве была нарушена мера иронии. Возник русский тип «сурьёзного масона», вроде Максима Ковалевского или Муромцева. При этом перестала замечаться подоплёка живой религиозной жизни масонства, та интегрированная рационализмом XVIII века западная культура карнавализма, на которую безуспешно и слишком поздно обращал внимание наиболее умный представитель младшего поколения русских масонов Михаил Бахтин.

Воспринятое совершенно серьёзно масонство на русской почве превратилось в полную пародию. Одна из наиболее смешных книг в русской культуре — это изданный в виде огромного тома парадный отчёт о торжественных похоронах Максима Ковалевского. (Мелованная бумага, дорогой переплёт, фотографии венков от благодарного человечества, многотысячная траурная процессия, надгробные речи, мировая скорбь.) При этом читателю книги совершенно не понятно, а кто такой, собственно говоря, этот Ковалевский, за что поистине царские почести оказывают второстепенному профессору и мелкому политику, да ещё во время мировой войны (Ковалевский умер весной 1916 года). Это создаёт впечатление грандиозной мистификации, кажется, что никакого Ковалевского не было и похороны его выдумали. Но при этом тон книги, в отличие от сталинских «Весёлых ребят», непрошибаемо серьёзный. И эта ни на чём не основанная серьёзность производит впечатление полной несерьёзности. Точно так же совершенно несерьёзными выглядят преувеличенно серьёзные политические лидеры русского

масонства, вроде главы Первой Государственной Думы Муромцева или первого премьер-министра Временного правительства князя Львова. Последний вообще, по единодушному отзыву современников, был способен много-много поддержать разговор на уровне «Salone blodsinn», но изображал из себя «влиятельное лицо»: «Я употреблю всё своё влияние...»

«Социал-паханизм» русских масонов возник на пустом месте. Пришёл Ленин и сказал: «А хочешь я тебе глаз выну?». В Италии профану прокололи бы шилом сонную артерию, а в России «влиятельные лица» засвистели в свисток: «Полиция! Полиция! - Хулиганы обижают!!!». Этот вопль был нелеп, и указ о поимке членов ленинского ЦК летом 1917 смешон. Если вы страшные карбонарии, решившие посреди мировой войны смахнуть с планеты величайшую монархию мира, то такие вопросы должны решаться в течение суток. Просто позвонить по телефону: «Тут появился КАКОЙ-ТО. Ходит и ходит, чего ему надо?» На следующий день сообщение в газете: «Труп Ленина с проломленным черепом обнаружен недалеко от железнодорожной станции». Вопль «полиция!» был бы ещё понятен, если бы к самой полиции относились с уважением. Но к этому времени полицию в России просто распустили (не надо «царских сатрапов» - у нас у самих «влияние»). И горе-паханов в пенсне и с интеллигентскими присказками «удедали» несколько десятков шпионов и уголовников, обладающих реальным ноу-хау внесударственного насилия: общаком, бойцами, правилками, малинами, дурью и тому подобными аксессуарами организованной преступности. Могущественные и влиятельные русские масоны, «проводники европейской культуры, несущие свет просвещения», превратились в ничтожных интеллигентов, с которыми можно было делать всё, что угодно: заставить плясать голыми на столе, выдумыв-

вать «сменовеховство» и «евразийство», проводить обновленческую реформу православия, писать панегирики Сталину, рубать уголёк в шахтах, объяснять Лиону Фейхтвангеру преимущества реального социализма. Власти, «которая штыками и тюрьмами ограждает от ярости народной», не было, и «работающие под урок» могущественные бомбометатели оказались ничтожными полураздавленными червями перед наивным Лениным, который «понял буквально» и действительно стал уголовником.

Ленин на всех ПЛЕВАЛ. Его произведения ничего не дают для понимания личности: на печатное слово он плевал тоже. Сталин и Троцкий, да и прочие большевики вполне адекватны в письменной речи. За речами Сталина чувствуешь запах Сталина, кислый запах табака и пота, за статьями Троцкого видишь ход его мысли - мысли еврейского просветителя XVIII века, замороженного чудесами европейской цивилизации, но сохранившего восточную жестокость и презрение к социально беспомощному «индивидууму». За статьями Ленина нет ничего. За его письмами видна бешеная энергия манипулятора. Который дергает за ниточки всех и вся, и ежедневно, на протяжении всей жизни, но сам совершенно анонимен. «Несуществующ». По сравнению с ним Ковалевский по степени содержательности личности - Леонардо Да Винчи. Идея европейского «манипулирования», то есть «автономного управления», оказалась на русской почве манипулированием ничем, распределением ничего. Просто рабочие были максимально безлики и лучше всего подходили под стилистику ничего. Господин из Сан-Франциско всё-таки был господином - чем-то единичным, индивидуальным. «Группа товарищей» из Сан-Франциско снимала последнюю зацепку содержания и «господин Никто» превращался в уже совершенно абстрактное «ничто».

Ленин относился к разряду людей, для которых любовь есть что-то вроде езды на велосипеде, а обряд похорон воспринимается как ненужные накладные расходы. Это поведение «умного русского», которого жизнь обломала, который после плача на свадьбе и плясок на похоронах перешёл к цинизму, последовательно низводящему все проявления человеческой жизни к мещанской «выгоде». Это особый тип отношения к жизни. Понимающая ухмылка, спичка в углу рта, руки в карманах, лёгкое насвистывание сквозь прижатый к нёбу язык. Кто-то молится перед иконой. Подойти, посмотреть, сказать: «Папаша, а ты не болен?». Западные славяне отчасти выразили этот варварский дух, создав в образе Швейка сверхослабленный вариант русского идиотничания. Дух, полностью чуждый романской культуре. Русская душа похожа на итальянскую своим женственным артистизмом. Но русский ум совершенно чужд Италии, вообще Европе. Это нечто животное, обезьянье. Швейк, ставший императором Австро-Венгрии, - это Ленин. Гамлет Швейк: «За папашу дядю урыл». «Никаких трагедий». Зощенко удивительно точно передал стиль победившего ленинизма. Его дух. Ленин дал запах советской эпохе. Советская власть воняла Лениным, как гоголевским Петрушкой.

Если абстрагироваться от неизбежных подсознательных устремлений, на уровне сознания и социальной практики Ленин был действительно атеистом, и в этом была его необыкновенная сила. На религию ему было плевать. В двадцатые годы в Советской России постоянно носились с образом родезовского «Мыслителя». Считалось, что это образ сознательного пролетария, запечатлённого великим мастером в момент порождения «диалектического материализма». Между тем фигура «сознательного

пролетария» венчала у Родена композицию «ВРАТА АДА». Социальный образ пролетария был погружён в Европе в контекст естественной мистерии жизни и смерти. Идея «эксплуатации» - циничного использования другого человека - была скрыта и нейтрализована сложной РИТОРИКОЙ. Английский аристократ считал местного пролетария скучной посредственностью, которой он в течение столетий устраивал тараканьи бега, но эта простая истина была обёрнута шёлком риторики, сформировавшей между прочим у оруэлловского «прола» идеал джентльмена, идеал «достойной жизни». Русские же решили просто - а-а, тут ОБМАН, тут СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, ну, раз так - вали всё в яму. «Год в лагере и бирку на ногу». ТАКОЙ социальной риторики Запад не видел: рабочая партия, где нет ни одного рабочего и которая рабочих ненавидит лютой ненавистью. Соответственно насквозь риторичное масонство, собственно атеизм, доведённый риторикой до степени религии, должно было привести в русских условиях к более чем оригинальным результатам. Если Вольтер выдвинул идею социального использования религии, то русские, не отягощённые грузом европейской культуры, пошли дальше и выдвинули идею социального использования АТЕИЗМА, явив в мировой истории первый пример атеистического государства. Если масонство по сути явилось инструментом хладнокровной утилизации западного христианства, то в восточном христианстве оно до такой степени не встретило сопротивления, что неисчерпанный до конца пафос «инструментализма» в конце концов обратил на русской почве в используемый материал само масонство. Русское масонство стало христианством (религией) и отнеслось само к себе как к христианству. То есть само себя переварило.

Радостная злоба «раскусившего ситуацию» Ленина: «Ах, МАСОН, ну так надевай колпак, пляши, дурачок». Своих «товарищей» он презирал, но при этом «относился терпимо», так как человек – животное. И всеми ими манипулировал. Его «гвардия» состояла из скотов, дегенератов и профессиональных неудачников, но он так ловко их стравливал, создал такую атмосферу переплетения интересов, взаимных интриг, столкновений и сплетен, что машина заработала сама. Все они крутились как белки в колесе. «Великий Ленин», который ненавидел и презирал любые формы духовной жизни, поступил со своими «товарищами» так, ударил по Западу так, что об этом вообще до сих пор ничего не написано. От Ленина Запад вот уже 80 лет только разевает беззвучно рот, как мальчишка, получивший отцовским сапогом поддых. На Западе до сих пор не вышло даже более-менее серьезной биографии этого человека.

Пограничное положение русской цивилизации дало неслыханную свободу политического манёвра. Великий Восток Франции (то есть Сюрте Женераль), в течение нескольких десятилетий безнаказанно издевавшийся над ковалевскими, трубецкими, керенскими и прочими смышлёными аборигенами, в конце концов доигрался и получил в лоб свой «свет просвещения» через зеркало ленинского хамства. Через 40 лет ВСЕ секретные масонские архивы Франции (как, впрочем, и архивы Сюрте Женераль) оказались в Москве. Гестапо с немецкой педантичностью собрало и вывезло их в Германию, где они были благополучно захвачены спецподразделениями Берии. После этого французы в течение десятилетий униженно выклянчивали у своих младших братьев архивы обратно (20).

VI

Если во Франции все исторические процессы проходят с максимальной законченностью и последовательностью (процесс централизации государства, крушение феодализма), то в русской истории все исторические процессы проходят с максимальной грубостью и примитивностью. Если французская история - это эталон европейской истории, от которого прочие этносы или государства в той или иной степени уклоняются, то Россия - это европейский метроном, доводящий все процессы до идиотического механицизма примитивного прибора. Может быть, Россия это тоже Мекка для историков - анализируя происходящие здесь, можно проникнуть в глубинные процессы общеевропейского механизма, в миллион раз более сложного, но действующего по тем же принципам. Это «пародия», «дрозофила», но здесь всё видно как на ладони.

Нет ничего более нелепого, чем обращение к материалисту с попыткой интеллектуальной полемики. Интеллектуальная или моральная аргументация не производят на него никакого впечатления, и именно поэтому из материальных соображений он может согласиться с чем угодно. Дайте материалисту небольшую сумму денег - и он станет идеалистом. Переубеждение материалистов - занятие недостойное для учёного. То, что говорят сами материалисты, тоже не имеет никакого значения. В лучшем случае это примитивная пропаганда. Но «отслеживание деятельности» материалиста крайне интересно. Его действия основаны на голом бихевиоризме, его цели написаны на лице. Нет более благодарного объекта для изучения. В материальном действии он строго последователен и целесообразен. В этом смысле в советской истории даже есть определённая эстетика.

В замечательной статье А.С.Изгоева «Социализм,

культура и большевизм», помещённой в сборнике «Из глубины» (21), совершенно справедливо обращается внимание на то, что коммунизм большевиков вовсе не является плодом больного воображения Ленина, а есть крайне логичное и последовательное осуществление на практике основных идей интеллигентского сознания. Центр коммунистических идей находился в России отнюдь не в большевистском андеграунде - это была господствующая точка зрения, «общее место», одинаково разделяемое и выгнанными с первого курса радикальными студентами и убеждёнными седидами профессорами политэкономии. Различие между большевиками и прочими интеллигентами было только в том, что Ленин «взял и сделал». Применение марксистской догмы на практике вызывало мгновенный ответ реальности, показавшей за шесть месяцев то, что до этого русской интеллигенции не могли втолковать и в 60 лет. Если «министры-социалисты» своей социалистической риторикой за полгода вызвали политический крах государства, то большевики своей социалистической практикой за полгода вызвали экономический крах общества. «Национализация банков» привела к окончательному расстройству денежной системы, «национализация предприятий» - к остановке производства, «национализация земельной собственности» - к жесточайшему продовольственному кризису, «введение рабочего контроля» - к катастрофическому падению трудовой дисциплины и неслыханному воровству. И наконец, отказ от системы благотворительных фондов и травля церкви с параллельным провозглашением «всеобщего братства» привели на деле к окончательному выявлению «звериной сущности социализма»: ко всеобщему рвачеству и социальному эгоизму. Констатируя этот факт, Изгоев прослеживает, как большевики были

вынуждены последовательно освободиться от всех своих догм, начиная от всеобщего избирательного права, которое они после разгона Учредительного собрания заменили средневековым избирательным законом, и кончая введением жесточайшей палочной дисциплины на производстве, о которой не было речи при капитализме даже в разгар мировой бойни. Напомню, что Изгоев говорил обо всём этом через шесть месяцев после Октябрьского переворота, фактически ещё до начала гражданской войны. То есть к лету 1918 года идеологически с перспективами социализма в России было уже всё ясно, и дальнейшие 75 лет русские лишь последовательно и методично наступали на грабли, каждый день сталкиваясь с теми проблемами, которые порождала социалистическая система хозяйствования: неэффективность экономики, апатия и эгоизм населения, необходимость «внеэкономических мер принуждения». С нечеловеческим упорством, достойным лучшего применения, русские волокли сани по песку десятилетие за десятилетием. Вся история России XX века превратилась в огромную 75-летнюю иллюстрацию к ошибкам одной второстепенной политэкономической концепции века XIX. Почему же с эпилептоидным упорством всё повторяли и повторяли неудавшийся эксперимент, если к 1918 году результат был уже ясен, а к 1921 обозначен весь спектр последующих действий, так что даже посткоммунистическая фаза русской истории пока не выходит за рамки проигрывания обозначенных тогда ситуаций, и перестройка или распад СССР это тоже череда огромных иллюстраций к наигранным в первое трёх-четырёхлетие интеллектуальным сценариям?

Если «Веки» явились пророчеством в своём определении русской революции как чего-то внутренне глубоко порочного и, к счастью, внешне неудавшегося,

то из анализа статей сборника «Из глубины» видно, что русские интеллектуалы не смогли понять, что революция «удалась». Прекрасно показав полное банкротство социалистической революции, полностью подтвердившей пророчества «Вех», они не пошли дальше, ограничившись ещё более туманными и краткими призывами к покаянию. Силлогизм «мы говорили, что этого не надо делать, но это сделали и всё рухнуло, следовательно, мы были правы» не был дополнен оценкой развития ситуации и дальнейших действий. Более того, революция воспринималась лишь как ужасный провал, катастрофа, а не как переход общества в качественно новое и, следовательно, длительное состояние. Тот же Изгоев не только предсказывал скорый крах русского социализма, но вообще позволял себе отзывать о правлении большевиков В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ:

«Господа, хвастающие своим «экономическим материализмом», на деле совершенно позабыли, что государственная власть оказывает влияние на экономику страны, но это влияние не беспредельно. А во-вторых, власть, которой они располагали, была страшна жестокостью и неожиданностью своих импульсивных движений, но она не была ни сильной, ни организованной <...> потому что во всех своих представлениях опиралась на ложное представление о человеческой природе».

Вообще «похороны советской власти» - это внутренний пафос «Из глубины», книги вовсе не безнадежно трагической. (Пессимизм «Вех» тем более условен - никто не задался вопросом, что же конкретно будет с Россией, если призывы веховцев останутся призывами.) Франк считал нужным предупредить общественность об опасности «черносотенства» после свержения большевиков, Новгородцев говорил, что отказ новых послебольшевистских властей

от «завоеваний февральской революции» был бы большой ошибкой. Булгаков заранее воротил губу от перспективы восстановления в России конституционной монархии по прусскому образцу. «Из глубины» писались с упреждением краха большевиков, ещё не убивших царскую семью и не развернувших тотальный террор. Казалось, что скоро в столицы войдут «наши» и кошмар большевизма закончится. Как уже говорилось выше, в этом сборнике совершенно отсутствует идея эвакуации. Тема окончательного бегства поднимается лишь однажды, но в нарочито сниженном тоне, как заранее явный перехлёст. С.Булгаков говорит устами одного из персонажей своего философского диалога:

«Там, где высился грандиозный храм, вдруг оказалась лишь зловонная, липкая, гнойная грязь <...> Наша вера умерла и поругана, нет более русского народа. Видела ли история такое оподление целого народа? Не могу я желать для него ни счастья, ни удачи, ни даже простого благополучия. Нет, да пошлёт нам справедливый рок «трус, глад, потоп, междоусобную брань и нашествие иноплеменников», да это всё и послано уже. Пусть злодеи и убийцы получают должное возмездие. Ненавижу я их всеми силами души и плюю им во всю их наглуую, мерзкую социалистическую харю... Если удастся наскреести какие-нибудь средства, мечтаю уехать в Канаду. Там, может быть, начнётся новая Россия, а здесь всё загублено и опоганено.»

Разумеется, Булгаков, написав это, не предполагал, что перечисленные им казни египетские только начинаются и впереди ещё десятилетия мучений. Пожалуй, только статья Франка выдержана в безусловно пессимистическом тоне. Только он высказывает мысль об окончательном крахе, о гибели русской интеллигенции:

«Если мы, клеточки этого некогда могучего, ныне агонизирующего государственного тела ещё живём физически и морально, то это есть в значительной мере та жизнь по инерции, которая продолжает тлеть в умирающем и которая как будто возможна на некоторое время даже в мёртвом теле».

Но и у Франка это тоже скорее риторическая фигура, страшный, но туманный образ, а не констатация исторического факта.

(Например, тут же он заявляет: «Кажется, дьявольское наваждение, нашедшее на нас, уже кончается, и петух, разгоняющий шабаш на Лысой горе, уже давно прокричал»). (22)

Между тем проведённый Изгоевым (единственным из авторов сборника) рациональный анализ действий большевиков в сущности выявил крайнюю устойчивость большевистского режима. Замеченная им «неожиданность импульсивных движений» большевиков была основана на первичном рефлексе, бихевиоризме, и Изгоев, последовательно изложив историю молниеносного и одновременно потрясаяще последовательного ренегатства Ленина, не понял, что это и есть СУТЬ его режима. Личность исчезает, но остаётся рацию, отсутствующее на Востоке. Поэтому данное общество наделено своеобразным инерционным динамизмом. Раз созданное, оно, если не вмешаться извне (а огромные масштабы страны это почти исключали), должно последовательно пройти все фазы своего распада и последующей трансформации, в конце дойдя до второго, «на бис», рождения индивидуального сознания.

Такое общество не могло быстро разрушиться, потому что его самосознание не подчинялось причинно-следственной связи. Точнее, она носила однонаправленный характер. У материалиста нет ОБРАТНОЙ связи, он со времён Демокрита слеп и исходит

из собственного субъективного опыта, который учитывается при том родовым, а не личным знанием: происходит селекция методом проб и ошибок - род материалиста укрепляется путём гибели особей.

Последовательный материализм оборачивается полным субъективизмом - погружённостью в собственный иллюзорный мир. Если внутренний мир признаётся иллюзией, то от этого он не перестаёт существовать, только само его существование становится иллюзорным - человек погружается в мир фантазий, и его задача отныне погрузиться в этот мир как можно глубже: если коммуникации с реальностью оборвать полностью, то не будет искажающего влияния психической жизни на реальность, всё пойдёт само собой - человек превратится в насекомое и социальные законы приобретут наглядность, достойную школьного учебника. История социализма - рай для социолога - больше в этом обществе ничего нет.

По мере социального созревания индивидуальной поведенческой культуры облик правителей такого общества должен становиться всё более безликим, дойдя до фазы прямой дегенерации. При царизме личности правителей были выше среднего уровня «общественного мнения», которое уже поэтому не могло нормально развиваться. При Ленине, и в этом разгадка мистики его судьбы, личность правителя достигла полного соответствия среднему арифметическому уровню - он был живым воплощением «общественного мнения», того, что оно о себе тогда возомнило. Далее наступает всё большая деградация. Общественное мнение, заново формируясь, становится всё выше, правители кажутся всё более жалкими и вызывающими смех, и рождающаяся личность снова утверждает себя, отторгая и высмеивая верховную персонификацию родового сознания, с той только разницей, что это явление

поменяло свою валентность: Махатма Ганди (собственно, карикатура на англичанина) в 20-е годы издевался над колонизаторами, появляясь на официальных приёмах в Лондоне в набедренной повязке. При этом он демонстрировал типично английский юмор, утверждая, что это его национальная одежда, равно имеющая право на ношение, как и смокинг. В этой ситуации британский истеблишмент не мог с ним ничего поделать, как не мог ничего поделать с либеральной печатью Николай II, когда она сделала его персонажем комиксов. Но если бы Великобритания имела сухопутную границу с Индией и индийская революция победила бы во всебританском масштабе, то Ганди на трибуне английского парламента был бы так же смешон, как Хрущёв на трибуне ООН.

Процесс эволюции социалистического общества более всего поражает полным отсутствием Личностей в политической сфере. Если мы обратимся к современности, то основное действующее лицо «перестройки» – советский чиновник IX класса. Сущность социалистического государства, кроме всего прочего, заключалась в достижении максимальной анонимности власти. Ещё можно было говорить о персональной ответственности (не юридической, это само собой, а исторической) псевдонимов. Но когда поколение Ленина, Троцкого и Сталина сошло со сцены, правящий слой России стал абсолютно анонимен. Ленин нажал бы ядерную кнопку с удовольствием и ногой. После Сталина по кнопке ползали вши – кувыркались, отплясывали «бульбу» и «краковяк» на гладкой красной поверхности, да ВЕСА не было. Стало некого убивать, убийство Хрущёва, Брежнева или Горбачёва так же нелепо, как убийство Гумилёва, Есенина или Мандельштама. Только в первом случае речь идёт не о людях, носите-

лях идей, а о людях-функциях. Функциональная значимость человека - «рабочий», «солдат», «председатель» - превратилась в сущность. Остались насекомые - не люди, а механизмы, и механизмы мелкие. Соответственно, осталась и единственная форма диалога с ними: «смести метлой». Насекомых невозможно убить. Их можно только «вывести» - «изменить статус социальной группы».

Сейчас величайший переворот, равный революции 1917 года, делают мелкие чиновники (23). Их вяло артикулированная программа: «Да нам бы что-нибудь добротное, второсортное, нам бы, как в Аргентине, и то хорошо» (24).

Но ведь это закон - чтобы попасть в цель, надо метить выше цели - с упреждением. Это фантастические люди, потому что ни капли фантазии, ни капли размаха, ШИРОТЫ ДУШИ у них нет. Между тем, речь идёт о крушении величайшей тирании мира, о перекройке границ в масштабах континента. Происходят грандиозные события, события, которые миллионы забитых и ограбленных русских ждали десятилетиями, поколениями. Но совершаются эти события даже не временщиками, а людьми «иного порядка разумения». Они не совершают математических ошибок, потому что не подозревают о существовании математики. Ельцин, Черномырдин, Рыбкин, Хазбулатов, Жириновский, Руцкой... и РУССКАЯ ИСТОРИЯ - смешно.

«Не туда» (25). Когда же мировые повороты совершались без Идеологов и Политиков, наконец без устремлённости в будущее, без новаторства, без «бури и натиска» молодого, романтически настроенного поколения? Ни советские интеллигенты, ни советские правители НЕ ПОНИМАЮТ, ЧТО ПРОИСХОДИТ.

Речь идёт о захвате власти в богатейшем госу-

дарстве мира, о событиях, которые действительно определяют судьбы человечества. Величайшая опасность состоит в том, что власть совершенно беззащитна перед некультурной, но биологически сильной личностью (которой ПОКА нет, потому что общество ПОКА социалистическое), способной сформулировать ясную цель, разрушив государственный гипноз, всё ещё действующий только по одной причине - из-за привычки населения. Ситуация настолько серьёзна, что речь должна идти уже не о «дальнейшем развитии отечественной интеллектуальной культуры», а о «золотой пайке», «святом костыле», способном хоть как-то поддерживать сознание беспомощного, но огромного государства.

Существует три степени сложности объяснения реальности: двух-, трёх- и четырёхчленная. Первый уровень соответствует поверхностному рационализму и объясняет конкретную ситуацию. Второй уровень соответствует аналитическому мышлению и даёт возможность модификации схемы объяснения в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Наконец четырёхчленное деление, как справедливо указывал Карл Юнг, позволяет создавать законченные мифологические конструкции, способные к универсальному объяснению реальности. Ещё более высокий порядок сложности невозможен из-за особенности человеческого восприятия, приводящей к разрыву внутренней связи при одновременном рассмотрении большего количества явлений, из-за чего схема превращается в перечисление не связанных друг с другом фактов. Собственно, уже четырёхчленная схема исчерпывает объём человеческого восприятия и, как правило, выступает по схеме 3+1, где четвёртый компонент не может быть предусматриваем каждый конкретный момент и периодически иррационально «выпадает» из умозрительной схе-

мы, в конечном счёте превращаясь в собирательный негативный образ. (Например, четырёхчленный миф классической психофизиологии: «сильные» психологические типы сангвиника, холерика и флегматика и «слабый» тип меланхолика.)

Двучленный миф «запад-восток» наиболее эффективен в России, так как наиболее простым способом правдоподобно объясняет произошедшее. СЕЙЧАС более сложные конструкции невозможны, да и ненужны. Лучший способ ликвидировать демократию – сразу ввести всеобщее прямое, равное и тайное избирательное право. Лучший способ навсегда отучить нацию от самосознания – дискредитировать наиболее простые и архаичные формы объяснения мира. В прошлом веке в России русские философы отказались от полемики с атеизмом, хотя русский атеизм был к тому же заимствован и, казалось бы, не составляло особого труда... Но этой проблемы не было, так как она была слишком груба. Поэтому, перешагнув через пёструю ленту атеизма, перешли к строительству русской религиозной философии.

Современный советский историк или социолог после пионерского детства и комсомольской юности, истончив свой ум в полемике с соседями по коммуналке, «всё испытал и всё проник»: он блестяще знает Восток и Запад, мировые религии, проблемы, стоящие перед человечеством, от экологической катастрофы до компьютерной революции. Но всё это он заменяет правильной риторикой. Русские риторикой по-прежнему не владеют, но если раньше они срывались в адаптивные тексты для поселян или революционный лай, повторявший худшие образцы античных демагогов, то сейчас типы чопорного чиновника и пламенного революционера сменил тип молодого европейского филистера, сдающего экзамены в провинциальном колледже. Его

ожидаемая посредственность также не имеет никакого отношения к реальности. Во-первых, потому что декларируемые взгляды находятся в разительном несоответствии с реальными проблемами утробной бытовой жизни, которая преследует русского как ежедневный кошмар постоянной зубной боли. Во-вторых, потому что школярный трёп не имеет реального отношения к принятию конкретных решений и на Западе. После 19-45 гг. западное радио «не связывается», а действует. Артикуляция никому не нужна. Поступающий на работу проходит тест «IQ», и совершенно не нужно говорить о проблеме интеллектуальной сегрегации. Проблемы «плебса» не существует, потому что с ним давно перестали общаться как с совокупностью способных к диалогу особей. Гитлер был наивным гуманистом, потому что заигрывал с толпой, льстил ей, орал на неё - то есть относился к толпе как к чему-то одушевлённому. Сейчас сама возможность «социального общения» исключается априори. Толпа перестала существовать, потому что её перестали замечать, превратили в ландшафт. Современный советский интеллигент ориентируется именно на усреднённую западную риторику, «правила хорошего тона». Его жизнь проходит в рукопожатиях, улыбках и обмене представительскими безделушками: паркер, зажигалка, настенный календарь. И по мере того, как он всё более успешно и правдоподобно отчитывается на всевозможных международных симпозиумах, звонко «отвечая» доставшийся билет, проведение реформ внутри России всё более напоминает первобытную «жизнь» собирателя, целиком исчерпывающуюся эмпирической философией «съел-вырвало».

Деление на Восток-Запад даёт нужный масштаб, нужную отдалённость от русских событий. Эта схема даёт единственно возможную форму диалога с без-

личностным миром, постоянно имитирующим присутствие какой-то высшей и всезнающей личности. Чёткое следование этой схеме наконец замыкает монотонную цепь повторов на самом государстве: «Зарегистрируйтесь - а я не зарегистрируюсь»; «зарегистрируйтесь - а я не зарегистрируюсь». Первая и последняя прилюдная попытка полемики с Западом - переданная по советскому телевидению беседа трёх полуобразованных кэзбистов с премьер-министром Великобритании - сразу показала всё выигрышность подобной тактики. На все попытки зарегистрировать Маргарет Тетчер, последняя вежливо объясняла, что она регистрироваться не будет, потому что ей это невыгодно. На повторные предложения того же самого в тех же выражениях она слово в слово повторяла сказанное ранее, явно показывая, что общается не с людьми, а с роботами. После третьего-четвёртого повтора у роботов начали дымиться микросхемы, и подписка в пользу голодающих детей Германии так и осталась безумной потенцией.

Для каждой вещи есть свой масштаб. Насекомое вдалеке не видно, в сантиметре от глаза оно разбухает в галактическое чудовище. Человек вдалеке превращается в насекомое, при приближении он всё более похож на человека. Что часто ошибочно. Можно посмотреть на людоеда ближе, чем нужно. Он окажется человеком со своей жизнью, своей психологией, даже юмором. Просто обычный абориген, пляшущий у костра. Но истинное расстояние до него - 30 метров. Вы затаились в кустах и видите, как он подбежал на цыпочках к жертве и пробил ей висок. Слабый вскрик и затем деловитое сопение деревенского «хозяина» - шарение по карманам, разделка туши. Если взглянуть в биографию Бухарина, то там всё будет: и «занимался живописью», и «дома лисица жила», и «катался с невестой в травмае». Но

это всё НЕНУЖНЫЕ ПОДРОБНОСТИ, затемняющие «светлый облик пламенного революционера» - вёрткого паука с хорошо разработанными жвалами.

Простая, надёжная схема «Восток-Запад» позволяет легко помещать на нужное расстояние самые запутанные и парадоксальные явления современной политической и духовой жизни Эрэф. Здесь следует заметить, что вообще русская история, кажется, придумана для издевательства над социологами и политологами. В начале века для Запада оказался совершенно неожиданным ход событий в России. Того, что происходит с СССР в конце века, тоже на самом деле никто на Западе не ожидал. Двойственность русской истории даёт огромный веер возможностей, а следовательно, и огромный материал для демагогии, так что относительно России на первый взгляд более-менее правдоподобно можно оформить доказательство чего угодно. Предел этому ставит всё-таки изначально западный характер русского мира, который на самом деле гораздо более серьёзен, чем это представляется неискушённому взору.

Смысл коренного различия между Востоком и Западом хорошо понимался уже в античности. Ещё Платон писал: «Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать, родились остальные. Было бы правильно указать на единоличную власть как на первый из них, и на демократию как на второй. Единоличная власть достигла высшего развития у персов, демократия - у нас». Конечно, и в истории Запада существует масса примеров тиранического правления, кровавых беззаконий и произвола. Но уже давно было обращено внимание на то, что даже в самые ужасные и кровавые периоды античной истории на Западе звучал голос человеческих личностей - историков, философов, ораторов, которые негодова-

ли против преступлений Нерона и Каракаллы. В Китае же осталась только сухая констатация фактов в исторических хрониках - в 213 году до н.э. были сожжены все книги за исключением технических справочников, сотни авторов-лобастиков поймали и утопили в отхожих местах, а тех, кто прятал книги, подвергли кастрации и отправили на строительство великой китайской стены. И всё. Об этих людях, их взглядах, чувствах не осталось ничего. Никому даже не пришло в голову как-то ОЦЕНИВАТЬ действия соответствующего императора. Это выглядело бы в контексте китайской истории так же нелепо, как «оценка» облаков или количества ног у собаки. Просто существует «поток жизни»: в таком-то году выдался хороший урожай риса; в следующем году император казнил тысячу учёных. Это Восток.

Каково же место России в этой полярной схеме? Струве писал в сборнике «Из глубины»: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором». Но есть ли азиатизация жизни «позор»? Пусть у профессора в Германии четыре жены - разве это позор, если он принял мусульманство? Однако стоит вспомнить, что и начавшуюся сейчас реевропеизацию России тоже пытаются квалифицировать как позор и банкротство. И с точки зрения гражданина советского государства, распавшегося и обанкротившегося, это так и есть. Это чувство постоянного позора, чувство ВИНЫ и есть основополагающее в русском сознании. В конечном счёте это просто чувство вины личности за то, что она личность. Что она маленькая, отдельная. Русская личность не в состоянии «морально негодовать», громогласно «обличать» - это возможно только как элемент притворства, «заговора», в лучшем случае - «корпорации». Не в силах сопротивляться потоку жизни, она покорно проходит все круги ада: трав-

лю на собраниях, народные стройки, пытку молчанием. Но при всём том, одетая жизнью в китайский ватник и шапку-ушанку, она мучительно переживает собственную слабость, то, что она **НЕСОСТОЯВШАЯСЯ** личность. То есть то, что её **НЕТ**. Поэтому лишь на первый взгляд Россия сейчас всё больше и больше скатывается к весёлому обществу латиноамериканского типа с его безответственной парафилософией, стилизованным христианством и системой тайных олигархических структур, соподчинённых обществам «первого мира». На самом деле, например, посреди карнавала «советской приватизации» именно в сегодняшней России в любой момент могут поставить вопрос о приватизации настоящей - о возвращении имущества реальным собственникам по состоянию на 1917-1931 гг., при одновременном лишении собственности членов «внутренней партии». Разгром находящихся у власти может начаться на пустом месте и в любой момент - бывшая номенклатура пойдёт в тюрьмы и лагеря и получит всё что угодно: от поражения в правах до высылки из страны, пожизненного заключения и расстрела. И это произойдёт не из-за каких-то социальных или экономических причин, а просто этот мир **СЛАБ В СВОИХ ОСНОВАНИЯХ, В СВОИХ АКСИОМАХ**. Он чувствует себя **ВИНОВАТЫМ**. Почему, например, советский режим в известный момент поперхнулся со своими «реабилитациями»? Просто потому, что он в собственных же глазах потерял на это право. А это симптом страшный. Советский коллективизм расплзается на глазах, точно так же, как в начале века расплзалась нежизнеспособная культура русского индивидуализма. В сущности остановить этот процесс «усталости металла» почти невозможно. Вместо Латинской Америки Россию ожидает скорее всего жёсткая европеиза-

ция: осмысление судеб России в рамках классической дихотомии Восток-Запад, окончательный раскол территории СССР, гражданская война с прева-лированием этнических и религиозных мотивов (26).

Избежать окончательного конфликта на этом пути будет возможно, только если русская интеллектуальная элита окажется способной к историческому компромиссу. Путь к этому компромиссу прежде всего заключается в предельно ясной форме осознания всей глубины противоречий между жизнью русского общества и жизнью русской автономной личности, в понимании того, что подлинное и нестесненное существование развитого человеческого «я» при подобном стечении внешних и внутренних обстоятельств возможно только в форме абсолютного господства (власть аристократии), или в форме абсолютного аутсайдерства (эмиграция). Что социально невозможно.

VII

Основная проблема русской истории - это проблема сохранения и развития западного индивидуализма в условиях полуазиатского мира. То есть задача выживания европейского человека в экстремальных условиях периферийного пространства, отчасти колонизируемого, отчасти отторгаемого у азиатских государств. Анализ русской интеллектуальной и духовной культуры XIX-XX вв. показывает, что эта очевидная и легко формулируемая задача была осмыслена и поставлена в весьма неясной и поверхностной форме. Причины этого следует искать в слабом развитии интеллектуальной культуры в России. Дело не в неправильном социальном приложении абстрактного мышления, а в некоторой онтологической дефектности самого этого мышления, к тому же находящегося в силу ряда особенностей России в чрезвычайно затруднительном и

двусмысленном положении. В результате проблему индивидуального существования приходилось решать скорее внешними методами: до революции - путём социальной сегрегации, после революции - эмиграцией или социальной мимикрией.

Азия - это не только прямой антипод Европы, но в значительной степени просто нарушение масштаба. Меры. Исключительная личность всегда вызывает ненависть, всегда оказывается, что она что-то должна какому-то низколобому сельскому учителю, который бросается на неё из своей подворотни в безумной ярости проигравшего самца. Но в Европе личность защищена авторитетом и юридическими нормами. Однако погружённый в защитный кокон личной безопасности европейский «носитель идей» начинает всё более отчуждаться от интеллектуального диалога. Духовная жизнь становится всё более анонимна и формальна. Социология и вообще философия становятся неприличны, и в сущности, личность «мыслителя» подвергается всё большим унижениям. Возникает разделение риторики и специального знания. Философия была последним прибежищем европейского дилетантизма. Антигерманская риторика после победы во Второй мировой войне стала элементом европейской либеральной культуры, поэтому человек, утверждающий, что немцы не убивали 6 миллионов евреев, становится человеком некультурным, неприличным, и подвергается остракизму. С другой стороны, реальный политик, не имеющий правильной информации о происхождении и особенностях мифа «холокоуста», не может принимать ситуационно адекватных решений, и потому особое значение приобретает «тайное знание», которое в конце концов вообще отчуждается от каких бы то ни было конкретных носителей и, видимо, навсегда скрывается в катакомбах архивов.

Принятие правильных решений становится анонимным, возникает анонимный клан «аналитиков», каждый из которых имеет доступ к собственной ячейке информации, тоже в свою очередь имеющей несколько степеней секретности. Человек вообще исключается таким образом из сферы принятия решений. Процесс «конституционализации» идёт дальше, и вслед за конституционным монархом появляется конституционный президент, конституционный кабинет министров, конституционный парламент. Создаются юридические, религиозные и экономические правила, которые детерминируют поведение конкретных личностей и общества в целом. Причём эти правила на известном этапе развития представительной демократии подвергаются автоматическому ситуационному перепрограммированию. Аналитические центры становятся всё более мощными и специализированными и единственным дееспособным субъектом современной культуры становится тайная полиция, тоже, разумеется, «конституционная» и находящаяся в пугающей независимости от конкретного человека, занимающего пост её руководителя. Изменяется взгляд на идейную жизнь общества и на «культурных деятелей». Это взгляд через замочную скважину, сводящий все проявления человеческой деятельности к естественным отправлениям. Но подобное господство над автономной личностью оборачивается полным инфантилизмом - вечно юный мир духа превращается в животный «мир взрослых» - мир половозрелых самцов и самок, за которыми тоскливо «наблюдает» маленький барабанщик из КГБ. Ошибка материализма, самого примитивного, но и самого древнего философского мифа заключается лишь в одном - он совершенно не нуждается в персонификации. Поэтому Демокрит был не нужен (он, кстати, за 2500 лет и остался в гордом

одинокости). Вся пьеса материализма очень проста - поднимается занавес, зрители видят огромное зеркало, смотрят на него положенные два часа и расходятся по домам. Ошибка Ленина заключается в том, что он был. Собственно, русские в безумной попытке перескочить через целую историческую эпоху попытались построить анонимное постиндустриальное общество, заменяющее духовную жизнь правильной и ожидаемой артикуляцией. Отсюда и понятно единственное реальное достижение социалистического общества - создание системы тотального сыска, по сравнению с которой тайные полиции прошлого века золотушная дилетантская отсбятинка, и которой современные Бээндэ и Цэрэу униженно подражают, благодаря далеко продвинувшимся новаторов за науку. Ошибка была лишь в том, что в России риторика совпадала с наукой и, например, лия слёзы о 6 миллионах замученных в газовых камерах евреев, это государство превратило в армию «подпоручиков Кижэ» реальные миллионы евреев, благополучно эмигрировавшие в тыл СССР во время второй мировой войны. В результате подобной борьбы с буржуазной биологией и антисоветской физикой хитроумие превратилось в маразм, и встал вопрос о специальном создании неспециальных вещей, просто биологии и просто физики. Сейчас советский мир с библейской наивностью пытается породить настоящие вещи - настоящий суд, настоящий парламент. Бывший кэгэбистский всезнайка недоверчиво подходит к садовой скамейке, долго щупает, НАСТОЯЩАЯ ЛИ.

В советской истории более всего ужасает естественность процесса создания новой индивидуальности. Советская личность закрыта и совершенно не поддаётся воздействию извне. Представьте, что в своём ребёнке вы узнаете свою судьбу. Ровно в 4

года 2 месяца и 8 дней он заболевает ветрянкой в полном соответствии с вашей историей болезни; в 9 лет 1 месяц и 27 дней - находит на тротуаре истрёпанный том сказок Андерсена; в 13 лет 6 месяцев и 4 дня - с точностью до секунды ломает руку во время велосипедной прогулки. В 15 лет весной - влюблялся в молодую учительницу английского. И все ваши попытки и намёки на то, что такое же было с вами, не производят на него никакого впечатления. Он их просто не слышит, отгороженный от вас толстым стеклом своей судьбы. Диалог с ним так же невозможен, как диалог с чайным грибом, который «растёт» внутри банки с подсахаренной водой.

В подобной вторичности советского мира раскрывается его пошлость. Сначала этот мир заново открывает для себя эпическую поэзию, и Багрицкий и Сельвинский, вслед за Тредиаковским и Державиным, воспевают чудо-богатырей украинских местечек. Потом, в период оттепели, «советские люди» вдруг открывают для себя лирику и, несмотря на наличие в русской культуре Пушкина и Лермонтова, Еvtушенко и Рождественский пишут «по второму разу»: «Я помню чудное мгновенье» и «Выхожу один я на дорогу». Потом появляется авангард, причём все попытки указать на столетнюю историю модного модернизма от Брюсова до Хлебникова не производят никакого впечатления, и упрямые «концептуалисты» заново переживают филологические эксперименты столетней давности. Это невиданный в мировой истории культурный процесс двойничества и самозванства. Включённость в этот ритм приводит к ощущению собственной мёртвости. Я никогда и ничего не мог изменить в этом мире. Я стоял на месте с 17-ти лет, и лишь мир изменялся, на глазах «облазил» - возникала динамика, совершенная иллюзия какой-то «творческой эволюции» или хотя

бы заурядной карьеры. Внутри время остановилось, и только прошлое возвращается в настоящее. Я всегда бесконечно превосходил окружающий меня мир, следовательно, всегда ощущал его зловещесть и злокачественность. И отчётливо понимал, что любое **ДЕЙСТВИЕ** или будет совершенно безответно, или явится включением в действие другое. Другое время, другой мир, другую судьбу. В этом мире само действие есть ошибка. В этом мире всё понимают как повторы или это действительно является повтором. Отсюда пресловутая «повторяемость» русской истории. Западное время сломалось у русских, и Гамлет всё умирает и умирает «на бис» в дурной бесконечности, то есть превращается в актёра. Быть может, только повтор молитвы истинен и вечен. Здесь повторение действия не пошло и освобождает от цепи бесконечных пародий. И это единственный путь сохранения достоинства в русском мире, единственный истинный путь. Покаяние есть единственно достойная форма неуспеха индивидуального существования. Признание себя личностью в России – это признание в неудаче. Признание себя исключительной личностью – признание в исключительной неудаче, неудаче окончательной.

Я выбираю способ восточнохристианского покаяния. Иногда мне кажется, что я умру как медовар из «Верескового мёда» и тайна русского индивидуального сознания так и останется моей внутренней трагедией. Второй русской философии не будет. Но в более трезвые минуты я со всей отчётливостью понимаю, что это лишь жалкая и даже позорная стилизация краха собственного индивидуального бытия, жалкой личности «обывателя», задавленного проклятым русским бытом, человека, на которого всю жизнь орали матом полоумные советские мещане и который после унылого идиотизма второ-

сортной советской «десятилетки», после психиатрической больницы им. Кащенко и автомобильного завода им. Лихачёва ценой унижений наконец дошёл до состояния относительно достойной жизни одинокого неудачника. Прожив 35 лет в постоянном преодолении «трудностей» (от побоев со стороны однокласников до слежки со стороны тайной полиции), я со всей очевидностью вижу невозможность переломить смысл своей жизни и слишком хорошо вижу внутренние причины собственных неудач. Размышления о развитии русского самосознания оборачиваются холодным фиглярством, констатация фиглярства - интеллектуальным ханжеством, и как всё-таки писатель я чувствую невозможность достижения на русском языке достойной и естественной позиции рефлекслирующего «я». Сюжет оказывается размытым, герой - ложным, впечатление от прочитанного - неприятным. Это нечто вроде генетики, занимающейся мухами. Цели достойные, и генетики в русской истории оказались страстотерпцами, да помещённые в пространство романа они всё равно выглядят гадами. Муха - животное нехорошее, и хорошие люди не могут заниматься мухами. А тут ещё логика развития сюжета требует сделать «второй ход», необходимый для хотя бы плохонького интеллектуального романа, и несчастный умник-муховед, превратившись в персонаж русской истории, естественно становится мушиным Повелителем, а это уже и подлость. Сам тип «умника, судящего и рядящего всех и вся», в русской культуре ошибочен. Он вызывает антипатию. Тип мудреца, всю жизнь безнаказанно умничающего и затем тихо умершего глубоким старцем и благоговейно похороненного благодарными кенигсбергцами, совершенно невозможен в России. В России это судьба Фомы Опискина. Быть может, тяга к церкви, к религии и рели-

гиозной философии у русских мыслителей - это лишь траур по своей несостоявшейся личности. Несчастье и горе заставляют вспомнить человека о Боге, бояться Его, просить у Него помощи и защиты. И роль ничтожного неудачника, вынужденного, чтобы не выкинули на улицу, зарабатывать на хлеб интеллектуальной эквилибристикой в каком-то «сборнике», самым своим видом настолько пародирующем «Вехи», что заключительная констатация этого выглядит продолжением смехового действия - клоун уже смыл грим, переоделся и вышел на улицу, но толпа его узнала и снова начала хохотать... эта роль достойна лишь для человека, не имеющего никакой роли и никакого достоинства. Возможно только позорное бегство, не как обретение, но как продолжение потери достоинства - жалкое прошмыгивание «за кордон» под всеобщее улюлюканье и пинки.

Свободная личность, если это несчастье произошло с тобой и ты есть, - беги из страшного русского мира. Ты не обретёшь ни счастья, ни сочувствия, ни справедливого воздаяния, ни даже свободы от русских снов, - тебя ждёт так мало, так глупо: всего лишь мир, где тебе не нужно будет СДАВАТЬСЯ, и где сам факт своего бытия ты не будешь осознавать как нечто ошибочное, нечто порочное. Ведь ожидающая тебя в противном случае позиция «современного русского интеллектуала» есть гнусность, ибо после всего произошедшего с Россией единственно возможное рациональное отношение к миру - это равнодушное презрение ко всему и вся. Долгожданный (но характерно, что более чем запоздавший) антитезис евразийства, собственно, «восточничества», показал, что подлинная сердцевина русских - это бездушная и артистическая «манипуляция». «Система Станиславского», с бездушным интеллектуализмом спланировавшая анфиладу вза-

имообразно опускающихся и поднимающихся занавесов - дверей и окон в Азию и Европу, чтобы очередная группа впущенных на сцену русской истории «чужаков» послужила удобными статистами, «человеческим материалом» для чудовищного по уровню своей предумышленности спектакля - русской истории. Русские здесь могут быть садистами или мазохистами, но это неизбежно их спектакль и ставят они его в общем-то для своего удовольствия. Это - мир, сообразный их менталитету, мир, где они наиболее сильны и где наиболее осуществляются их способности - мир, пахнущий гримом и потом театральной уборной, мир подлого театрального «коллектива», именно своей подлостью и уродством и отрицающего саму форму коллективной жизни, столь ненавистную западному одиночке, но столь же неизбежную, как налёт монголоидности, свойственный типичному русскому лицу - иногда просто азиатской маски с европейски разработанной лицевой мускулатурой, скрывающей азиатскую кукольную неподвижность и кукольную же азиатскую подвижность: механические улыбки и насекомоподобную злобу.

ноябрь 1994

**) Впервые опубликовано в сборнике «Иное», М., 1995 г. со значительными сокращениями. Кроме того, настоящий текст подвергся довольно основательной прополке (Здесь и ниже курсивом выделены примечания 1996 г.)*

1) Здесь Булгакову следовало бы добавить, что, открыв окно в Европу, русские забыли закрыть дверь в Азию. В результате получился большой сквозняк, который в конце концов и выдул русских европейцев в прорубленное ими окно.

2) Хотя авторы сборника постоянно говорят о христианстве, никто из них не был «простым христианином -

прихожанином своей церкви». В широком смысле христианами можно назвать трёх веховцев - Бердяева, Булгакова и перешедшего из иудаизма Франка, но этот смысл действительно очень широк. Во время революции 1905-1907 гг. Бердяев и Булгаков сделали надлежащие выводы из политического успеха Гапона и пытались создать организационную структуру «христианского социализма», многие деятели которого после революции под руководством ГПУ разрушали изнутри христианскую церковь. Кроме того, впоследствии Бердяев был привлечён к суду за церковную ересь. После революции, уже в эмиграции перечисленная выше троица основала еретическое «Братство св. Софии», равно осуждённое и карловацкой и подсоветской православной церковью. (Случай беспрецедентный - это, пожалуй, единственная равнонаправленная акция враждующих ветвей русского православия. Тут, что называется, «допекли».) Если же говорить не юридически, а «по совести», «положа руку на сердце», то Бердяев был типичным литератором-декадентом вроде Вяч. Иванова или Мережковского; Франк по своей психологии до конца жизни остался «представителем еврейского просвещения» и в самом духе христианства ничего не понимал до слёз и отчаяния; и лишь Булгаков, выходец из среды русского духовенства, был по складу своей души и типу личности православным человеком. Между прочим, из авторов «Вех» Булгаков, видимо, был единственным чистым великороссом. Гершензон, Франк и Изгоев - евреи; Бердяев, Кистяковский и Струве со сложной польско-украинской, немецкой и еврейской кровью. Один из семи - немного для «русской религиозной философии».

3) Первыми ласточками были революции в Мексике и Турции, уже сознательно подражающие русской революции и получающие заметную помощь от большевиков, а также гражданская война в Китае

4) Кстати, это «тщательное повествование» занимает в тексте Библии полстрочки.

5) Интересно было бы провести филологический анализ категории должествования у «веховцев». В русском языке существуют проблемы с модальностью, поэтому когда один из авторов сборника «Из глубины» пишет: «За месяцами греха должны последовать долгие десятилетия

покаяния и трудной работы для воссоздания рассыпавшегося отечества», то русский читатель поневоле начинает чесать затылок: «В каком это смысле ДОЛЖНЫ?» В том, в каком весну должно сменить лето, в том, в каком человек должен в поте лица добывать хлеб свой, или, может быть, в том, в каком удар камня должен разбить окно? Ирония истории в том, что на русском языке нельзя ответить на знаменитые русские вопросы: «что делать?» «с чего начать?» и все русские «планы» оборачиваются очередной модификацией деревенской прибаутки: «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

6) Если бы Толстой своих детей эвакуировал в Канаду как духовоборов, его несчастная дочь не попала бы в советские концентрационные лагеря (куда, кстати, был посажен и внук Достоевского, строивший Беломоро-Балтийский канал). Тогда бы и толстовство как форма погашения болящего личностного начала было бы вынесено вовне, и терапия проводилась бы пространственными, а не временными методами. В Канаду уехало бы не 40 тысяч смиренных русских мужиков, а 40 тысяч кусающихся от злобы русских интеллигентов. А 40 000 это уже «решение проблемы»: тут поместились бы все эсдеки, эсеры и анархисты, включая провокаторов и родственников. И потом, почему 40 000? - для масштабов эмиграции того времени это цифра более чем скромная. Как известно, духоборы бежали из России от страшного царского правительства. К сожалению, оно было недостаточно страшным. В противном случае из России убежало бы 400 000 интеллигентов, и от уничтожения и деградации была бы спасена не маленькая частица русского народа, а значительная часть русского образованного класса. Если же учесть, что сам русский народ был бы в свою очередь избавлен от закомплексованной колониальной интеллигенции, то это, пожалуй, и «оптимальный вариант».

7) Сменовеховство фактически лишь ранний этап евразийства.

8) Здесь стоит сказать, что во время перестройки мне неоднократно настойчиво рекомендовали обратить внимание на евразийство, заняться евразийством. Рекомендующие были людьми, не имеющими никакого отношения к истории русской философии, людьми с правильными

ми, но незапоминающимися чертами лица и пустыми водянистыми глазами русского крестьянина. Никакой аргументации своему мнению они не давали, да и самих евразийцев, похоже, не читали. Вообще эта тема была им неинтересна. Но им так сказали, и они ровным монотонным голосом долдонили: «Очень интересная философия евразийцев. «Континент Евразия», союз монархической идеи и коммунистов, Гумилёв. Мы готовы опубликовать, готовы субсидировать журнал...»

9) Дальше через 30 лет пошёл Лев Гумилёв. Во время следствия его допрашивали два еврея - один разбивал прикладом шейные позвонки, а другой хохотал за столом, крутя карандашик: «Бей этого гоя по голове - он умный!» Отмотав срока и выйдя из зоны с манией преследования и кривящейся набок шеей, «умный гой» стал разрабатывать теорию «этногенеза» - несчастную попытку умного и талантливого человека сохранить достоинство путём интеллектуальной мимикрии. Злейшие враги России и русской культуры изображались в его парадоксальных книгах природными союзниками и чуть ли не добрыми учителями, а антисоветчики-европейцы - кровожадными упырями и ненавистниками России.

Из-за особенностей гуманитарного знания исследования Гумилёва всё равно имеют самостоятельное значение (важен любой автономный и независимый взгляд на исторические события), но с точки зрения философской это более чем наглядная иллюстрация извращённого метода советской некультуры. В сущности, изображая самым лучшим и чистым, что было в России, татаро-монгольское иго, одно упоминание о котором веками вызывало у русских приступ рвоты, Гумилёв попытался создать миф Нероссии. То есть миф СССР. Точно так же, по его же словам, Латинская Америка в своё время в попытке достижения независимости сделала всё возможное и невозможное для превращения себя в Неиспанию, поставив в центр своей религиозной жизни антикатолическое франк-масонство.

10) Произошедшая через несколько часов после убийства Урицкого - первого убийства члена большевистского ЦК

11) Кстати, сейчас бывшим членам руководства комму-

нистической партии необходимо зарегистрироваться. Для получения пособия.

12) Показательно, что Китай как стратегический лидер Азии уцепился за русский вариант коммунистической идеологии обеими руками и, похоже, долго никому его не отдаст.

13) За исключением участия в деятельности масонских лож, как правило, кратковременного и номинального.

14) Тип 45-летней экзальтированной истерички, вроде современных поклонниц Чумака или Кашпировского.

15) Она же Пластинина-Кедрова, по специальности фельдшер, жена начальника Особого отдела ВЧК, мать «выдающегося советского философа» Бонифатия Михайловича Кедрова.

16) В этой статье («Духи русской революции») он наиболее близко подошёл к проблеме ВНУТРЕННЕЙ дефектности русской личности и к выявлению западно-восточного происхождения этой дефектности. Интересно, что будучи не в силах вырваться из русского литературного мифа, осмысление этой проблемы Бердяев проводит в форме страшных обвинений русским писателям и прежде всего Гоголю и Толстому. В конечном счёте это следствие всё-таки недопонимания масштаба дефектности русского «я» - Бердяеву казалось, что он лично свободен от рока, нависшего над русским сознанием. Между тем то, что он считал дефектом, на самом деле было просто свойством, и наряду с другими свойствами и «делало» русское сознание. В дальнейшем русская история тут с ним сыграла злую шутку, выявив на практике всю слабость личности самого Бердяева.

17) Ибо об стариков всегда надо будет «спотыкаться», будь то выезд в город на учёбу или покупка дачного участка.

18) Характерно, что слово "героизм" стало одним из излюбленнейших в советский период и появилось чудесное словосочетание - «МАССОВЫЙ героизм».

19) XVIII век в России принято порицать за эклектизм, раскол между высшим слоем и народом и т.д. В целом это верно. Но этот век ознаменовался блестящими успехами России на международной арене, а его интеллектуальная бесплодность (кстати, совершенно не выделяющаяся из

бесплодия предыдущих веков) искупилась последующим золотым веком русской культуры, который, конечно, XVIII веком был незримо подготовлен. Поэтому в чём-то XVIII век был удивительно гармоничен, соразмерен. Просто удобен. Русским было удобно жить в XVIII веке. Они в этом веке процветали. Европейские костюмы ещё не утратили бутафорского духа, русские ещё в них не поверили и сознавали себя актёрами, отсюда был элемент иронии, возможность альтернативного поведения. Двойственность ситуации из-за возможности двусмысленного поведения не мешала. И конечно, дух этого века максимально полно воплотился в старом русском масонстве, удивительно точно подходящим к сущности тогдашней культурной ситуации. Масонство давало широту взгляда, возможность «соединять несоединимое» и в конце концов возможность отступления. Ирония в XVIII веке, несомненно, присутствовала. Только что зарождающаяся русская личность была совершенно неиронична, но масонство давало стилизацию иронии. Пушкин уже был насквозь ироничен и придал реальное содержание заимствованной готовой форме. Эта ироничность - максимум, что потеряла в Пушкине последующая русская культура и здесь идеологическая судьба Соловьёва очень схожа с судьбой основоположника новой русской культуры.

20) Архивы только год назад возвращены Франции, причём, учитывая особый характер документов, без права сохранения копий в России

21) Это лучшая часть сборника, гораздо более слабого, со случайными статьями вроде статьи Вяч.Иванова. В сборнике «Из глубины» только статья Изгоева лучше написана, чем в «Вехах».

22) Одной из фундаментальных причин недооценки прочности большевистского режима явилась общая переоценка уровня европеизации народной толщи России. Например, Струве в статье сборника счёл нужным порицать царскую власть за промедление с освобождением крестьян, которое, по его мнению, «запоздало на целое столетие». Между тем последующая история России со всей наглядностью показала, что царизм ликвидировал крепостное право в максимально ранний срок, и его можно упрекать скорее за излишнюю поспешность в этом вопро-

се. Сетуя на то, что правительство «не сделало» из крестьянина собственника-буржуа, Струве даже в 1918 году не понимал, что это обвинение равносильно упреку небу за то, что оно не сделало готтентота немецким гроссбауэром. В этом аспекте вообще интересна либеральная легенда о «закрепощении крестьян», согласно которой двухметровые голубоглазые поселяне в течение столетий злокозненно прикреплялись к земле тоталитарным царизмом. Таким образом русская история постоянно шла ВОПРЕКИ природным склонностям и метафизической судьбе свободного и гордого русского народа - случай в мировой истории уникальный.

23) Ничтожество современных правителей России есть что-то феноменальное. Например, по состоянию на второй квартал 1993 года месячный оклад президента РФ составлял 136 долларов 80 центов. Не 136 000 долларов - по условиям и статусу страны «обыкновенное» жалование. Не 13 600 - сверхаскетическая, но ещё возможная сумма, призванная символизировать трудности военного положения и спартанский характер лидера. Не 1 360 долларов - юродское жалование низкооплачиваемого рабочего на Западе, что уже смешно, уже заставляло бы иностранных дипломатов чесать затылок, а 136 долларов 80 центов. ВОТ ТАК. Особенно хороши различия в оплате. Например, оклад вице-президента составлял 123 доллара 50 центов. Победил бы Руцкой в борьбе за власть и получил бы прибавку в 13 долларов 30 центов - плохо ли? И это издевательство происходит на фоне самого наглого, совершенно «патриархального» взяточничества, открытого совмещения государственных и коммерческих должностей и т.д.

24) Дело дошло до того, что на последних выборах в парламент* авторы реформ отказались вести предвыборную кампанию, заявив, что это всё реклама, а никакой рекламы не надо, надо работать. Как известно, эта позиция привела к достаточно интересным результатам. (*Напомню, что речь идёт о выборах 1993 года.)

25) В варианте этой статьи, опубликованной в сборнике «Иное», ниже я довольно подробно анализировал современную ситуацию в Эрэф с точки зрения советского псевдоколониализма и тому подобных кунштюков. Од-

нако русская история и советская история вещи настолько несовместимые, настолько несообразно скольким-нибудь серьезно говорить о современной оперетте в контексте размышлений о великой трагедии России, что я решил все эти рассуждения вынести за рамки настоящей статьи. Хотя в первоначальном варианте я специально оговаривал полупародийный характер своих умозаключений о Советской Империи, которая, конечно, никогда не была не только «Третьим Римом», но и «Вторым Стамбулом», но... всему есть пределы. Тут нужен другой жанр, весьма далёкий от жанра философского эссе.

26) Вскоре началась война в Чечне, смысл которой до сих пор не понят совершенно. Демонстративно. Чечня это, конечно, не локальный конфликт, а локальное проявление изначальной слабости Эрэф, как внутреннее противоречивого, «промежуточного» и уже поэтому недолговечного государства. Все феерические провалы советской политики в Чечне есть следствие не конкретной слабости верховной власти (таковой не может быть в данном случае по определению из-за несопоставимости сил противоборствующих сторон), - а следствие неправильного диагноза. В сходную ситуацию попал бы самый блестящий хирург, задумавший удалить кожный нарост, являющийся злокачественным новообразованием и следовательно - «следствием», вершиной айсберга. Все последующие нагноения, осложнения, нарывы, опухоли и метастазы будут происходить вне зависимости от результата конкретной операции (которая, кстати, в любом случае приблизит их появление). При подобном положении вещей все призывы «прекратить чеченскую бойню» есть или глупость или демагогия. «Чечню можно замолчать, припудрить, законсервировать - но вылечить - никогда. Это возможно только в случае изменения ОСНОВ настоящего государства. Сама «Чечня» ПОКА слишком частная причина для этого.

РУССКАЯ ВОЙНА И РУССКИЙ МИР*

Интересен сам способ ведения русских войн. Войны, начинавшиеся успешно, русские, как правило, проигрывали (Синоп во время Крымской войны, подвиг «Варяга» в 1904 году, наступление в Пруссии и Галиции в 1914). И наоборот, войны начавшиеся с сокрушительных поражений, оканчивались триумфом: взятие французами Москвы, 1941 год и т.д. Для успешного ведения военных действий русским нужна драматургия, то есть определённая трагическая завязка, имеющая быть развёрнутой в нравоучительную последовательность действий. «Варяг» исчерпал драматургию войны и дальше какое бы то ни было «ведение военных действий» показалось ненужным. Сюжет был исчерпан.

Меня долго удивляла нелепость идеи «массового героизма», столь популярная в советской пропаганде. Однако при всей абсурдности этого понятия (собственно речь здесь идёт о МАССЕ трагических ОДИНОЧЕК), в некотором метафизическом смысле в данном словосочетании раскрывается характер русского мира. Русский театр это Гамлет, сюжетно расчленённый на 50 сегментов. Во время действия происходит последовательно 50 смертей 50-ти Гамлетов, превращающих прозрачную европейскую трагедию в дурную ассирийскую бесконечность. Но перманентный катарсис не оканчивается рвотным рефлексом, так как постепенно становится виден грандиозный замысел невидимого демона-режиссёра. Его гибель - провал автора «Чайки»

- и есть подлинный катарсис. За всем этим восточным нарушением меры - горами трупов и мешками отрезанных ушей - виден механически точный нравоучительный сюжет европейского классического театра.

Западно-восточный менталитет русских, пожалуй, наиболее и проявлен в их отношении к идее героизма. Полное воплощение своеобразный русский героизм нашёл во Второй мировой войне. Эта война последовательно велась русскими под лозунгом «одноразового использования». В армию призывался очередной «возраст», новобранцу давались ложка каши, глоток водки, винтовка с одним патроном, бумажные сапоги. Очередной миллион доезжал до фронта, стрелял в сторону противника и валился в землю. Здесь негероизм был настолько принципиален, что переходил в АНТИгероизм, то есть в БУНТ и, следовательно, в некий сюжетный, метафизический героизм, нависающий титанической тенью над постепенно сходящим с ума противником. Камикадзе, которого обманули и дали горючего, только чтобы долететь до вражеского авианосца и рухнуть на его палубу - эта смерть ничего не подозревающего статиста лишь с первого взгляда выглядит статистикой. На самом деле в этом русском «бей своих чтобы чужие боялись» вектор самоубийства не превращён в змеиное кольцо восточного цикла, а просто доведён до другого, ещё более страшного уровня - до уровня анонимности. Зачем про камикадзе поют песни, зачем окружают почётом его родственников и запоминают навечно его имя? О нём никто ничего не должен знать - он должны жертвовать собой тайно. Но и тут гордыня и «нервы» - он сам должен идти на смерть, не зная, что совершает подвиг - подвиг совершается им, а не он. Но кто же тот подвиж-

ник,двигающий фигурки персонажей по сцене мировой трагедии? Если это трагедия действительно мировая, то, очевидно он тоже должен быть совершенно неизвестен и в идеале его быть не должно - он должен быть идеалом или, в лучшем случае, уродливой мистификацией. Если невозможно, чтобы его не было совсем, пускай он будет фиктивно - в виде явного и пошлого шарлатана.

Естественно, и сама эта идея должна быть тоже фиктивна, ибо и тут таится «героизм», «гордыня». И действительно, русские выиграли Вторую мировую войну, так как цинично и последовательно возвели в куб общую тенденцию, ОБЩЕЕ МЕСТО, что и характерно для русского мышления. Социализм, существовавший на Западе как социальная риторика, был осуществлён в России как политическая практика. В сущности, это так же нелепо и жестоко, как если бы сейчас к абсолютной власти в России пришла группа зелёных, причём самого радикального оттенка, из тех, что бросаются на авианосцы и разводят акул-людоедов. Их пропагандистские хеппенинги возвели бы в политическую повседневность, и приход к власти в России экологической партии увенчался бы экологической катастрофой в миллион Чернобылей.

Как раз в период 1914-1945 произошло исчерпание самой идеи войны. Война стала бессмысленной, так как превратилась в анонимный процесс, ничем не отличающийся от процесса «торговли» или общенационального «размножения». Война была квинтэссенции европейского «героизма» - наиболее явным выражением «воли нации». Болезнь идеи войны указывало на общую тенденцию - тенденцию безвольного и бесчеловечного «развития». Ибо война всегда была не только реакцией и атавизмом, но и окном в будущее, социальным наркотиком, стиму-

лирующим экономическое и социальное развитие. Изменение социологии войны стало предвестником изменения социологии мира, точно так же как появление новых видов вооружений всегда предвосхищало соответствующее развитие мирных областей техники.

Кант почувствовал «трудность» концепции вечного мира, говоря о философах - тайных советниках мирового правительства. Канта упрекают за наивность этой мысли. Но мышление вообще наивно, ведь наивность-это прежде всего последовательность. Неуклюжая оговорка Канта на самом деле так же функционально обусловлена, как четвёртый постулат Евклида. Философы-советники были легальным ферментом индивидуальной воли в кантовском мире, безвольно развивающимся «к лучшему». Другое дело, что Кант побоялся вдуматься в предложенную им жизненную ситуацию. Ведь в таком мире философы должны были бы быть «плохими людьми», тайно ставящими палки в колёса колесницы мирового прогресса. Ибо «благой мир» даже самой скромной социальной утопии, естественно, имеет и предикат правильного автономного саморазвития и не нуждается в каких-либо умниках, точно так же как всеблагой и всеведущий христианско-аристотелевский Бог не нуждается в олимпийском политбюро. Но философия как жизненный порыв, как форма духовной жизни основана на идее достижения нравственного совершенства, на переживании (пускай, только в потенции) собственного совершенства и благородства. Поэтому в таком мире философ, естественно, должен перестать заниматься философией как чем-то осуждаемым и нравственно двусмысленным. Что, в общем, и произошло. Похоже, что философия, это последнее прибежище европейского дилетан-

тизма, последнее прибежище самомнения универсальной личности себя давно исчерпала. Последние «великие философы» ушли со сцены в середине XX века и ушли проклятыми (Хайдеггер и Юнг, публично названные на склоне лет подлецами). В духовном отношении последующее мирное 50-летие было и пустым 50-летьем.

«Герой» всегда «дилетант», «любитель», на авось и неудачно сопротивляющийся жизненным обстоятельствам. Гамлет – мститель-дилетант, вступивший в схватку с подлецами-профессионалами; король Лир – наивен в своём новом нищенстве и несчастье; Ромео и Джульетта – невинные дети. Но в конце-концов и сама жизнь человека, сам человек – вечный дилетант. Жизнь человеку даётся только один раз, и он становится подростком, юношей, зрелым мужем и стариком тоже только один раз. Тотальная «профессионализация» социального мира ведёт к его тотальной тетрализации. Наивный «человек» превращается в искушённый «персонаж». Здесь мир попадает в ту же мировую ловушку, в какую попала и Россия, с той только разницей, что помощи ждать уже неоткуда. Мир оборачивается мировым анонимным спектаклем, не только с «конституционными монархами», которые царствуют, но не правят, но в конце концов, с «конституционными людьми», которые существуют, но не живут. Жизнь становится сюжетом, персона – персонажем. Но тогда и сам сюжет и персонаж приобретают внутреннюю порочность: сюжет становится процессом, персонаж – маской. XX век развеял, в конце концов, множество фобий века XIX, и в том числе его главный страх – страх перед абсолютной ненасытностью человека. Оказалось, что человеку надо немного. Точнее, надо много, но несильно. По мере утоления голода и компенсации социальной

униженности, фатальные желания исчезают. Конституционный монарх довольствуется внешними атрибутами власти и в мире, кажется, не было ни одной серьёзной попытки превратить конституционную монархическую власть во власть абсолютную. Точно так же «конституционный человек» довольствуется правдоподобным оформлением естественной мистерии жизни и смерти, и ему, в общем, не нужно чувствовать себя вынесенным за скобки декоративной реальности. «Индивидуальная поведенческая культура» задавила героя-индивида, постоянно «ошибающегося», но при этом переживающего свою самость, отдельность.

Для Канта, с его идеей автономной последовательности (собственно - наивности), вмешательство в дела другого государства есть безусловное зло, точно так же как безусловным злом является вмешательство посторонней воли в творческий процесс. Однако существуют коллективные виды искусства, когда подобное вмешательство необходимо. У России в самые страшные времена духовного и материального падения всегда оставалась прекрасная надежда на вмешательство извне. У мира этой надежды нет. Внешний мир и был этим тайным философом, по-режиссёрски шепчущим русскому безумному миру на ухо свою волю. Может быть, это и было последним «героическим поступком», последней - холодной - войной, завершающей возможность личности влиять на ход истории.

март 1995

* Статья написана по просьбе редакции японского журнала «Бунгей» к годовщине кантовской идеи «вечного мира».

**КРИТИКА
И
САМОКРИТИКА**

80 ЛЕТ ВМЕСТО

Солженицын - гениальный пропагандист. Свойством его сознания, изначально зашоренного идеологическими догмами и всю жизнь с этими догмами успешно боровшегося, является чёткое видение чужой идеологической клавиатуры, при помощи которой только и возможна ВНУТРЕННЯЯ ломка закрытой системы убеждений. Самая известная его книга, "Архипелаг ГУЛАГ" навряд ли интересна западному читателю сама по себе. Факты, изложенные там, - самоочевидны. Общая концепция - элементарна. Интерес отстаётся разве что этнографически-человеческий. Для "постсоветского" читателя сказанное верно в ещё большей степени. Но разрушительный заряд, рассчитанный на мозги советского человека (причём именно на советского человека определённой эпохи), в "Архипелаге" таился огромный. Разрушая советскую идеологию, Солженицын очень уважительно и понимающе относился к самой системе советских приоритетов и идеологических клише.

Ядовитость последней книги Солженицына "Двести лет вместе", посвящённой истории еврейской общины в России, заключается в том, что он вполне усвоил азиатский тип еврейского мышления (талмудические спекуляции, построенные на цитировании сакральных текстов). Три четверти источников, которые обильно (даже излишне обильно) цитирует Солженицын, - это всякого рода еврейские справочники, энциклопедии, агитационные сионистские брошюры, заведомо сверхтенденциозные ме-

муары обиженных армянских и курдских интеллигентов. Оставшаяся четверть приходится на идеологически нейтральные документы государственных органов. Точно так же в “Архипелаге” описания ужасов реального социализма подкреплены стальным каркасом цитат из статей советских пропагандистов, речей вождей и мемуаров репрессированных ленинцев.

Спорить с этим именно идеологически закрытым оппонентам чрезвычайно сложно. Наоборот, такого рода аргументация для НАУЧНОГО диалога является скорее препятствием. Если вы хотите написать солидное исследование по истории национал-социализма, то свои мысли целесообразно подкреплять по мере возможности цитированием Аристотеля, Гоббса, Макса Вебера и Шпенглера, а не только Гитлера, Геббельса или уже совсем неведомого партайгеноссе Шмультке. В противном случае это будет узкоспециальной работой о приёмах фашистской пропаганды, рассчитанной на внутренний демонтаж национал-социализма.

Означенное свойство мышления Солженицына является в исторической перспективе скорее недостатком. Идеологическая окраска эпохи линяет очень быстро и убийственная аргументация начинает пробуковывать. “Идеологическая диверсия” в открытом обществе становится невозможной. Правда, открытость современного мирового сообщества именно в области “еврейского вопроса” весьма спорна, можно даже сказать, что за последние десятилетия оно в этом вопросе постепенно закрывается, так что метод Солженицына имеет свои резоны. Здесь Александр Исаевич упрямо продолжает традиции диссидентства в сообразной для этого занятии среде.

Год за годом, десятилетие за десятилетием знаменитый писатель подрывал устои реального соци-

ализма. Социализм в конце концов рухнул. Подземный работник вылез на поверхность. Тут бы и порезвиться на волюшке наивным телёнком, поскакать по пригоркам. Но нет. Устройство организма другое. Плотная мускулистая туша, циклопические ковши передних конечностей, безглазый таран-лоб. Помахал лапами в пустоте, загрёб воздух и снова вглубь. Роет, роет Александр Исаевич, вечный труженик-правдолюб. Неужели и этот дуб рухнет?

В своём исследовании Солженицын с фактами в руках опровергает две устоявшиеся легенды. Во-первых, о вынужденном непроизводительном характере еврейской экономической деятельности, во-вторых, о пресловутых “еврейских погромах”, которые на самом деле были “колониальными беспорядками” - столкновениями на национальной почве полуазиатских общин Российской империи.

Любое государство устроено по принципу “пищевой пирамиды”. Внизу - зоопланктон, наверху - небольшое число крупных хищников, контролирующих или осуществляющих политическую, экономическую и социальную жизнь общества. В самом демократическом обществе наверху находится много-много четыре процента от общего числа населения. Смысл “еврейства” заключается в том, что еврейская община принципиально отказывается заселять нижние этажи государственного здания и всеми правдами и неправдами стремится полностью разместиться на верхушке, занимаемой четырьмя процентами коренного народа.

В принципе безразлично, какая национальность венчает конкретную пищевую пирамиду. Более того, история со всей наглядностью показывает, что верхушка и должна в этническом отношении отличаться от основной массы населения. Однако из-за того,

что господство осуществляется евреями не прямым захватом, а путём постепенного, многосотлетнего “выдавливания” местных конкурентов, евреи становятся специалистами не по руководству, а по захвату власти. Львиная доля еврейских усилий уходит на дискредитацию конкурентов и собственную рекламу, содержательная же работа исчезающе мала. Кроме того, местная элита является именно элитой, то есть выборкой из основной массы. Со всеми частными исключениями наверх попадают наиболее сильные и талантливые особи. Индивидуального подбора из еврейской массы почти нет. Любый еврей уже по своему происхождению обречён на “богоизбранность”. Поэтому еврей всегда сравнительно хуже вытесняемого им конкурента. Он плохой чиновник, плохой писатель, плохой промышленник. Подлинный успех достигается евреями только в областях, суть которых и состоит в вытеснении конкурентов. Это социальный активизм, банковская деятельность, реклама. (Разумеется, речь идёт о предельном обобщении, со всеми конкретными исключениями.)

В общем, эта простая истина известна всем, включая самих евреев. Но эта истина обычно умалчивается. Любая культура основана на умолчании. На истинах “человек – ничтожный дурак”, “жизнь – бессмысленна”, “сиди работай” далеко не уедешь. До этого каждый доходит собственным жизненным опытом, и, как правило, в самом конце, когда, к счастью, уже ничего изменить невозможно.

История по Солженицыну носит нравоучительный характер (см. напр. сс. 444–445). Это всегда не “история сама по себе”, а “история про”. Не история революции, а история про революцию, не история евреев, а история про евреев. Однако это иллюзия,

обусловленная особенностью человеческого восприятия.

В русской истории нравоучительность есть. Но это из-за масштабов русской глупости:

Всей деревней забрались на баобабову ветку и три дня пилят огромной пилой. Уж из соседних деревень пришли на дураков смотреть: сидят, ждут конца очередной русской истории. Наконец ветка рушится, половина пилящих расшибается. Вывод уцелевшей половины: "Дерево неправильное". В этот русский спектакль, потешающий весь мир, Солженицын включён вполне органично. Как плачущий и ораторствующий у очередного баобаба пророк, которого в упор не слышат. Спектакль унылой славянской глупости всегда будет нравоучителем. Но вообще в мировой истории поучительность есть ЧАСТНОСТЬ. Может "быть", а может и "не быть". Всё зависит от случая. Случай даёт материал для рассказа, а не для исторического исследования. Жизнь не рассказ. Всяко-разно бывает. В России, повторяю, редко, но это случай особый. Случай поединка комара с медведем, где простому человеку выжить трудно. Масштабы несоразмерные.

Идеологический сбой книги Солженицына в том, что еврейская история-история не русская, да и вообще не история (восточные народы - вне истории), поэтому сверхзадача автора заведомо невыполнима. Мимо. Рассчитывать, что, прочитав эту книгу, евреи расплачутся и перестанут быть евреями, абсурдно. Тут крот Солженицын не выйдет на поверхность никогда. Еврейство, в отличие от русского социализма и в полном соответствии с социализмом китайским, никогда не рухнет.

Это общая, метафизическая неправильность замысла Солженицына, написавшего книгу этически валентную, призванную кого-то в чём-то даже не

убедить, а переубедить. Но этой ошибки он и не мог не совершить, ибо в ней суть его отношения к миру. В случае с социализмом это отношение оказалось убийственно верным. В случае с евреями – так же абсолютно ошибочным.

Но есть в книге и ошибка более частная, используя солженицыновскую лексику “избежная”.

Так сказать, идеологическая пищевая пирамида книги Солженицына безупречна. Внизу честно копошится огромная масса процеженного через китовый ус зоопланктона. Это мириады любовно собранных рачков-фактов, ступенчато обобщаемых в сложные идеологические конструкции, которые к тому же подаются не как банальные антисемитские декларации, а как корректные и специально недостаточные выводы, предлагающие читателю самому мыслить дальше не только в соответствии с авторским замыслом, но и исходя из собственного уровня культуры и положения в обществе.

В смысле солидности фактической базы автор, пожалуй, даже ударился в некоторую крайность. Если ранее Солженицын-историк разлетелся в беллетристику, то теперь, отчасти наученный горьким опытом “Красного колеса”, отчасти опасаясь специфической еврейской критики (“неправильные цитаты”, “незнание Талмуда”), он натолкал в книгу огромное количество точно атрибутированных цитат, даже изменение грамматической формы опасно выделяя особыми скобками.

Точна книга и с точки зрения содержания. В буквально тысячах фактов, я, например, нашёл всего несколько неточностей. Так, автор говорит об участии Григория Гершуни В УБИЙСТВЕ харьковского губернатора И.М.Оболенского (359). Между тем, во время покушения непосредственный исполнитель

Фома Качура промахнулся и ранил стоявшего рядом полицмейстера. Сам Оболенский впоследствии занимал пост финляндского генерал-губернатора.

Или Солженицын утверждает, что, в отличие от еврейских погромов, русское правительство не обвиняли в подготовке армяно-азербайджанской резни (335). На самом деле обвинение колониальной администрации в бакинских и карабахских “событиях” было одним из основных пунктов пропаганды кавказских националистов. Обвинение метрополии в местных этнических столкновениях—это общее место любого “национально-освободительного движения”. (Сколько слёз пролито о специальном стравливании Британией индуистов и мусульман в Индии).

Тут виден общий недостаток отечественных историков - невнимание к аналогии - на самом деле основному методу исторического исследования. У истории нет сослагательного наклонения, зато есть многовариантность. В очень значительной степени российская политика по отношению к евреям была калькой с политики Австрии, самой близкой к России (не дипломатически, а культурно) страны Европы. Это касается и рекрутского набора, и кагального самоуправления, и черты оседлости, и борьбы с шинкарством. Многие обвинения Солженицына в “самодурстве царской администрации” и “экспериментировании не по уму” отпали бы при корректном сравнении. Не нужно преувеличивать историческую самобытность России, до семнадцатого года типично европейской страны даже в смысле национальной символики. Сколько написано о “русском двуглавом орле”. Но ведь двуглавый орёл вовсе не воспринимался в Европе как символ специфически русский или даже византийский. Двуглавый орёл был государственным гербом всё той же Австрийской монархии.

Но всё это частности. На мой взгляд, рассматриваемая книга есть лучшее произведение Солженицына после “Архипелага”. Провал “Красного колеса”, где автор сел между двух стульев, сильно повредил его престижу и как писателя и как историка. “Двести лет” показали, что Солженицын сделал из произошедшего соответствующие выводы. Теперь его творческий метод-это не показ в картинках готовых концепций, а фактическое доказательство своей точки зрения, и доказательство, снабжённое соответствующим научным аппаратом. Остаётся поразиться мощи таланта 85-летнего (!) автора, вдруг показавшего, что он не только писатель или публицист, но ещё и настоящий учёный-историк.

И всё же... Всё же Солженицын историк “но ещё и”. Пищевая пирамида фактов, только и делающая умозрительные спекуляции действительно историческим исследованием, у него безупречна. Но далее. Над этим, на самой вершине притаился главный зверь, ну никак не связанный со сказанным Солженицыным, и даже сказанному противоречащий. В этом смысле структура рассматриваемой книги вполне... еврейская. Работают крестьяне Ивановы, мастеровые Петровы, а наверху, в замке, сидит вместо родного паразита Сидорова “не мышонок, не лягушка, а неведома зверюшка” Мордехай Каценелленбоген, оглашающая окрестности хулой на неведомо куда исчезшего предшественника. Рулады - виртуозны, антисидоровские аргументы - заслушаешься. Только Сидоров не просто хищник. Иногда, при большой оказии, и Сидорову приходится работать. Да так, что иногда оный Сидоров и живот свой на алтарь отечества кладёт. Случись беда, кинется народ к неведомой зверушке: “Защити, отец родной, совсем от бусурман проклятых житья нет”,

да не родной г. Каценелленбоген, а если бы и родным был, не смог бы всё равно защитить. У него вся сила в гудок ушла, в многодесятилетнее объяснение почему он хорошей, а Сидоров плохой, или если совсем конкретно - почему он здесь - чужой - работает министром, а родной Сидоров - в Париже шофёром.

Солженицын начинает с дотошного изложения истории еврейской общины России. Надо признаться, очень удачного по тону и хорошо аргументированного. Но по мере приближения к роковому часу X изложение начинает вихлять на американских горках. Уже окончание царствования Николая I венчается следующим "выводом":

"...завершилось первое 60-летие массового пребывания евреев в России. И надо признать, что такая древняя, проращённая и сложно-переплетённая проблема - пришлось не по подготовке, не по уровню и прозорливости российских властей того времени". (134).

Однако изложенные в книге Солженицына факты свидетельствуют совсем о другом. Перед читателем разворачиваются спокойные действия европейской администрации, решающей вопросы по мере их поступления и без суеты, малой кровью, постепенно играющей на повышение, по мере сил, именно посильно (любимое слово Солженицына) способствующей цивилизации одной из азиатских народностей российской империи.

Так же развивались взаимоотношения с поляками, финнами, грузинами, татарами, армянами, прибалтами и другими подданными Империи. Везде многодесятилетнее, как называет Солженицын, "экспериментирование", а на самом деле рутинная

практика нормального государственного управления. Капля камень точит. За “бессмысленные” шестьдесят лет русское еврейство сделало большой шаг в общеимперской ассимиляции. Русскому правительству удалось перетянуть евреев на свою сторону от польской общины, нейтрализовать влияние Германии и Австро-Венгрии. В кагалах была создана разветвлённая система осведомителей. В еврейской среде появились первые русскоязычные просветители – проводники культурной руссификации. Всё это заслуга русского правительства, его профессиональной, европейской работы. Что-то не удалось, конечно. А что может вообще УДАТЬСЯ в национальном вопросе? Для этого его надо решить “окончательно”. Всё остальное, как сама жизнь на Земле, – компромисс. И мудрое и опытное царское правительство не решало еврейский вопрос, а просто жило рядом с евреями под одним солнцем и пыталось как-то это существование и той и другой стороне облегчить. Судя по успехам еврейской общины и русского государства того времени – вполне удачно.

Этот вывод сделает любой читатель, прочтя первые главы “Двухста лет”. Я мог бы выписать по этому поводу десятки цитат. Но вместо “Сидорова”, у Солженицына на горе фактов сидит абсурдный “Каценелленбоген”: “Неправильно, неверно, всё плохо, бездарно”.

Такое впечатление, что автор просто не понимает самого ТОНА нормальной работы государственного аппарата.

Решали раньше в России проблемы по мере появления, потихонечку, по-европейски, без татарских взвизгов. Как смеялись сразу всё понявшие русские чиновники после февральской революции. Стали интеллигентские гении работать “по 16 часов в сутки”. Не так, дурачок монгольский. Утром встань. сде-

лай гимнастику, прими душ. Потом лёгкий завтрак, кофеёк, утренняя газета. Затем в департамент-работать. Тоже без ударных взвизгов. И пообедать, и сигару выкурить, и в уборную сходить. На работе не засиживайся. Вечером хорошо почитать художественную литературу, а то и сходить в театр отдохнуть. Татарский замарашка за первый день даст 300% “плановой работы”, а европеец 100%. Во второй-пятый татарин - 150%, а европеец - 100%. В шестой-десятый татарин - 100% и европеец - 100%. В одиннадцатый-двадцатый татарин даст 75% , а европеец 100%. В двадцать первый-сороковой татарин - 50% и нервное истощение, а европеец - 100% и хорошее настроение. На пятидесятый татарин - 25% и инфаркт миокарда, а европеец - 100% и венчик на могилу азиатскому “гению”. Так в Эсесере и кувыркались аж до 1953 года, пока не приняли наконец закон “о нормализации рабочего дня”. Не прошло и сорока лет, да попутно несколько десятков миллионов соотечественников в гроб уложили.

Солженицын обвиняет русских в отсутствии ударного, окончательного решения еврейского вопроса. Нет, у евреев были века истории, и у русской администрации тоже были не “всемирно избранные гаранты”, а века. По правопреемственности с римской-то империей не поменьше опыта. Кофеёк, газетка, департамент, кофеёк, газетка, департамент. А ну-тка ПОСПОРЬ. Людей-то нет, есть СИСТЕМА. СИСТЕМА сожрёт всё. Анонимно, так что и мстить некому. И никакие арабские “шариаты” и “шулхан-арухи” здесь не помогут.

Так же пилили РУССКО-НЕМЕЦКИЕ дворяне и другие народы. И споткнулись не на финнах, поляках или евреях, споткнулись на основном колониальном народе - русских.

Солженицын много пишет в своём исследовании

о неудаче еврейской земледельческой колонизации, когда на протяжении десятилетий царское правительство делало всё мыслимое и немислимое, чтобы приучить евреев к производительному труду, а евреи предпринимали не менее героические усилия, чтобы никогда и ни при каких условиях не жить в нижних девяноста шести процентах социальной пирамиды. С сарказмом автор описывает, как евреи-земледельцы ломали сельскохозяйственные орудия, морили скот, бежали куда глаза глядят, занимались чуть ли не членовредительством. Картина, мягко говоря, впечатляющая, особенно если сопоставить её с параллельным идеологическим визгом по поводу того, что евреям запрещают работать, мешают работать, не дают работать. Это блестящие, прямо-таки хрестоматийные страницы со-лженицыновского исследования. Но подлинной грандиозности картины происходящего автор тем не менее не понимает. Даже не видит в упор. Не видит, как в то же самое время русские крестьяне, дикие примитивные люди, находящиеся на уровне чуть ли не подсечно-огневого земледелия Африки, ломали плуги, сопротивлялись любым улучшениям своего быта, убивали врачей и агрономов, да и грабили и разрушали хозяйства колонистов-европейцев в Новороссии, основном районе и еврейской земледельческой колонизации. Кто был основной социальной базой большевиков во время гражданской войны на Херсонщине и в Крыму? Русские крестьяне. Сквозь русские деревни белогвардейцы проходили, как сквозь строй. Вдогонку неслась матерная ругань, плевки. Отставших и раненых добивали кольями, рубили топорами. Кто из народной толщи поддерживал белое офицерство? Да немецкие колонисты, сначала дочиста ограбленные, а потом почти полностью вырезанные русскими крестьянами и евреями.

И какая интеллигенция, не аристократия - "малый народ", а разночинная интеллигенция могла появиться от такого народа, каким были не евреи, а русские даже в конце XIX века?

Солженицын сам не понимает сути своего сопоставления еврейского и крестьянского вопроса, когда пишет:

"К моменту вступления на престол Александра II уже столетие как презрел и неотклонно требовал своего разрешения в России - крестьянский вопрос. Но вдруг выступило, что не с меньшей настойчивостью требовал себе решения и вопрос еврейский - не столь давний в России, как застарелое и дикое крепостное право, и до сих пор не казавшийся столь масштабным для страны. (А отныне - весь XIX век насквозь, и в Государственной Думе до самого 1917 года - вопросы еврейский и крестьянский будут то и дело оказываться смежны, состязаться, так они и переплетутся в соревновательной судьбе.)" (с. 135)

Некритически повторяя либеральную легенду о "крепостном праве", будто бы "запоздавшем на столет", или, - если повернуть медаль обратной стороной, - легенду о русских поселянах, двухметровых голубоглазых блондинах, столетиями "искусственно" содержимых в невежестве злокозненным правительством, Солженицын незаметно для себя повторяет в иной ипостаси легенду об "арийском зверье, куражищимся над высококультурными семитами". И так же незаметно для себя Солженицын своей книгой опровергает не только миф №2 о мучениках-евреях, но и миф №1 о мучениках-крестьянах. Показывая историю европеизации еврейского "кагала", которой он ожесточенно сопротивлялся, Солженицын тем самым показывает в карикатурной форме (по масштабам и усилиям) то же поведение русского "мира", по своей сути также вполне азиатского, и в конце

концов “склещившегося” с РОДНЫМИ по общему уровню культуры русскими евреями.

Сам замысел Солженицына описать русскую историю XIX-XX вв. как историю ОДНОГО общества неверен по своей сути. Изложение неизбежно будет сбиваться на советскую генеалогию, когда от времён Рюрика до конца XIX века изложение истории рода князей Лобановых-Ростовских идёт как по писаному, но приближаясь к роковой дате, повествование начинает вихлять и петлять. И наконец изгибается лентой Мёбиуса и подкинутый в 1917 году в ростовском детском доме цыганёнок Миша Лобанов, вдруг оказывается единственным законным наследником, а несчастные сородственники - дегенератами, самозванцами и даже несуществующими вовсе. Далее, от 1917 года история идёт опять более-менее плавно и правдоподобно: городское ФЗУ, первая судимость, работа сельским кузнецом, выгодная послевоенная женитьба на дочке председателя сельсовета.

Неудивительно, что наиболее слабым у Солженицына оказывается описание истории предреволюционных десятилетий. Автор просто не понимает, что уже переход к “парламентской республике” 1905-1907 гг. явился этапом общей АЗИАТИЗАЦИИ русского государства, а поскольку в самих своих основаниях это было государство европейское, то речь шла не просто об азиатизации, а о деколонизации, об освобождении азиатской колонии от европейской метрополии путём физического уничтожения последней. Разумеется, парламентская республика более прогрессивная форма правления по сравнению с абсолютистской монархией. Но только в контексте единой цивилизации. Если же речь идёт о различных этносах, то что демократичнее: “абсо-

лютистская” Пруссия 1800 года или “демократический” Египет 2000? Ответ самоочевиден. После 1905 года Россия перешла от европейского абсолютизма к “младотурецкой” (ведь САМИ СЕБЯ так люди называли!) демократии. Ну а от танзанийского парламента к культу великого Мганги дистанция в 30 минут. Это как ветер дунет. Может дунуть и сам, да в 1917, как известно, ещё и помогли. Надули.

Описываемые Солженицыным в конце первого тома азиатские “страсти-мордасти” дела Бейлиса были невозможны в более культурной и цивилизованной ДОпарламентской России. Дело не в каком-то заговоре, отдельном преступлении, а в быте кривых пыльных азиатских закоулков: с оборванными дервишами, лупоглазыми ассирийцами-”душителями”, вороватыми духанщиками. Кто-то кого-то убил, что-то у кого-то украли. А в общем белому человеку лучше туда в одиночку не соваться. Как сейчас в Москве говорят, “подрежут”, только пробковый шлем по переулку покатится.

Вовсе не Солженицын-историк, а Солженицын-идеолог “припечатывает” несчастную Россию могильной плитой:

“Да ведь Российская Империя и весь XIX век и предреволюционные десятилетия, по медлительности и заостенелости бюрократического аппарата и мышления верхов, - где только и в чём не опоздала? Она не справлялась с дюжиной самых кардинальных проблем существования страны: и с гражданским местным самоуправлением, и с волостным земством, и с земельной реформой, и с губительно униженным положением Церкви, и с разъяснением государственного мышления обществу, и с подъёмом массового народного образования, и с развитием украинской культуры.” (305)

Особенно хороши упреки в “неразъяснении мышления обществу”. 20-летний оболтус орёт на старика-отца, почему тот не воспитал в нём уважения к родителям. Солженицын здесь некритически воспроизводит взвизги неуспешной полуазиатской интеллигенции начала прошлого века. Безкультурие которой являлось не результатом “нерасторопности” государства, а следствием действительной отсталости основной массы населения.

Упрекая правительство в том, что оно не подсказало интеллигенции, что она должна быть интеллигенцией, то есть, должна вместо подпиливания телеграфных столбов, например, учить в школах детей, Солженицын превращает многострадальную власть во всеильное божество, способное “творить миры”. Увы, политика - искусство возможного. Когда Солженицын пишет, что правительство не удосужилось “СОЗДАТЬ сильные, яркие и убедительные” печатные органы, чтобы “бороться за общественное мнение” (432), то не замечает, что совершает логическую ошибку. Правительство, СОЗДАЮЩЕЕ прессу, перестаёт быть правительством, и превращается в литераторов. Здесь логично пойти дальше и упрекнуть саму интеллигенцию в том, что она НЕ СОЗДАЛА правильного народа. Народ можно упрекнуть в том, что он НЕ СОЗДАЛ страну, в которой должен жить, и далее до бесконечности, вплоть до упрека булыжнику в том, что он булыжник, а не Бог.

Богом, творящим материю, у Солженицына является несчастный Столыпин. Он так и пишет:

“Основная задача Столыпина была - крестьянская земельная реформа, создание крепкого крестьянского землевладения”. (435)

Не регуляция, не упорядочение, не расчистка пути, не обеспечение условий, а СОЗДАНИЕ. Но

ведь не СОЗДАЛ Столыпин - этот (тут можно полностью согласиться с автором) умный, талантливый государственный деятель - нового русского крестьянина. И не потому, что убила его рука террориста, - КРАХ потерпела сама столыпинская реформа. Русский крестьянин оказался тем, кем он был - русским крестьянином, отставшим от западноевропейского крестьянина на 300-400 лет. И сказал своё могучее: "НЕ ХОЧУ! Не надо никаких реформ". Точно так же русское еврейство сказало: "НЕ ХОТИМ БЫТЬ ЕВРОПЕЙЦАМИ, хотим быть арабами-иудеями, устраивать верблюжьи скачки и учить в медресе диамат. А на вашу европейскую культуру с её индивидуализмом и римским правом мы ПЛЮЕМ."

Это было сказано не раз и не два - это был столетний рёв людского моря, в котором беззвучно утонули все столетние же усилия европейской "колониальной администрации". Усилия эти были не менее, а, пожалуй, более упорными, чем усилия прочих европейских государств. Ибо отступать русским "колонизаторам", как в ЮАР, - было некуда. Стояли до конца. И точно так же, как только развитие восточноевропейского еврейства и восточноевропейского крестьянства достигло фазы индивидуального сознания, самая дикая, самая азиатская политика советского правительства не помешала ни еврейской эмиграции, ни перестройке, ни демонтажу социалистической экономики. Опять же, потому что политика - это искусство возможного.

Говоря о кишинёвском погроме (и скрупулёзно, на фактах показывая, сущность этих азиатских беспорядков) Солженицын вдруг патетически "обобщает":

"<нераспорядительность русской полиции> явный

признак застоявшегося дряхлеющего правительственного аппарата. Или уж вовсе не держать Империи (сколько войн ведено, сколько усилий положено, чтобы зачем-то присоединить к России Молдавию) - или уж отвечать за порядок повсюду в ней". (с.322)

Ну а зачем Британская империя присоединила Индию? Зачем допустила там погром в сто тысяч раз больший (восстание сипаев). Это ведь глупость совсем феноменальная - доводить "свиным ухом" несчастных мусульман. Тоже, видимо, "зря империю заводили". А еврейские погромы во французском Алжире? Тоже "плохая французская полиция"? В чём же претензии Солженицына именно к русскому государству. Чем именно оно особенно выделяется и неизменно в худшую сторону от "передовых демократий"? Может быть, тем, что тогда постоянно использовался "еврейский вопрос" в анти-русской пропаганде?

"На Западе, - по мнению Солженицына, - после кишинёвского погрома прочно укрепилось отвращение к России, представление как о засидевшемся чучеле, азиатской деспотической стране, где царит мрак, эксплуатация народа, безжалостное содержание революционеров в нечеловеческих страданиях и лишениях, а теперь вот - и массовые "тысячные" убийства евреев, и направляемые ведь самим правительством! (А правительство, как мы видели, не угналось рассеять эту извращённую версию вовремя, доказательно и энергично.) И на Западе стало вполне возможным, даже достойным, надеяться на скорейшую революцию в России: она была бы благом для всего мира, а в частности - для российских евреев." (346)

Изучая тему, вольно или невольно автор преувеличивает значение еврейской проблемы в то вре-

мя. Моральные соображения в мировой политике составляли восемь процентов, как флюгер поварачиваемые из стороны в сторону в зависимости от конъюнктуры. Да и в рамках этих восьми процентов еврейский вопрос конкурировал с десяткам других (китайским, армянским, арабо-мусульманским, пролетарским, суффражистским). Если захотят придраться - придерутся к чему угодно. А будет выгодно - слона в упор не заметят. В этой связи можно вспомнить пикантную деталь истории гражданской войны в США. После её начала изнывающие от своей демократии Англия и Франция встали на сторону рабовладельческого Юга, признали его независимость и организовали мощную поддержку, включая продажу военных судов. А дикая феодальная империя Российская направила две эскадры на помощь северянам. Политика есть политика: муслирование еврейского вопроса в начале века было лишь второстепенным элементом международных отношений. То есть ключом к решению еврейской проблемы для России были не какие-либо внутренние реформы или пропагандистские кампании, а правильная дипломатия по отношению к Антанте и Тройственному союзу.

Неужели Солженицын полагает, что Англия или США не имели действительной информации о положении евреев в России, или, например сейчас не имеют представления о сверхпривилегированном положении "угнетаемой" чеченской общины в Москве или Петербурге? Это ПОЛИТИКА. Убеждением политические и дипломатические вопросы не решаются. Убеждение в политике-это следствие политического действия, а не причина.

"Ужасы кишинёвского погрома" были нужны Англии, контролирующей через телеграфные компании мировой информационный поток, для решения своих внешнеполитических задач. И задачи эти име-

ли к судьбам российского еврейства отношение самое отдалённое. Задачу решили - после 1907 г. ужасы исчезли. В 1915 г. возникла другая задача - снова появились "ужасы".

Надо признать, что во внешней политике Солженицын вообще разбирается весьма слабо. Его книга, к сожалению, "изукрашена" милюковской болтовнёй политического дилетанта, не имеющего представления о сложнейшем механизме международной дипломатии:

"Самым неосмысленным безумием XX века была, несомненно, Первая мировая война. Безо всякой ясной причины (!) и цели (!!) три великие европейские державы - Германия, Россия и Австро-Венгрия - столкнулись насмерть, чтобы двум уже не выздороветь в этом веке, а третьей - рассыпаться". (476)

"Ещё в 1907 году (опять же безо всякой настоящей надобности) Николай II дал втянуть себя в военный союз с Англией (и тем стянул на своей шее петлю будущего русско-германского столкновения)". (478)

Когда таким "галопом по европам" летели либеральные писаки из кадетской партии, то по крайней мере в этом был определённый политический расчёт: оклеветать и опозорить противника, вырвать в удобный момент из его рук руль государственного управления. Но ведь что дальше-то было всем давно известно. Свергнув законную власть в феврале 17-го года, накануне величайшего государственного ТРИУМФА России, милюковы не смогли даже воспользоваться чужим успехом - поскакали по Европам в семейных трусах с "Рулём" - ничтожным эмигрантским листком. Зачем же в XXI веке повторять клевету навечно дискредитировавших себя полуазиатских интеллигентов:

“Жемчужина царской администрации генерал Сухомлинов, проваливший подготовку к войне с Германией” (378)

“Государь “проницательно” предложил пост главнокомандующего своему любимцу пустомеле Сухомлинову, военному министру. Сухомлинов, естественно, отпорхнул от такого почёта.” “Кормило военного управления одной третью России досталось ничтожному, даже не военному, а административному генералу Янушкевичу.” (479)

В подобном кафешантанном стиле убеждённый сединой патриарх советской литературы говорит о лучших людях России, выдающихся ПРОФЕССИОНАЛАХ, которые расчётливо, берега силы, выиграли самую великую битву в русской истории и, приведя свою Родину к победе, пали от подлого удара в спину. Один пал жертвой сверхнаглой клеветы, второй - подло убит.

И ведь САМ Солженицын пишет в другом месте своей книги:

“Много цветов успеха сорвал Прогрессивный блок на Сухомлинове, но к концу уже Временного правительства и сами вынуждены были признать, что - с пустышкой носились, никакой измены не было.” (503)

Ослеплённой советской ненавистью к России, писатель похоже как-то путает пустышку-клевету с человеком, по адресу которого она была пущена. Вроде как и сам Сухомлинов тоже какая-то пустышка. Ну там погоны содрали, швырнули в тюрьму, толпа плевала в глаза. “Анекдот”. А что переживал этот военачальник, достойно подготовивший Россию к великой войне, талантливый военный писатель, искренний и добрый человек, беззаветно любящий свою Родину?

Молчит правдолюбец Солженицын. Почему? Сер-

дце у него чёрствое? - Нет. Обыкновенная человеческая глупость? - Тоже нет. Солженицын человек умный. Просто Сухомлинов для него чужой. Русский, а не советский. А чужого не жалко. То есть жалко, но вообще, без подробностей. Вроде как что-то у кого-то украл. Ах не украл - ну ладно. Вспоминать особенно некогда - чужое.

Но. Солженицыну, напомним, 85 лет. Это человек ПОЖИВШИЙ. Видевший - многое. В таком положении естественно скрывать, или, по крайней мере, сдерживать первичные эмоции... Что же заставило маститого литератора не сдержать свои чувства по поводу русского государства? Смею предположить, что двигал им здесь определённый расчёт. Книга Солженицына о евреях написана неевреем. Объективно, сдержанно, но неевреем. Без первичного пафоса "НАШИ ИДУТ", этой альфы и омеги еврейского, да и любого другого восточного национализма: никаких рефлексий, никаких реминисценций и оговорок. Просто "НАШИ ИДУТ". "Наших" в книге Солженицына нет. И поэтому, несмотря на все балансировки и экивоки, еврейская часть аудитории (а написано к ней и для неё, также как Архипелаг написан советским и для советских), совершенно естественно воспримет книгу Солженицына как антисемитскую. Нужна балансировка СЕРЬЁЗНАЯ, надо чем-то пожертвовать и чем-то очень существенным. Что заставит еврейскую аудиторию, по крайней мере, книгу прочесть, по крайней мере, УДОСТОИТЬ сколько-нибудь реального диалога. И Солженицын жертвует. Жертвует погибшей в 1917 году Россией, давно превратившейся у советских в тряпичную куклу для отработки штыковой атаки. Делай - раз, делай - два. Под вонзающимся в соломенное нутро штыком качается кукла, потешно трясёт матерчатыми конечностями:

царь дурак - раз;
премьер-министр дурак - два;
обер-прокурор дурак - раз;
и снова царь дурак - два;
министр внутренних дел дурак - раз;
председатель Госсовета дурак - два;
Опять царь дурак - раз;
верховный главнокомандующий дурак - два.
Мёртвым не больно. И ответить они не могут.

Солженицын договаривается до того, что проводит параллель между русским и советским правительством: "Общее между тем и другим в самодовольном и бездарном правлении" (499).

Декларируемая в предисловии задача Солженицына и высокая, хорошая задача - помочь интеграции еврейской общины в СССР, нейтрализовать её деструктивные устремления, обеспечить счастливую, достойную жизнь своему, СОВЕТСКОМУ народу. Но в соответствии с этой задачей, погибшие в 1917 году несчастные русские всё дрыгаются под писательским штыком: делай раз, делай два. Дурак - идиот, идиот - дурак. А не пора ли оставить несчастный и ВЕЛИКИЙ народ в покое? Солженицын в своей статье "Славянская трагедия" пожелал добра благородным украинцам:

"В самостоятельном развитии - дай Бог Украине всяческого успеха... Только как бы нахвтанное - ребром не выперло".

Самому Солженицыну и его советским "россиянам" тоже можно пожелать доброго пути скатертью-дороги. Только не надо обижать другие народы. Тем более народы умершие. О мёртвых или хорошее или - ничего. Действительно, евреи и потомки русских крестьян, имеющие к великороссам XIX века такое же отношение, какие современные прибалты - к уничтоженным остзейским немцам, живи-

те вместе. И 200 лет, и 400, и 600. Не надо только жить ВМЕСТО. Ибо мёртвые, если тревожат их память, встают из могилы и мстят.*

Стилистически стремление автора найти противовес вполне оправданно. Пытаясь трезво и беспристрастно рассказать об истории еврейской общины в России, логично не сорваться в националистическую антитезу. И противовес должен быть. Казалось бы искомая величина под руками в виде второй составляющей известного самоопределения: “Мы молодая гвардия евреев и крестьян”. Но Солженицын, как советский националист, всеми силами защищает “россиян” - становой хребет недоделанного советского народа. Советские “россияне” в XIX веке, как и евреи, составляли особое сословие - сословие крестьян (вкуче с крестьянским же по своей сути “пролетариатом”). Если о евреях Солженицын говорит “без любви”, а о русских городских сословиях - просто с ненавистью, то “россиян” лелеет и тетёшкает не меньше, чем фанатик-сионист киббуцников 20-х годов. Русские поселяне, как и евреи, многострадальные, плачут от унижения и непосильного труда.

А знаете, Александр Исаевич, ведь евреи-то лучше. По крайней мере, по одной причине. В своей массе они Россию.. скажем так.. не любили. Но с другой стороны: а за что её им любить? Она их любила? Очень сомнительно. А вот крестьяне русские.. Прибалтийские крестьяне своих немцев живьём в землю закапывали. Но ведь это был чужой народ, народ захватчиков. Более культурный, но угнетающий коренное население так же, как англо-шотландцы угнетали “ирландских собак”. А русские горожане русских крестьян любили, и, любя, как своим, прощали им многое. Крестьяне же не простили

им ничего. Так кто же лучше, если позволительно применять эту категорию к национальным отношениям? Я думаю, что евреи - лучше. МНОГО лучше.

Может быть, “царская Империя” для Солженицына - это последний бастион советскости, которая связывает его с современным пост- но именно пост- СОВЕТСКИМ обществом и делает из апатрида человеком, живущим на Родине. Поэтому он, пусть не вполне осознанно, и использует в этой книге именно “царизм”, а не “крестьянство” в виде чучела, необходимого ему, как прирождённому пропагандисту, для успешной шахматной игры (чтобы упредить обвинения в грубой тенденциозности).

октябрь 2001

* Нижеследующий конец статьи не поместился в газетной публикации.

"ПУШИНКА К ПУШИНКЕ"

(О двух рецензиях на «Антологию советской поэзии»: Юрий Кублановский, «В советском поэтическом зоопарке» и Андрей Василевский, «Попутные соображения», «Новый мир», №7, 2002 г.)*

Рецензия Юрия Кублановского начинается с общей квалификации моей скромной персоны. По мнению автора,

1. Галковский «бойкотировал отечественный литературный процесс, обидевшись на хамскую критику».

2. Галковский постмодернист, у него ничего не разберёшь. С таким человеком трудно иметь дело. Скажем, он орёт посреди реки, типа «тону», а непонятно. То ли правда тонет, то ли прикол. Вот все на берегу и смотрят.

3. Галковский злой, подозрительный. Так какого хрена тогда обижается, что и его никто из литераторов не любит.

С Кублановским я немного знаком лично. Мы встречались в редакции «Нового мира», в гостях у Александра Паникина. Поскольку автор тезисы не подкрепляет конкретными фактами, очевидно, это общее впечатление от нашего непосредственного общения. Мне кажется, у Юрия Михайловича впечатление сложилось весьма привратное. По-моему,

1. Галковский «бойкотировал отечественный литературный процесс», потому что его в этот процесс не пустили, отказавшись публиковать «Бесконечный тупик». Книгу мне пришлось издавать самому,

ушло на это несколько лет. После этого табу на публикацию моих произведений стало бессмысленным, да и само общество, создавшее это табу, трансформировалось в нечто иное, «путинское».

2. С Галковским иметь дело очень просто. Это спокойный, трезвый, немного чопорный человек, как огня боящийся всякого рода непредсказуемых ситуаций. Его стиль жизни – ежедневные прогулки по одному и тому же маршруту, общение с небольшим кругом близких людей.

3. Галковский добрый и на редкость (до попустительства) простодушный человек. Этим, кстати, и объясняется некоторая замкнутость. Я человек общительный, но при этом неспособный к «игре на понижение». Плохие люди это быстро понимают и начинают пользоваться. В результате у меня несколько раз забирали все деньги, я потерял квартиру и дачу, не говоря о всякого рода мелочах, вроде ксерокса или печатной машинки. Я, например, из-за своего характера вынужден раз в полгода менять продовольственный магазин. Там раз обсчитают, два, три. Я молчу. И продавщицы начинают обсчитывать постоянно и помногу. Я перехожу в другое место.

Есть в этом и обратная сторона медали. Хорошие люди это тоже понимают и совершенно бескорыстно мне помогают. Так, один человек, зная, что мне негде жить, оплачивает квартиру, другой – подарил компьютер, третий – дал деньги на издание книги. А поскольку с плохими людьми я избегаю общаться, то, в общем, я живу среди людей очень хороших. Можно даже сказать, что Галковский «окружён любовью».

Что касается обидчивости, то моё отношение к людям другое. Общаясь с человеком, я даю ему шанс

подняться. Если он этого не понимает, смотрю сквозь пальцы. Если опускается – жалею. Опускается до дна – забываю. В известном смысле такой подход к людям жесток. Я как бы вынуждаю окружающих совершать этически окрашенные поступки. Но это неизбежное следствие деятельности философа.

Теперь о критике «Уткоречи».

Разумеется, Кублановский прав, говоря о том, что в моей антологии собраны не стихи, а вирши. В них нет глубины, нет подтекста и аллюзий, всего того, что превращает рифмованную прозу в поэзию. Однако... Вот критик пишет:

«Тексты “Уткоречи” исчерпываются еще во время пробега по ним глазами. Да они и не рассчитаны, впрочем, на медленное прочтение или на перечитку».

Так, да не так. Вирши всё-таки СОБРАНЫ. Собраны ЛЮБОВНО. Ведь сколько стихотворений вошло в антологию после предварительного просмотра? Много-много 1%. То есть всё это выбиралось, выбиралось тщательно. «Пушинка к пушинке». Вот среднее, стандартное стихотворение «Уткоречи»:

10. Рисунок

На белизну нетленной кости
Рисунок чукчи нанесли.
Олени мчатся. Едет в гости
Ильич на снежный край земли.

Сидит на первых нартах Ленин,
Сидит в кухлянке меховой.
И серые глаза оленя
Пылают радостью живой.

Пыль снеговую поднимая,
Легко несётся он вперёд.
Олень как будто понимает,
Кого он в этот раз везёт.

М.Лисянский

Это ведь очень ёмкий образ культурного одичания нашей бедной- родины. Когда через сто лет после Пушкина и через тысячу лет после крещения Руси начались тотемные пляски шаманов вокруг политического божка. Это, так сказать, идеологическая ёмкость стихотворения. А есть здесь и своеобразная эстетика, превращающая первоначальный кретинизм в разоблачительный гротеск. Представьте себе монгольскую рожицу Ленина на нартах в кухлянке, да и вообще образ «чукчи» в современной культуре. А разве не перл «НЕТЛЕННАЯ кость», на которую талантливые чукчи нанесли изображение своего Гуру? Тут вам всё – и осквернение святых мощей в 20-е, и ленинский мавзолей, и «коммунизм» как таковой – палеолитический реликт, бивнем мамонта лежащий в историческом музее человечества.

И таких стихотворений в антологии очень много. Возьмите стихотворение о ташкентском землетрясении (20. «Баллада о Ленине»). Это уже символ шекспировский. Уцелевшие жители Помпеи с проломленными черепами и перебитыми ногами ползут под сень каменного истукана, застывшего в идиотской позе «правильной дорогой идёте, товарищи».

Или стихотворение «Заокеанская рапсодия» (200), живописующее ужасы реального капитализма. Там описывается несчастный западный интеллигент, иг-

рающий на скрипке ВНИЗ ГОЛОВОЙ. Да ни один Оруэлл не придумает более ёмкого образа, символизирующего работу «министерства правды»: американские нелюди ходят в своей Америке на головах (как и положено антиподам).

Скажу больше. ВСЕ стихотворения Антологии имеют какой-то подтекст. Только этот подтекст создан не авторами стихов, а автором антологии. Для автора «Уткоречи» стихотворения, представленные в сборнике, – диковинная фауна и флора идеологических джунглей. Сам по себе зверь или какой-нибудь куст вне эстетики. Но если его СОБРАТЬ, подать любовно, в КОЛЛЕКЦИИ, при правильном освещении... Как поэт, Кублановский наперекор рациональному непониманию моего замысла, интуитивно это, конечно, почувствовал, подобрав для рецензии удивительно верное название «В советском поэтическом зоопарке». Именно так. И человек, собравший множество зверей в этот зоопарк, каждую зверушку по – своему любит. «В каждой конфете тема для разговора». За каждой зверушкой своя история, свои ОТТЕНКИ и НЮАНСЫ. Помню, был я в океанариуме московского зоопарка. Больше всего мне там понравился обычный слизняк. Он был размером с ботинок, медленно перемещался по дну, шевеля улиточьими рожками, и при этом ПЕРЕЛИВАЛСЯ ВСЕМИ ЦВЕТАМИ РАДУГИ. Буквально. А поместить его куда-нибудь в подвал «Вечёрки» году эдак в 1955. Никто этого серого червяка и не заметит. Но если создать условия, правильное освещение, то червяк раскроется.

Так что, Юрий Михайлович, не пугайте моих слизняков и мокриц. Они все хорошие, красивые и я их люблю. А иначе стал бы я создавать АНТОЛОГИЮ. От великой злобы антологии не составляют-

ся. Зоолог, создающий монографию о крокодилах, свой объект исследования должен ЛЮБИТЬ.

В начале рецензии Кублановский позволил себе высказаться о некоторых душевных качествах составителя «Уткоречи». Что ж, это даёт мне право высказаться о подобных качествах самого рецензента. Очень осторожно и кратко скажу, что, на мой взгляд, Кублановский человек излишне угрюмый и нелюдимый. Он пишет: «Странная книга: в ней задыхаешься, гибнешь — какое чувство юмора ни имей». А по-моему, наоборот. Эта книга очень смешная и весёлая. Где-то похожая на Зощенко, где-то на Хармса. И это впечатление многих читателей (в том числе и второго рецензента «Уткоречи», Андрея Василевского). Студенты в МГУ в конце 80-х, давась от хохота, читали антологию вслух. Недавно мой товарищ прочитал целиком, по его словам, залпом. Навряд ли он прошёл бы насквозь длинный зоопарк, состоящий из унылых клеток с бесцветными вонючками.

В то же время, зоопарк есть учреждение научно-просветительское. Туда ходят с целями не только развлекательными, но и познавательными. В этом смысле «Уткоречь» тоже зоопарк самый всамделишный. Стихи там разбиты по рубрикам, рубрики складываются в общую мозаику советской пропаганды. Напрасно Кублановский упрекает меня в «халтурном» предисловии к книге. «Уткоречь» антология самая что ни на есть настоящая. Как все антологии это, кроме всего прочего, УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. А повторение — мать учения. Некоторые стихотворения, дублированные в предисловии, рассчитаны на школьное чтение. Кублановский, недооценивает уникальность собственного жизненного опыта. Поэтов МАЛО, людей его возраста тоже

становится всё меньше. Пройдёт время, и его поколение (а затем и моё, тоже СОВЕТСКОЕ) уйдёт. То, что Кублановскому кажется самоочевидным, через некоторое время (а во многом уже сейчас) потребует специального изучения, даже зубрения. «Уткоречь», на мой взгляд, прекрасное пособие по истории советской литературы и вообще по советской эпохе. Эпохе уже ушедшей и поэтому требующей РАЗЖЁВЫВАНИЯ. Так ли уж все дети будут взасос читать «Уткоречь»? А предисловие прочесть на перемене вполне посильно. Там в сжатой форме есть всё – это мечта школьника, да и студента.

Кроме того, говоря о «халтуре», рецензент, видимо, не знает историю создания «Уткоречи». Антология была составлена 13 лет назад. На её основе я и написал, как кажется Кублановскому, «халтурную» статью. Навряд ли статью такого качества стали бы печатать в «Новом Мире»*. (*Помню забавный эпизод. Тогда в редакции усомнились в подлинности приведённых мною стихотворений и я приволок переплетённый том Антологии. Сотрудница библиографического отдела прилежно пошла в Ленинскую библиотеку и стала сверять стихотворения по указанным выходным данным. Результат превзошёл все ожидания. Дело в том, что я в основном пользовался переизданиями 50-60-х годов и в ряде мест сталинские перлы были заменены более обтекаемыми фразами. Получилось, что я ещё кое-что сгладил.)

Так что напрасно Кублановский считает, что «Уткоречь» - это что-то вроде второго дебюта мрачного нелюдима Галковского. Скорее её появление в 2002 году есть результат 13-летней деятельности солнечных сангвиников из союза писателей.

И наконец, о «концептуальном протесте» Кублановского по поводу помещения в антологии после-

словия его коллеги Валентина Курбатова. С после-
словием Курбатова я, разумеется, был не согла-
сен, но счёл возможным опубликовать. Хотя бы
потому, что книга издана в Пскове земляками Кур-
батова, знающими его лично. Мнение Курбатова,
видимо из-за моей природной нетерпимости, мне
показалось вполне достойным опубликования. По-
чему бы нет? Ведь антология, если она правильно
собрана, есть самостоятельное художественное про-
изведение. И в этом качестве она немножко живая.
А правда жизни сама себя защитит. Кого поставит
корешком вниз, кого, как американского скрипа-
ча, вверх.

Теперь о рецензии Андрея Василевского.

Василевский считает, что стихи подобраны в
антологию тенденциозно. Это всё стихи очень пло-
хие. А были ведь и стихи хорошие. В них отражает-
ся подлинная жизнь Страны Советов.

С этим тезисом согласиться невозможно. «Хоро-
шие стихи» предполагают наличие у их авторов оп-
ределённой КУЛЬТУРЫ. Советские же от мировой
культуры – отказались. От отечественной – тоже.
Цитирование Василевским в подтверждение своей
мысли стихотворения Мандельштама выглядит ко-
щунственно. Сервантеса поймали алжирские пира-
ты и несколько лет держали в тюрьме. Что же, на
этом основании его можно считать алжирским пи-
сателем?

Что касается «тенденциозного подбора», то он
достаточно репрезентативен. Всё-таки антология
насчитывает без малого 300 стихотворений. Авто-
ров антологии – 148. Разумеется 148 поэтов не мо-
гут быть одинаково известными. Но пропорция здесь
соблюдена – десяток глыб сталинских лауреатов,
именами которых называли улицы и пароходы. Да-

лее мастера — человек 30. Затем основная поэтическая масса. И наконец человек 40 из поэтических клубов при деревообрабатывающих комбинатах. Подобное народное творчество тоже тиражировалось официально и являлось таким же элементом культурной жизни СССР, как, например, любительские театральные коллективы с их «Вильямом, нашим, понимаете ли, Шекспиром»

Все стихотворения разбиты на темы. Темы эти ВСЕ. Любой пропагандистский текст, опубликованный в СССР, можно подвести под одну из приведённых мной рубрик. Причём размеры рубрик антологии ТОЖЕ соответствуют процентному соотношению того или иного направления идеологической работы.

Это делает «Уткоречь», на мой взгляд и по моему замыслу, СПРАВОЧНИКОМ для воссоздания фона ушедшей эпохи. Вот, снимают фильм о конце сороковых годов, в сценарии ремарка: «Улица провинциального городка. Раннее утро. Из репродуктора доносится бравурный текст». А какой? Режиссёр «Уткоречь» открывает и выбирает подходящее стихотворение. Именно ТИПИЧНОЕ, ХАРАКТЕРНОЕ. Потому что других в антологии нет.

Да и для того, чтобы вжиться в образ, молодому актёру можно было бы порекомендовать прочесть «Уткоречь». Василевский считает, что я неправильно поместил в антологию «хорошее» стихотворение Межирова. (Интересно, что в своё время это же замечание высказывал Вадим Кожин.)

Что же это за стихотворение? Приведу его текст:

Возле трёх вокзалов продавали
Крупные воздушные шары,
Их торговки сами надували
Воздухом, тяжёлым от жары.

Те шары летать умели только
Сверху вниз – и не наоборот.
Но охотно покупал народ, –
Подходили, спрашивали:
– Сколько...

А потом явился дворник Вася,
На торговку хмуро поглядел,
Папиросу «Север» в зубы вдел
И сказал:
– А ну, давай смывайся...

Папиросой он шары прижёт,
Ничего торговка не сказала,
Только жалкий сделала прыжок
В сторону Казанского вокзала...

Как это стихотворение прочтёт современный молодой человек? Наверное, оно ему покажется юмористическим описанием уличного хулиганства. В этом смысле действительно стихотворение Межирова вроде бы недостойно помещения в «Уткоречь». Не Лермонтов, конечно, но свою поэтическую задачу автор выполняет. Читать можно.

Однако, в контексте антологии раскрывается подлинный смысл шедевра Межирова. Стихотворение под номером 239 помещено в подотдел «Внутренние враги. Нэпманы.» отдела «Враги». И без всякого дополнительного объяснения при сопоставлении с соседними стихотворениями с Межировым всё ясно.

Сначала автор возмущается, что антисоветские частники спекулируют воздушными шарами. Где они покупают свои шары? В государственном магазине. Копеек по 5. Затем идут к трём вокзалам и начинают ими спекулировать. Цинично надувать и продавать копеек по 10, а то и по 15. Как и любая

частнопредпринимательская деятельность, подобная продажа основана на обмане и эксплуатации потребителя. Шары некачественные, «летают только вниз», а честные граждане, потерявшие бдительность в комфортных условиях социалистической экономики, за некачественными шарами становятся в очередь. А ведь по всей Москве можно купить прекрасные замечательные шары, заботливо наполняемые советской властью кислородом. Такие шары обладают большой летучестью, да ими и дышать можно. А тут старорежимная мразь заполняет шары через гнилозубый рот своей вонью. Куда смотрит общественность! А вот и она - в виде «дворника Васи». По-простому, по-народному дали проклятый спекулянтке укорот. И противная вонючка, подобно спущенному презервативу, «жалкий сделал прыжок в сторону Казанского вокзала».

Вот такое «хорошее стихотворение».

«Уткоречь» - это культурный фон эпохи. В подобном фоне общий уровень культуры проявляется тотально. Можно не смотреть на достопримечательности Парижа, Нью-Йорка или Рима, а просто походить по средним, типичным для этих городов улицам. Впечатление будет не менее адекватным. В СССР же фон, быт стал вершиной и сутью. В чём типические черты социализма? В Красной площади? В Зимнем Дворце? Да не имеют они к советской культуре никакого отношения. Сталинские высотки копируют американский стиль 30-х годов. Что же в советских городах типично социалистического, где реализована СУТЬ эпохи? А вот хрущёвская пятиэтажка. Точнее, БЛОК пятиэтажек. С чахлыми деревцами, строительным мусором, погнутыми детским качелями. Или центр гришинской Моск-

вы КАК ПЕЙЗАЖ. Серые сугробы с вмёрзшими окурками, покрытые льдом тротуары. Редкие фонари, кое-где пустые дома с выбитыми стёклами, бредущие в никуда пьяные люди.

В заключение Василевский приводит, как ему кажется, убийственный аргумент про своего отца – честного порядочного человека, получавшего на 7 ноября поздравительные открытки следующего содержания:

«Поздравляю тебя, Виталий, с Октябрьской годовщиной, мы к этому не имели прямого отношения, но это и наш праздник, мы отдали для него все: наше здоровье, нашу свободу, наше счастье; что в итоге получилось, судить не нам, но мир, кажется, потрясли...»

Антология не про то. Про другое. Вот мой отец умер, а после этого ему 12 лет присылали следующие «поздравления»:

«Дорогой товарищ Галковский!

Сердечно поздравляем Вас и Ваших близких с Великим праздником Октября. Желаем крепкого здоровья, отличного настроения, успехов в труде на благо и процветание нашей Родины».

И адрес организации, не помню уж какой. Что-то вроде «Совета Ветеранов Пролетарского района г.Москвы». 9 мая дубль – только «Октября» заменялось на «Победы»

Смерть социалистического насекомого даже не заметили. Гигантская пропагандистская машина продолжала свою марсианскую деятельность:

«Добрый землянин!

Серединно оздоравливаем Тебе с грандиозным Одержанием. Доброй еды, крепкой печени.

Гематологический центр дистрикта Солнечная Система»

А мой отец был человеком. Как-то пошёл дождь, вдруг выглянуло солнце и появилась радуга. Отец закричал: «Димка, смотри – радуга, радуга!» Взял меня за руку, мы с ним выбежали во двор и стали бегать по лужам. На небе светило солнце, сияла радуга, дождь всё равно шёл. Небо было странное, светло-фиолетовое. Было чувство абсолютного счастья. И я, совсем маленький мальчик, запомнил на всю жизнь: РАДУГА. Радуга, которую подарил мне отец, точнее, он подарил нечто гораздо большее – дар видеть радугу.

И в отвратительном слизняке, вылезшем из звездолёта «пить кровь», добрый и гуманный Дмитрий Евгеньевич постарался увидеть нечто достойное рассмотрения. Конечно за защитным стеклом времени. Это по человеческую сторону аквариума слизняк красивый. А внутри – такого шороха даёт. Рыб там здоровых много плавало, никто этого слизняка мягонького не ел – наоборот деликатно обплывали за метр. Небось такой слизняк, что кураре отдыхает. Лично посадил человек 200.

Василевский утверждает, что слизняки они и сами ого-го – красивые. Да нет, Андрей Витальевич, не красивые. По двум причинам. Сами они объект природы материальной и ничего красивого СОЗДАТЬ не могут. Сами по себе, как СОЗДАНИЯ, они могут быть интересны. Но тут закавыка – ползают они в тени великой русской культуры. И в этой тени все они серые и неинтересные. Я в «Уткоречи» тень убрал. Так сказать, навёл прожектор систематизатора. Под его лучами зверушки запереливались всеми цветами радуги. Но ведь, знаете, выключу я прожектор, и все о них забудут. Уже навсегда.

То есть они к людям относились как к животным, а я к ним, животным, отнёсся как к людям. Сделал

их ПОЧТИ поэтами. Ведь сколько этих советских антологий-переантологий было. Что же останется через 50 лет? Василевский говорит, что будут читать многих. С этим я согласен. Будут. По «Уткоречи».

август 2002

*«Уткоречь», издана в 2002 году в Пскове.

УТИНАЯ ОХОТА

Разумный обзор десяти рецензий сценария «Друг Утят»

Семь лет я не появлялся на страницах отечественной периодики. Писали обо мне в период отсутствия (вынужденного) всё-таки довольно много, однако постепенно пишущие расслабились и забыли, что Галковский полемизировать любит и полемизировать умеет. Первое обстоятельство любого нормального критика только радует, а вот второе – «кому как».

О последних моих публикациях напечатано довольно много рецензий, но видно, что писались они в пространство. То есть рецензенты не ожидали, что им будет отвечать сам автор. Для писателя это действительно неправильный тип поведения (хотя бы потому, что ставит его в унижительное положение «самообъяснения»). Однако я не писатель, так что сделаю не просто глупость, а глупость десятикратную, ответив сразу на десять рецензий*, посвящённых моему киносценарию «Друг Утят» («Новый мир» №8 за этот год).

Шарахнув по десяти уткам, замечу, что, конечно, у меня была форa. Зверушки расслабились. На будущее предупреждаю, что отвечать буду регулярно. Так что «кто не спрятался, я не виноват». Летайте выше.

1. Водолаз не в ту сторону

**Николай Александров, «Слово не воробей, улетит
- и все...», интернет-издание «Газета», 8 августа**

Сократ сказал о Гераклите: «То, что я понял в его произведениях, кажется мне прекрасным. То,

чего не понял, наверное ещё прекраснее. Хотя, чтобы донырнуть до таких глубин, надо быть водолазом.»

Ход мысли Николая Александрова попроще, без затей». Я прочитал Галковского и не понял ничего. Следовательно, Галковский дурак или, что ещё вероятнее, сумасшедший».

Рецензент так и пишет: "Галковский действует по принципу «все, что есть в печи, все на стол мечи». И мечет... В результате натюрморт получился душевраздирающий. Грустно становится. Ведь, по большому счету, «Друг утят» - это история болезни...»

Оценивать рецензию невозможно, её просто нет. Автор отмороженным водолазом вылез на пляж и раздавил свинцовой галошей шахматную доску. Отдыхающие разбежались в разные стороны. Ноль баллов. Александров счастливый человек. Остаётся только порадоваться за его родных и близких.

В довершение всего, рецензия называется «Слово не воробей...» Я и говорю - счастливый человек.

2. Сильнее кошки зверя нет

Игорь Шевелев, Пелевин под псевдонимом,

Время МН, 31 августа

Свою игривую рецензию автор строит на, как ему кажется, остроумном «карнавализме-постмодернизме»:

«Конечно, это классный ход Виктора Пелевина: когда все уже лопнули от нетерпения прочитать его новую книгу, напечататься под именем Дмитрия Галковского».

И дальше, дальше наяривает на отнятом у соседского малыша трёхколёсном велосипеде: Если кто не знает, Галковский это всеми забытый помоешный публицист начала 90-х. Блестящий писатель Пелевин использует его образ для пародийного...

И дальше-дальше. Мальчуган орёт, велосипед трещит, из подъезда выбегает здоровенный сосед с засученными рукавами. Пьяный карнавалист не видит ничего: выписывает очередной круг вокруг песочницы, тренькает звонком. Сейчас, пожалуй, карнавализм действительно и начнётся.

Всё это похоже на историю чукотского мальчика, которому от избирательной кампании Абрамовича обломился томик Пелевина. Мальчик в чуме зачитал Пелевина до дыр, многое выучил наизусть. А тут привезли его в Анадырь, сводили в книжный магазин. Мама дорогая - пелевиных там стоит тыща. Взял одного - на обложке вместо родного имени какой-то Марк Твен. Другую книгу - что ты будешь делать - Дюма. Третью - Новиков-Прибой. **ВОРУЮТ ПО НАГЛОМУ**. Взяли, значит, как Пелевин, тоже стали печатать книги, нумеровать страницы, тискать картинки, а имена впаривают СВОИ. Один, правда, совестливый нашёлся. Свою фамилию поставить постеснялся на ворованном и издал так, без названия. Толстая такая книга - Библия.

Там недопелевин, здесь перепелевин. А Галковский. Неужто... Вроде всё сходится. И читать интересно и ... Нет, всё-таки не Пелевин. Шевелёв вздыхает в конце рецензии: «Замах на Пелевина, а исполнение на Галковского. Увы, не Пелевин.»

Тоже счастливый человек. Но без скафандра. На трёхколёсном велосипеде. Два балла.

3&4. Шашки на место!

Михаил Золотоносов, «Правда» и «ложь» как сорт пива, Московские новости №37, 28 сентября; Квадратные яйца Галковского, Дело, 21 октября

У предыдущего критика вся вселенная состоит из одного Пелевина, которому противопоставляется «Непелевин», то есть небытие. Золотоносов «свет -

отсутствие света» заменяет более тонкой дихотомией: «белое - чёрное». Белое - это «демократия», чёрное - «тоталитаризм». Галковский «из света в тень перелетая» совершает переход от первого ко второму. Причина - общее поправление политической обстановки и мрачный характер талантливому мизантропа.

Для зачина рецензент даёт краткую, но ёмкую характеристику Галковского: хорошо пишет, собака, ничего не скажешь. Писатель «культовый и гениальный». Последняя вещь тоже из ряда вон хороша. Только есть одно НО и пребольшое. Галковский именно собака. До тридцати лет молчал, ровно воды в рот набрал. Затем дебютировал «псевдофилософским романом, написанным в жанре интеллектуального мазохизма». «Текст выдавал эгоцентрика, замкнутый на своей депрессии и ненависти-жалости». От великой депрессии и столь же великой злобы после оглушительного дебюта «Галковский отполз обратно в нору и на три года затих». Стал почему-то самиздатом издавать свой «псевдофилософский роман», до этого печатавшийся лишь отрывками. «Потом снова приступ мизантропии и молчок лет на пять». В общем, мрачный мизантроп. Да и ксенофоб... Да и маргинал... Да и... и говорить не хочется. Бедный, горбатый Дмитрий Евгеньевич! Ничего ему не надо: ни мармелада, ни шоколада, ни дачи в Переделкино. А только чтобы сидеть в норе и оттуда рычать утробно: р-р-р-р-р.

Эх, сколько таких нелюдимов в нашей недавней истории было! Вот, например, Михаил Булгаков. Написал «Мастера и Маргариту». Книга занимательная, интересная. Бестселлер. Так издал бы её массовым тиражом, организовал встречу с читателями, надписывал поклонникам экземпляры, праздновал успех в лучшем ресторане Москвы. Нет, мрачный

горбатый Булгаков книгу издавать не стал. Забил-ся, как бирюк, к себе в нору и умер. И родственники его от великой злобы рукопись двадцать пять лет под подушкой держали. Или вот ещё пример - Мандельштам. Взял зачем-то из столиц уехал в Воронеж, потом в уже немолодом возрасте в чём мать родила поехал на Дальний Восток строить Комсомольск-на-Амуре. Надо ему это было! Зачем же поехал? Очевидно от злобы, из-за невыносимо тяжёлого характера. Изувер Платонов назло всем работал дворником. Припанкованная Анна Ахматова двадцать лет переводила корейские стихи. «Считаете меня выдающейся русской поэтессой? Так вот же вам, нате - буду из вредности заунывной корейской переводчицей». Зощенко этот вообще на людей кидался. Вскочил на собрании советских писателей и расплакался: «Зачем вы издеваетесь надо мной». И выбежал из зала. Вот какой нелюдим. К нему по-хорошему, по-дружески, а он так реагирует. А всё почему? НЕ ЛЮБИТ ЛЮДЕЙ.

Ну и наоборот. Были в нашей истории оптимистичные, добрые Михалковы, Гамзатовы, Ермиловы, Бабаевские. Жили они в светлых сталинских хоромах, имели прекрасные дачи в самых заветных уголках СССР, были окружены любящими родственниками. Печатали по пять книг в год. В общем и сами жили и людям жить давали. Почему? В значительной степени из-за своего светлого, ботичеллевского характера.

Историки хрущёвской оттепели любят предаваться социальным мечтаниям. А что было бы, если бы не было застоя. Если бы пошла демократизация дальше и к году этак 70-му дошла до позднего горбачевизма. А ТО бы и было. Снова бабаевским и михалковым, только уже не коммунистам, а правоверным потомственным демократам, противостояли бы «пло-

хие люди», все эти эгоцентрики и мизантропы. Оказалось бы, что Пастернак и Ахматова - патентованные сталинисты, Булгаков - черносотенец, Зощенко - шизофреник.

В начале 90-х я потряс Льва Анненского, назвав его на вечере в Доме Кино «господином Анненским». Маститый критик ушам своим не поверил:

«В связи с выступлением Дмитрия Галковского, хочу отметить, что меня сейчас впервые в жизни называли “господином”»...

Прошло десять лет. Общественные приоритеты поменялись местами. Ну и теперь-то Галковский, борец с с тоталитаризмом, наверно член какого-нибудь президентского совета, или там посол в Бельгии. Ведь «наши в городе». Ничуть не бывало! Дом Кино никуда не делся, кино тоже. Только плёнку повернули слева- направо. Недавно тот же Лев Анненский назвал меня, угадайте кем, - правильно - «одним из талантливейших публицистов антилиберального фронта». Такой вот... кинизм.

Что же нашёл Золотоносов в моём киносценарии? Оказывается, это вещь принципиально другая, чем «Бесконечный тупик». Галковский совершил социальную трансформацию. «Друг Утят» демонстрирует совершенно иное и для Галковского парадоксальное направление. ... новое сочинение Галковского, оформленное как сценарий фильма, является идеологическим высказыванием, вписывающимся в резко обозначенную тенденцию «Нового мира». Тенденция это антиамериканская, консервативная, пропрохановская...

Аргументы Золотоносова? Их НЕТ. И быть не может.

Недавно в «Независимой газете» был опубликован мой фельетон о памятнике Дзержинскому. Соль там была в злом сарказме: Дзержинский говорил, что в

детстве мечтал о шапке-невидимке, чтобы в ней «резать москалей», так давайте памятник в шапке-невидимке и «восстановим». Интересно, как на это откликнулся бы наш критик? Наверное, так: «Мрачный изувер Галковский договорился до восстановления памятника Дзержинскому на Лубянской площади. Закономерный итог нравственной эволюции закомплексованного эгоцентрика».

Вы думаете я гиперболизирую? Так НЕТ! Свою вторую статью Золотоносов так и заканчивает:

«От вечной депрессии и комплексов асоциальный мизантроп Галковский вдруг излечился патриотическим консерватизмом, который вошел сейчас в Москве в большую моду. Закономерно, что в том же номере «Нового мира» небезызвестная Рената Гальцева в статье «Тяжба о России» одним из главных врагов назвала либерализм, обвинив его в антипатриотизме и анархическом стремлении разрушить государство. Т.е. в том же самом, в чем Галковский обвинил Интернет. Все признаки завершения очередной оттепели сошлись окончательно, когда Лужков предложил восстановить «железного Феликса» на старом лубянском месте».

Как тут не вспомнить известного гоголевского персонажа, за один ходдвигающего шашки по всему полю – рукой, рукавом, чихом, наклоном доски и уж совсем черти чем. Только куда – не выйдет. Я ведь как раз либерал и демократ. Как у демократа, всегда готового к дискуссии, у меня все ходы записаны. Вы одну шашечку двинули, вторую, третью. Ан что-нибудь и проскочит. Нет, не проскочит. На этом и стоит демократия. На ЗАКОННОСТИ. При демократии все ходы демократически записаны в протокол и на кривой её объехать трудно. Демократ видит, что человеку надо и зачем. И за ушко именно, именно на солнышко «гласности». Сказал – докажи. Хоть как-то. Хоть чуточку.

Два балла. Хотя и приятно читать, что я культовый и гениальный, но именно в силу глубокого либерализма и демократизма, равнодушного к эпитетам...

**5. «Мечтания недостаточно
компьютеризированного гуманитария»
Владимир Губайловский, Сетевая игра «G+» и
сценарий Д.Галковского «Друг Утят»,
Новый мир, №11**

В отличие от подавляющего большинства рецензентов, Губайловскому пришла в голову светлая мысль: сравнить моё описание мира компьютерных игр с самим этим миром. Рецензент обнаружил, что игра G+ действительно существует и, более того, автор сценария имеет к ней какое-то отношение. Какое? Губайловский решил так. Дмитрий Евгеньевич в один прекрасный момент открыл для себя компьютерные игры, стал играть в G+, начал зачем-то спорить с игроками и наконец перенёс эти споры в сценарий «Друг Утят». Вывод: «Друг Утят» – это «мечтания недостаточно компьютеризированного гуманитария». Что само по себе не хорошо и не плохо. Как говорится, «мечтать не вредно». Плохо, что дубиноподобный Галковский лезет со своим уставом в «замечательно обжитой и живой уголок виртуального мира». Стоеросовый писатель «не вполне тонко чувствует красоту и точность формального мира игры» и даже «принижает его достоинство»

Очевидно, сам рецензент считает себя тонким ценителем виртуального зазеркалья и думает, что владеет по данному вопросу исчерпывающей информацией. Заблуждение приятное, но опасное. Губайловский не понимает ирреальности виртуального мира. Виртуальный мир правдоподобен. Его критерии не истина и ложь, а похоже-непохоже. Виртуальный

персонаж это «человек, похожий на прокурора», а если уж и прокурор, то «похожий на человека».

Губайловский этих подводных камней не видит и спотыкается ещё в преддверии. В начале рецензии он пишет: «Правила Г+ и первый игровой сервер были созданы Антоном Кругловым».

Но уверен ли рецензент, что это именно «Антон» и именно «Круглов»? Ведь «Антон Круглов»-это персонаж фильма Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» (исполнитель роли - Владимир Басов). А Меньшов и его семейство одновременно являются персонажами моего сценария, причём одна из новелл «Друга Утят» тоже называется «Москва слезам не верит».

Можно сказать, что ларчик открывается просто: Галковский подогнал к имени гейммастера, случайно совпавшего с персонажем Меньшова, присутствие меньшовской темы в фильме. Если бы автора Г+ звали иначе, то скорее всего и режиссёром в «Друге Утят» был бы кто-нибудь другой, или же этой темы не было бы в сценарии вообще.

Однако не является большим секретом тот факт, что сценарий «Друг Утят» написан по просьбе самого Меньшова, встречавшегося со мной в прошлом году, то есть через много лет после возникновения Г+. Это Губайловский мог бы узнать, например, от главного редактора «Нового мира».

Так кто же тогда «Антон Круглов»? Если бы Губайловский походил по сайтам, посвящённым Г+, то с удивлением обнаружил бы, что о Круглове (он же Galaxy Mind, он же ГМ) говорится достаточно часто, но на фотографиях, сделанных на галактических встречах, его или вообще нет, или его изображение специально **ВЫРЕЗАНО** (см., например, на [сайте Хифловера](#)).

Так что же, Антона Круглова вообще нет? Поче-

му же, есть. Материал о нём, при желании, можно даже найти в открытом доступе. Например, в журнале «Кто есть Кто», издаваемом Русским биографическим институтом, помещено большее интервью «Круглова»*** (№1, 2000 г., «Бог из машины»). Если бы рецензент серьёзно подошёл к заявленной теме, он бы его обязательно проштудировал. Интервью предваряется биографической справкой, в которой можно прочитать, например, такую фразу:

«В 1988 году Круглов вошёл в возглавляемую Д.Галковским группу «ДШ», разрабатывающую теорию и прикладные технологии виртуального театра».

Однако у Губайловского свой источник информации о Гэлэкси Плюс и Галковском. Их даже два. Первый - некий ресурс в Лайф Джорнал, где «обсуждают Галковского». Второй - галаксианин Скал, которого он благодарит за «подробные и оперативные консультации».

Что касается первого источника, то рецензенту, видимо, невдомёк, что автором анонимных рассуждений в Сети может являться кто угодно. Например, вуайерист-боярскофил, которого несколько раз выгоняли с концертов Боярского, потому что он садился там в первом ряду и прилюдно начинал «делать все дела». Первые три раза выводили тактично, в четвёртый выволокли за шиворот и надавали пинков. В налоговую инспекцию хлынул поток анонимных сигналов об уклонении Боярского от налогов. Сексуальная же жизнь вуайера, после побоев в реаллайфе, перешла в-интернет. Несчастный стал «пристраиваться» к Антону Носику, Татьяне Толстой, Глебу Павловскому и, наконец, ко всему, что передвигается по-интернету, в том числе и ко мне.

Правда это или нет? Читатель, хотя бы бегло просмотревший материалы соответствующего ресур-

са, решит, что скорее всего правда: всю дискуссию о Галковском пишет один человек, сидящий перед монитором в пеньюаре и с фалоимитатором между ягодиц. Основная тема рассуждений: «Боярский не платит налогов».

А формально там написано, что якобы это страница, принадлежащая моему сайту «Самиздат» (!) Для Губайловского этого оказалось достаточным, чтобы всерьёз ссылаться на... на... он и сам не знает, на кого.

Что касается Скала, то это человек вполне реальный, к тому же неглупый и симпатичный. Только следует учитывать, что он галаксианин. А галаксианин никогда не будет сообщать объективную информацию о Г+, потому что как раз «объективной информации» ВНУТРИ Г+ нет. Любой галаксианин это властелин вселенной, эту вселенную сам из себя создающий, и действия его всегда носят характер утилитарный. Он всегда против кого-то «борется», и хотя бы какие-то сведения из него можно извлечь только пропустив через соответствующий фильтр. Против кого и за кого борется Скал Губайловский не знает, поэтому всё, что он ему наговорил, можно смело выбросить в корзину для бумаг.

Скал держатель небольшого сервера Г+. Иерархия игровых серверов в Г+ примерно такая: Московский сервер - 60%, Саргона (петербургский сервер) - 35%. На оставшиеся 5% приходится всё остальное, в том числе сервер Скала. Всего серверов немного, и иметь даже небольшой сервер-это свидетельство особой продвинутости. Так что Скал занимает в галаксианской иерархии почётное 28 или 36 место. Правда интересно, а кто хозяин главного, Московского сервера? Если бы Губайловский захотел изучить этот вопрос подробнее, он бы с удивлением обнаружил, что сервер длительное время принадлежал... Да, да - «недостаточно компьютеризи-

рованному гуманитарию». И этот гуманитарий, «не понимающий игровые тонкости», со своими 60% ломал через колено условно работающий сервер Скала с его 0,006%. Мешал ему «условно работать» дальше. А где, кстати, при этом играл сам Скал? Ведь на своих серверах не играют. Правильно - Скал играл, и играл, как и прочие игроки, бесплатно, на оплачиваемом мною Московском сервере.

Но это ладно. Сам по себе компьютерный мир вещь зыбкая, ирреальная, а уж Г+... Кто не играл, никогда не поймёт. Губайловский не играл и понять Г+ не может в принципе. Так что за инициативу в постановке темы можно было бы троечку натянуть. Плохо другое. Губайловский не читал текста «Друга Утят», а это уже вещь необъяснимая. В своей рецензии он приводит всего одну ссылку на текст сценария:

«Galaxy» - это игра с неполной информацией. Игроку доподлинно известно, что происходит на чужих планетах, только в том случае, если на орбите есть его корабль. Как правило, первым на чужую планету высылается дрон - легкий корабль-разведчик. Отсюда и фраза, столь часто цитируемая Галковским в сценарии «Друг Утят»: «Он и дрона в инкаминге не видел» - как характеристика непосвященного, не игравшего никогда в «Galaxy». («Приближающиеся группы - Incoming Groups - это список всех групп чужих кораблей, направляющихся на ваши планеты». - «Руководство игрока».)»

Эту фразу я в сценарии часто не цитирую. Из этого можно заключить, что рецензент читал по диагонали, в одном месте наткнулся на злополучный «инкаминг» и экстраполировал на весь текст. Но нет и этого. В сценарии такой фразы НЕТ ВООООБЩЕ. Даже слова такого «инкаминг» я не употребляю. Зачем же говорить, о чём не знаешь? Жалко. Если бы рецензент видел дрона в инкаминге, то бы по-

нял, что совершает двойную ошибку, отождествляя меня с «Другом Утят» и считая тексты, на которые он даже не может привести нормальной ссылки, действительно полемикой по какому-то реальному, а не виртуальному поводу.

Два с плюсом. Плюс за правильную постановку вопроса. Действительно интересная тема: Галковский и компьютерные игры, и, шире, вообще взаимоотношения литературного и компьютерного миров. Но вот уровень владения материалом... Слабое владение компьютерной тематикой малообъяснимо (ведь рецензент окончил мехмат). Как мог РЕЦЕНЗЕНТ не читать рецензируемое произведение - вообще загадка. А тема, затронутая Губайловским, повторяю, интересная. В порядке «игры с неполной информацией» напоследок подброшу ему пару цитат. Для размышления на досуге.

Первая цитата из моей пьесы «Каша из топора», написанной в начале девяностых. Главным действующим лицом там является автор пьесы «Каша из топора» по фамилии Гагарин. Один из его персонажей отзывается о нём так: «Человек верит в маленькое. Если бы человек постоянно сознавал, что над головой у него бездонная галактика, а сосед по коммуналке гений, или даже проще - просто предполагал, что соринка на его пиджаке длиной в 50 метров, а вес пепельницы на столе 50 килограмм, он бы сошёл с ума. Платой за это, конечно, являются некоторые ошибки. Соринка на пиджаке у фокусника действительно разрастается на глазах у изумлённой публики в бесконечную нить, а пепельница в кабинете у министра среднего машиностроения оказывается сделанной из урана и неосторожно уроненная пробивает деревянный пол насквозь. Но это исключения, которыми можно пренебречь. Мне кажется, что Гагарин это понимает и специально подыгрывает мещанам».

Фантазмагорический контекст полемики игроков Г+ с Г+алковским можно иллюстрировать и цитатой из романа Дугласа Адамса:

«В начале была создана Вселенная, что очень разозлило многих людей и рассматривалось, как плохой поступок».

6. Прощай, молодость! Здравствуй... старость?

Инна Булкина, «Новый мир» по четным: детям до 16-ти, Журнальное чтиво, №96, 26 августа

Текст Инны Булкиной в- Интернете украшает симпатичная фотография, удивительно идущая к её имени. Действительно «Инна» и действительно «Булкина». Такая улыбающаяся булочка: и-н-на.

Рецензия как рецензия. На троечку. Булкина, похоже, и не старалась особенно. Такие обозрения журналов часть её рутинной работы. Мне только понравилось, что она подчеркнула мой возраст в другую сторону. Когда я появился на литературном горизонте, все закричали про сопляка с шоколадными конфетами, гадёныша, золотое дитя перестройки. То есть в свои тридцать я показался слишком молод. Ну, прошло десять лет. Вроде теперь аргументы от метрического свидетельства можно прекратить. Ан нет. «Снова смеётся, хохочет народ»: «Куда прёшь, дед». Булкина с сарказмом говорит о «ещё вроде нестаром» писателе, написавшим текст для балдеющих от «масыни» подростков. Вот и выходит, что свой возраст я уже проскочил. Обидно!

7. Потихоньку учимся читать Галковского

Дмитрий Крылов, «Апокалипсис по Маклуэну», Русский переплёт, 29 августа

Сначала о хорошем. Дмитрий Крылов верно по-

чувствовал сложное чувство от возникновения будущего мира, потому что и сам этот мир будет сложным и уже появляется «сложно». Это действительно кинохроника нового мира и даже соучастие в его создании, и даже приглашение к этому соучастию... «Да не хочется ли самому-то автору такой жизни? Не соскользнул ли он вниз по той грани, которая отделяет беспристрастного исследователя от проводника и пропагандиста и не живёт ли сам автор, пусть не в физическом смысле, но в смысле образа своих мыслей, в таком же вот ужасном колоде с роботами, которые он рисует?» Да ладно автор, но мы-то, мы сами не живём ли уже в том будущем, которое он обрисовал? И не есть ли этот киносценарий на самом деле кинохроника нашего времени, а вовсе не будущего?»

Тонко подмечено. Но, к сожалению, интересные мысли рецензента изрядно подпорчены голословным обвинением в нелогичности (!) моих сюжетных ходов:

«Однако есть в сценарии Галковского и такие сцены, которые приходится принимать *sum grano salis*. Такова, к примеру, сцена смерти Петухова, который всё же не мог знать, кто к нему вломился и почему, не ведая, ведь, что «дочка большого человека» покончила с собой, как не мог он и разбиться «в лепёшку», прыгая с четвёртого этажа, и не могла милиция приехать мгновенно. Таких неточностей в сценарии довольно много».

«Товарищ не понимает». Пр процитирую отрывок. К Петухову (компьютерному извращенцу) приходят вычислившие его мстители.

«Квартира Петухова. Бесшумно заходят трое, он в майке и трусах сидит перед компьютером. На экране монитора кадр из фильма «Брат-2» с полуголым Данилой Богровым.

Один из гостей. Что, Петухов, трудишься?

Петухов выдергивает руку из трусов, вскакивает, видит мрачную троицу и сразу все понимает. Звучит мужественная ковбойская музыка.

Петухов. Ребята, да вы что, я в мэрии работаю. *(Троица молчит. Пауза. Играет музыка.)* Хотите, отсосу у всех. Я, это... Я все... У меня деньги есть. *(Лезет в стол. Протягивает деньги. Молчание. Пытается засунуть деньги одному из гостей в карман, его отпихивают.)* А грамотно вы меня вычислили. Программеры, да? Вы Тему Лебедева знаете? А Женю Голанда, нет, не знаете? У меня индекс в эхах знаете какой? А хотите, я в окно выпрыгну? Тут четвертый этаж. *(Бросается открывать окно.)*

Один из гостей. Хватит. Одевайся, поедешь с нами.

Петухов. А куда? Я сейчас. *(Суетливо одевается, прыгает в одной брючине.)* Куда ехать-то?

Входит Большой человек.

Петухов *(улыбается в ужасе).* Здравсьте. Юлий Михайлович, здравсьте!.. Нет, я все-таки прыгну. *(Дергает окно, окно открывается. Встает на подоконник, оборачивается.)* Здравсьте! *(Пятится и исчезает в темноте.)*

Один из гостей*(подходит к окну).* В лепешку.

Большой человек. Жалко, быстро кончилось. Впрочем, главное я видел. Хотелось гаду в глаза посмотреть.

Один из гостей. Милиция! *(Звучит сирена.)* Уходим!!!

Относительно мог знать или не мог. «Звонок в дверь» это кошмар, преследующий любого компьютерного хулигана. Петухов вовсе не понимает в начале, что пришли мстить за доведённую им до самоубийства девушку. О её смерти он, конечно, зна-

ет. Из прессы или через почтового трояна, поставленного на её компьютер. Но за Петуховым таких историй десятки. Пускай не столь «удачных», но вполне «побоеёмких». В избиении хулигана с удовольствием приняло бы участие множество людей. Видя бесшумно проникших в квартиру людей, Петухов понимает, – будут бить. А учитывая, что проникли в квартиру «грамотно», бить будут сильно.

Но били его на раннем этапе его деятельности уже не раз. Это человек опытный. Несмотря на растерянность, на автопилоте он действует правильно.

1. «Ребята, да вы что, я в мерии работаю» – таким образом он зондирует, кто пришёл по его душу. Если от «Юлия Михайловича», то будут убивать, причём медленно. Если ребята из соседнего подъезда, дело ограничится подбитым глазом.

На «мерию» внимания не обращают. Петухов решает, что, скорее всего, выжить удастся. Тогда он переходит ко второму пункту.

2. «Хотите, отсосу у всех. Я, это... Я все...»

Это не значит, что Петухов гомосексуалист. Он сексуальный извращенец, но специализация у него другая. Это мастурбирующий садист, устанавливающий контакт со своей жертвой через Интернет. Чем больший личный контакт ему удаётся установить вначале, тем большее удовольствие он получает от последующего унижения жертвы. Он предлагает, чтобы в отместку его тоже унизили, причём в реальной жизни. Предложение вполне разумное, особенно если учесть, что садист часто является и мазохистом.

3. «У меня деньги есть».

Предложение опять вполне рациональное. То, что на него не соглашаются, Петухова снова настораживает.

Тут он, кстати, ошибается. Дело в том, что тако-

го рода людей компьютер приучает считать быстро и правильно. Но они не учитывают, что в реальной жизни для осмысления предложения клиенту требуется время. Взятка в компьютерном квесте проходит мгновенно. «Блямс» и герой получает за правильное действие 50 очков. Сунуть взятку реальному чиновнику это вовсе не «блямс». С человеком надо поговорить, расположить к себе, снять напряжение, найти общего знакомого.

Если бы к Петухову заглянули действительно соседи, они бы могли вместо жестокого мордобоя приколоться с групповым изнасилованием или поставить его на бабки. Но предлагать себя надо не так быстро. В таком темпе люди не успевают согласиться. Но Петухов считает слишком быстро и воспринимает отказ от денег однозначно: будут убивать. В данном случае это интуиция. Тогда он с огромной скоростью действует дальше:

4. «А грамотно вы меня вычислили. Программеры, да?»

Тоже всё понятно. Он пытается установить человеческий контакт с исполнителями заказа и каким-нибудь образом отсечь их от заказчика, перехватить инициативу. Как вторичную цель это имели в виду и предыдущие предложения.

Но Петухов страшно торопится (куда? - к своей смерти, ведь сама деятельность маньяка есть стремление к самоубийству) и без остановок переходит к следующей фазе:

5. «А хотите, я в окно выпрыгну? Тут четвертый этаж. (Бросается открывать окно.)» Это важная деталь, которую рецензент совершенно не понял. Петухов уже не совсем человек, это сросшийся с Интернетом робот и он мыслит нечеловечески рационально.

Что означает «четвёртый этаж»? Это тяжёлые

травмы, но реальный шанс остаться в живых, может быть, даже не калекой. Третий этаж было бы бессмысленно предлагать, на него бы не согласились. Пятый этаж - почти верная смерть и на него не пошёл бы сам Петухов. А четвёртый-самое оно. Петухов опять предлагает ДЕЛО, но опять слишком торопится.

Далее он пытается выяснить, куда его будут везти. У идиота большой опыт общения, он очень прилипчивый и хладнокровный. Но тут входит САМ. И Петухов понимает - ВСЁ. Кранты. Впереди смерть, и смерть страшная. Тут он снова бросается к окну, но уже с другой целью. Чтобы побыстрее кончиться. Как же можно с четвёртого этажа разбиться «в лепёшку»? А очень просто - ведь Петухов падает спиной (почитайте внимательно) и падает так специально. Потому что понимает - если, не дай Бог, выживет, его полумёртвого повезут на машине убивать дальше: резать ремни из спины, тянуть жилы, вырывать кишки через задний проход.

И он очень быстро и логично сам себя выдувает в форточку - как пушинку. Потому что давно превратился в виртуальный персонаж, нечто только «похожее на человека».

Что же касается немотивированно приехавшей милиции, то опять-таки всё мотивировано. Её вызвали, как только Большой человек подъехал к подъезду Петухова. За его квартирой следят, телефоны Большого человека прослушиваются. В предыдущей сцене всё говорится ясно: «Инфу папаше скинем, а там отследим. Он сам на себя материал даст».

Папаша и дал. И в заданном Петуховым бешеном ритме выдулся в форточку вслед за своей жертвой. Его выдернули из комнаты через окно при помощи червяка-Петухова.

Может быть, в сценарии это не прорисовано, но

на то это и СЦЕНАРИЙ, то есть СХЕМА. Филолог сценарий должен читать с листа, как музыкант партитуру.

Четыре балла. Крылов встал на скользкую почву доказательства своей точки зрения. Скользя, но почва. Это ПУТЬ. Здесь упали, там споткнулись, ничего - «от простого к сложному». Можно у Галковского выиграть в шашки, можно. Не так уж и сложно. Надо только понимать, что Галковский, в отличие от Пелевина, игрок и двигает шашечки не просто так, а по определённым филологическим правилам, с определённой целью. Почему на экране монитора Петухов Данила Богров? Если бы это сделал Пелевин понятно: «для прикола». Можно Богрова, можно, например, Чапаева - ещё прикольнее. Но Галковский человек образованный, он всё делает специально. Если это понять, тогда беспорядочное махание руками превратится в осмысленный поединок. Импрессионистические мнения сменяются литературной КРИТИКОЙ. Тогда у неуязвимого и всегда правого наглеца Галковского вполне могут обнаружиться и слабые места, и натяжки, и логические несообразности... То есть рецензент должен думать хотя бы на ход вперёд.

8. Плохая Америка, однако

**Анатолий Смирнов, «Друг утят», Заневский
летописец, №816/817, 12/13 августа**

Вслед за автором, начинающим свои рассуждения с большой цитаты из «Друга Утят», начну ответ с такой же большой цитаты из одноимённой рецензии:

«Прочитав начало, я, естественно, уже не мог остановиться, пока не дочитал до конца. И был разочарован.

Хотя в то же время разочарован тоже не был.

Разочарован потому, что самая сильная и красивая мысль была оформлена в первых двух абзацах и там же закончилась. А не разочарован потому, что и все остальное написано четким, вполне русским литературным языком и несет в себе определенную идею... Разочарован потому, что идея эта банальна и стара, как пресловутый долгожитель Моисей. И не разочарован потому, что эта старая и обсосанная со всех сторон идея в некотором роде задрапирована в новые, даже новейшие - хайтековские одежды. Разочарован потому...»

И далее ... «не разочарован посему». И снова - «потому». И опять «посему». Потому-посему, потому-посему.

Стилистически сделано неплохо, но почему-то напомнило мне давнее интервью Параджанова «Голосу Америки». Маститый кинорежиссёр причитал: «Америка, Америка! Что ты со мной наделала. Ты разбила моё сердце. Нью-Йорк это город кристаллов. Я был поражён. Это друзья кристаллов, освещённых гранатовым солнцем. Вах, не могу говорить (всхлипывание, питьё воды из графина). А Монреаль! Это друзья кристаллов.»

Всё это шло с многочисленными восточными повторами, с наивным акцентом. В общем, лекция вернувшегося из турпоездки чукчи на тему «Плохая Америка»: «Ой, Америка, Америка. Плохая Америка. Шибко плохая. Аляску купила, а Чукотку, однако, не купила».

Я его записал на магнитофон и гостям крутил. Люди от хохота плакали. (Золотоносов встрепенулся: «Антиамериканизм, армянофобия, чукче... или чукото... тьфу... звериная ненависть к народностям Крайнего Севера». Побежал, петрушка. Смотри, не споткнись.)

Если же говорить серьёзно, то рецензия меня не

разочаровала. Автор пунктиром обозначил основные смысловые узлы сценария и в общем обрисовал верно. Но одновременно - Дмитрий Евгеньевич наводит двустволку и на эту утку - ба-бах - перья в разные стороны, тушка летит вниз - она же рецензия меня и разочаровала, потому что дальше пунктира автор не идёт и, видимо, идти не может. Внутренний смысл моего произведения остаётся ему недоступен, о чём он прямо и говорит:

«Вряд ли Галковского можно отнести к числу апологетов «мафиозно-масонского» миропонимания - он слишком умен для этого. Но тогда становится не слишком понятной цель и задача многостраничного труда.

В очередной раз поерничать над КПСС (а описание «съеста капээсэс» просто блестящая пародия на внутрипартийную борьбу)? Предупредить об опасности технического прогресса (тоже в очередной раз)? Или (и тоже в очередной раз) о его тлетворном влиянии на «неокрепшие молодые души»? Все это смутно и неотчетливо...»

По крайней мере, сказано откровенно. Так что рецензия (выстрел в уже падающую тушку из второго ствола под читательский аплодисмент) всё-таки меня не разочаровала. Честная четвёрка.

9. Как курице снести квадратное яйцо?

Владимир Богомяков, О квадратных яйцах друга утят, Лаборатория бытийной ориентации

№57, 6 августа

Рецензенту можно было бы поставить пять баллов уже за один этот вопрос. Если человек понял, что квадратное яйцо символ смерти (а сама реклама - дыхание смерти в живом мире: первая реклама - макияж трупов), значит он владеет клавиатурой ассоциаций, значит это настоящий литературный

критик. «Антиутопическая составляющая сценария весьма оригинальна: принято было рисовать прекрасный новый мир с ужасами тоталитаризма, здесь же прекрасный новый мир с ужасами индивидуализма».

Верно. Человечество привыкло жить в гипертрофированно государственном мире. Люди забыли, что современные атрибуты государства окончательно сформировалось только сто пятьдесят лет назад, а сама форма государственной жизни стала превалировать лишь на двести лет раньше. В силу объективных причин государство на наших глазах начинает «секуляризовываться», подобно церкви. Через сто лет Англии, Франции, Китаю, России не то, чтобы исчезнут, а усохнут в ватиканы, имеющие значение скорее декоративное. Это уже привело к «устареванию» самой чуткой части культуры - футурологической литературы. Коммунистическо-капиталистические страшилки перестали работать. Люди уже не верят, что им предстоит жить в тени капиталистического или социалистического сверхгосударства. Скорее им придётся жить среди его обломков, причём обломков, возникших не из-за механического разрушения, а разрушения химического (коррозия) или биологического. Кстати, классические антиутопии в 70-80-х к этому и пришли - к постнуклеарному неосредневековью «Fallout'a». Декорации грандиозных государств сменились их грандиозными развалинами. Сейчас становится ясно, что и развал будет вызван причинами не механическими, вроде атомной войны, а «изменится состав атмосферы». Всё будет проходить плавно, но безнадежно.

Владимир Богомяков: «Не будет света Истины - будут паранойя, шизофрения и перспективы всемирной анархической революции с последующим уничтожением всего живого на поверхности земли.

Как противодействовать всемирному заговору? «Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: «поднимись и ввергнись в море», и не усумниться в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, - будет ему, что ни скажет». В том числе и избавление от всемирного заговора и стабилизация Метагалактики».

Рецензент правильно почувствовал нечеловеческую степень пропаганды «стабилизации метагалактики». Представляю, как в тридцатых годах Сталин хохотал над наивным провинциалом Гитлером. Масштабы демагогии были несопоставимы. Гитлер говорил: «Цели национал-социализма грандиозны - счастье стомиллионного германского народа». Сталин улыбался в усы: «Зачем такие ограничения, дорогой. Мы принесём счастье всему человечеству». Гитлер с тортиком на день рождения приехал, а Иосиф Виссарионович - с дорогим ноутбуком.

В «Друге утят» накал социальной демагогии доверён до пародийного предела. Чего уж тут занюханым грузинским человечеством ограничиваться. Это националистический кретинизм. А вот в масштабе метагалактики помочь. По ноутбуку колесом подарочного мерседеса. Тут даже не мерседес - загородная вилла. Улучшение жизни не жителей метагалактики, а спасение самой метагалактики как таковой. Цель-то какая грандиозная. Будут, конечно, жертвы, лишения. Здесь мировая война, там коллективизация. Но даже если в результате спасения метагалактики погибнет всё её население, кроме одного плачущего ребёнка, всё равно жертвы будут оправданны. Слезинкой ребёнка мир и спасётся. Абсолютная цель оправдывает абсолютно любые средства.

При этом предельная демагогия оборачивается предельным фарсом. У Гитлера было легальное боль-

шинство, Ленину верили многие. В «спасение метagalактики» не верит никто. Хохочут все: сами авгуры, участвующие в ауспичиях утята, стоящие вокруг зрители. «Прикол». Сейчас будут мир спасать. Вот и спаситель пришёл. Совсем не страшный. Не в фуражке и даже не в кепке. В шутовском колпаке. Не всё в рецензии Богомякова хорошо. Например, начало явно неудачное. Но это пустяки. С автором возможен полноценный интеллектуальный диалог, а это спасает всё. Пять баллов.

**10. Читатель умер! Да здравствует
пользователь!**

**Сергей Костырко, *Философические игры Дмитрия
Галковского в историософию и конспирологию -
антиутопия «Друг утят»,
Обозрение №118, 14 августа***

Не буду оценивать эту рецензию - об этом говорит место... Сделаю несколько «заметок не полях».

1. Автор считает, что сценарий написан слишком изощрённо, «по-писательски». Это правильное замечание. Но ведь опубликован «литературный вариант». Конечно, для фильма там слишком много текста. Но мне не хотелось читательской аудитории давать голую схему. То, что я поступил правильно, видно на примере Дмитрия Крылова.

2. «Ноу-хау Галковского в жанре антиутопии - перенесение действия из будущего в наши дни, и даже - в наше недавнее прошлое. Обозначив в «Прологе» страшную перспективу человечества (сильно поредевшее и разбившееся на малочисленные общины, оно прячется в сверхкомфортабельных бункерах-норах на километровой глубине), в основной части своего повествования автор показывает, как и где начиналось это будущее. То есть повествователь исходит из того, что все мы проморгали ис-

тинное содержание событий, свидетелями и участниками которых являлись. Наша слепота как бы включена в сюжет сценария, так сказать, сюжетно оторефлектирована».

Это в «десятку». Не знаю, в какой степени это ноу-хау, но я думал именно так. По обстоятельствам своей биографии я всегда так думаю. То есть никто не видит, а я вижу. И сказать никому нельзя. Не поверят.

3. «Движение Утят, что-то вроде глубоко законспирированной сверхмощной международной организации интеллектуалов-компьютерщиков».

Нет. Трудно сказать кратко. Движение утят явление новое и синтетическое. Скажем так. Одним из его основных элементов является то, что была создана некая игра (другой вопрос-кем и с какой целью), являющаяся удивительно точным отражением тщательно маскируемой реальности. Маскируемой не какими-то людьми, а культурой как таковой. И неопытные, даже неприспособленные к реальной жизни молодые люди, почти дети, в результате приобрели звериную мудрость. В человеческом теле есть мышцы, всю жизнь находящиеся в атрофированном виде. Они для обычной схемы движений не нужны. Но если изобрести специальный тренажёр, их можно накачать. Г+ накачивает свойства человеческой психики, для которых в реальной жизни нет естественных тренажёров. Это что-то вроде бескровного приобретения опыта массовых убийств. Раскольников попытался накачать наполеоновскую мышцу и на первой же старухе процентщице надорвался. Утята сами не понимают, что постепенно превращаются в чудовищ. И главное, это превращение происходит без вмешательства чужой воли. То есть воля есть, но это воля не механика, подстригающего реальность, а воля биолога, эту ре-

альность прорастивающего. Он изобрёл бактерию и о ней забыл. А она в реальности разраслась и сожрала всё, включая автора и самую себя.

4. Костырко сравнивает «Друга Утят» с «Повелителем мух» и «Фермой животных». Верно. Можно было бы добавить «Гадких лебедей» Стругацких. А вообще там в явной форме используются-передразниваются-оспариваются двенадцать произведений (в том числе несколько кинофильмов). Так что это, на мой взгляд, рай для литературоведа.

В конце автор рецензии почувствовал «сложность» «Друга Утят», и его концепция перевернулась, затонув недалеко от порта назначения. Он пишет, что, в отличие от «Бесконечного тупика», мой сценарий это не передача процесса творческого мышления, а гладкий, стопроцентно «сделанный» текст, не вызывающий читательского соучастия (во всех смыслах этого слова). Но заканчивается обзорение Костырко типичным галковским «примечанием», перерабатывающим ход размышления в бейдевинд:

«Я знаю, что имя Игры, которое Галковский использовал в сценарии, реальное: «Galaxy +»; что в игру эту играет множество интернет-пользователей уже много лет, и сам Галковский был активным ее участником. Я знаю, что существовал сайт «Друг утят», представляющий интересы части игроков. Но в данном случае я пишу о сценарии Галковского как о самостоятельном художественном произведении, к которому интернетовские сюжеты с «Galaxy» имеют отношение косвенное».

Сергей Павлович, а художественное ли это произведение? А не может ли так оказаться, что утят действительно спилили, что Нонейма действительно прикопали, а уехавший в Бостон Стармастер попал в список жертв «911»? Ведь это совсем тогда не художественное произведение, или художествен-

ное произведение, вызывающее соучастие читателей гораздо БОЛЬШЕЕ, чем «Бесконечный тупик». Может ли читатель действительно стать автором «Бесконечного тупика»? Нет, лишь посидеть рядом в кабине пилота. Читатель «Друга Утят» превращается из читателя в ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ. Автором он, пожалуй, тоже не станет. А вот персонажем – запросто.

ноябрь 2002

*) При написании этой статьи ни один утёнок не пострадал.

**) Хочу поблагодарить редакцию сайта www.galkovsky.com за сводку рецензий. С концепцией сайта, превращающей меня в коллегу Пелевина и Сорокина, я не согласен принципиально, однако вынужден признать, что с т.з. формальной авторский коллектив работает безупречно.

*** См. полный текст интервью в приложении, с. 425.

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ

В 4 номере «Нового мира» Алла Латынина напечатала статью по поводу моей «Пропаганды». Зачин такой:

«Сборник статей Дмитрия Галковского “Пропаганда” тихо вышел в Псковском издательстве и остался незамеченным как московскими книготорговыми фирмами (тщетно искать его в продаже), так и широкой прессой. Дмитрий Галковский, скорее всего, опять увидит тут заговор...»

И т.д. и т.п. Останавливаться на подобной аргументации бессмысленно. Если «Пропаганда» осталась незамеченной, о чём тогда свидетельствует статья маститой критикессы, оперативно опубликованная в ведущем литературном журнале? Рецензии на «Пропаганду» были в «Коммерсанте», «Независимой газете», «Литературной газете» и других изданиях. Тираж, насколько я могу судить, успешно продаётся, о чём свидетельствует предложение псковских издателей о публикации «Пропаганды-2» (выходит* в этом году). Саму книгу можно легко найти хотя бы в лавке при Литинституте – месте для московских литераторов известном.

Из таких самозаваливающихся «трансваалей» состоит вся статья. Опровергать их пункт за пунктом просто нечестно. Очевидно, Латынина пишет В ДРУГОМ ЖАНРЕ, а именно в жанре «морального негодования» или, если взять шире, – проповеди. Смысл гневного обличения заключается в декларации нехитрых тезисов.

1. Никто Галковского не травил, книгу его («Бесконечный тупик») не запрещал. Наоборот, молододо-

му человеку были созданы идеальные условия для самореализации.

2. Галковский сам себя высек на пустом месте. Причина – в дурном характере, зависти к более талантливым соотечественникам, ксенофобии, отсутствии логики и далее со всеми остановками, вплоть до несостоявшихся пророчеств и морального банкротства.

Что ж, на первый взгляд проповедь есть жанр очень лёгкий и выгодный. Достаточно встать на трибуну и азбучными риторическими приёмами крушить противника: «Доколе Катилина будет испытывать наше терпение»; «доколе ничтожный паяц Галковский будет использовать гнутый талантлик фельетониста для пошлой саморекламы».

Вокруг последнего тезиса и вращается мысль талантливой критикессы.

На самом деле жанр проповеди весьма труден, даже коварен. Дело в том, что моральные проповеди НИКОМУ НЕ ИНТЕРЕСНЫ. Почему? Да хотя бы потому, что основываются они на прописных истинах, а выслушивать «не укради – не прелюбы сотвори» у взрослого человека нет времени. Он свою порцию в детстве отслушал и ладно. Как-нибудь сам разберётся, без незваных советников.

И тем не менее жанр проповеди весьма востребован, и проповедники часто достигают вершин популярности. В чём же дело? В личном примере. Проповедь от своего имени, с использованием личного опыта чрезвычайно эффективна.

Копается сосед в «Жигулях», курит цыгарку. Что если подойти, да сказать:

- Капля никотина убивает лошадь, как бы чего не вышло.

Боюсь, подобная лекция для лектора окончится плачевно. Под горячую руку могут и монтировкой огреть. А если к курящему подходит грустный старичок:

- Видишь, петрушка какая, сын у меня вчера умер. От рака лёгких. Твоего возраста, тоже всё курил-курил. Ты бы, сынок, бросил курить-то.

В этом случае человек к проповеди может прислушаться, даже действительно бросить курить. Ибо он понимает, что человек говорит СЕРЬЁЗНО, речь здесь идёт не о риторике, а о ЖИЗНИ И СМЕРТИ. Не чужой жизни и смерти, а своей, своего сына.

Латынина спокойно объясняет мой отказ от Анти-букеровской премии наличием каких-то «детских комплексов», проявлением мизантропии и просто «неприятной неспособностью видеть себя со стороны». Она так и пишет:

«Неприятна неспособность Галковского видеть себя со стороны, что рождает несметное количество противоречий в текстах и в литературном поведении».

Мне же почему-то кажется, что я как раз очень хорошо вижу себя со стороны и следовательно легко могу представить разговор с советским литератором на любую тему. В том числе и на тему отказа от премии:

- Не, ты, это, не дури. Тебе БАШЛИ предлагают. Слышь, дуремар. Ты не врубился.

- Почему же, я вас очень хорошо понял. НЕ НАДО.

- Не, мужик, погодь. Ты в год сколько зарабатываешь?

- 1000 долларов.

- А в семье?..

- Семьи нету.

- А хата как?

- И жилья нет.

- Ну вот. А тут 12 500 БАКСОВ. Ты тумкай, тумкай. Шевели червелями.

- НЕ НАДО МНЕ НИЧЕГО.

Пошла вторая серия:

- А-а-а, ПОНЯЛ. Как я сразу не просёк. ПИАР.

Вот что значит образование ((с) гепеушник в конце «Утомлённого солнца»). Тонко, тонко. От 12 отказался, 24 получил. Сейчас пойдёт: скандальные интервью, телевидение, контракты с издательствами. ЖМУ РУКУ.

- Да нет, мил-человек. Отказался я от участия в телепередачах, включая «Скандалы недели» и «Временичко», отказался от интервью двум десяткам изданий. Не надо мне ничего этого.

- ТАК В ЧЁМ ЖЕ ДЕЛО? КОМУ ТЫ И ЧТО ДОКАЗАТЬ ХОЧЕШЬ???

А доказать я вот что хочу. Хотите моральную проповедь – будет вам моральная проповедь. Я хочу доказать, что я хороший человек. Доказать это болтовнёй нельзя. Только делами, только жизнью. В этом смысл проповеди – В ДЕЛАХ. Вы сказали, что я жадный и подлый человек. А Дмитрий Галковский не жадный. И не подлый. Как доказать? Очень просто – СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ. Вот взял я и на вершине «раскрутки», когда по данным «Литературной газеты» по индексу цитирования делил лавры с Солженицыным, ушёл из литературы на семь лет, оборвал литературные знакомства и связи. То есть обрек себя на одиночество до конца жизни, ибо после сорока оборванные связи не восстановит никто. Или, сидя на сухарях, отказался от 12 тысяч долларов. Это ФАКТ.

И спорить с этим фактом, при всей его грубости-плоскости-глупости-амбивалентности очень трудно. Так трудно, что, похоже, все махнули рукой. Кроме Вас, г-жа Латынина-старшая. И Вам не советую. Ничего не получится. Вам кажется, что успех моих выступлений в «Независимой газете» заключался в ловкой артикуляции. А дело было в другом – Я ГОВОРИЛ ПРАВДУ. И все это чувствовали. И сейчас я говорю правду – и ничего с этим Вы не поделаете. Я хороший человек. По крайней мере, достаточно хо-

роший, чтобы иметь право на моральную проповедь.

Вам кажется, что Вы спорите со мной, - по-вашему выражению «злобным, закомплексованным, вечно готовым ужалить, подозрительным и мелким человеком», - и спорите моим же оружием - художественным словом. Сейчас прощелыга Галковский будет посрамлён. А спорите Вы не с моими словами, а с моей ЖИЗНЬЮ. И противопоставить ей можете тоже только ЖИЗНЬ. «ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР».

И в общем, встав на коварную почву моральной проповеди, Вы о себе и своей жизни рассказали очень многое. Почти всё. Даже просто - всё.

март 2004

*И, как видите, вышла.

**А Я ИДУ, ШАГАЮ
ПО МОСКВЕ**

СТРАННЫЕ, СМЕШНЫЕ И МАГИЧЕСКИЕ МЕСТА МОСКВЫ

Худо-бедно, слово-за-слово, от простого к сложному стал я к сорока годам всамделишным “писателем”. Писательство как “сочинительство” мне никогда не нравилось. Сама фигура сочинителя казалась несерьёзной и вызывала усмешку. А вот называли “писателем Галковским”, называли, я однажды посмотрел на себя в зеркало и подумал: “А кто ты есть такой? Писатель и есть.”

И всё же “выдумывание” меня интересовало скорее как ПОДЛИННЫЙ процесс, РЕАЛЬНОЕ переживание, а не как замена реальности что-то скрывающими или улучшающими декорациями. Ведь на этот счёт есть некий... скажем так, “надорганизм” (назовём его условно, например, “Верховным Декоратором Вселенной”). Состязаться с Ним во всегда злокачественном удвоении реальности трудно, опасно, а главное - скучно. Следует внимательно и благоговейно довольствоваться действительностью. Не раз я убеждался, что обычная поездка по городу образует более насыщенный и продуманный видеоряд, чем самые изысканные находки итальянского кинематографа.

Однажды, спускаясь в метро, я увидел летящий пух. По мере того, как я шёл вперёд, его количество увеличивалось. Вскоре на перроне я увидел источник - стоящего спиной ко мне человека, из куртки которого был вырезан огромный квадрат. Из квадрата ветром выдувало тончайший гагачий пух. Человек пьяно покачивался. Он обернулся ко мне и оказался добродушно улыбавшимся интеллигентом.

Подошёл поезд. Интеллигент начал “мешаться”, с ним столкнулся выскочивший из вагона подросток-татарин со старческим лицом сироты. “Сирота” злобно выругался и оттолкнул пьяного. Тот пролетел несколько метров и, продолжая глупо улыбаться, плюхнулся на скамейку. Голова безвольно и звонко ударилась о мраморную стену, очки упали на пол. Вагон, в который я сел, тронулся и поехал в чёрный туннель. Всё это было “сделано” рукой мастера - с раскадровкой, хронометражом, даже звуковым сопровождением объявлений и воющих составов.

Заснять такие вещи документальной съёмкой нельзя. Это случай быстро и бесследно растворимый. Другое дело статичные сцены. Шёл я в году 82 по пустынному переулку в центре Москвы, был солнечный день 1 сентября. Вдруг поперёк тротуара стоит “Кадиллак” (для того времени уже фантастика). Я к нему подошёл. Смотрю, рядом с колесом валяется порванная форма школьницы: чёрный фартук, коричневое платье. Это был скорр, но это можно было заснять фотоаппаратом запросто.

Однако здесь возникает другая трудность - “не поверят”. Скажут, ну это вы, батенька, “Кадиллак” поставили, форму подкинули. Могли бы чего-нибудь попраздничней придумать. Что, фантазии не хватило?

Остаётся архитектура и городской ландшафт - нечто достаточно правдоподобное самим фактом своего существования. Как правило, единственным критерием коллекции городских видов является живописность изображения. С точки зрения художника это правильно. Однако с точки зрения обитателя этих видов подобный подход по меньшей мере неполон. Мы запоминаем лица окружающих, располагая их не по шкале миловидности, а по периодической таблице характерности. Человека окружают

не главные герои (главным героем является он сам), а характерные актёры второго плана, типажи. “Красивый ландшафт” можно повесить на стену, но при этом зритель не превратится в стаффаж. Стаффажем будет сам ландшафт. То есть “красиво-некрасиво” это то, что обрамляет рама. То, что обрамляют глазницы, должно быть “характерно” или “типично”. Красота здесь возможна как кукольность, крайний случай. Пейзаж как фотодокумент может быть красивым в одном случае из десяти. Остальные девять десятых это другие типы привлечения нашего внимания: “странно”, “смешно”, “опасно”, “глупо”, “люди, выпустите меня отсюда”...

В “Консерваторе”* я хочу поместить серию фоторепортажей о современном ландшафте Москвы. Это взгляд на нашу столицу человека, который в Москве родился, прожил в Москве практически безвыездно 42 года, у которого, кроме Москвы, ничего нет - ни семьи, ни дома, ни работы, - и который в общем бесцельно ходит по улицам, время от времени набредая на нечто, привлекающее его внимание.

Так однажды шёл я по Сретенке, свернул в какой-то переулок и увидел ЭТО. Машинально пройдя несколько метров, я подумал: “не может быть” и обернулся. ЭТО стояло на месте. Полюбовавшись на артефакт, я решил сориентироваться в пространстве. На углу дома красовалась табличка: “Последний переулок”. Я протёр глаза и внимательно осмотрел весь комплекс. Переулок оказался классическим, предельным воплощением архитектурного стиля “московская шизофрения”.

январь 2003

***«Консерватор»** – газета, выпускавшаяся в Москве предпринимателем Лейбманом. В начале 2003 года редакция два раза поменяла свой состав, издание было провальным, скандальным, с перспективами самыми сомнительными. Редакция ввиду недостатка материалов несколько раз заполняла полосы моими непрофессиональными текстами, а к лету «Консерватор» закрылся.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕУЛОК

Территория переулка, узкого и небольшого, делится на две зоны, в шахматном порядке перекрывающие то левый, то правый тротуар. Мозаичная брусчатка с аккуратной презервацией водосточных труб пластиковыми мешками (упаси Бог, стошнит льдинами на богатый тротуар), тут же сменяется старосоветским месивом изо льда, мочи, обледеных помоев, разрытых фундаментов, кала домашних животных и дворовых людей. Рядом с уютными евродомами возвышается хрущобная двенадцатиэтажка, доминантой застройки является красная труба котельной, но жемчужена архитектурного ансамбля – это, конечно, анонимная контора с бетонными уголовниками-атлантами. Перл.

Советую походить, посмотреть в объёме и динамике. Оценить полную невозможность посмотреть на бетонных уродов в лоб, дыру обоссанного тоннеля, упирающегося в атлантов (из тоннеля видны ноги шедевров), рефлекс двенадцатизэтажки в стеклянной башне, громадную трубищу, которую за свои деньги созерцают из двухуровневых апартаментов бедные новые русские, да вообще всё – многое в фоторепортаж не поместилось.

См. цв.
вклейку,
фото 1-14

Может быть достроившись, “Последний переулок” успокоится в безнадёжной бездарности любующихся друг в друга нуворишей. Украсят его кариатидами и кентаврами, а обитатели особняков будут тихо жить в дорогих шубах, да вежливо здороваться друг с другом в промежутках между выходом из подъезда и размещением в “Мерседесе”:

- Здравствуйте, Светлана Ивановна!

- Добрый день, Руслан Ибрагимович!

Не будет этого никогда. Ибо суть стиля именно в незавершенности, в недостроенности крыши нового класса. Если и суждено последнему переулку стать первым, то тогда разберут его к чёртовой матери до основания. Причём “атлантов” разобьют кувалдами и вывезут на свалку ещё быстрее, чем разберут панельную двенадцатиэтажку. Впрочем, процесс уже пошёл. Ноги титанов в трещинах, ступни - в бетонной парше. Простоят годика два. И сменятся к этому времени обитатели Последнего переулка раза три. Кого скосит очередь в подъезде, кого подкинет пластидом выше вышеупомянутой трубы, а кто от великого страха и сам себя в родной джакузи притопит. Взяли на себя много, а коленочки-то для России слабые.

январь 2003

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕУЛОК (см. с. 207)

“Это” днем

...и ночью.

В контексте.

Во фрагментах.

Во фрагментах.

Культурка. В центре - местное насекомое.

Бетонная парша.

Труба

УЛИЦА ЭНГЕЛЬСА (см. с. 209)

Вот она, «улица Энгельса».
К сожалению, решетки уже нетипичные, да и вывеска
«не стандарт». Но после косметической реставрации...

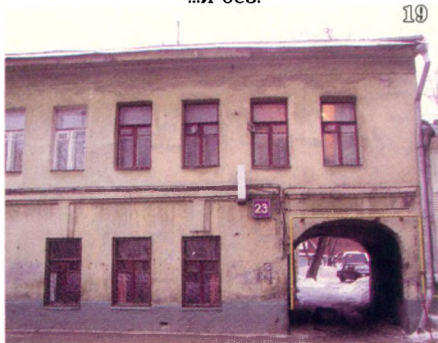
«архитектурный ансамбль».

Типичный московский дом XX века. С голубой каемочкой

...и без.

Москва, 2003 год. На первом этаже решетки в стиле «Солнце восходит и заходит». Классика.

В довершение всего - дяденька встал и пописал.
Под сосулькой у знака «Опасно». Кстати, знаков таких
в Москве отродясь не было. Тоже новация.

Дорога, которая ведет к храму
(рядом с улицей Энгельса строят третье кольцо).

МУЛЬТИК-ПУЛЬТИК (см. с. 211)

Наш советский Диснейленд.

Кое-где стены опалены адским пламенем.

Со стороны фасада Союзмультфильм
похож на гипершколу.

Шов сращения здания-трансформера.

В этом домике, дружок, живут Чебурашка,
Кот Матроскин, Фунтик и прочие ежики в тумане.

А это, сучонок, чтобы помнил, где живешь ты сам.

НЕ С ТОГО КОНЦА (см. с. 213)

Дом, построенный на месте колокольни церкви св. Спиридония. Три окна на первом этаже слева от двери - бывшая квартира Галковских. Теперь здесь офис туристической фирмы.

Барельеф на доме - предмет постоянных острот: «Наука поставлена в унижительное положение». Сначала хихикали красные профессора, затем - вселившиеся в их квартиры кегебисты.

Георгий Галковский, глава спиридоновской богемы 60-х.

Кошмар топтунов -
черный ход
в галковское логово.

«Дом Тарасова» -
копия дворца
Палладио в Виченце.

Дворец Морозовых-
Рябушинских.

На первом этаже
этого дома - оруэлловский
ресторан, одно из
излюбленных мест
рекреации утят
высшей категории.

Типичный образчик советской военной архитектуры.
Огромный фронтон, три высоченных входа, парадная лестница.
Белые столбики по бокам - львы.

Поверх фронтона
дембельский вопль:
Тула!

Озеленение. Как у взрослых.

Это кто такой кусачий?

КУЧЕР (см. с. 242)

Ничего страшного.
Вот она, армия
Российской Федерации.
«Звери задрожали -
в обморок упали».

БЕДНЫЙ РУССКИЙ (см. с. 244)

ОБАЯТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ (см. с. 263)

Ноги колесом, пальцы веером:
"Ша, дипломат идет!"

"Какое небо голубое..."

Расположение памятника
тоже сверхнелепо. Он стоит
в глубокой нише, образуемой
высоким дореволюционным
зданием в стиле ампир.
Постамент загораживает
парадный подъезд. Входящие
видят Воровского на фоне
непонятно что поддерживаю-
щих атлантов, а выходящие...

...А выходящие из подъезда
видят вот что: сутулое
шимпанзе, застывшее в немом
восторге перед зданием КГБ.
Стоит добавить, что народу
вокруг снует масса и все
ежеминутно спотыкаются
о бетонный надолб.

ГРИБ (см. с. 278)

Вот он,
международный
альтруист...
по сравнению
с которым
кинематографический
Джеймс Бонд -
интеллигентский
раскисляй.

А это вместо
портрета Ленина.
Намек.

ИНТЕРВЬЮ С СЕРКОВЫМ (см. с. 387)

Серков и Галковский.

ИНТЕРВЬЮ С КРУГЛОВЫМ (см. с. 425)

Это не я такой
маленький, а утята
такие крупные.
Круглов-GM
(1 м 99 см) слева.
Справа Hiflover
(он же унижает львов
на фото 39).

УЛИЦА ЭНГЕЛЬСА

Если Последний переулок (см. репортаж в прошлом “Консерваторе”) является типичным местом новорусской застройки 1997-2003 годов, то улица Энгельса - это Москва 1917-1997. Как и Последний переулок, простоят она недолго, скорее всего исчезнет даже раньше, но стояла улица Энгельса не несколько лет, а много десятилетий. Здесь жило несколько поколений москвичей. Это типичная окраина центра, к которой в 60-е были приплюсованы хрущёбы, что с вкраплениями сталинских хором и недоразрушенных архитектурных памятников и создало - ротик-носик-оборотик - советскую Москву.

Фото 15-21

На улицу Энгельса я наткнулся в 2001 году и тогда она смотрелась лучше. Например, на ней в первозданной красоте сохранились застойные вывески: “Пельменная”, “Соки-воды”, “Кулинария”, “Ремонт обуви” и прочие “Культтовары”. При этом половина учреждений была закрыта, кое-где зияли выбитые окна. Для 2001 года практически в центре города всё это выглядело весьма сюрреально.

Сейчас улица доживает последние месяцы. Её улучшили Макдоналдсом, часть территории отгрызла грандиозная стройка третьего кольца. Фрагменты могут остаться, но “комплекса” уже не будет. А улица была интересна именно своей цельностью.

Почему она сохранилась в 90-е? Подозреваю, что не обошлось без “философии имени”. Подносили проект офиса, гендиректор сначала загорался: близко от центра, рядом Елоховский собор, Лефортовский парк, опять же метро. И тут наткнулся на название и сникал: этакое непотребство на визитках печатать. Ну этого Энгельса к лешему.

Так и простоял до сего времени в девственной первозданности этот образец... чего?.. Пожалуй, типичной улицы колониального центра Британской империи. Какого-нибудь Лагоса или Фритауна. Такая мировая провинция. Провинция не потому, что страна маленькая, а потому, что обули по крупному, - чтобы не зарывалась никогда. И по умному - без особых расходов. Это Франция или Германия денег на колонии не жалели. А тут идеология другая: вещь должна приносить доход. Сами себя должны обслуживать - с провинциальным уютом. Мы порешаем вопрос, а вы живите. Вот и подумали в XIX веке в Лондоне на двести лет вперёд. Дали пигмеям перспективу: улица Энгельса. Живите, мурзилки узкоглазые.

февраль 2003

МУЛЬТИК-ПУЛЬТИК

Если идти по правой стороне Долгоруковской улицы к Новослободской, то перед вашим взором встанет мрачный готический монастырь из фильма ужасов. С багрово-красными кирпичными стенами, огромной колокольной с выбитыми стёклами, какими-то химерическими рюшечками и прочим мелким коленкором бесовской архитектуры. Если приглядеться, стены ещё покрыты иссиня-чёрными разводами, как будто нечистая сила пробовала их пробить струёй адского пламени. На одной из стен видны свежие надгрызы - пробовали стену и на зуб - крепка ли. Крепка - сооружение явно стоит без ремонта лет сто. Немного придя в себя, различаешь, что ужасник ещё и обнесён колючей проволокой. Бросаясь искать вход, табличку и испытываешь дополнительный шок. Монастырь по чьему-то сатанинскому замыслу сращен с другим зданием, внешне больше всего напоминающим увеличенную в три раза типовую советскую школу. Знаете, такая пятиэтажка госпитального вида с цементными барельефами Пушкина, Толстого, Горького и Маяковского. Пятиэтажка образует фронтоны архитектурного ансамбля, выходящий на Долгоруковскую улицу. Там у главного входа висит и "отзыва" хичхоковского монстра... "Киностудия Союзмультфильм".

Фото 22-27

Трудно представить более емкий образ советского мира. В этом волшебство архитектуры - самого правдивого вида искусства. Не помогают никакие ухищрения. Все здания - голые. И идея, которую они выражают, - тоже всегда "в голом виде". Пытаются скрыть - получается ещё хуже. Все видят, что

скрывают, зачем и как. Масштаб большой. Закажите скульптуру- миниатюру "Стыдливость". Он изваяет какую-нибудь статуэтку нимфы, закрывающей свои прелести. Будет выглядеть скромно и мило. Увеличьте статуэтку до размеров родосского колосса, и никаких тонких чувств и нюансировки там не останется. Стометровая баба будет чесать тридцатиметровой лапищей восьмиметровые гениталии.

То есть, проще говоря, десятиметровую карту не передёрнешь.

Едет по московской улице гигантский грузовик-душегубка, орёт через квадратный репродуктор:

- Мультики-пультики, мультики-пультики. Все смотрим мультики-пультики о том, какие мы добрые...

А родители берут детей на руки и разбегаются от советских крысоловов по подворотням.

июль 2003

НЕ С ТОГО КОНЦА

В прошлом номере «Консерватора» была напечатана статья-путешествие по Спиридоновке («Наследники по прямой»). Автор, Павел Яковлев, начал свой путь по улице со стороны Никитских ворот; быстро прошёл мимо церкви, в которой венчался Пушкин; мимо изгаженного Пешковыми особняка Рябушинских, и остановился на полдороге, рядом с памятником Блоку. Здесь его прорвало, он закопался, споткнулся, и повествование съехало набок.

Попробуем пойти по той же улице с другого конца — со стороны Садовой-Кудринской.

Во-первых, Спиридоновка, конечно, никакая не Спиридоновка. Спиридоновкой она будет для молодого поколения. Для меня это моя малая родина — «Алексеятолстого», именно так, вместе, как «Москварека». На «Алексеятолстого» я родился, здесь прошло моё детство золотое.

Мир феодализма жесток и разбит на герметические отсеки, как подводная лодка. В 1967 году родители переехали в страшное Нагатино, и жизнь моя отныне проходила в другом секторе советского мира. За моей спиной задвинулся бронированный люк. Намертво. С равным успехом родители могли бы улететь на Луну. Рядом с «Алексеятолстого» была английская школа, в которой учился внук Гришина, там же учились мои старшие родственники. Меня же повезли ползать под партами в немецкую школу на окраине Москвы, с деревенскими учительница-

ми и детьми хронических алкоголиков. Лодка она одна, спору нет, все мы родом из СССР. Только отсеки разные. В одном играет тихая музыка, господа-офицеры едят ножичками-вилочками антрекоты. А за переборкой братва в промасленных тельняшках шурует кувалдами, борется за живучесть: полундра!

Наша квартира находилась в доме, построенном в 30-е годы по американской технологии как гостиница ЦК ВКП(б). Дом был поставлен точно на месте разрушенной колокольни церкви Спиридония, давшей название всей улице. Постоянно в новом доме жила красная профессура, быстро уничтожаемая и вытесняемая из своих квартир гебнѐй. Одна из квартир на первом этаже была загазована, полковник КГБ оттуда съехал, и на освободившееся место заселили клан Галковских, состоящий из трёх семей. До этого Галковские ютились на нарах в однокомнатной квартире на Малой Грузинской. Из-за выгодного стратегического положения новая квартира быстро превратилась в шестидесятнический притон.

Главой тусовки был мой дядя, художник. В его комнате-мастерской шло перманентное застолье, где конвейером сменялись коллеги-художники, поэты, барды, иностранцы, студенты, актѐры, натурщицы, проститутки, фарцовщики, стукачи и лица без определённых занятий. Выгода положения заключалась не только в месте. (Хотя место тоже было важно: рядом был Литинститут и несколько театров, в двух шагах – площадь Маяковского с собраниями диссидентствующих поэтов. Один из родственников потом долго хвастался, что однажды был доставлен в отделение милиции в одном фургоне с Иосифом Бродским). Не менее важно было другое. Квартира выходила одновременно во двор и на улицу, причѐм подъезд тоже был проходной. Это давало массу воз-

Фото 28-29

Фото 30

можностей для обрубания хвостов. Одна из устойчивых сценок моего детства: взрослые дяденьки, лезущие из окна в квартиру или из квартиры в окно.

Фото 31

Сейчас в квартире на «Алексеятолстого» сделали офис. Сначала офис открыла какая-то чеченская туристическая фирма, вроде «Хичкок ЛТД» («летайте самолётами Гудермеса»). Потом её сменила фирма «Малинка», специализирующаяся на поездках в Сочи («знал бы прикуп, жил бы в Сочи»), потом ещё что-то. Как ни крути, СИМВОЛ. Так сказать, «наследники по прямой».

Ладно, не будем огорчаться, пройдем дальше.

Рядом с моим домом расположилось итальянское палаццо. Это так называемый «дом Тарасова», дворец, построенный в начале прошлого века Жолтовским. Его фасад – копия дворца Палладио в Виченце. В такой же серый цвет были окрашены соседние дома, в том числе и мой (окраска частично сохранилась, но внутри всё испохаблено серо-жёлтым). Серый цвет, несмотря на свою мрачность, создавал Стиль, особенно если учесть, что основной вид московского пейзажа – хмурый зимний день. Это врезалось в сознание навечно. Как нечто основательное, имеющее своё лицо, идею, смысл. Смысл достаточно серьёзный. Благородный. Я вырос немножко в Италии. Средневековая Италия? – позвольте, да это же «Алексеятолстого». И это Италия настоящая – Жолтовский не Посохин. А в окна мне заглядывала Англия. Наша квартира была напротив мидовского дворца, построенного Шехтелем в стиле английской готики. Этот дворец, принадлежавший Морозовой, а затем Рябушинскому (кажется, самое красивое здание в Москве) – первое, что я увидел в своей жизни. Его окна, сливающиеся в некий смысл и вдруг бессмысленно распадающиеся, я видел из

Фото 32

Фото 33

своей детской кровати, и было мне тогда уж меньше двух лет, это точно. Я то уже понимал, что это дом, то ещё нет. Это было пробуждение сознания.

Недалеко от мидовского дворца, в доме на углу Вспольного переулкa находился продовольственный магазин или, для меня, маленького, просто «Магазин». В Магазине продавалась Колбаса: любимая «докторская», нелюбимая «любительская» (жир я выковыривал, как собака в «Операции Ы») и праздничная «копчёная». Магазин тоже пах колбасой и пол у него был колбасный: покрытый жиринками бетонных инкрустаций. Зимой его посыпали опилками. В Магазин я почему-то ходил только с мамой. Наверное, потому, что там не было винного отдела. Хотя, постойте, – слышится бутылочный звон – а, конечно, – это поллитровые стеклянные бутылки с широким горлышком и крышечками из фольги трёх цветов: для молока, кефира и ряженки. Тогда же появилась и новинка – треугольные молочные пакетики, лежавшие в странных металлических сетках. А яйца (пока ещё неквадратные) лежали в ящиках со стружками. Собственно, было три запаха: базисный колбасный, к нему приплюсовывался неприятный запах молока и всё фиксировалось запахом опилок. Опилки лежали совсем близко – я был маленький и впереди были «четыре четверти пути»

Теперь о яйцах. В середине 90-х годов группа начинающих предпринимателей решила открыть в Москве сеть концептуальных ресторанов. Елена Васильева, Максим Привезенцев, Людмила Матюнина, Наталья Вагина открыли ресторан «Замок Мефисто». Затем Наталья Вагина, отпочковавшись от коллектива, основала ресторан «Райский двор». Как известно, это одно из названий знаменитого памфлета Оруэллa «Ферма животных». Стены ресторана

украсил «гимн зверей Англии» и мудрые изречения оруэлловских персонажей, вроде «все животные равны, но некоторые животные более равны, чем другие». Ресторан открыли на месте Магазина. Как вы, наверно, уже догадались, целый раздел фирменных блюд ресторана называется «Друг Утят». Некоторые утята, более равные чем другие, иногда собираются в этом загадочном уголке Москвы для обсуждения своих текущих дел. Иногда к ним присоединяются уточки, а в особо запущенных случаях даже просто утки.

Одним из любимых развлечений собравшихся является попытка накормить адмирала Хифловера улитками. Хифловер улиток панически боится – не помогает ничего: ни насмешки (что же это за адмирал, раз улиток не ест!), ни угрозы понижения разрядности, ни попытки насильственного кормления.

Улитки, кстати, отменные, да и «Друг Утят» ничего. Советую, хотя должен предупредить, что ресторанчик не самый дешёвый, и к тому же часто закрывается на спецобслуживание. Снаружи вот только он весьма неказист – в этом смысле гораздо симпатичнее входящий в тот же пул «Балаганчик». Он расположен совсем рядом.

После ресторана подвыпившие члены Галактического Совета любят пройтись на Патриаршие Пруды: посмотреть на уже знаменитый Утиный Дом, покормить тридцать три мандарнки, которые при подкорме плавают кругами и говорят на уткоречи. Но это уже тема для отдельного рассказа. Патриаршие пруды – это Патриаршие пруды.

Так вот, спустившись вниз по «Алексеятолстого», дошли и мы до того места, где споткнулся предыдущий рассказчик – до памятника Блока. Про бессмысленность памятника Яковлев попал «в де-

сятку». Действительно: ««Муму» написал Тургенев, а памятник почему-то поставили Чехову» - лучше не скажешь. Правда, о номенклатурных домах, окружающих памятник, автор зря упомянул столь бегло. «Алексея Толстого» была улица особая. Там жил даже не генералитет, а «маршалитет» Советской Армии. Тоже тема отдельного разговора – «Москва номенклатурная».

Сдаётся мне, что волшебная московская улица осталась для Яковлева нераскрытой, и прошёл он мимо её тайн и секретов даже не заметив. Не заметил, и ладно. Может, даже к лучшему. Плохо другое. Похоже, что весь сыр-бор про Спиридоновку затевался автором «Наследников по прямой» в качестве оправды для длиннейшей двенадцатистульной истории про внука Блока.

Напомню, что речь шла об истории с выдуманым внуком Блока, которого сыграл сын Юза Алешковского для кражи денег у югославских кинодокументалистов.

Рассказ этой истории - ОШИБКА. Теперь так не говорят и никому это не интересно. Изменился стиль жизни. В 1990 году доктор филологических наук с восторгом рассказывала, как стырила из итальянской гостиницы волшебную машинку от комаров – такая штучка и там бумажки. Вставляешь в розетку, бумажка нагревается, состав испаряется, и комарыдохнут. Не менее приличные люди сбежали из парижского ресторана, не заплатив за обед. Другие – собрали мешок мыла из берлинских туалетов. В тандем рассказывались самокритичные гиштории про советских туристов, впервые увидевших чай в пакетиках: чай за щеку, кипяток в прихлёбку. В своё время всё это вызывало в слушателях ответный порыв. Сейчас такие истории не принимаются, людям это неинтересно. Ибо стиль (увы, не уро-

вень) жизни в РФ такой же, как на западе. Кто сейчас югославы в Москве? Да никто – югославы. Интересны они могут быть личными качествами, а не лейблом. Или лейбл на них будет другой: обидный «экзотик».

Может и наступит время предаваться ностальгированию о босоногой юности, но не сейчас. Слишком свежи ранящие воспоминания. «Не пойдёт». Зажирается человек мгновенно. Тому, что было раньше, он не верит, а главное-ему это неинтересно вспоминать.

Плюс есть в рассказе особый литинститутовский «припук»:

- Помните Петра Ивановича из третьего отдела? Так перевели в филиал замначальником по кадрам. У Сергея Кирилловича – оба сына совершеннолетние. Учатся в вузе – молодцы. Николай Дормидонтович совсем старенький – на пенсии.

И это часами. А кому это, кроме своих, интересно? Возможно, и Пётр Иванович, и Николай Дормидонтович люди интереснейшие. Но это надо как-то обосновать, хотя бы кратко. Их же никто из читателей не знает.

«А мы сказали, а он сказал. А он ещё бутылку купил», – слышали мы эту историю. От самого Алешковского-сына.

Сидел я с ним и с одной режиссёрствующей мадам в ресторане на Втором Казачьем. Алешковский про отца рассказывал. Я вежливо слушал. Потом началось про внука Блока. Долго, с подробностями. Вижу: «человек не понимает». Во-первых, это воровство, а с ворами не общаются. Конечно, то-сё, литераторы, можно сделать поправку на «карнавализм». Но неприятный осадок, тем не менее, остаётся. Во-вторых, рассказывая про историю с внуком Блока, он автоматически ставит под большой вопрос историю

про сына Алешковского. То есть пилит сук, на котором сидит. В довершении всего, Алешковский похвастался совместной учёбой в литинституте с Алексеем Козлачковым. Тогда Козлачкова ещё мало знали – Интернет только начинался, но я Козлачкова уже наблюдал в естественных условиях и содрогнулся.

Вскоре Козлачков начал орать в «Самиздате»*, и, между прочим, поделился воспоминаниями о своих литературных однокашниках:

– Подонки, сволочи. Гении недоделанные. Я советский офицер, интеллигенты пархатые хуже Афганистана. У нас в общаге писатели из окна прыгали, травились газом в духовках. Гении, гении говённые...

И так далее килобайтами (кому любопытно – см. www.samisdad.com/7/712a-ogo.htm). В общем, с Козлачковым Алешковский как бы закатал рукав и показал всему ресторану подкожного червя величиной в палец.

Пока «внук Блока» покорял меня рассказами о лопоухих югославских киношниках (пиля и сук, на котором сидела его подруга – та усиленно заманивала принять участие в одном телевизионном проекте), я незаметно ощупывал бумажник, лихорадочно подсчитывая – хватит ли расплатиться за стол после рывка сладкой парочки к выходу. Сижу ни жив ни мёртв, только бы выбраться, а они ещё, злодеи, усугубляют:

– Дмитрий Евгеньевич, что же вы ничего не едите? Хотите, мы другое блюдо закажем.

В общем, ребята, уё...те со Спиридоновки. «Консерватор» не резиновый, не хрен... Вы про Тулу сюжетец дайте. Про Южно-Сахалинск. На худой конец, про Дакар-Париж. А Москву не трожьте... Эй, почтеннейшие, куда пошли?! А пустые бутылки за

вас Пушкин убирать будет? Аккуратно, в сумочку, вот. И селёдочный хвостик не забудьте - в бумажку и в урну. «Наследники».

Сейчас, похоже, раскрытые за время перестройки люки снова закрываются. Беготня между социальными отсеками заканчивается. Ничего страшного. Можно и на подводной лодке жить. Надо только, чтобы в кают-компании сидели действительно господа-офицеры, а галюны драили - козлачковы. И никакого «Курска».

март 2003

* «Самиздат» - мой сайт в Интернете: www.samisdat.com.
Просьба не путать с сайтом «галковскоманов» - www.galkovsky.com.

КАК У ВЗРОСЛЫХ

В европейской традиции русские всегда считались народом варварским, злым. Народом, с которым «лучше не связываться». Никто в Россию, кроме полоумных поляков, особенно и не лез. Однако из-за того же варварства большой опасности для Европы русские не представляли. Так, «орда». Полутатар, время от времени лезущих в «окно Европы», вышвыривали обратно не глядя. Однако в конце концов гениальный Пётр I решил часть Европы не завоевать, а присоединить. Получилась не «Россия плюс Эстляндия и Лифляндия», а «Россия, умноженная на Эстляндию и Лифляндию». И к середине XVIII века европейцы поняли: БЕСПОЛЕЗНО. Русские солдаты с немецкими офицерами непобедимы. Так возникла Великая Русская Армия, главный оплот культуры и цивилизации в России. Всё хорошее, всё умное, всё благородное шло в России от её европейской армии. «Все мы вышли из шинели...» Разрушилась армия – исчезла культура. Империя заросла бурьяном, жизнь началась с нуля, пошла утробно, методом проб и ошибок. Меньше чем за столетие русские перековеркали всё, превратились во второстепенный народ.

Глубины падения лучше всего и видны при сопоставлении русской армии и армии советской. Силы, пришедшие к власти в 17-ом году, армии боялись панически, армию ненавидели. На высшие посты в армии назначали заведомых идиотов, вроде Будённого или Ворошилова, профессиональные военные никогда не могли сделать серьёзной политической

карьеры. Но одновременно армия была нужна, без армии коммунистический режим был бы свергнут извне. Тут скрепя сердце приходилось подражать разрушенной российской империи. Хотя как-то использовать её великий опыт.

Уровень этого подражания прекрасно виден на примере архитектуры. Достаточно сопоставить имперские военные здания и то, что советские сваяли сами. Причём особенно поучительно сравнить “второй сорт”, стандарт армейской застройки. Как стороили типовые или просто второстепенные учреждения до революции и как после.

Типичным образчиком советской военной архитектуры является здание без опознавательных знаков на Большой Пироговской (рядом с Малой Трубецкой улицей).

Фото 35-39

Решили его построить побольше и поширьше. Да денег нет, да таланта ноль. Здание получилось огромное, безликое. В общем всё, как у взрослых: фронтон, парадная лестница, даже геральдические львы. Только планировал советский архитектор, выросший на компоте из сухофруктов. В архитектурный институт попал по распределению как рабочий, образование получил без отрыва от станка. Здесь льгота, там жировка, тут шпаргалка. Тыры-пыры, закончил. Поручили проект – сляпал. Заказчики-генералы – те же рабочие и крестьяне, всю жизнь прожившие чужую жизнь по лимиту – заказ приняли: фронтон есть, львы есть. Две штуки.

Только жизнь не обманешь. Всё равно получилась ПРАВДА.

Стоят на московской улице затерявшиеся в пространстве мосечные львы. Точнее, два одиноких карликовых льва, они ещё, бедняги, разнесены так, что пропадает ощущение парности: «разбежались».

Печальный символ современной армии. Огромный «тыл» с полками паркетных генералов, усыпавшими красными клопами своих дач всю Россию, и две ржавые подлодки из последних сил имитирующие статус сверхдержавы.

март 2003

НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТЦЫ

Большая часть статей этого раздела написана по просьбе историка Сергея Волкова для «Чёрной книги имён», напечатанной издательством «Посев».

В книге рассказывалось об аферистах, убийцах, провокаторах, шпионах, сумасшедших и тому подобной публике, чьи имена до сих пор украшают лучшие улицы российских городов.

Туда вошло две-три мои статьи, но я увлёкся и стал писать дальше.

Дзержинские-менжинские, воровские-раковские и артемы-косиоры давно перестали для мирных обывателей обозначать что-то конкретное. Так, какие-то финно-угорские «костромы» и «камы», реликты местной топонимики. Вроде бы ничего. Однако таким образом «перебиваются», как номера на ворованных иномарках, подлинные русские имена, и вдвойне однако, что теряется инстинкт естественной безразличности по отношению к захватившим родную землю осминогам.

Вроде как осминоги, наряду с лягушками, улитками и грибами, превращаются в часть родного пейзажа ; вроде как они здесь поселились, обжились и будут жить вечно, как славяне на финно-угорской прародине. Может, оно так и есть.

Только всё-таки с точки зрения научной не мешает напомнить мирному населению про «марсистов». Рассказать про жизненный цикл, пищевую цепочку: чьей кровью сии паразиты питались, кому и как под черепную коробку яички откладывали.

Так, знаете ли, НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ. В целях абстрактно-познавательных и прикладных гигиенических.

ИНОПЛАНЕТЯНИН

Интересно, какое бы имя дали инопланетяне своему агенту, внедрённому в какое-нибудь земное государство? Ну, например, в Россию. Правильно: «Фёдор Андреевич Сергеев».

Вроде бы всё правильно. И имя русское, и отчество, и фамилия. Только СЛИШКОМ правильно. Уже хотя бы «Фёдор Андреевич Попов» - фамилия не по имени, а по профессиональному признаку. Или «Фрол Андреевич Сергеев» - первое имя относительно редкое, следовательно запоминающееся. Нет - кожа гладкая, ни одного изъяна. Ни шрамика, ни прыщика. Даже родинки ни одной нет. Обтянули пластиком родного осьминога и выпустили наблюдать.

Ох, сдаётся, сильно на евреев наклеветали насчёт русской революции. Русские-то евреи были именно русскими, полуродными. И псевдоним бы они себе выбрали «человеческий»: Юлий Осипович Мартов или там Лев Давидович Троцкий.

Поэтому никто из соратников «Фёдора Андреевича Сергеева» его так не называл. Язык не поворачивался - всему есть пределы. Звали просто: «товарищ Артём». Под этим именем он и вошёл в советскую историю. «Артёмом» называли улицы, заводы, шахты, населённые пункты. Больше по имени никого из партийного руководства не величали. Был правда «товарищ Абрам», но он официально проходил как Крыленко. У Ленина одна из кличек была «Ильич». Но это интим для своих, да и, как ни крути, отчество, а не имя. Именем, кстати, и НЕХОРОШО было звать революционера. Так в европейской традиции именовали монархов.

И вот «товарищ Артём». Официальный состав ЦК РКП(б) в 1920 году: Андреев А.А., т.Артём, Бухарин Н.И., Дзержинский Ф.Э., Зиновьев Г.Е...

На Андреева только не подумайте чего. Звался он совсем не по инопланетянски: «Андреев Андрей Андреевич». Инопланетяне таких ошибок не допускают. Они по определению умные. Землю в галактике нашли, до Земли долетели – умные.

Что же нам про «Фёдора Андреевича Сергеева» известно? Да в общем ничего. Ну, вроде родился в 1883 году. О происхождении родителей – ноль. Сам якобы из села Курской губернии, но почему-то окончил реальное училище в городе Екатеринославле, где его отец-крестьянин «занимался подрядами строительных работ», причём «с помощью энергичной жены»*. Ладно. Был арестован во время учёбы в МВТУ и отправлен в Воронежскую тюрьму. Почему в Воронежскую? Ладно. Дальше «Фёдор Андреевич Сергеев» оказывается в Париже и становится учеником в Русской Высшей Вольной Школе профессора Ковалевского.

Как ни парадоксально, это как раз понятно. РВВШ была конторой Женераль Сюртэ для создания фиктивной политической оппозиции. Набирали по всей России татарских полуинтеллигентов и наспех разукрашивали в «кадетов», «эсдеков», «эсеров», «анархистов». Процесс напоминал работу Урфин Джюса из сказки нашего советского детства. Брались чурбаны, размалёвывались в разноцветные мундиры и посыпались сверху чёртовым порошком. Тут «товарищ Артём» ничем не отличается от Ленина, Зиновьева, Милюкова, Чернова и т.п. «преподавателей и студентов» Конторы. Чурбанам сообщали явки и пароли, учили организовывать демонстрации и теракты. Всё это сопровождалось вызубриванием полуторастраничной легенды: «я от имени рус-

ской демократической общественности требую...»; «мы, русские рабочие...»; «мы, российское крестьянство...»; «не давайте денег русскому правительству...»; «собирайте и отдавайте все свои деньги народу Франции...». Далее имитировалась меж- и внутрипартийная борьба.

Сам Ковалевский к этому безобразию имел отношение косвенное. Ковалевский был почтенным педерастом, профессия которого состояла в зиц-председательстве во всякого рода фиктивных организациях. С дурака, как известно, взятки гладки.

Так что про РВВШ может и правда. Верю. Это у всего поколения сергеевых как бубновый туз на спине. Дальше у нашего героя пошла «революционная работа». Всё ложь, но тоже «ничего особенного». Малмала стрелял из пистолета, усиленно вкалывал на производстве. На каждом месте по две недели. Диапазон: от директора ресторана до портового грузчика. Причём именно в такой последовательности. Сначала директор, потом портовый амбал. Правда масштаб территории деятельности «Фёдора Андреевича Сергеева» впечатляет. Например директором ресторана он был в Париже, а грузчиком – в Австралии. Это ещё в эру довоздушных сообщений. Не иначе как на тарелке в Австралию подбросили.

С Австралией у «Фёдора Андреевича Сергеева» прокол и получается. Развил он там бурную деятельность. Сначала среди рабочих эмигрантов из России. Это ещё понятно (хотя верится с трудом). Но вот затем «Сергеев» стал подданным английской королевы и крупной фигурой в тред-юнионистском движении пятого материка. «Сергеев» издавал газету «Австралийское эхо», постоянно судился с местным правительством, участвовал в выборах. То есть на скорую руку разукрашенный азиатский дуболом учил англичан, как надо в доминионах профсоюзами уп-

равлять. ТУФТА ЭТО. А уж после начала мировой войны «Фёдор Андреевич Сергеев» ни много ни мало пытался сорвать мобилизацию войск и выступал за заключение австрало-германского сепаратного мира. При этом газету «Фёдора Андреевича» не закрывали, в тюрьму не сажали. Куда же смотрела хваленая Интеллидженс Сервис? А вдаль смотрела, как профи и положено. Выращивали зверушку к 1917 году, берегли. В Австралии моря всё равно не зажжёт – руки короткие. А в другом месте может пригодиться. Дела такие, конечно, делаются с письменными гарантиями и регулярным жалованьем.

И вот грянула Февральская революция. «Фёдор Андреевич» с огромной скоростью был доставлен на историческую родину. Помогли союзнички. «От нашего стола – к вашему». Не просто на тарелочке, а на тарелочке с голубой каёмочкой. «Подарок» тут же развернул бурную деятельность. Ещё до октября он глава вооружённых отрядов большевиков. После октября – глава Криворожско-Донецкой республики. Тут пришлось дать на себя материал явно. Ничего не поделаешь – рано или поздно наступает момент истины. Вложенные средства надо отрабатывать всерьёз. Так, чтобы в пылу неподдельной страсти макияз поплыл по роже. Вот главный подвиг товарища Артёма:

«Перед уходом из Донбасса под натиском германских войск он удержал своих товарищей от затопления шахт и уничтожения оборудования в них и таким образом, спас весь угольный район».

Да, это железный крест I степени. Подвиг явный.

Потом было всяко-разно. Например, наш герой занимал такую впечатляющую должность: всеукраинский народный комиссар агитации и пропаганды (Геббельс отдыхает).

Погиб товарищ Артём, как и положено междуна-

родному авантюристу, празднично, карнавалистски. Испытывали в Подмоскovie какой-то «аэрогагон», и он на нём улетел в неизвестном направлении. То есть труп вроде нашли, но на самом деле кто знает... Может, поехал в родной Квинсленд отдыхать от трудов праведных... А может, и на Альдебаран.

Почему от него отделались? Мне кажется, потому, что (это и на сохранившихся фото видно) у «Фёдора Андреевича» не было ничего личного. Это человек типа: «18 ноября в 19 часов 43 минуты должна быть взорвана вторая опора железнодорожного моста в Саратове». Аргументация? – «Приказ из центра».

Первое время такие люди были на вес золота. – «Что делать?» Из Смольного или Кремля поступает указание: «действуйте по обстановке»; «ждите особых распоряжений»; «эвакуируйтесь на Урал». А параллельно шифрограмма из ЦЕНТРА: «18 ноября в 19 часов 43 минуты...» И всё делается само собой. После нескольких позорных провалов вдруг захватывается власть в Петрограде, на пустом месте возникает изощрённейший репрессивный аппарат, создаётся боеспособная армия из наёмников-латышей, ведётся коварная дипломатия... Везде действуют услужливые «Артёмы», с поразительным профессионализмом воплощающие туманные фантазии «кремлёвских мечтателей». «Двое из ларца, одинаковых с лица» это вовсе не Ленин с Троцким. Ленин с Троцким, по воспоминанию последнего, ночь накануне революции пролежали на полу под одеялом, мечтая о мировой революции:

- Милый Володечка, а ещё можно конфеты рабчим с дирижаблей разбрасывать...

- Ах, lieber Лёвхен, неужели я буду премьер-министром. У меня кружится голова.

Телеграф же и телефон захватывали австралийские «Фёдоры Андреевичи». Самобегло, «на пролетарском инстинкте». Да так ловко, что все только головами вертели.

Но гражданская война выиграна, госаппарат собран в деталях и работает. Теперь одинаковых с лица «артёмов» пора убирать обратно в ларец. Неконтролируемые исполнители при нефиктивном управлении не только не нужны, но и опасны. К 1921 году доступ к красному телефону имели даже не все члены Политбюро. Рядовым членам ЦК это было явно не по чину. Должны были и не догадываться.

Кем «товарищ Артём» был на самом деле... Реальная биография, подлинная фамилия. Я знаю об этой эпохе довольно много, но вот убей Бог... Может быть, это какой-нибудь офицер германского генерального штаба Густав-Отто-Мария фон Шнорхель унд Грубенберг, может быть, мистер Джеймс Карновалайнен, может, смотритель 14-го регистра галактического мультипликатора КЛМН-14as.BI, а может быть, даже, чёрт его задери, действительно, Фёдор Андреевич Сергеев...

НЕ ЗНАЮ Я. Но я точно знаю, что и никто у нас в стране про этого Артёма не знает ничевошеньки. Только ходим и смотрим на таблички: Улица Неведомой Зверушки, Завод Неведомой Зверушки, Теплоход Неведомой Зверушки, Город Неведомой Зверушки. А ведь прошло почти сто лет. Пора и оглядеться – КТО сделал и ЗАЧЕМ.

февраль 2003

* Здесь и ниже цитаты из биографии Артёма в энциклопедии «Гранат», на мой взгляд самого подробного и наименее ретушированного источника о такого рода деятелях.

СУМАСШЕДШИЙ ПОЛКОВНИК

В известный период в советской идеологической системе появилась чудесная формулировка: «Имярек не понял революции». Вот, например, Бунин. Вроде бы неплохой писатель, да и сторонником царизма назвать его трудно. Однако взял и зачем-то уехал в Париж. Почему? А не понял революции. «Очень непонятная эта любовь».

И наоборот. В среде дореволюционной интеллигенции тщательно выискивались люди, которые революцию «поняли» и сознательно, добровольно пошли на сотрудничество с советской властью. К числу таких «умников» относится полковник генерального штаба Иоаким Вацетис.

Вацетис был одним из основных действующих лиц октябрьского переворота, первым занял пост главнокомандующего Красной Армией. Фактически десяток таких вацетисов и привёл большевиков к власти. Все эти крыленки, дыбенки, подвойские и троцкие в практическом смысле только путались под ногами. Их постановления, конференции и заседания 1917-1918 годов были вознѣй вокруг шкуры медведя, убиваемого другими людьми.

Что двигало беспартийным Вацетисом? Латышский национализм? В значительной степени. Честолюбие неуспешного офицера (во время войны Вацетис никакой карьеры не сделал)? Было и это. Но всё-таки и то и другое не объясняет последующего поведения этого человека. В 1919 году его отстранили от командования и посадили на восемь месяцев в тюрьму («мавр сделал своё дело»). После этого на-

ционалист должен был попытаться бежать на родину, а офицер – пустить себе пулю в лоб. Вацетис же успешно реабилитировался и вошёл во второй эшелон советской номенклатуры. Свою карьеру он закончил только в 37 году командармом 2 ранга. То есть в известный момент Вацетис уродился большевистскому режиму и из союзника, наёмника или даже заложника стал своим.

Что же побуждало микроскопическое, но всё же имеющее быть число интеллигентных людей становиться «советскими»?

На мой взгляд, просто закон больших чисел. В достаточно большом социальном слое всегда найдётся некоторое число дефектных особей. Как говорится, в семье не без урода. А если «семья» составляет сто тысяч человек, из уродов можно набрать батальон «понявших революцию». В этом и разгадка индо-китайского «Апокалипсиса нашего времени».

Конечно, всегда есть соблазн идеологические разногласия перенести в область психиатрии. Мало ли кто и что говорит о своих политических противниках. Поэтому воспользуюсь здесь АВТОбиографией Вацетиса, написанной им для энциклопедии Гранат. Посмотрим, как человек сам себя, по современному выражению, «позиционировал».

Во-первых, Вацетис заявляет в автобиографии, что он никакой н Вацетис. Фамилию Вацетис ему дал местный помещик в издевательских целях. Дело в том, что «вацетис» по-латышски означает немец, и чтобы семейство «невацетисов» унижить, распоясавшийся немецкий феодал в начале XIX века перекрестил их в «вацетисов». За что же такие чудовищные наказания? Слушайте внимательно. Оказывается феодал (барон Мирбах, его фамилию, в отличие от своей, «вацетис» указывает) имел соб-

ственный спиртовой завод, называемый в народе «Ад». Продукцию «Ада» доставляли в Либаву раз в год, зимой, по санному пути. При этом извозчики специально спаивались спиртом. Думаете, это была натуральная форма оплаты перевоза? Как бы не так. Извозчиков спаивали, чтобы они попадали в либавские публичные дома, где их специально заражали венерическими болезнями. А от венерических болезней их лечил за большие деньги сам барон Мирбах. И вот дедушка Вацетиса отказался везти спирт в Либаву, чтобы специально не заразиться сифилисом и не тратиться на услуги барона. Тогда барон и переименовал его в Вацетиса.

Дальше – больше. Не вынеся издевательского переименования, дедушка сошёл с ума:

«Дед страшно ругался за всякие беспокойства, называя всех проклятыми. (Следует заметить, что, по воспоминанием Вацетиса, всё семейство ютилось в одной комнате, где, кроме родителей и деда, жили ещё бабка и семь детей.) Он при жизни сделал себе гроб, в котором часто отдыхал. Это обстоятельство создало вокруг него атмосферу тайны и страха. Идя навстречу его больной психологии, ему был отведён в избе на автономных началах угол с инвентарём: столик, нары и метла».

На этой могучей сцене можно и закончить: стоящий в гробу переименованный дедушка, с метлой в руках обличающий изувера барона. Кроме всего прочего, изувер «установил по всей волости право первой ночи», а также приказал учителю подвергать маленьких вацетисов чудовищнейшим побоям в школе, в результате чего один мальчик (брат отца) был запорот насмерть.

Самого Вацетиса, видимо, пороли мало. В 17 лет он стал выпускать стенгазету «Сумма разума», а также собирать латышские песни. По его словам, вме-

сте с товарищем за год он собрал около пяти тысяч песен (т.е. больше десяти песен в день собирал).

Политикой Вацетис не занимался, да и сбором песен вряд ли. В 18 лет он поступил добровольцем в Рижский унтер-офицерский батальон, затем окончил Виленское военное училище, Академию Генерального штаба, и из сенегальского паренька превратился в офицера европейской армии. На одной чаше весов было пять тысяч латышских песен, а на другой - классическое образование и Академия генштаба. Академия должна была перевесить. И перевесила. Только был ещё у Вацетиса генетический довесок в виде дедушки с метлой. И когда произошёл культурный надлом, первобытное вылезло наружу. Дедушка в 1917 году встал из гроба и развернулся на всю катушку. Против дедушки никакой генштаб не поможет. Тут «Клим Чугункин».

Не берусь судить, в какой степени Вацетис писал свою биографию кровью сердца, а в какой это была работа под дурачка.

Я немного о другом. «Белый человек» в красном мире неизбежно андеграунден. Это шизофреник, юродивый, бомж, но ни в коем случае не представитель нобилитета – солидный «генерал» с именем и именем, с воинской честью, с дедом генералом же и с внуком – учеником кадетского училища. Это шут гороховый и его лампы лишь второстепенный атрибут общего «гардероба»: полутораметровых ботинок, клоунского колпака, красной нащёпки на носу. С советской властью нельзя сотрудничать, с ней можно только «связаться». А кто будет «связываться», кого будет ТЯНУТЬ к такой жизни? Только человек «с проблемами».

И погнали уголовники 65-летнего советского генерала пинками по лубянским коридорам. Неужели

Вацетис при этом оказался способным сказать что-то серьёзное, человеческое. Расплакаться под лучом слепящей тьмы, проклясть палачей, вспомнить о Боге? Да нет. Ему пинок, а он «да здравствует товарищ Сталин». В ответ хохот, подзатыльник. Вацетис пытается подхихикнуть в ритм. Уголовники в ответ бритвой срезают ремень. Вацетис с голой задницей начинает петь латышские частушки. «Извольте посмотреть весёлую кумедь».

Гипербола? Боюсь, что «живая жизнь». Во время процесса Сланского в Праге один из обвиняемых, работая под Швейка, перед всем залом специально потерял штаны. Зал грохнул от хохота. Так смертный приговор, смеясь, и утвердили.

Каждый в конце концов получает то, к чему стремился всю жизнь. Получил и Вацетис:

«Идя навстречу его больной психологии, ему был отведён в избе на автономных началах угол с инвентарём: столик, нары и метла».

Сам себе человек гроб сделал.

февраль 2003

КУЧЕР

Пожалуй, ни в чём так ярко не проявилась самодеская сущность хрущёвской оттепели, как в реабилитации Антонова-Овсеенко.

Личность была ключевая, подходящая ко всем участкам мифологического конвейера реалбилитанса. Верный ленинец, ещё в начале 20-х годов возвысивший голос против диктатуры Сталина, Сталиным затем уничтоженный, и, что особенно ценно, имеющий диссидента-сына, отсидевшего полжизни в советских лагерях и ставшего затем одним из главных борцов с культом личности.

Действительно, в конце 1923 года Овсеенко требовал «призвать к порядку зарвавшихся вождей, стеной отгородившихся от партии», и «восстановить нормы партийной демократии».

Правда, говорилось это партийным оберпалачом, специализировавшимся на массовых расстрелах. Именно Овсеенко возглавлял подавление тамбовского восстания, где, согласно характеристике местного губкома, «проявил себя как товарищ железной воли и железной партийной дисциплины». Именно Овсеенко доверили возглавлять репрессии в Кронштадте.

В 20-х годах под болтовнёй о партийной демократии скрывалась элементарная грызня диктаторов за абсолютную власть. Сталин правила игры прекрасно понимал, и громил сторонников Троцкого тоже под флагом укрепления демократии и борьбы с узурпаторами-«бонапартистами».

Берусь утверждать, что сталинская фракция в этот период была сравнительно мягче и демокра-

тичнее. Сам Овсенко после поражения был переведён на крупные дипломатические должности, а после убийства Кирова даже вернулся к своему основному занятию – стал прокурором РСФСР.

Противопоставление верных ленинцев верным сталинцам – очередная частушка-нескладушка из театра абсурда:

- Гитлер кровавый узурпатор, подлый убийца. Мир не видал таких отвратительных подонков. Сколько людей уничтожил этот недочеловек! И каких! Вспомним хотя бы об Эрнсте Рёме, красе и гордости национал-социализма. Преданнейший боец, стоявший у истоков нашего движения, признанный глава штурмовиков И коварно убит этим австрийским выскочкой. Нет, положительно Гитлер настоящий монстр.

Так что не могла советская оттепель, а затем и перестройка привести к чему-то серьёзному. Нельзя строить юридические основания огромной страны на уголовной демагогии. На воровском культе матери, борьбе с крысятничеством и правилах общака никакой культуры не построишь. Даже не потому, что это убого, а потому что это всё отмазка для фраеров, не имеющая никакого отношения к сути деятельности «отцов-основателей». Основания же фиктивными быть не могут. Это основания. Под гнилой крышей можно и перебедровать. На гнилом фундаменте долго не проживёшь.

Но как же получилось, что огромная, великая страна вдруг оказалась во власти уголовной шантрапы? То, что шантрапа лопнула пародийным «августовским путчем» – более чем понятно. Но как шантрапа к власти пришла?

Если посмотреть на дореволюционную биографию Овсеенко, то на первый взгляд ничего, кроме шантрапы, там нет. Знаете, как шорох горошины в спичечном коробке. Ударяется о стенки – посадили, бежал, снова посадили, снова бежал. Вроде даже интересно сначала, какие-то псевдонимы четвёртого порядка, кастеты, переодевания в женские платья, а по сути надоедает через пять минут.

Например, в июне 1905 наш герой арестован в Кронштадте под чужой фамилией при помощи провокатора «Коля-золотые очки», в октябре выпущен по амнистии, в апреле 1906 снова арестован в Москве, бежал из полицейского участка, проломив стену. В июне арестован в Севастополе как «Кабанов», при аресте отстреливался. Через год бежал вместе с 20 другими заключёнными после взрыва тюремной стены. Работал среди матросов царской яхты «Штандарт»; организовал в Москве «Клуб разумных развлечений»; под фамилией Антона Гука арестован на съезде фабричных врачей, выпущен через три дня и т.д. и т.п.

Это дурная бесконечность порнографического калейдоскопа, малоинтересная для серьёзного историка

Важными тут могут оказаться только некоторые детали, особенно детали начала «большого пути». Если посмотреть внимательно как шантрапа НАЧИНАЛА, ФОРМИРОВАЛАСЬ (то есть КТО её формировал), то кое-что становится ясно.

Овсеенко был из офицерской семьи, окончил в провинции кадетский корпус, поступил в петербургское Инженерное Училище. Хорошее начало карьеры для молодого человека. Однако через месяц Овсеенко из училища с позором исключают. За что? А отказался принимать присягу.

То есть построили молодых защитников отечества царю-батюшке присягать, а Овсеенко губу завернул:

- Не буду.

Зачем же ехал за тридевять земель в северную столицу, хлопотал с документами?

Сам Овсеенко аргументирует свое решение так: «стихийный протест», «никакого революционного влияния не было», «своим умом дошёл».

После того, как Овсеенко выгнали из училища, устроился он работать кучером: «Но-о! Поспешай, милый!»

После работы кучером, нашло на Овсеенко просвещение. Поступил он в столичное юнкерское училище, принял присягу и начал с этого времени паковать сознательно, чем дальше, тем сильнее. Во время русско-японской войны молодой офицер дезертировал из своей части, и пошло-поехало. Незадолго до того, как «пошло-поехало», приключился с Овсеенко удивительный случай. Сам он описывает его так:

«В августе 1904 года был захвачен с нелегальной литературой, отсидел десять дней и выпущен по личному распоряжению великого князя Константина Константиновича, кокетничающего своим либерализмом».

То есть схватили какого-то мелкого, никому не известного подпоручика с поганым листком, посадили в кутузку. И тут звонок начальнику начальника от Их Императорского Высочества:

- Есть мнение...

И побежал начальник начальника на цырлах к знатному арестанту:

- Владимир Александрович, ваше сство, токмо по скудоумию нашему, не извольте гневаться, ваше сство, извольте ручку-с в пиджачок-с...

За что же Овсеенке такая честь? Значит, дорожки отказавшегося присягать Николаю II кадетика и ближайших родственников Николая II где-то пересекались.

Где же? А вот что это за кучером Овсеенко работал? С чего бы это вдруг такое самоуничтожение у гордого кадетика, который самому Царю Батюшке поклониться отказался. А работал кучером г-н Овсеенко в знаменитом ОПЖ, то есть Обществе Покровительства Животным.

Говорить про него ничего не буду, продемонстрирую только нагрудный знак. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Фото 40

В статуте знака сказано, что пятиконечная звезда размещается как символ всемирного союза обществ покровительства животным, которые существуют во всех пяти частях света. Везде зверушкам помогают. В Австралии кенгуру помогают прыгать, в Африке - слонику через хобот трубить. Добрые.

Фото 41

Правда, вот другой знак.

Здесь уже про пятиконечную звезду в статусе ничего не говорится. И не надо - и так всё ясно. Это «Знак для лиц, особо потрудившихся по обществу попечения о семьях ссыльно-каторжных или оказавших обществу большую материальную помощь». Буквы в центре - вензель императрицы Марии Фёдоровны, указывающий, как и корона, на то, что общество находится под эгидой Романовых.

Фото 42

А вот и центровые добряки. Это прям добрейшие из добрейших.

Сей перл есть серебряный знак «Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты».

А вы что думаете? Собрались два великих князя, один другому говорит:

- Николя с его гессенской мухой прихлопнем, пока наследника не родил; сначала я поцарствую, а потом ты или твой старшенький – у меня детей нет и быть не может.

Нет, принцы люди культурные и фронда развивается иначе. Начинают помогать зверюшкам: белочкам, уточкам, зайчикам. Потом, для правильной охоты, раздают своей дворне стволы.

Рабочим ещё тоже можно помогать. Поселянам.

Иногда получается. Иногда нет. А иногда «крыша» становится фундаментом, и бросают «Константинов Константиновичей» вместе со всех их приплодом в уральские шахты.

март 2003

БЕДНЫЙ РУССКИЙ

В массовом восприятии Демьян Бедный (то есть
Фото 43 Ефим Придворов) – поэт-реалист, простой незатей-
ливый человек из народа. Пишущий стихи не сти-
хи, скорее вирши, но есть в виршах эдакий некра-
совский лад. “Добротность”, как у пуговиц на совет-
ском пальто в эпоху развитого сталинизма. В два
ряда и не оторвёшь. Сорок лет в таком пальто про-
ходишь, в нём же в гроб положат, подумают и сни-
мут – детям. В землю что ль зарывать? Нельзя,
раскопают – пальто как новое.

Подобным человеком-пальто является Шандыбин
в подаче постсоветского пиара:

- Вот какие они, русские. Говорят, что в парла-
менте РФ совсем нет русских. Наглая клевета. Вот
Шандыбин. Хороший мужик. Добротный. Он и стиха-
ми может.

Правда, глядя на Шандыбина, почему-то вспо-
минается сутулый 45-летний еврей “Додя”, лежав-
ший в отделении психиатрической больницы, где я
в далёком 78-м году косил от СА. Еврей очень мед-
ленно, улиткой перемещался по коридору. С угла
рта стекала слюна, стеклянные глаза смотрели в
бесконечность. Если он заползал в туалет, то мень-
ше часа не сидел, и то, если уводили за руку. Без
этого мог остаться на ночь. За месяц я не слышал от
него ни одного слова, только иногда нечленораз-
дельное мычание. Однажды Додя съел апельсин. Это
подавалось врачами как большое достижение, при-
ехавшая навестить Додю еврейская мама плакала
от благодарности. Почему бы со временем не избрать
такого “Додю” в парламент РФ:

- Говорят, что у нас евреев нет в парламенте, чуть ли не антисемитизм. Ничего подобного. А как же Додя? (За руку выводят Додю.)

Ехидная Толстая с Дуней Смирновой делают передачу "Так вот ты какой, северный олень!", еврея разгуливают: "Додик, агу, агу". Тот пускает пузыри, его за кадром мадамы в чёрных очках объясняют:

- Вот они какие - евреи. Добротные, незлобливые тугодумы. Прямо как люди.

Но типаж Демьяна Бедного совсем другой. Если брать не внешний облик, а психологический тип, - это, скорее, Сергей Доренко. Помните предвыборную эфемериду 1999 года? Журналистик, яростно втрамбовывающий Примакова, зачищающий Лужкова. А по глазам доренковским видно - пишет стихи. Плохие. Пишет, потому что когда-то давно обидели, и обидели очень сильно. На всю жизнь. И теперь Доренко будет мстить. Всем без разбора, в том числе самому себе.

Это русская история - если на-западе кидаются камнями, живя в стеклянном доме, то русские швыряют камни, живя на стеклянной планете. Пугая Примакова стамеской, которой будут выдалбливать тазобедренные суставы, изводя багровоухого Лужкова церетелевскими подковырками, сам Доренко повалился бы с одного щелчка в ночь безумия. На пустом месте и навсегда.

"Демьян Бедный - мужик вредный" "нёс" про крестьян, которых надо под несложную музыку словесием закопать в землю, "нёс" про русскую интеллигенцию - куда её, только разделить на органы и продать, "нёс" про многострадальную Россию - требующий спила грибной нарост на древе мировой истории. Рифмованное наглое хамство было непрошибаемым, звонким, абсолютным. До *non plus ultra*

доходило в области глумления над религией. Здесь все эти

“Дили-бом! Дили-бом!
Стоит церковь - божий дом!”

иногда падали в ультрафиолет и оборачивались антисоветской пародией:

“Расскажу я по-своему всей Рассее
об Аароне и Моисее.
Вот были мужики:
Настоящие большевики.”

А скрывался-то под этим “дили-бомом” сорока-летний ребёнок с выдуманной лысиной прусского офицера, который во френче и сапогах сидел на полу и плакал.

Вот попросили написать автобиографию. Для энциклопедии - на века. Достал Бедный лист бумаги, ручку, начал первую фразу:

«Вряд ли хоть одному из наших писателей выпала на долю история жизни более страшная и выразительная...»

Тут упала на бумагу первая слеза. И пошло (в третьем лице: “Товарищ Сталин всё видит, всё знает”):

“Ефимке едва минуло четыре года. Был праздник, - ужасная духота. По обыкновению избитый и заплаканный Ефимка, плетясь за матерью, очутился у лавочника Гершки. Забившись в угол, он стал невольным свидетелем бесстыдной сцены, разыгравшейся тут же на мешках, на глазах потрясённого ребёнка Мальчик горько заплакал, а мать всё дорогу остервенело лупила его палкой”.

Рыдает Доренко, как дошёл до жизни такой, и

всё больше о ридной матке, любезной Екатерине Кузьминичне. Всякое лыко идёт в строку. Единственный ребёнок в семье? Очень хорошо:

“Вследствие ли постоянных побоев со стороны мужа или другого извращения природы, но, кроме Ефимки, у Екатерины Кузьминичны детей больше не было.”

Бездаренко ведёт нехитрый украинский сказ неспешно, обстоятельно, с бытовыми перечислениями:

“Однажды мальчик, вконец изголодавшийся, общарил в избе все уголки, но не нашёл ни крошки. В отчаянии лёг на пол и заплакал. Но лёжа, увидел неожиданно под кроватью дивное зрелище: в деревянное дно кровати было вбито десятка два гвоздей, а к гвоздям на верёвочках подвешены - колбаса, рыба, баранки, сахар, несколько бутылок водки, сметана, молоко, - словом, целая лавочка. Уведомлённый об этом дед Софрон крикнул: - “вот почему она, стерва, всегда такая красная!”, - но запасы тронуть голодный старик и мальчик побоялись”.

Помешивает Доренко для одуревшего читателя ушицу:

“Когда Демьян Бедный уезжал в Петербургский университет, увидел он на вокзале растрёпанную бабу, не совсем трезвую. Грозя кулаком в его сторону, она дико закричала на весь перрон:

- А, щоб тобі туды ны доихать и назад не вернуться...

Это Екатерина Кузьминична посылала своё материнское благословение отъезжающему сыну.”

Помилосердствуйте, хватит! Нет, сказ о полома-той жизни продолжается. Дрожат губы, в три ручья льются слёзы:

“В 1912 году сын, работая в петербургской публичной библиотеке, случайно наткнулся в елизавет-

градской газете на небольшую заметку “Дело Екатерины Придворовой об истязании малолетних”. Вскоре после этого мать приехала в Петербург, разыскала сына и, не глядя ему в глаза, угрюмо бросила:

- Его вбылы.

- Кого?

- Батька.

И путаясь рассказала, что на базаре в Елисаветграде в отхожем месте нашли труп отца. Труп совсем разложился, на пальце сохранился серебряный перстень с надписью “Алексей Придворов”. Из расспросов выяснилось, что у неё была крупная ссора с отцом из-за дома в деревне. Отец собирался куда-то уехать и хотел продать дом. Мать была против. Она в то время торговала на базаре, и рундук её находился недалеко от отхожего места. Слушая сбивчивые показания матери, сын пришёл к твёрдому убеждению, что она причастна к убийству. Но Екатерина Кузьминична умела держать язык за зубами”

Уха отрыгивается обратно в тарелку, льётся из ушей: какое “истязание малолетних”, если Придворов, по его же словам, был единственным ребёнком? как можно ехать за тысячу вёрст, разыскивать человека в большом городе не зная адреса, чтобы “не глядя в глаза угрюмо бросить” нечленораздельную фразу?

Но безумец с трясущимися губами не слышит и не видит ничего. Зачерпывает половником гущу: непонятно чья требуха, варёный тритон, шмат тины, пеликанья ластва, - шлёпает сатанинское хлебово на стол:

- Соседушка, мой свет!

Пожалуйста, покушай!

- Соседушка, я сыт по горло. - Нужды нет,
Ещё тарелочку. Послушай,
Ущица, ей-же-ей, на славу сварена!

“Уже в годы советской власти, когда сын стал известен на всю Россию, она разыскала его в Кремле, не раз приезжала к нему, получала деньги, подарки, но уезжая, неизменно обворовывала, при чём не стеснялась кричать в Елисаветграде на базаре:

- Вот шапка Демьяна Бедного, за три карбованца.

Но на вопрос об убитом отце отвечала злобной бранью. И только на смертном одре она покаялась и созналась, что муж был убит ею при содействии двух любовников. В день убийства она всех троих позвала к себе на обед, опоила мужа отравленной водкой, и тогда те двое обмотали его тонкой бечёвкой, удавили и бросили в отхожее место”.

Зачем же душить, если водка отравленная? Да хоть бы и правда. Сын об умершей матери... В энциклопедии (!)

Да не хамство, не хамство тут. Перед нами плачущий персонаж “Стены”, читающий тетрадку стихов в унитаз психиатрической больницы.

Вот первое, написанное в 16 лет. На созыв царём-батюшкой мирной конференции в Гааге:

Звучи, моя лира:
Я песни слагаю
Апостолу мира
Царю Николаю!

Это пока “острая от природы, но ещё нетронутая культурой и знанием мысль мальчика продолжает работать в узком церковно-патриотическом кругу”.

Приехал в Петербург в 1904 году скромный вы-

пускник военно-фельдшерской школы, вежливо спросил городского:

- Господин полицейский, можно ли мне гулять с тросточкой.

Городовой удивился:

- Почему же нельзя?

- Ну как же, ведь здесь Царь живёт...

Вскоре оказалось, что можно не только с тросточкой, но и вообще без всего. На четвереньках бегать по Невскому и лаять по-собачьи.

Либеральная "Екатерина Кузьминишна", увешанная монистами масонских оберегов, благословила в далёкий путь:

- Ничего не надо. И так хорошо. Ты давай, неси. Университет брось - ну его. И неси про колбасу на верёвке, про тазобедренные суставы. У тебя хорошо получится.

И Придворов понёс. Это слышали с благодарностью. Вырубили аршинными буквами на всех четырёх сторонах постамента памятника Александру III:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

В общем, СИМВОЛ. Место советской литературы рядом с культурой русской: пробраться ночью с ведром краски к забору и... Или ещё лучше к какому-нибудь памятнику. Паоло Трубецкой сделал, а Ефимка Придворов улучшил. Так сказать, подковал блоху. Чтоб не прыгала.

А кем считал себя Бедный в промежутках между ремиссией? Ремиссия это несчастный крысёнок, забравшийся под кровать, откуда его шугает шваб-

рой страшная Екатерина Кузьминична. А бред эйфории? В этой фазе Придворов считал себя Пушкиным. Он так и пишет, объясняя периодизацию своего творчества:

“И вот у молодого человека “настало пробуждение”, как у Пушкина:

От блеска почестей, от сонмища князей,
Как от греховного бежал я навожденья.
В иной среде других друзей
Нашёл я в пору пробужденья.

В этих строках очень скупое, но очень точно намечен тот сложный путь душевных бурь, внутренних катаклизмов, невероятных усилий и работы над собой, который превратил студента Придворова в “мужика вредного Демьяна Бедного”. Как-то сразу сделалось ясным, что страна ступает по трупам, и отовсюду веет всероссийской “расправой”. Рука потянулась к перу:

Мстя за бесплодную растрату юных сил,
За все минувшие обманы,
Я с упоением жёстким наносил
Врагам народа злые раны.”

“Бесплодная растрата” – это небольшой период учёбы в университете. Сначала Бедный “пытался учиться, ходил на лекции, слушал, записывал, не без тайного ужаса сторонясь от университетских волнений и беспорядков.”

«Судьбы причудливой игрой
Заброшенный потом неожиданно в город шумный,
Как я завидовал порой,

Подслушав у господ спор непонятно-умный”.

Потом оказалось, что ни хрена господа не знают. Днём вроде складно говорят, про науку. А вечером надевают средневековый колпак, фартук, расстилают на полу тряпку и ну на ней прыгать: калтонаймалтонай, ширин-вырин-мардехай. Бедный было тоже сунулся, а ему: “Куда, рыло! иди на улице кувыркайся через голову - денег дадим”. Он аккуратно тросточку приложил к стене и закувыркался: дили-бом, дили-бом. Как просили. Закувыркался вполне искренне. Так же искренне, как учился в университете.

Демьян Бедный - единственный писатель-большевик. Не примазавшийся после захвата власти, не “оказывающий покровительство”, как выращенный в назидание русским “рабиндранаттагор” Горький, а свой, нутряной. Из малого круга: Ефимка-пустоболт с вечной четвертинкой в портфеле, с которым в редакции дореволюционной “Правды” посидеть-выпить, перемыть косточки ближайшим знакомым, рассказать последние сплетни о дрязгах с меньшевиками.

После революции Ленин издал указ - в частных библиотеках не более столько-то книг. Нечего читать. Надо работать. Что, нам нужны образованные специалисты? Нет, не нужны. В Лондоне не дураки сидят. Чего пришьют, сделаем. В крайнем случае, пригласим иностранцев. В колонии местные жители должны не книжки читать, а работать.

Не нужно полагать, что в результате этого указа несчастные васисуалии лоханкины отбирали любимые тома и отдавали излишки в какой-то учраспред. Указ означал иное - право приходить в любой дом и забирать понравившиеся книги себе. Сначала

всем желающим, затем всё более узкому кругу промышленников и коллекционеров. Самую роскошную библиотеку собрал таким способом Демьян Бедный.

Сидел посреди инкунабул советский интеллигент и плакал:

- Матка батьку вбыла.

А в Лондоне хозяева попивали чаёк и сокрушались: бедные, бедные русские. Несчастные. В Индии бедные индусы. Народ двухтысячелетней культуры, но им совсем-совсем нечего кушать. Листики на деревьях едят, листики кончаются - начинают умирать. То 10 миллионов, то 20. Бедные. А в Латинской Америке? Уж как к свету просвещения стремятся, а всё то дефолт, то пронунциаменто. Не везёт. Про Африку и говорить страшно. Африка.

Но не плачь, бедный Бедный. Всё будет хорошо. Нефть - е, газ - е. Хочешь апфельзинку? "У Гааза нет отказа". Велика Россия, а отступать тебе, бездомному, некуда. Позади - психиатрическая больница. Там на лавочке на Патриарших с тобой немножечко пошутили. Там тебя немножечко разыграли. Но ничего страшного. Никто не хочет твоей смерти. Все хотят, чтобы ты жил и даже стал новым русским профессором или депутатом. Вместо других.

март 2003

ПО СЕНЬКЕ И ШАПКА

Скромное предложение Дмитрия Галковского относительно восстановления памятника Феликсу Дзержинскому

В конце XIX века учился в виленской гимназии задумчивый польский мальчик. Учитель у доски что-то тараторит, тараторит, а Лёлик (так звали мальчика в семье), подперев щёку, смотрит в окно. О чём думаешь, пан Лёлик?

В 1922 году Феликс Эдмундович Дзержинский на этот вопрос ответил:

- Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей.

Учитель своей Древней Грецией достал. А подойти к русскому всезнайке и ножичком пырь под лопатку. В шапке-то невидимке. С улицы наряд полиции прибежал, доктор. Их тоже по-тихому – пырь. Удобно.

- Дзержинский, к доске.

- А? Что?

- Что вы можете сказать о деятельности Эпаминонда Фиванского?

- Это... ну, это... Он всех построил, как это по-русски.. э-э, стенка. У них стенка.

- Вот к стенке и идите. Будете стоять там до конца урока. Два балла.

Как действовал Дзержинский конкретно... Приведу всего один пример. Второстепенный.

Областью максимально либеральной к белым недочеловекам в РСФСР оказался железнодорожный

транспорт. Переброска военных частей с фронта на фронт была для молодой советской республики вопросом жизни и смерти. Тут было не до идеологий. Поэтому обслуживающий персонал железных дорог – телеграфисты, машинисты, инженеры – находились по сравнению с прочими «спецами» в положении относительно привилегированном. Там не было массовых расстрелов, паёк выдавали «ударный» (т.е. с голоду не умирали), да и на всякого рода «кражи социалистической собственности», вроде перевозки мешка картофеля, смотрели сквозь пальцы. Однако война закончилась и, вопреки последующей легенде о начале НЭПа, тут-то коммунизм и решили строить всерьёз. По-настоящему. Начали с железных дорог. Был здесь ещё один аспект. Дело в том, что интеллигенты ненавидели русские железные дороги лютой ненавистью. Был даже такой термин «рухловщина» – по имени царского министра путей сообщения Рухлова. Царское правительство тоже считало транспорт объектом стратегическим и издало ряд циркуляров, строжайше запрещающих приём на железные дороги интеллигентов (т.е. лиц, не имеющих специального образования). Поэтому железные дороги считались притоном мракобесов и чуть ли не офицеров.

И вот после санобработки городов, по всей России на ниточках железных дорог продолжали плотно сидеть гирлянды гнид – проклятые русские колонизаторы. При деле, да ещё семьями.

Тогда и стала работать жуткая ЖЧК. Дзержинский лично на расстрельном поезде останавливался на станции. Персонал выстраивали на перроне.

- Фамилия?

- Иванов, начальник станции, чиновник 6 класса, награждён крестом...

- Каждый из нас кавалер своего креста. К стенке.

(Жертву тут же уводят за угол – расстреливать.)
Следующий.

- Помощник начальника станции Улиткин. Вступил в коммунистическую партию.

- Коммунист не значит товарищ. К стенке... Ты?

- Филиппов, кассир. Родственник Крупской, жены Ленина.

- К стенке.

Двигается конвейер смерти, не останавливается. Времени у Дзержинского мало. Сколько таких станций по России. А русское дурачье придумывает одно и то же. Уж сколько этих «членов партии» и «родственников» было. Однако вот конвейер дошёл И ДО РОДСТВЕННИКА.

- Фамилия?

- Савицкий, помощник телеграфиста.

- Хм, Савицкий... – голос Дзержинского меняется.

- А Мицкевича Вы читали?

- Читал.

- А что Вам кажется самым лучшим?

- «Пан Тадеуш».

- Отпустить.

Повернулся, и пошёл с перрона к своему вагону. В долгополой шинели, лайковых перчатках. На голове – странная средневековая шапка: смешной остроконечный колпак с пентаграммой.

Приведённые воспоминания, конечно, могут быть фантазией. Хотя их автор – поляк (граф Богдан Роникер), что в данном контексте служит дополнительным аргументом в пользу подлинности.

Но вот МАКРОфакт. «Не скроешь». События советско-польской войны до сих пор описываются по канве «чуда на Висле». «Фольксштурм из польских гимназистов остановил пьяные орды красных казаков». В общем правильно. Только кто были эти мифические «гимназисты»? Сначала «гимназисты»

уничтожили ударную группировку советских войск. Большевики, чтобы закрыть огромную брешь, бросили на фронт все резервы, вплоть до оголения советско-финской границы. И тут «гимназисты» уничтожили советские войска ВТОРОЙ РАЗ. После этого до самой Москвы не было ничего. Более того, в столице произошёл страшный взрыв артиллерийских складов, а в Вязьме разразилась настоящая катастрофа. Там сгорели колоссальные склады артиллерийского и интендантского имущества, бывшие последними стратегическими ресурсами Красной Армии, полученными от Российской Империи. Это был конец. После этого большевики пошли на унижительный Рижский мир, отдавший Польше половину Белоруссии и почти треть Украины.

Сразу после начала мирных переговоров взрывы, как по команде, прекратились, «чудеса» на фронте тоже кончились. Например, врангелевские войска были разбиты быстро и без особых потерь. Боеспособность их была никак не ниже, чем в польских частях. Положение для обороны – лучше.

Что же это за волшебные «гимназисты», которые так круто помогли слабой, только-только обретающей свою независимость Польше? Пилсудский немного приоткрыл занавес в уже упомянутом выше 22 году:

- Что? Вы спрашиваете о Дзержинском? Да как же, хорошо его помню по нашей виленской гимназии. Был очень деликатным, скромным мальчиком. Высокий такой, худой. Лицо как на иконе... Что? Жестокий? Не знаю, не знаю. Это уж не нам с вами судить. Такие люди принадлежат истории.

Сейчас историю хотят восстановить – поставить на Лубянке снесённый памятник Дзержинскому. Ну как москалям в их Москве без «пана Лёлика»? Ни-

как. Очень хочется. «Такие люди принадлежат истории». Кто-то по ночам спит и видит, бегаёт во сне как «Козлодоев» в «Бриллиантовой руке» с хорутвью из трусов: «Лёлик, Лёлик, где ты»

Что же, дело хорошее. В связи с этим предлагаю некоторое развитие первоначального проекта. **ДАВАЙТЕ В ШАПКЕ-НЕВИДИМКЕ И ВОССТАНОВИМ.**

Пустой постамент (как это И БЫЛО некоторое время после 1991 года) и надпись: «Польскому гражданину и шляхтичу Феликсу Эдмунду Дзержинскому благодарная Российская Федерация. Лета 2002».

Ну а как там и что, под шапкой, каждый мысленно дорисует в меру своего разумения. Кто - дон Кихота, а кто - Пол Пота. Кто кого и зачем здесь благодарит, тоже пусть каждый ПОДУМАЕТ. Про себя и всерьёз.

октябрь 2002

ОБАЯТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Дипломатия и безгливость две вещи несовместные. Профессиональный дипломат – это существо (именно существо, нечто, не имеющее национальности, пола, а в идеальном случае – скелета), да, гм-гм, существо, спокойно, с полоборота беседующее с кем угодно и так же спокойно, без обид, ведущее собеседника КУДА НАДО. То есть часто – к краю пропасти. Нужно дипломату беседовать с людоедом – будет беседовать. Может и за один стол сесть, и человечинки у радушного хозяина отведать. Ничего страшного. Но вот из столицы родного государства позвонили по телефону, политическая конъюнктура изменилась. Дипломат захлопывает дверь перед носом вчерашнего сотрапезника: «Извини, старик, ничего личного». «Старика» перед посольством рвёт на куски рассвирепевшая толпа; дипломат грустно смотрит из окна второго этажа: не повезло коллеге. Именно не «собаке – собачья смерть, гадина людоедская», а с грустью, причём грустью культурной, «не очень». Так, вздохнуть и забыть.

Но это, конечно, идеал. В реальной жизни все мы люди-человеки, и достать можно любого. Даже дипломата.

Однажды старый прожжённый дипломат граф Сфорца, к тому же дипломат итальянский (итальянская дипломатия после 1870 года славилась своей беспринципностью), встретился с советским послом Вацлавом Воровским. Слово за слово разговорились *sans fason*. Только что приехавший в Италию советский «полпред» закинул ногу на ногу:

- Да, собственно говоря, все мы подлецы.

- ???

- Россия страна подлецов. Да и дураков. Я тут недавно руководил Госиздатом. Что сказать – русские обезьяны.

- Позвольте, но ведь ваша страна сейчас сильно изменилась. Вы, в своём роде проводите, э-э, грандиозный социальный эксперимент. Старый режим, может быть, действительно, *sit venia verbo* оставил родимые пятна, но теперь...

- Что? Это вы о ком? о полоумных марксистах?

- ???

- Эти идиоты хотят сразу взять кассу. В политике так не бывает. Я, кстати, советую с ними особо не связываться. Всё равно ничего не получится. Они исходят не из анализа обстановки, а ищут все ответы в марксистских учебниках. Так дела не делаются.

- Э-э, о ком же из ваших коллег вы такого невысокого мнения?

- Да о всех. И первый кретин – Ленин.

Поперхнулся тут выдавший виды циничный старик от сего *lapsus linguae*, закашлялся. А Воровский продолжил:

- Собственно говоря, кто такой Ленин? Немецкий сельский учитель, которого убил сифилис, перед смертью наградив несколькими искрами гениальности.

И далее во всех разговорах со Сфорцей Воровский употреблял имя Ленина (впадающего в детство, но ещё живого) только с уничижительными эпитетами.

Такого ЦИНИЗМА маститый дипломат не видел никогда. Разумеется, сам Сфорца Ленина оценивал невысоко и понимал, что Воровский ломает перед ним дурака, возможно, по инструкции самого

«сельского учителя». Его поразило другое: личное отношение Воровского, считавшего всех своих собеседников идиотами, поддающимися примитивному манипулированию, и этим примитивным манипулированием наслаждавшегося.

В общем, как сказано в первом издании Большой советской энциклопедии: «Воровский умел импонировать даже опытнейшим из иностранных дипломатов своим тонким умом, широким образованием... и наконец всей своей обаятельной личностью. Его обычная в разговорах с товарищами добродушная насмешливость превращалась в убийственно ядовитый сарказм при столкновении с противниками. Но при этом он умел сохранять полнейшую внешнюю корректность и вежливость, что ещё более усиливало своим контрастом ядовитость содержания его речей».

Воровского убили в Швейцарии в мае 1923 года. Кто заказал «Жозефину» (партийное погоняло), до сих пор не совсем ясно. Формально его убил некий Конради, служивший в белой армии. Но сам Конради был гражданином Швейцарии, а желавших убить идиота была целая очередь. Как в анекдоте про покушение на Брежнева. Следовательно с досадой спрашивает террориста: «Что ж ты, голубчик, с пяти метров промазал?» А тот отвечает: «Попади тут. Я только пистолет на Брежнева направил, вся Красная площадь бросилась: дай стрельнуть, да дай стрельнуть».

Авторханов предполагал, что Воровского убрал Ленин, и мотивировал своё предположение ненавистью Ленина к людям Парвуса. Это навряд ли. Ленин был политическим тяжеловесом, а такие люди свято блюдут взятые на себя обязательства. Его взяли В ДЕЛО, а в деловых отношениях Ленин отличался большой пунктуальностью и щепетильностью. Например, после захвата власти в огромной

стране, он не забыл мелкие финансовые обязательства перед швейцарскими социал-демократами и, несмотря на саботаж советского аппарата, постарался удовлетворить все претензии своих кредиторов. Речь шла о суммах в сотни долларов. Что же касается цифр серьёзных, то тут Ленин действовал с аккуратностью профессионального бухгалтера.

Скорее «обаятельную личность» могла убить противная сторона. Воровский был неприличен и самим своим бытием дезавуировал англичан. Кстати, обстоятельства появления Воровского в Швейцарии весьма пикантны. Он приехал в Лозанну на международную конференцию, куда его, как советского представителя, НЕ ПРИГЛАСИЛИ. В момент пролезания в окно после вышибания через дверь горедипломата и подстрелили: швейцарское правительство не предоставило ему охраны, так как считало, как минимум, частным лицом. Как минимум, потому что фактически Воровский был дипломатическим хулиганом, причём гораздо худшим, чем Хрущёв. Хрущёв молотил ботинком по трибуне ООН, но в США его пригласили, на сессию ООН тоже. Пригласили – терпите. А Воровский лез с ботинком «от себя». Предположим, англичане и французы ведут переговоры, вдруг в дверь: дзынь! – Воровский. Картина Репина «Не ждали». Не удивительно, что убийцу Воровского оправдали (!). Что называется, ДОВЕЛ. Причём Конради положил всю самозванную советскую делегацию, состоявшую из трёх человек. Сначала убил Воровского, затем тяжело ранил его помощников – Дивильковского и Аренса. Возможно, такое меню и было заказано: пахану – маслину, сямкам – по пинку.

Казус Воровского есть одно из наиболее впечатляющих достижений советской власти. Испокон века дипломаты исправляли проблемы, создаваемые по-

литиками и военными. А советский дипломат умудрился создать вокруг себя международный скандал экстракласса. Действительно, «обаятельная личность».

«Обаятельная личность» продолжает мешать людям до сих пор. Поставили Воровскому любящие коллеги нелепейший монумент, несомненно самый уродливый и самый смешной памятник Москвы. Так что Воровского москвичи хорошо знают. Те, кто видят памятник изредка, – смеются. Те, кто живет рядом, – плюются. Снимал я памятник для газеты всего минут десять. Пока снимал, чего только не наслушался от проходивших рядом. Самую безобидную реплику отпустил сорокалетний интеллигент: «Красавец!»

Фото 44-47

Однажды я разговорился с московским скульптором Чусовитиным на тему «как такое возможно». Он объяснил по-профессиональному просто. Хотели, как в жизни. Заказчик сказал: надо делать, чтоб был как живой. И растопырился, показывая как именно:

- Вот так вот, поза при споре была у него характернейшая, этак пальцы бывало развернёт, на полусогнутых попochку оттопырит, а другой рукой как бы ремень на штанах придерживает.

Охотно верю. Так и было. Художник понимал, что так делать нельзя, но возражать не стал – убьют. Пришла братва с распальцовками: «Жорика убили, хотим Жорику памятник надгробный 1:1, чтоб как живой».

Нельзя ставить памятник 1:1. На открытом пространстве даже высокий человек будет выглядеть карликом с куриной головой. Таковы особенности человеческого восприятия. Но спорить с братвой бесполезно. А платят хорошо.

И встал Воровский туберкулёзной раскорякой в

центре Москвы. Если бы даже специально заказали портрет негодяя для музея восковых фигур, то заказчик подобный шедевр отверг бы:

- Надо подать чекатилу с диалектикой, скромным енотом в костюмчике с портфельчиком. А так непонятно, что ж его столько лет искали - найти не могли. Публика не поверит.

Ни один враг не смог бы поставить более позорного памятника-карикатуры. Это, кстати, и есть памятник КГБ. Настоящий. Здесь изображён не мифический Феликс Эдмундович, а вполне реальный Вацлав Вацлавич. Феликса тоже можно было бы реального дать, да ставили памятник уже без души, во времена государственной анонимности. Получился стандарт с отвинчивающейся башкой, как на римских статуях периода поздней империи. Он и сделан как шинель-пирамидка с шариком в будёновке. «Шарик есть - шарика нет». А можно было бы и Железного Феликса слепить. Он в тюрьме с сокамерником в 1916 году на революцию «под себя» спорил. То есть будет революция - отымею тебя во все дыры. Не будет - се ля ви, сниму портки. Это САМ про себя человек вспоминал, с блатной ухмылкой. Рыцарь, рыцарь революции. Образец подражания для «юношей, обдумывающих жизнь». Хорошая композиция могла бы получиться: польский татарин (круглое лицо, узкие глазки, хищный вырез ноздрей, хошиминовская бородёнка), скрестив ноги, на нарах играет в очко «под себя».

Примерно такой памятник и был поставлен. Поставлен вовсе не большевиками-заказчиками и не скульптором-исполнителем, а самой мудрой жизнью. Это лишь при поверхностном взгляде памятник «Фавну» (ещё одна партийная отзыва Воровского - кликух у международного провокатора было как грязи). На самом деле это памятник находящемуся

в двух шагах «английскому клубу» на Лубянке. Поставлен он не на центральной площади, а в укромном уголке, для своих. Кому надо – тот поймёт. Стоит, притаившись в тени высокого дома фавн в позе Эдуарда II. Был такой король на родине современной дипломатии. Ему в задницу раскалённую кочергу вставили. Просил очень. Однако похоронили по-людски, биографию аккуратно записали в школьные учебники. «Ничего личного».

ГПУМАНИСТ

Максим Горький был глупым, но очень хитрым человеком, всю жизнь работавшим под дурачка и никогда ничего не делавшим просто так. Уж чего-чего, а «несвоевременных мыслей» от автора «нужной и своевременной книги» ожидать не приходилась. Выпуск якобы «антиленинских» статей Горького в конце семнадцатого - начале восемнадцатого года был заранее согласован с Лениным и, думаю, по инициативе последнего и возник. Первоначальной целью Ленина была «вторая парижская коммуна». Международный авантюрист и потомственный провокатор, Ленин как нельзя годился на роль «мастера-ломастера». Ленинская программа-максимум заключалась в том, чтобы всё перевернуть, перегадить, окончательно столкнуть Россию в пучину анархии, а затем Белой Куном скакнуть в Лондон или Стокгольм. А уж там, на вольных хлебах можно было почивать на лаврах лет тридцать: выпускать мемуары о социальном эксперименте, пользоваться всемирной репутацией левого мечтателя.

К слову сказать, начало любого мифа весьма грубо, людей для его конструирования мало. Разжигать огонёк приходится по-первобытному – собственноручно встав на четвереньки, дуя на уголёк. В этой малопривлекательной позе раскоряченного перед карликовым костерком застрельщика находился весьма солидный английский джентльмен – ни много ни мало Герберт Уэллс. Маститый беллетрист не поленился в 1920 году приехать в Москву и написать своё лучшее научно-фантастическое произведение: «Россия во мгле», где Ульянов, он же Ива-

нов, он же Ивановский, он же Петров, он же Осипов, он же Ленивецын, он же Ленин, он же Фрей, он же Рихтер, он же Старик, он же Ильич изображался «кремлёвским мечтателем». В оправдание Уэллса можно заметить, что, в отличие от Горького и Ленина, он всё-таки был сотрудником СВОЕЙ тайной полиции. Тоже хорошего мало, но перепачканную углём физиономию любящие соотечественники могут и обтереть мокрым полотенцем: «Господин Искарриотов – патриот из патриотов».

Временные рамки ленинского кругозора после октября семнадцатого – это «сто дней». Когда Ленин продержался больше парижской коммуны, то специально отметил достижение для будущей книги Гиннесса. «Пошли на рекорд». Семьдесят процентов усилий «кремлёвского мечтателя» в этой ситуации действительно заключались в думании о будущем. Мечтатель открывал счета в зарубежных банках, зашивал в подкладки пиджаков пакетики с бриллиантами, на доставшихся от русского правительства бланках задним числом печатал кипы подложных паспортов*. Одновременно готовилось идеологическое прикрытие. Ленин понимал, что скоро будут бить и бить страшно. Надеялся он (и справедливо надеялся, объективно учитывая накопленный европейцами революционный опыт), что любое политическое хамство, любые преступления, любое идиотничанье удастся оправдать волшебным петушиным словом о никому, кроме гимназистов и английской разведки, непонятной «революции». Но сценарий мог быть разный. Всё могло закончиться непосредственным забегом до ближайшей границы. А можно было на время попасть в русскую тюрьму, к русским костоломам. Тогда на арену должен был выйти удивительно, даже утрированно ПОХОЖИЙ на русского Горький. И, окая, сказать на весь мир:

«НехОрОшО». И выйти в белых одеждах, не как один из большевиков, а как патентованный оппозиционер, самым резким образом, чуть ли не рискуя жизнью критиковавший перегибы пролетарской диктатуры.

В середине 18-го года Горький совершил политическое сальто-мортале и превратился в горячего сторонника Ленина. Что же изменилось? Ведь именно в этот период начался действительно массовый террор, именно с этого времени оплакиваемые Горьким язвы большевизма достигли диаметра лунных кратеров. Великий гуманист мотивировал политический кульбит покушением (несуществующим) на Ленина в августе восемнадцатого года.

Но кульбит был вызван совершенно другим, реальным обстоятельством. А именно, разгромом Германии и решением Антанты сохранить большевистский режим. Делиться с Россией плодами победы никто не хотел. На России поставили крест. Точнее, фанерную пирамиду со звездой. Так Ленин из политической эфемериды, вроде Левине, Бэла Куна, Львова и прочих керенских, превратился в крупную долгоиграющую фигуру. Вот тогда вся критика Горького исчезла. Во второй половине восемнадцатого года Ленин стал крупнее Горького, превратился в старшего товарища.

Но и тут Горький не был простым подчинённым. Пешков это не ЕЩЁ не большевик, а УЖЕ не большевик, участник кружка «внутренней партии». По мере выстраивания СССР в восточную деспотию, круг небожителей становился всё уже, но до точки абсолютной диктатуры круг не ужался даже в разгар сталинизма. Это было невозможно в принципе. Реальный мир построен на компромиссах. Тем более многоступенчатый мир феодализма. В конце двадцатых годов Горький вошёл в касту даже не

собственно партийной, а кегебистской номенклатуры. В этом смысле он очень похож на Маяковского, с той только разницей, что Маяковский был один и его в сверхвысшее общество ввели, а Горький вошёл туда сам, причём с многочисленной роднёй. Жена и сын Горького просто работали в чека, а внучка (злые языки утверждали, что дочь) вышла замуж за сына Берии. В той или иной степени с КГБ было связано всё семейство Пешковых. Сотрудницей КГБ/ИС была и его постоянная сожительница Будберг, впоследствии ставшая женой вышеупомянутого Уэллса.

Согласно постсоветской легенде, Горький изнывал в душной атмосфере сталинской России, бился соколом в золотой клетке. Действительно, писал он в тридцатые годы мало, но просто потому, что ужрался. Для него, профессионального журналиста, литература была средством заработка. Как только он получил кассу, то успокоился. В 20-е годы он писал многотомного «Клима Самгина» для Нобелевской премии. В 30-е ему дали десять нобелевских премий и дворец московского миллионера в придачу. После этого изящная словесность перестала его волновать.

Чем же занимался Горький в тридцатые годы? Работал, работал и работал. Как принц Чарльз или леди Ди. Послушать, так коронованные бездельники работают день и ночь: открывают благотворительные фонды, участвуют во всякого рода комиссиях, борются за сохранение окружающей среды, собирают марки, играют на виолончели, дают интервью. Труженики. Иногда, правда, расшибаются на роскошных лимузинах или внезапно умирают от неправильного лечения. Ну так се ля ви.

Так что в последние годы жизни Горький интенсивно трудился. То есть вкусно ел, сытно спал. Проходил курс лечения. Беседовал с приживалами.

Ковырялся в носу. Переписывался с друзьями. Часть переписки сохранилась. Цинично воспользуюсь своими литературными возможностями и дам её художественный экстракт. Я точно сохранил тематику и стилистику.

Генрих Ягода:

Здравствуйте, родной Алексей Максимыч, извините за молчание. Всё лето провозился с процессом промпартии. Нервы измотаны до последней степени. Так что извините за почерк. Вчера на допросе вынимаю зуб у профессора Сикорского, а он смеётся. Хитрая русская сволочь. Можете себе представить, у него цинга и зубы выходят совершенно безболезненно. Хитрый, хитрый, ну а я хитрее - стал вбивать оставшиеся табуреткой «по самую шляпку». Так намахался за ночь, что дрожат руки. Что за народ!

Цыпу приняли в консерваторию. Срулек всё ещё в Крыму с дядей Лёдей. Привет рыженькой Тяпе, Доне, Ляле, Доде, Капе, Пите, Пусе, Путе, Пипе и Напе милюсенькой. Жму Вашу большую руку.

Максим Горький:

Здравствуйте, большинский Вы мой человек, и именно прежде всего здравствуйте. Обтирайтесь на ночь водой с одеколоном, после обеда и ужина съедайте по небольшому пакетику кураги - вещь для пищеварения изумительнейшая. А на чёртовых дуэроломов начхайте с крутой горки. Их обывательским мозгам никогда не вместить громады коммунистического преобразования рода человеческого. Не разрывайте вы своё сердце по пустякам, помните, что сие имущество казённое и дано вам ВКП(б) для обеспечения бесперебойного функционирования необходимейшего для страны организма.

Относительно антисемитских усмешечек господина

Сикорского, то сии усмешечки мне хорошо знакомы. Это типичная великорусская сволочь, шовинистическая шваль, кичившаяся своим «европеизмом» и одновременно кокетничавшая с бандами черносотенных погромщиков, которые вспарывали животы беременным еврейским девушкам и выкалывали глаза прекрасным еврейским юношам. О, до какого холодного бешенства доводят меня эмигрантские пакостники своими «обвинительными» пасквилями против товарищей из Государственного Политического Управления! Ведь изумительная героическая работа группы чудо-героев, скрывающихся под тремя буквами ГПУ, посвящена и делу спасения цивилизованного мира от «истинно-русского» азиатского каннибализма. Нет, я просто задыхаюсь от злобы - вот видите, тоже руки дрожат, словно всю ночь махал тяжёлой стальной табуреткой. Доводят нас с вами людоеды с университетским дипломом.

Кстати, откуда у господина Сикорского цинга? В бытность мою у вас, я лично пробовал тюремный рацион - пшённая каша с топлёным маслом, свежая зелень, суп перловый, вермишель. Очевидно, Сикорский сознательно уклоняется от еды. Нельзя ли ему вводить пищу через воронку или при помощи питательной клизмы? Его головной мозг должен быть сохранён для дальнейшего использования пролетариатом. Профессор - светило микробиологии европейского уровня и сим казённым имуществом транжирствовать негоже.

Эх, проклятая, дряблая старость! Сбросить бы годочков двадцать, такую бы книжищу я навалил о гигантских нечеловеческих усилиях Ваших перековать, перетрясти, перелопатить «рассею-матушку», выбить её из азиатского болота на благоуханную стремнину мировой цивилизации!

Впрочем, довольно я здесь «расфилософствовал-

ся». Бодро, весело поднимается новая жизнь, и нам с вами - мастерам культуры - юни юнить не след.

Салют разгениальной пожилой вундеркиндихе Цыпке и сурьёзному карапузу Срулю Генриховичу - будущему полярному лётчику. Ваши приветы нашим я передал и наши вашим тоже кланяются.

Наша Тяпка уже совсем взрослая девица, устроилась на курсы авторемонтников и ходит в комбине-зоне. Она настоящая ударница и хочет изо всех си-люшек своих помогать Стране Советов. Но Тяпа на Капри в морском влажном климате с постоянными ветрами и сквозняками подхватила туберкулёз. И я боюсь, что постоянная работа в нашем гараже с принудительной вентиляцией и бензиновыми испарениями может привести к обострению болезни. Боюсь за Тяпу, ей-богу, боюсь. Ей нужен хороший тёп-лый шёлковый бюстгальтер фирмы Эснер или Бет-куринер (восьмой номер фиолетового или розового цвета - Цыпка знает). Не могли ли вы помочь, если можно, выбрать - в хорошем состоянии, не замы-тый, на складе ОГПУ.

Засим откланиваюсь, дорогой мой землячок. Ваш Мастер Культуры.

И дальше в том же духе. Не верите - можете посмотреть. Многое опубликовано. Например в тре-тьем сборнике «Горький и его эпоха», изданном в 1994 году.

апрель 2003

*Подобный джентльменский набор денег и документов был найден в личном сейфе ближайшего соратника Лени-на Якова Свердлова. К слову сказать, старший брат Свер-длова был усыновлён Горьким, а племянница вышла за-муж за Ягоду.

ГРИБ

Это было именно то, что ждали, жаждали. Всё равно, что собралась над Россией огромная туча, воздух наполнился электричеством. Повисла душная, гнетущая тишина. И номенклатурный народ на 1/6 части суши с тоской переглядывался. Сейчас нам русские ВЛОМЯТ. За всё – за 70-летнее издевательство, за разрушение культуры, за то, и это, и вот ещё то, и вот это не забудут... Пинками, пинками по жирным задам, по загривку оглоблей... Ведь про себя вор знает очень отчётливо. Ночью разбудить – так список своих статей с «бисами» и «примами» отпрапортует без запинки. И вдруг вместо удара грома и вселенского потопа пошёл тёплый смешной дождичек. Грибной, с солнышком, проглядывающим через опереточную вату облаков. 17 января 1991 года по ленинградскому телевидению музыкант Курёхин сказал, что Ленин – это гриб. Запрыгали в классики на одной ноге седовласые генералы во внутреннем дворе Лубянки – гриб-гриб-гриб.

Никто Курёхина с его модернистскими поделками уже не помнит и не вспомнит никогда. А гриб запомнили. Это то, что доктор прописал. Гитлер? Да какой Гитлер. Хи-хи, ха-ха, опереточный чарли-чаплин. Что, холокост? Где, когда? Он слишком был смешон для ремесла такого. Есть в Иерусалиме проспект Гитлера, несколько больших памятников. А чего такого-то? Рядом со Стеной Плача – мавзолей.

Гриб-граб-гроб-груб.

Умер вскоре Курёхин. Молодой ещё человек. От болезни страшной – рак сердца. Когда сказали по телевизору, все расхохотались. Ох уж этот Курёхин, опять хохму какую-то придумал. Стали собирать деньги на операцию, в доказательство болезни

показали в новостях постмодернистскую фотографию шутника. Тот лежал на постели и улыбался. «Рак сердца» в качестве посмертного глумления обыграл комик Дыховичный в своей комедии «Копейка» (местами, действительно, смешной).

Нет, упаси Господи, я не хочу сказать, что люцифероподобный диктатор, вылезая из загробного мира через окровавленную пентаграмму... Хотя такая мысль уже озвучивалась заболевшим раком Волкогоновым. Свою книгу о Ленине он закончил следующей фразой:

«Луис Фишер (русское издание) и Роберт Кларк, написавшие честные книги о лидере большевиков, умерли ещё до выхода книг в свет. Ленин как будто излучает поражающую радиацию в отношении тех, кто вознамерился правдиво сказать о нём... И я не знаю, удастся ли мне увидеть эту книгу напечатанной».

Нет, я о вещах более простых, житейских. Тут указание Божие на то, что нельзя путать жизнь с фарсом. Делу – время, потехе – час. Карнавал это не быт, а исключение. Автор теории карнавализма в России прыгал по лагерной зоне на одной ноге. Прыг-скок, прыг-скок на костылях. Издевался, куражился над благородным Достоевским, изображал его клоуном с наклеенным носом из папье-маше, вот, мил дружок, и попрыгай теперь. Вышибло напрочь хамский карнавализм у Бахтина. Печататься предложили, шарахнулся Михаил Михайлович чуть ли не под кровать – упаси господи, мне и так хорошо. Тепло, пенсия 20 р., не бьют. Очень хорошо. Западноевропейский кривляка Хёйзинга, изображавший всю средневековую культуру ярмарочным балаганом, перешёл в мир иной, не подавившись поросянком на деревенской свадьбе, а скончавшись от голода в кульминационном акте мировой трагедии. Делу – время. Не хамя, не издевайся над людьми. Ведь Хам не отвернулся от наготы отца своего. Дей-

ствительно смешно: папка с голой попкой на мамке прыгает. Ну как тут не рассмеяться: карнавализм. Но ведь вовсе не Пиноккио сам Хам - живой человек. И издеваясь над актом своего рождения, превращая таинство в фарс, он и себя помещает в кукольный театрик вовсе не Бога, а существа тоже мелкого и любящего пошутить. Захочет - ногу оторвёт. Захочет - в костёр бросит. Запросто. И плакать не даст. «Чё ты? Это карнавализм. Ты прикололся. И я прикололся. Чего, шуток не понимаешь?» Ленин - гриб, Курёхин - рак.

Кстати, откуда взялся гриб? После разрастания курёхинского гриба до размеров водородных, догадливые критики решили, что тут аллюзия на мескалиновую культуру хиппи: мухоморы, Кастанеда, диэтиламид лизергиновой кислоты. Вроде как сбылась мечта советского андеграунда: залить в водопроводную сеть ведёрко ЛСД. «То-то станет весело, то-то хорошо».

Берусь утверждать, что истоки курёхинской хохмы более солидные. Впервые Ленина назвал грибом Солженицын в нелепом «Красном колесе»:

«Голову носил Ленин как драгоценное и больное. Аппарат для мгновенного принятия безошибочных решений, для нахождения разительных аргументов, - аппарат этот низкой мстительностью природы был болезненно и как-то, как будто, разветвлённо поражён, всё в новых местах отзываясь. Вероятно, так прорастает плесень в массивном куске живого - хлеба, мяса, гриба, - налётом зеленоватой плёнки и ниточками, уходящими в глубину: как будто и всё ещё цело и всё уже затронуто, невыскребаяемо, и когда болит голова, то не всю ощущаешь её больную, но такими отдельными поверхностями и ниточками».

Несколькими страницами ниже Солженицын обобщает. Ленин сидит на мокрой лавочке у обочины

швейцарской дороги. Мимо скачет на лошади красивая женщина:

«Всадница сидела невозмутимо или печально, смотрела только перед собой под уклон дороги, не покосилась ... на дурно одетого, внизу к скамейке придавленного, в чёрном котелке гриба».

Гриб из-под шляпки пялится на заграничную фату моргану. На дворе март 17-го. Занавес.

Именно Солженицын заложил основы постсоветского представления о Ленине как о чокнутом профессоре. Что же такое произошло с Россией в 1917 году? Да известное дело – В УМЕ ПОВРЕДИМШИ. Русские психические – у них есть (внимание!) ИДЕЯ. В этой параноидальной идее – истоки и смысл русского коммунизма. Именно русского. Явление это доморощенное, сугубо национальное. А конкретным исполнителем русского плана оказался безумец с заплесневелым мозгом. Вуаля – концы в воду. А что делать – «крези рашен». Тяп-ляп, покатилося колесо. Где не склеилось, можно мистицизму подбавить. В роли дьявола-искусителя у Солженицына выступает Парвус. Приходит к ничтожному «Грибу» – без связей, без денег, без опыта практической работы, – и возносит на политический Олимп. Откуда же связи, деньги и опыт у, самого Парвуса? Солженицын не знает, да, похоже сие знать простому смертному и нельзя. Единственный раз за всё десятилетие «Колесо» автор прибегает к филологическому чуду – Парвус без спичек и керосина зажигает керосиновую лампу и поддерживает в ней огонь полтора часа. На этой «керосинке» и поджаривается идеологическая яичница романа.

Так Солженицын (разумеется, невольно) подтвердил, и так сказать, «проиллюстрировал» отвратительную расистскую клевету на Россию.

Но даже в этом виде интерпретация событий была опасной. Ибо сам автор смехотворной концепции был

вполне серьёзен. Неправдоподобно серьёзен. И прожил серьёзную, достойную жизнь. Поэтому в дело пошёл пересказ пересказа, так сказать карикатура карикатуры. Это принялось сильно и за последующий десяток с лишком лет разжёвано профанами до лубка. Похоже, дело закончил второй «политкорректориссимум» России – Сокуров. Сей кинематографический новатор, сделавший себе имя на претенциозном ломлении в открытую дверь («Ельцин хороший»; «Гитлер плохой»; «До революции была культура»; «Волга впадает в Каспийское море»), в 2001 году снял фильм «Телец». Ленин Сокурова – разбитый параличом идиот, ржавый рупор всё те же беликовских максим: «Быть тираном – нехорошо»; «Нормальный индивидуум должен жить своим трудом»; «Нельзя брать чужие вещи»; «Лошади кушают овёс и сено». Автору кажется, что положение спасает парадоксальность ситуации: трагикомедия немощного диктатора. Сокуров бы очень удивился, узнав, что ещё греки говорили, что нет ничего смешнее престарелого тирана, и что на заре нового времени ситуация больного Ленина была в деталях описана Коммином в его мемуарах о Людовике XI.

Сам по себе фильм Сокурова снят не без таланта. Дело, однако, заключается в том, что это единственный фильм о Ленине за всё постсоветское время, фильм этот снят человеком, чутко улавливающим политическую конъюнктуру, и суть картины в подмене человеческого лица гиппократовой маской.

«Телец» трудно отнести к жанру комедии. Тем не менее, как и в «Красном колесе», образ Ленина там совершенно пародиен. Конечно, можно и посмеяться, и нужно посмеяться. В Ленине было много комичного, даже фарсового. Но именно МОЖНО, и именно И. Как бесплатное приложение или карикатура на последней странице газеты. А когда, кроме

этого, ничего нет, когда в центре короткие смешки, а по всей стране стоят монументы на всевозможных «ленинских проспектах», то ведь, господа-товарищи, над чем смеётесь?

Я не собираюсь здесь ничего говорить о Ленине. Я только покажу один портрет. Портрет не Ленина, о котором ещё в 17-м сказали, что это не человек, а ФИРМА, а портрет индивидуального сотрудника этой фирмы, которой много над нами ПОРАБОТАЛ.

Фото 48 Это один из руководителей русского масонства Игорь Кривошеин. Добрый, наивный человек. И фамилия мультипликационная, вроде знаменитого Безухова. Сей Кривоухов, из-за своей необыкновенной наивности и прекраснотуши в возрасте 48 лет внезапно стал фанатичным сталинистом, начал рваться из Франции в СССР. Бедный, наивный, добрый человек. Видно, ностальгия замучила. Не хватило ему трёх высших образований и многолетнего сотрудничества с Интеллидженс Сервис и Сюрте Женераль, чтобы понять, что Сталин не очень хороший. Получил он советский паспорт, приехал с Советскую Россию. Тут бы бериевским палачам действительного, настоящего шпиона и разоблачить, навернуть по звёздочке на погоны. Но, несмотря на свехрасстрельные обвинения в сотрудничестве с гестапо, английской и французской разведкой, а также туманной «международной буржуазией», планетарный добряк был устроен бережно, в месте особом. Знаменитом Марфине под Москвой, в бериевской «шарашке». В этом круге первом, по странному стечению обстоятельств Кривошеин встретился с Солженицыным и Львом Копелевым. И там, в частных беседах объяснил молодым аборигенам:

Фото 49 - Ленин, Ленин. А кто такой Ленин. Да так, гриб. Не было никакого Ленина.

И концы в воду. Сам Грибник в 1974 году, то есть одновременно с Солженицыным, уехал во Францию.

Отдыхать. Тихо, без шума. А Солженицын с довеском Копелевым вырвался на оперативный простор, покати́л красное колесо: гриб, гриб. «Ленин сумасшедший петрушка, которого нашли немцы».

Тогда, в конце сороковых, Кривошеин, конечно, беседовал с другими молодыми советскими интеллигентами. Вполне можно допустить, что какой-нибудь смышлёный Сидоров ему возразил:

- Я вот чего не пойму. До революции у русских социал-демократов было пять съездов. Ну, первый в Минске из двух с половиной человек, и то разогнанный. Фиктивный, для солидности. Итого четыре. Второй, то есть учредительный, в Брюсселе, столице английского сателлита, и в Лондоне. Третий — в Лондоне. Четвёртый в нейтральном Стокгольме, на идеологически ничейной территории. И пятый опять в Лондоне. Съездов РСДРП ни в Германии, ни во Франции не было. Значит... Или Вы говорите, что Ленин шут гороховый, которого знало до 17-го года несколько человек. Нет, Ленин был главой малочисленной, но шумной фракции в русском парламенте, все заявления которой мгновенно получали мировую рекламу. Ленин ДО революции входил в международный клан профессиональных политиков Европы, его корреспондентами были: Вандервельде, председатель МСБ и министр бельгийского правительства, секретарь МСБ и тоже министр Гюисманс, председатель Национального совета швейцарского парламента Гримм, депутат австрийского парламента и министр иностранных дел Адлер и т.д.. Сам он в течение многих лет был членом руководства II Интернационала, т.е. организации, в которую («Социнтерн») до сих пор входят множество президентов и премьер-министров западноевропейских государств. Потом, всё, что говорил Ленин в 17-м, сбывалось с железной закономерностью. На-

пример, он говорил о революции в Германии и Австро-Венгрии, люди смеялись: утопия. Но ведь произошла там революция. И дошло вплоть до гражданской войны и советских республик в Венгрии и Баварии. Возникли там советы вовсе не в результате помощи большевиков. Какая помощь в 1918-19 гг., если в это время основной лозунг был «день простоять и ночь продержаться» и продержаться именно до начала революции в Германии. Помощь большевиков западным революционерам в то время это что-то вроде помощи пассажиров тонувшего «Титаника» правильному сообщению между Европой и Америкой. Действовали в Германии и Австро-Венгрии силы сторонние и о предстоящих действиях этих сил Ленин знал, у него был трезвый расчёт. Это вовсе не политический мюнхаузен и пустышкин. У него была ИНФОРМАЦИЯ и информация конфиденциальная. И какие к чёрту немцы доставили в Петроград Троцкого, приехавшего из Америки не через германскую, а английскую (канадскую) территорию.

И пошёл бы дальше: а вот то, а это. А вот ещё факт. И ещё.

И завертелась бы английская погань, как сколопендра под пинцетом энтомолога, засучила своими бесчисленными лапками, забрызгала пахучими выделениями. Обрушилась бы вся система эпициклов, десятилетиями внушаемая советской властью в полном единодушии с метрополией. Полетели бы и немецкие деньги, и «мировой цыганский заговор», и «дельцы Уолл-стрита» и великий восток Франции. Всё это мы уже слышали.

Однажды повезли меня в совминовский дом отдыха. Машина ехала по загородному шоссе - прямому, как стрела. Наконец доезжаем до какого-то отростка. У отростка БУКЕТ запрещающих знаков: объезд,

кирпич, ремонт дороги, поворот запрещён. В общем: езжай на все четыре стороны, только ни в коем случае не на совминовскую дачу. Такой дачи нет, это, сынок, фантастика.

Если вы занимаетесь историей революции, сначала вам расскажут, что это «широчайшее творчество народных масс». В телевизоре живут Хрюша и Степаша, если там включить свет, они проснутся и расскажут интересную историю под вывеской «Спокойной ночи, малыши».

Если Вы закончили среднюю школу, «она сама себя высекла» срabатывает неважно. Поэтому вывешивают более сложные дорожные знаки:

1. Во всём виноваты немцы. Печатают в ЛОНДОНЕ книгу с кое-какими интересными фактами. Автора подбирают с приятной для русского глаза фамилией – Катков.

2. Во всём виноваты американцы. Русский книжный рынок заваливается писаниями «американского патриота» Саттона о злых заокеанских толсто-сумчатых. Как нетрудно догадаться, «патриот» родился в ЛОНДОНЕ и затем был успешно заб..., извините, натурализован в США.

3. Что, немцы не нравятся? А на американцев не купились? Тогда в бой идут танки – во всём виноваты евреи. Пишется толстый том, данных – море. Тут же переводится на русский язык и под носом у КГБ (глупые, наивные) печатается «патриотическим подпольем». Автор? Дуглас Рид – ВЕДУЩИЙ СОТРУДНИК «ТАЙМС», специалист по чёрному пиару, антифашист с международным именем и, разумеется, кадровик СИС. На склоне лет, после разгрома Гитлера «прозрел» и стал записным антисемитом. Так сказать, поворот на 180 градусов. Чего же, человек служивый:

- Кру-гом!

- Ать-два.

Приказ - закон для подчинённого.

Да, забыл про многострадальных масонов. И первая, и вторая, и третья версии густо посыпаются соответствующими специями. Эти проклятущие масоны живут везде: в Германии, в США, во Франции. На последнее государство вина за русскую революцию непосредственно не возлагается (уж слишком тесные отношения у Франции были с Англией), зато все русские революционеры (разумеется, с аккуратной выемкой большевиков-ленинцев) объявляются членами французских масонских лож. Ну и, разумеется, евреи это все сплошь масоны.

В общем виноваты все. Все, КРОМЕ АНГЛИИ.

Впрочем, вернёмся к нашему Сидорову. Точнее, возвращаться-то и не к кому. Если бы нашёлся такой умник в Марфино, жить ему после этого оставалось недолго. Направили бы его из золотого Подмосковья куда-нибудь подальше, на урановые рудники. Прожил бы он там год-два. Позвонил бы Кривошеин, этот добрейший, простодушнейший и наивнейший «мистер Пиквик» (отзывы подлинные):

- Сидорова не надо. Умный.

А Копелев и Солженицын... «Мистер Пиквик» забарабанил пальцами в кабинете у Бери:

- Ну, Копелева всерьёз брать нельзя. Этот за деньги сделает всё, и следовательно, ничего. Разве что на подхвате поставить. А вот Солженицын... Человек вполне честный, с правилами. Есть слог, в будущем и литературный талант, может, быть даже большой. В интеллектуальном отношении... не дурак. Далеко не дурак. Но глубоко рыть не будет. Где укажут, нароет что надо. Посмотреть налево - направо, копнуть дальше - не додумается. Тугодум. Ставку надо сделать на Солженицына.

И сделали.

апрель 2004

ВСЯКО-РАЗНО

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ НЕАКТ & НЕТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ, ИЛИ НИЧЕГО НЕ БЫЛО

Буквально в первые минуты после трагедии все средства массовой информации единодушно заявили, что гибель “Колумбии” не есть террористический акт. Аргументов в пользу этой заявления не приводилось никаких, да и не могло приводиться по причине отсутствия критической массы информации, необходимой для хотя бы поверхностных выводов на уровне “с известной долей вероятности можно утверждать”. Было известно только два факта:

1. Для охраны Объекта были предприняты беспрецедентные меры безопасности.

2. Объект был уничтожен.

Спрашивается, в какой степени первый факт подтверждает вывод о естественной природе второго факта? Да ровно в такой же, в какой его опровергает. Кто-то очень хотел Объект уничтожить, кто-то очень хотел его сохранить. Объект уничтожен. Можно сказать, что уничтожен случайно, ведь его очень хотели сохранить. Но ведь с равной вероятностью (как минимум) можно сказать, что Объект уничтожен специально, потому что его кто-то очень хотел уничтожить.

Таким образом, современное информационное пространство познакомило ошарашенную публику с новым идеологическим понятием – “нетеррористический акт”. Позволю себе дать его краткое опреде-

деление. Нетеррористический акт - это террористический акт, совершённый таким образом, что его правильная квалификация идеологически невозможна для объекта нападения. Ведь признание инспирированности гибели "Колумбии" означает, во-первых, сильнейшую дискредитацию обороноспособности США, а во-вторых, практически полностью опровергает версию о руководящей роли арабов в мировой террористической войне.

В связи с этим можно ввести ещё один термин, в тандем к первому: террористический неакт.

5 января 2003 года, то есть менее чем за месяц до "нетеррористического акта", некий "человек со значительной потерей реальности" (копирайт германской полиции) захватил самолёт на одном из франкфуртских аэродромов. Несмотря на потерю реальности, манипулировал он ею с ловкостью профессионального фокусника. Во-первых, ему удалось, угрожая оружием, захватить спортивный самолёт. Затем самому поднять его в воздух и два часа кружить вокруг небоскрёбов, угрожая врезаться в здание Европейского центрального банка. Несмотря на официальную информацию о крайне недостаточной лётной квалификации злоумышленника, летал он более чем профессионально (фактически между высотными зданиями). Весь персонал небоскрёбов был при этом эвакуирован, а аэропорт Франкфурта закрыт.

Аналогия с событиями 11 сентября просматривалась невооружённым глазом. В августе 2002 года Гельмут Шмидт выступил с резким антиамериканским заявлением ("Европа не нуждается в опекунах", Ди Цайт, №32), где для диалектики (в стиле "алкогольное опьянение обвиняемого не облегчает его вину, но объясняет его поведение") заявил буквально следующее:

“Европейцам стоило бы представить себе, какова была бы их реакция, если бы угнанные террористами самолеты рухнули на банковские здания во Франкфурте или на здание рейхстага в Берлине, унеся жизни тысяч людей. Каков был бы психологический и политический ответ в наших странах? Сохранили бы наши правительства трезвость ума? Вообразив себе такое, легче понять разгоряченное эмоциональное состояние американской нации”.

Вскоре после декларации Шмидта германские ВВС перехватили самолёт, летящий в опасной близости от франкфуртских небоскрёбов (девятого сентября, т.е. за два дня до годовщины уничтожения торгового центра). После этого в массовом сознании Франкфурт прочно занял место террористического эквивалента Нью-Йорка.

И вот в начале 2003 года фобии европейцев начали всерьёз сбываться. Но неожиданно события завершились фарсом. Дело даже не в том, что угонщик покорно подчинился германским истребителям и сел в указанном месте, где благополучно был арестован и объявлен сумасшедшим. Наибольший интерес вызвала постмодернистская мотивация “человека со значительной потерей реальности”. Ещё в воздухе, угрожая врезаться в банк, он требовал связать его по телефону с неким американским гражданином по имени Чарльз Резник.

Оказывается, 30-летний террорист был влюблён в погибшую 16 лет назад в “Челленджере” 36-летнюю еврейскую космонавтку Юдифь Резник, братом которой являлся Чарльз. А вся история с угоном самолёта является протестом против вакханалии замалчивания подвига отважной женщины.

Чтобы оценить масштаб издевательства, следует знать, что на Западе существует настоящий культ Резник. По сравнению с ним хрущёвско-брежневс-

кая шумиха вокруг Терешковой выглядит любительскими потугами балаганного зазывалы. Ещё при жизни, после первого полёта на шаттле в 1984 году, на мадам Резник молились. Командир экипажа полковник Хартфилд с прямою старого солдата заявил: "Из шести членов экипажа лучшей была Юдифь. Да иначе и быть не могло. Это не такой человек, чтобы занимать второе место." А уж после вознесения на "Челленджере" слава Юдифь достигла размеров Юдифи библейской. С равным успехом можно было бы "привлекать внимание" в сталинской России к "замалчиваемой" Паше Ангелиной или Зине Портновой.

Резник пропагандистский аппарат подавился, закашлялся и замолчал. Было непонятно куда это развивать. Террорист - это плохо. Террорист говорит, что Резник - это хорошо. Действительно, Резник - это хорошо. Но то, что это говорит плохой - плохо. Или он не плохой, если хорошо говорит. Чёрно-белую мельницу идеологического аппарата такие идиотские дихотомии вводят в клинч. В 37 году реальной проблемой было выкрикивание расстреливаемыми врагами народа лозунга "Да здравствует Сталин!". Для потомков по этому поводу сохранились любопытные документы. Например, циркуляр, рекомендующий проводить среди расстреливаемых разъяснительную работу о важности предстоящего мероприятия, которое негоже срывать провокационными криками.

В общем, пошутил франкфурсткий каскадёр знатно. Почище приснопамятного Руста. Однако подлинный смысл садистского сарказма раскрылся через 26 дней. 1 февраля 2003 года, ровно в 9.00 (как и положено "нетеррористическому акту", взрыв "Колумбии" произошёл не в 8.59 и не в 9.01, а ровно в 9.00).

Теперь можно дать дефиницию и второго термина. “Террористический неакт” – само по себе нелепое или относительно безобидное действие, идеологически соотносящееся с последующими действиями и тем самым усиливающее или направляющее их кумулятивный эффект. Это что-то вроде бинарного отравляющего вещества: в снаряд помещены две капсулы с безвредными реактивами, которые при их механическом повреждении смешиваются в смертельный яд.

февраль 2003

МЫ БЫЛИ НЕМЫ

По своему происхождению я рабочий. Рабочими были мои родители. Рабочим был район, в котором я жил. Трудовой путь я начал в 17 лет - рабочим автомобильного завода имени Лихачёва. Потом моя судьба сильно изменилась, но значительная часть моей жизни - это жизнь рабочего.

И вот удивительно. Эта жизнь не нашла никакого отражения в нашей культуре. В советское время официальная пропаганда насаждала образ плакатного "сознательного трудящегося" с партийно-картонными мыслями. Иногда под рабочего гримировали английского офицера (бессмертный образ "Гоши" в фильме "Москва слезам не верит"). Иногда за рабочего канал альфонсирующий официант, вроде "Афони" (был такой киношедевр, в советское время очень популярный). Фрондёрствующей интеллигенции рабочие были неинтересны. Даже спившийся персонаж Венечки Ерофеева был отнюдь не рабочим.

После крушения советской власти о рабочих вообще забыли. В общественном сознании их образ заменили политики, бизнесмены, уголовники, военные, на худой конец, крестьяне, кто угодно, только не рабочие. Наверно, пролетариат сильно всем надоел после государственной семидесятилетней долбёжки. Потом именно этот класс в условиях постсоветской деиндустриализации ужался почти до нуля. Есть ли сейчас рабочие как устойчивая социальная группировка, даже не знаю. Но они были, и было их много. Половина страны.

Что об этой жизни знает современное поколение? Думаю, ничего. В фильмах и книгах ложь.

Я хочу остановиться на трёх постоянно муссирующихся в последнее время мифах о рабочем классе, сопоставив их с личными наблюдениями эпохи классического застоя. Про это время начали врать много и сильно.

1 миф. Рабочие были довольны тем, что они рабочие.

Когда я учился в школе, наш класс повезли на ЗиЛ рекламировать профессию рабочего. Говорили много, долго водили по заводским корпусам. Но запомнился только один эпизод. Группа рабочих стояла у входа в цех, курила. Один из них подошёл и тихо сказал: “Не слушайте, что вам п...ят. Х..во здесь работать.”

Через год по жизненным обстоятельствам я оказался на ЗиЛе и убедился, что это общее настроение. Типовой разговор рабочего: “Мы люди маленькие, всяк сверчёк знай свой шесток”. Это может показаться невероятным, но рабочие с иронией напевали “та заводская проходная, что в люди вывела меня”, употребляя выражение “в люди” в горьковском смысле: “в людях”, то есть “с сумой побираться”.

Непосредственно с производства, всё, что могло передвигаться, старалось уползти. И уползало. Оставались те, у кого на спине было написано: “Ушёл бы, да куда?”

Добавлю, что ИТР в глазах рабочих 70-х годов не пользовались никаким престижем. Никто не хотел быть советским “инженером”, а многие советские инженеры являлись теми же рабочими. Социальная грань была очень размытой. Рабочие не счи-

тали инженеров (нена начальников) людьми иного социального статуса. Одним из моих напарников (я работал наладчиком вентиляционного оборудования в литейных корпусах) был 45-летний инженер. Его называли "Славик", у него постоянно, как тогда шутили, "кружилась спина" и ходил он по объектам, как и я, в грязной телогрейке и респираторе. При этом разницы в зарплате между рабочим и рядовым инженером не было. Квалифицированные рабочие получали даже больше. Труд рабочих был, конечно, грязнее, но их гораздо меньше изводили собраниями, да и помыкали ими меньше.

Часто рабочим был человек, который не захотел быть помыкаемым всеми интеллигентом. Советский инженер, как правило, был человеком, который интеллигентом стать не смог.

2 миф. Рабочие поддерживали советскую власть

Советский режим рабочие ненавидели не меньше, чем интеллигенция. От рабочих я постоянно слышал фразы: "подонки Брежнев развалили экономику"; "во всём виноват Николай II - 25 лет царствовал, а продуктов большевикам на 75 лет не заготовил" и т.д. и т.п.

Когда умер Суслов, рабочие злобно усмехались: "Ну вот он с нами и сравнялся".

В нашем коллективе работал заика-дебил с именем-отчеством Владимир Ильич. Чтобы не заикаться, Владимир Ильич постоянно употреблял словосочетание "в рот", совершенно не понимая его матерного смысла. Рабочие хохоча рассказывали, как встречали Владимира Ильича, ведущего сынишку из детского сада:

- Вот, в рот, Сашку, в рот, из сада взял. Саша, поздоровайся, в рот, с дядей.

Рабочие в глаза звали несчастного “Ильич в рот”, на что тот добродушно откликнулся. “Ильич в рот” был талисманом коллектива, местной достопримечательностью, которую хохоча показывали соседним цехам. При этом все, разумеется, понимали, КТО тут имеется в виду. Бедняга был вдобавок лысый и постоянно употреблял эпитет “башковитый”. Рабочие хохотали: “У нас Ильич, в рот, башковитый!”

Это было конечно хулиганством. Между Лениным и Брежневым всё-таки делали различие. Но это было различие между мусором и урной. Мусор (Брежнев) культурный человек должен был именно из приличия пнуть сапогом. Пинать урну - это признак бескультурья, хулиганства. В урну надо аккуратно плевать. Ленин воспринимался как нечто не совсем приличное, но не требующее немедленной “уборки”. Ну, поставили - пусть стоит. Можно даже ребёнка в мавзолей сводить. Не надо только в глаза Лукичём тыкать. Конечно, ничего сакрального в отношении к “светлому образу” у рабочих не было. Никакой “Заставы Ильича”.

Сталин был собирательным образом грузина из анекдотов про кавказскую жизнь. Говорили про него мало (по той причине, что его тогда мало было и в официальной пропаганде).

Брежнева же ненавидели самозабвенно и вдохновенно. Нужно было обладать глупостью Андропова, чтобы не использовать этот козырь. С какой злобой говорили о посещении Брежневым ЗиЛа! Рабочие десятки раз рассказывали, как партийные холуи выкладывали к его приезду клумбы из цветочных горшков; как проводили инструктаж, кому и что говорить; как остановили в день его приезда все вредные производства, чтобы, упаси Господи, не задохнулся престарелый генсек от литейной гари или не замочило его кислотным дождиком.

У рабочих был огромный интерес к тогдашним событиям в Польше. На ЗиЛе спонтанные забастовки проходили постоянно. Я это знаю прекрасно, так как наша служба иногда срочно восстанавливала вентиляционное оборудование на участках, где рабочие отказывались работать из-за загазованности или низкой температуры. Никаких воплей и лозунгов не было. Просто рабочие как один выходили из помещения и начинали курить. Об этом мои коллеги говорили с большим уважением. Общий тон был: ДАВНО ПОРА. Кстати, все производственные цеха на ЗиЛе работали в субботники за двойную оплату. Нашему вспомогательному подразделению за субботники не платили, что вызывало крайнее озлобление. Субботники считались не просто зря потраченным временем, а сознательным издевательством со стороны коммунистов.

При этом полностью отсутствовал слой рабочих активистов. Как толпа, рабочие поддерживали бы любое выступление с радостью. Но сами по себе пролетарии - существа удивительно безынициативные и трусливые (см. ниже об этом третий миф).

Всех коммунистов рабочие ненавидели, считали "хозяевами". Слово употреблялось именно так, с оттенком уничижения. "Хозяева" же пользовались большим уважением. Про капиталистов говорили с ностальгией и все обличительные рассказы про социалистическую бесхозяйственность заканчивали резюме: "сейчас хозяина нет".

Если рабочий вступал в партию, его не то чтобы бойкотировали, но переставали откровенно разговаривать и считали "отрезанным ломтём". В партию как раз и поступали рабочие, делающие карьеру, - студенты-заочники заводского вуза, активисты-комсомольцы и т.д. Ни одного нормального рабочего-партийца я не видел.

3 миф. Рабочие - это круто.

Никогда не забуду, как сорокалетний глава семейства, ехидный хохол, нёс с завода домой “запрещённую книгу” - невиннейший перевод какого-то ликбеза по половой жизни, вроде “Как правильно ласкать жену”. Книгу ему дали почитать на два дня. Перед проходной он побледнел как полотно и попросил пронести рукопись меня, а то будет шмон, скандал, катастрофа, статья в заводской многотиражке. Я-де молодой, мне ничего. А у него жена, дети. Меня это очень удивило, у человека буквально тряслись руки.

К слову сказать, половая жизнь пролетариата была крайне убога. По заводу ходили разрезанные на отдельные картинки порнографические журналы. Это было большой редкостью. Проституция практически отсутствовала. Было б...во в рабочих общежитиях, но это из-за молодости контингента и общих условий казарменного быта. С картинками, виденными мною впоследствии в университете, это не шло ни в какое сравнение (при том, что и в МГУ ничего особенного не было). Сами рабочие своё кредо формулировали просто: “Рождённый пить е...ть не может”. Пили, впрочем, тоже умеренно* и как-то стыдливо. С удивлением я наблюдал, как в день получки здоровенный мужичище заталкивал заветный червонец (“чирик”) в подкладку пиджака, дабы заначку не изъяла доминирующая супруга. Большинство рабочих вели мещански-размеренную семейную жизнь. Большой процент жён рабочих составляли учительницы, библиотекари, бухгалтерши.

Рабочий - это обыватель, страшный своими дремлющими инстинктами и просто огромной биомассой. Однако сам по себе это филистер. Особенно в

СССР, где его пичкали средним образованием и отсекали от уголовных профсоюзов.

Самым шибутным в нашем коллективе был молодой рабочий по кличке “Чача”. Он любил схалтурить и побузить. Чача выписывал журнал “Вокруг света” и рассматривал там негритянок с голыми сиськами. Вот и всё пролетарская крутизна.

Уровень криминализации рабочих был низок. Уголовников устраивали работать на завод (как правило, безуспешно), но сами рабочие уголовниками не становились. Как известно, такое же разделение было и в лагерях: волянящие “урки” и вкальвающие за них “мужики”.

Все рабочие были неимоверно запуганы КГБ. Я десятки раз слышал из их уст ужастик про молодых студентов заводского института. Они подошли к висевшему у проходной плакату “Все на коммунистический субботник” и исправили его на “Все с коммунистического субботника”, подписав “Стачком” (т.е. “Стачечный комитет”). Приехал автобус кэзэбистов, остряков мгновенно нашли и сломали на всю оставшуюся жизнь. Ужастик подавался рассказчиками всегда в одном и том же тоне: “Пошутили молодые на всю жизнь. А надо это им было? Сиди – не рыпайся”.

Как серьезное происшествие подавалась история с Чачей, который неосторожно вышел на улицу во время посещения Брежневым главного конвейера. Конвейер был рядом с нашим корпусом, и рабочим строго настрого приказали не выходить на улицу. Чача из любопытства вышел, к нему тут же подошли, отчего тот буквально упал в обморок. Между тем ему только вежливо посоветовали вернуться на своё место.

Точно так же боялись милиции. По этому поводу тоже рассказывались соответствующие ужастики.

Например, про трудягу, которого какой-то милиционер опознал как напавшего на него рецидивиста. Трудягу повели в участок, били, он, чтобы избавиться от побоев, сознался, и дальше - больше. В общем, уголовник это одно, а рабочий совсем-совсем другое. Это зверушка мирная, жвачная (хотя стадо разъярённых травоядных вещь, кто же спорит, страшная).

Я проработал на заводе три года, и в нашем коллективе не было ни одной драки. Правда, молодой рабочий из шалости однажды пробил мне голову, но это не было сделано специально. За эти же три года в коллективе был только один случай воровства. Вором был не рабочий, а фарцовщик. Он проработал у нас несколько месяцев для справки и, увольняясь, назанимал у рабочих денег - у кого 10 у кого 20р. Потом одолжил у своего напарника японский зонтик (дефицит) и скрылся в неизвестном направлении.

По просьбам уволившейся редакции "Консерватора", закончу свой мемуар небольшим "фашЫзмом". Фамилия фарцовщика была Резник. Однако (главный фашЫзм) никто из рабочих даже после этого неблагоприятного поступка не сказал ничего плохого по поводу его национальности.

Говорят, что немецкие рабочие до 1933 года были коммунистами, после 1933 - фашистами. На самом деле они не были ни коммунистами, ни фашистами. Они были рабочими. Коммунистами в Германии были коммунисты, а фашистами - фашисты. Думаю, то же самое было и у нас.

февраль 2003

* Имеется в виду рабочее время. К пришедшему на работу нетрезвым относились неодобрительно. Считалось, что

это перекладывание своей работы на других и вообще хамство. Если подобное случалось более-менее регулярно (как в случае вышеупомянутого “Славика”), то статус такого человека в коллективе был очень низок.

**ВЫСТУПЛЕНИЯ
И
ИНТЕРВЬЮ**

ИНТЕРВЬЮ "ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ"

Дмитрий Евгеньевич, Ваши статьи и проза не появлялись в отечественной периодике семь лет. С чем это было связано?

Причины две. Во-первых, я издавал свою книгу, которую отказались публиковать все издательства. (И, наконец, издал.) Во-вторых, по политическим соображениям. Мне казалось, что если я начну публиковать все свои произведения в «самиздате», то это поможет возникновению интеллектуальной оппозиции тогдашнему политическому режиму.

И вот сейчас новая ситуация, не правда ли?

Новая. Мне кажется, в последние три-четыре года наше общество осознанно сделало важный выбор, и этот выбор бесповоротен. Поэтому позиция любого конкретного человека сейчас уже ничего не решает. Сейчас всё равно где печататься и как — «поезд ушёл». Ничего изменить нельзя.

И Вы тоже сделали не только политический, но и художественный выбор: от сложных философских либо публицистических текстов в пользу более доступного жанра. Ваш сборник «святочных рассказов», возможно, будет доступнее потенциальному читателю... попроче что ли?

Не думаю. Что значит «доступнее»? Более простая форма не означает более простого содержания.

Я не писатель и никогда им не буду, но мне всегда было интересно состояние «писательства», хотелось побывать в шкуре писателя. На самом деле «святочные рассказы» никакие не рассказы, по крайней мере с моей, условно «авторской» точки зрения. Это попытка решения некоей метафизической задачи обычно несвойственным мне способом – не логической цепочкой рассуждений, а сознательной имитацией «писательства». В сущности, это «антирассказы».

А не самопародия ли это? Не намеренная ли провокация, подводящая читателя тоже именно к своей собственной «авторской» точке зрения, т.е. к соавторству, как высшей форме осмысленного чтения?

Кто-то сказал, что все армяне делятся на две категории: на гениев и на сверхгениев. Наверное, все тексты можно разделить на пародии и на самопародии.

Замечательно. Но вот также условно массовый читатель дождался, наконец, Вашего возвращения на газетные страницы. А когда ждать новую книгу?

Я думаю, что массовый читатель до сих пор и понятия не имеет о моей скромной персоне. Что касается «новой книги», то я всегда чётко различал две вещи: процесс внутреннего творчества и процесс актуализации во внешнем мире. Первый процесс – не знаю, хорошо это или плохо – всегда идёт равномерно и параллельно моему сознанию, что касается второго, то ведь многое зависит от «внешнего подкрепления», как говорят дрессировщики. Нужна ли кому-то моя «новая книга», если я предыдущую издавал десять лет?

Мы с удовольствием следили за номерами Вашего «Разбитого компаса». Он разбился окончательно и бесповоротно?

Сколько номеров журнала может издать человек, который в одном лице является автором (авторами), редактором, издателем и распространителем? Я издал три. По-моему, это рекорд. Никому мой журнал оказался ненужным.

Пессимист Вы, однако. А как складывался и будет развиваться Ваш симбиоз с Интернетом? Отменяет/отменит ли он печатные формы?

Интернет – это прекрасная возможность для естественного (ничем не затруднённого) развития любого культурного процесса. Было бы чего развивать и чему развиваться. Я рад, что мой сайт помог расширить аудиторию по крайней мере двум талантливым людям: историкам Сергею Волкову и Андрею Серкову. А вообще положение в отечественном Интернете («рунете») меня тоже сильно разочаровывает. Как-то всё убого и грубо: ругань, пропаганда, неинтересная коммерция. Всё это похоже на изготовление зажигалок на Путиловском заводе в 1918 году.

Кто и что мешает Вам писать? Что могло бы помочь?

Писать не мешает ничего. А издавать... наверное, ненужность моих произведений для читательской массы. Помочь здесь могу себе только я сам: надо писать интересно и тогда будут издавать.

(Беседу вёл Виктор Широков)

октябрь 2001

ИНТЕРВЬЮ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКУ «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

1. Начнем с «Пропаганды». Что это за книга? В чем ее смысл и пафос? Почему такое название? Тоже вызов? Или просто точная формулировка?

«Пропаганда»-это сборник статей, интервью, фельетонов и выступлений написанных-наговорённых мною с 1990 по 1998 год. Писалось-говорилось всё это между делом и для дела. Дело же состояло в публикации книги «Бесконечный тупик». Несмотря на свою утилитарность, или может быть благодаря своей утилитарности, эти материалы, собранные под одной обложкой, приобретают новое качество. На мой взгляд, для читателя «Пропаганда» будет книжкой забавной и поучительной. Дело в том, что философ никогда ничего не может сделать сам. Если это, конечно, философ. Не случайно первыми философами были рабовладельцы. Для метафизика любое действие в реальном мире есть ошибка. Любое. Поэтому как философ, например, может открыть форточку? Это очень сложно. Ситуация напоминает работу компьютера. Он может решать удивительные по сложности задачи, но не в состоянии вставить в себя дискету. У него рук нет. «Пропаганда» - это легион фантомов, созданных некоей идеальной субстанцией и призванных решить предельно простую задачу - «вставить дискету в дисковод», то есть опубликовать книгу. Задача безумная по своей ненужности - всё должны были сделать пользователи-читатели своими ручками: работы на пять секунд, а удовольствие большое. «Пропаганда» - это «использование

пользователя», попытка превратить растопырившего охламона в пользователя. Сотрудника. Хотя бы символического.

2. Читал в «Русском журнале» забавную рецензию на вашу «Уткоречь» - фрейдистскую совершенно. Как вам такой подход? Зачем - не почему, это вы написали в предисловии - а именно ЗАЧЕМ данная книга? Вы действительно любите «советскую поэзию»? Она сильно отличается от «русской»?

Я нашёл эту рецензию по Вашей рекомендации. Роман Ганжа комментирует рассказ о том, как я составлял антологию, вырывая страницы из собранной отцом макулатуры, в стиле: «вырывание страниц - это кастрация отца, их подшивка в антологию - утверждение мужской идентичности».

По-моему, это шаг в правильном направлении. То есть не конкретная мысль, а общая попытка интерпретации написанных мною текстов. Дело в том, что всё написанное мною как ТЕКСТ, всегда сложно, всегда находится в контексте, причём этот контекст многоступенчато выявляет столь же сложный ПОДТЕКСТ написанного. Если Вы знакомы со структурой «Бесконечного тупика», то сразу поймёте, о чём я говорю. Это произведение демонстративно построено на постоянной смене контекстов, помогающих выявлять глубину сказанного, или же эту глубину прямо на глазах у читателя создавать.

Моё кредо: «Господь Бог не делает простых вещей». Если у Бога попросить молоток, - «Господи, миленький, ну дай молоток, дай, что тебе стоит, мне очень нужно», - год стоять и просить, Он, может быть, сжалится, плюнет и сделает молоток. Настоящий, - им можно будет забивать гвозди. Но это будет, если приглядеться, вещь невероятно слож-

ная. Молоток будет состоять из триллиона маленьких молоточков, его можно будет использовать для предсказания будущего, им можно будет, если постараться, разбить земной шар на куски. Потому что этот молоток создала Вечность. Мы видим перед собой некоторые вещи, созданные Богом непосредственно. Например жизнь. Через несколько сотен лет изучения люди внезапно поняли, что живые организмы-это неимоверно сложные роботы, созданные по нанотехнологии. Это с точки зрения физической. А с точки зрения идеальной, некоторые из этих роботов созданы, вдобавок ко всему, «по образу и подобию» вечности, то есть обладают сознанием и свободой воли. Писательство, как вид творческой деятельности, есть подражание акту божественного творения, и оно по определению не может создавать простые вещи, мёртвые вещи. Художественное произведение - живое, и как живое существо, оно очень сложно. И конечно живёт автономно, иногда в сторону, автором совсем не предусмотренную.

«Антология» советской поэзии, если приглядеться, тоже чуточку живая. Каждое стихотворение - загадка, в нём есть какая-то «изюминка». Почему Галковский выбрал именно это, почему расположил именно в этом месте антологии. Во всём есть смысл, иногда ускользающий, но всегда присутствующий. Даже ошибки осмысленны. Например, такой ошибкой является помещение в антологию стихотворения Есенина. Ведь это нарушение декларируемого принципа - публиковать только стихи «никаких» авторов. А Есенин, как бы к нему ни относиться, Имя. Но я не мог не включить. Выбросил, потом снова вставил, снова выбросил. Подумал и снова вставил. Почему? Есенин написал коммунистическую агитку про «облако белых горилл». Но что такое «облако белых горилл»? Это образ из моего детства - лету-

чие обезьяны Бастинды из «Волшебника изумрудного города».

Это игра, мозговая игра одиночки, всю жизнь что-то думающего, одно к другому подгоняющего и «просто так» ничего не делающего. Замечу только, что такая изощрённость в сфере идей приводит к тяге к простым отношениям в реальной жизни. В «Криминальном чтиве» есть замечательная сцена беседы главного героя со своей возлюбленной. До этого он убил на ринге боксёра, после этого «замочит в сортире» киллера. В промежутке же между этими двумя действиями зрителю показывается «детский утренник», посвящённый выяснению пищевых достоинств блинчиков с черничным вареньем. Похоже на встречу влюблённой парочки динозавров. Они в чехарду играют, а лес в ужасе: земля трясётся, падают вековые деревья.

Усложняют жизнь «под Достоевского» только тупые люди. Кстати, сам Достоевский был удивительно простым человеком - его сильно оболгали, спроецировав сложность его произведений на личную жизнь автора. Всю жизнь человек к чему стремился: встретить «любящее сердце» и нарожать с ним детишек. Ну и чтобы «четыре тысячи рублей» (магическая цифра). Это ещё учитывая, что благодарные соотечественники через каторгу пропустили. Тут бы и «отдохнуть», после каторги-то. Но нет - не тем человек жил. Для него реальная жизнь была отдыхом от фантазий. Домиком на берегу озера.

3. Каждый ваш шаг - литературный или около-литературный - всегда манифест, всегда - знак. Сначала вы ушли из литературы и прессы, назвав их «советскими». Перестали печататься в периодике и были доступны только лично - книгами, сайтом, издаваемом вами журналом «Разбитый ком-

пас». На рецензии не реагировали, от литературных премий отказывались. И вдруг - прорыв, выход из подполья. Интервью, публикации. Что это? Почему? Когда приняли данное решение, кто или что тому способствовало?

Да что Вы, какой из меня «артист». Я по своему жизненному темпераменту, как и положено философу, резонёр-головастик. «Галковский надел калоши, что он этим хотел сказать» это не про меня. Был дождик на улице, я калоши и надел. Вот выйдет «Пропаганда», Вы почитайте, что там написано «сплошняком». Всё очень просто окажется. На самом деле все мои статьи, интервью и фельетоны были в одну и ту же точку: ИЗДАЙТЕ «БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК»! Никакого «ухода Галковского» из литературы не было, потому что не было и прихода. Галковского как такового ещё никто и не видел. Видели некоего странного человека, бегающего по городу с перекошенной физиономией и стучащего в закрытые двери. А чего ему надо было? Неужто хеппенинг сотворить? Ничего подобного. Просто отказались публиковать мою книгу (единственную - больше у меня ничего не было). Я, как сказал выше, мозговик, головастик. То есть действую, как правило, осмысленно, подчиняясь определённой цели. А все цели при таком мировосприятии фокусируются в цель главную - СВЕРХЗАДАЧУ. Такой идеей фикс после школы у меня было поступление в университет. Я четыре года вставал с мыслью об экзаменах и засыпал, обхватив руками учебник. Потом идеей фикс была учёба. Тоже шесть лет грыз гранит науки так, что за ушами трещало. Выучился. После этого стал «книжки писать». Сел, написал тысячу страниц. Стал публиковать. Три года потратил на то, чтобы меня заметили. Бегал по Мос-

кве высунув язык, пристраивал рукопись. Пристроил, благо перестройка наступила. Тут со мной поступили, если обобщить, примерно так. Вызвали в один очень высокий кабинет и за закрытыми дверями «попили чайку»:

- ПУБЛИКОВАТЬ НЕ БУДЕМ НИКОГДА И НИ ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ.

- За что же такие наказания?

- Не по чину берёшь.

Ладно. И я стал публиковать свою книгу сам. В общей сложности ухлопал на это более десяти лет. Вот и всё. В 1997-1998 году издал. В 1999 году мне присудили литературную премию, что в свете предыдущих событий я, по-моему справедливо, расценил как издевательство. После публикации книги у меня опять наступила фаза «сочинительства». Кое-чего насочинял, с конца прошлого года начал потихоньку публиковаться. На самом деле это и есть мой литературный дебют. То, с чего я хотел начать и к чему стремился все эти годы с упорством маньяка. Я между прочим, и читать-то начал только после 1999 года. До этого десять лет ничего не читал, кроме справочников по компьютерам. Занимался «издательской деятельностью», будь она неладна.

4. Дмитрий Евгеньевич, складывается впечатление, что ваш жизненный принцип - никакой известности, сплошная неизвестность. Так ли это? Почему, если так и как, если не так?

Как сказал Мартин Лютер Кинг, «у меня есть мечта». Мечта Галковского очень простая. Я хочу писать книги. И чтобы люди эти книги читали и говорили: «Дмитрий Евгеньевич, да вы волшебник». Уверю Вас, если у меня к 42 годам нет крыши над головой; если посещение «Макдоналдса» для меня

событие для дневниковой записи; если я за всю жизнь не был не только в Париже или Сингапуре, но даже в Петербурге, то это не значит, что «ему ничего не надо». Очень даже надо. С удовольствием бы и в личном особняке пожил, и в ресторанчике белорыбицы откушал, и по миру поездил. Но только всё чтобы через книги. Это и есть мой жизненный принцип. Простой как калоши. Я вообще очень простой человек, это вам любой скажет, близко общавшийся со мной. «Простой» не в смысле «примитивный» или «простонародный», а в смысле понятности и естественности моих реакций. Галковского бьют по голове – он плачет. Гладят по головке – у него рот до ушей. «Прост как Достоевский».

5. Я читал в «Литгазете» на последней полосе вашу «сказку» – про утенка Хочувсезнайкина. Что это? Освоение новых жанров. Года к детской и юмористической литературе клонят?

Э, нет. Сказочка это ТЕКСТ. «Господь Бог не делает простых вещей». Это действительно детская сказочка с простеньким сюжетцем. Жил-был утёнок, «хотел много знать и скоро состарился». Воспитательницам можно в детских садах читать. Но есть здесь и второй, взрослый смысл. Утёнок Хочувсезнайкин – онанист. Он нашёл какой-то «фиолетовый червячок», стал за него тянуть и у него выросла третья нога. Он взял ногу и отрезал. Так что сказочку с большим интересом для себя прочтут взрослые дяденьки. Например, вышеупомянутый Роман Ганжа. В-третьих, из-за конstellляции невинной сказки и полупорнографической байки текст оборачивается злой пародией на фрейдизм.

Отклонившись от основной темы замечу, что Фрейд для меня очень похож на Колумба. Колумб –

человек, изменивший ход мировой истории, но открыл он не то, что искал, а то, что открыл, использовал бездарно. Фрейд совершил две фундаментальные ошибки: во-первых, сведя всё бессознательное к сексуальности, а во-вторых, недооценив вторичное влияние сознания на бессознательное. Кроме секса, в жизни человека есть и другие первичные инстинкты - например утоление голода или тяга к убийству. Фрейд чувствовал односторонность своей концепции и к концу жизни перешёл к биполярному мифу борьбы Эроса и Танатоса (совершив тем самым эволюцию от гениального психиатра к посредственному писателю). А главное, Фрейд слишком недооценил разумность человека. Если во сне человек видит нож и это фаллический символ, то ведь здесь проявляется мощь РАЗУМА. Вот если бы происходило обратное замещение и вместо ножа человек во сне резал хлеб членом... А так разум настолько силен, что даже во сне подавляет и цензурирует бессознательное. А если ещё этот разум читал Фрейда... Да он своё бессознательное обведёт вокруг пальца, в карты проиграет. Впрочем, вернёмся к сказочке.

Мы остановились на «в-третьих». Теперь, «в-четвёртых». На самом деле сказка про Хочувсёзнайкина-это предисловие к целому сказочному циклу* (я предлагал «Литературной газете» каждую неделю по сказочке печатать - на полгода бы хватило.) С каждой следующей сказкой оказывается, что это какие-то странные сказки. Скажем так, про какую-то необычную жизнь, непонятную и неожиданную для читателя, но тем не менее существующую РЕАЛЬНО. То есть сказки оборачиваются былью. И читатель постепенно начинает ощущать себя Хочувсёзнайкиным, вдруг попавшим в сказочный лес. «В-пятых», дело сказками не ограничивается. Я Вас

удивлю, сказав, что «Уткоречь» и «Сказка про Хочувсёзнайкина» два небольших гриба, выросших на разных концах леса из одной мегагрибницы. Третий гриб, побольше, вырастет вскоре на страницах «Нового мира», где в восьмом номере собираются опубликовать мой киносценарий «Друг Утят».

«В-шестых», Хочувсёзнайкин... Впрочем, поберегу Ваши нервы.

Вам это может показаться чудовищным, но в этом весь Галковский. Это мой способ существования.

6. Вы пишете «андеграунд», а не «андерграунд». Почему?

Пугаете! Сейчас посмотрел по поисковой системе в Интернете оба варианта. «Андеграунд» встречается 8925 раз, «андерграунд» - 4260. Может быть, это разные слова? Вроде «антологии» и «онтологии»?

7. Читал вашу статью о книге Солженицына «200 лет вместе». Полагаете - это идеологически и сознательно попытка «Архипелага», только с другим врагом? Или все же - стиль и структура те же? А цель принципиально иная? Все-таки - вместе...

Думаю, что Солженицын безнадежно устарел в 90-е годы. От него останется нравственный подвиг «Архипелага» и некоторые художественные произведения (прежде всего «Один день Ивана Денисовича»). В «200 годах» он не понял простой вещи. Никакого «еврейского вопроса» в современной Российской Федерации нет. По крайней мере в том смысле, в каком он существовал в Российской империи. Тогда в России жили «русские» и «евреи», два народа очень разные и по культуре, и по историческим традициям, и просто по отношению друг к другу.

Сейчас живут «советские» и «евреи». А кто такие «советские»? Это новая народность латиноамериканского типа, смесь русских крестьян с евреями. Какой же тут «антогонизм»? Это ведь просто РОДСТВЕННИКИ. Ну а «милые бранятся - только тешатся». Поэтому попытки насадки-Солженицына спасти ситуацию и защищать советских и евреев друг от друга просто комичны. Возьмите человека типичной «советской национальности» - Жириновского. Кто это? - «Еврей»? - конечно нет. «Русский»? - тем более нет. Это «советский человек». Со своей психологией и своим менталитетом. Если убрать карикатурность, таких «жириновских» в Российской Федерации 100 миллионов. Поэтому это до сих пор единственный харизматический политик. Он - «свой». «Народный». Хотя в своё время его подавали как «политический андеграунд» и даже как «русского фашиста» а ля Лимонов.

8. Ну и последний - традиционный для КО вопрос - что интересного прочли за последнее время?

Ох, много чего прочёл интересного за последнее время. Я, как говорил выше, только с 1999 года снова начал читать. Последнее, что прочитал, - «Божественную комедию» Данте. В общем и целом я представление имел:

«Земную жизнь пройдя до середины,
Я очутился в сумрачном лесу»

и всё такое - книга школьная. А тут сел и внимательно прочитал от корки до корки. Поразительно. Собственно это первое художественное произведение нового времени. Так сказать, первая Книга, которую написал первый Писатель. Это писательская Библия - горький и одновременно комичный

символ писательских усилий. История маленького человечка в аду собственного произведения. Удивительно. Данте автор умный и культурный, но он «на новенького». Ситуация писателя ещё необычная, опыта нет. И получается не глупость, а библейская наивность, первобытность фантазий, придающая поэме циклопическую мощь.

Первые литературные, а не исторические персонажи, которых Данте помещает в свой ад, это читатели - Франческа да Римини и Паоло Малатеста. Паоло был братом мужа Франчески. Они как-то вместе стали книгу читать, натурально, увлеклись. Муж вошёл и их убил. И они, значит, из книги в Ад попали (то есть из одной книги в другую). Франческа плачет:

«В досужий час читали мы однажды
О Ланселоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.

Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.

Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,

Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга наша стала Галеотом!**
Никто из нас не дочитал листа».

Ещё лист не кончился, а уже в аду. В аду писательском. Их там аж два писателя поджидают: Данте и Вергилий. Схватили под белы ручки и в книгу. На века. Это бесконечный тупик художественного произведения. Мы видим Великого Художника, создающего первое великое произведение новой куль-

туры. Он находится в состоянии ПОЛНОЙ СВОБОДЫ. Ему не мешает ничего. Его творение - грандиозный символ, как всегда символичен первый шаг или первая любовь. И что же он придумывает? Ад, где любовно размещает своих друзей и знакомых, который создаёт вокруг себя своей фантазией, и в эту фантазию, уходящую вглубь концентрическими кругами, нисходит. Великая комедия человеческой жизни и жизни человечества. Данте детски радуется мучениям своего врага.

Он руки протянул к челну,
Но лодочник толкнул вцепившегося в злобе,
Сказав: «Иди к таким же псам, ко дну!»...

Тут так накинулся на мертвеца
Весь адский сброд в неистовстве великом,
Что я поднесь благодарю Творца.

Писатель стоит в лодке - в тепле, в холе, а его врага сапогом чёрт в ледяную воду спихивает: «Пшёл, гнида». Приятно! Всё это написано ещё и сочно, с гастрономическими подробностями. Данте - это шеф-повар на садомазохистской кухне. Так, тут чадит немного - прикрутим фитилёк. Здесь дровишек подбросим. Это в холодильник. А что у нас в этой кастрюльке творится?

«Когда не хочешь нашего крюка,
Ныряй назад в смолу». И зубьев до ста
Вонзились тут же грешнику в бока.
«Крутись, но не показывай макушки;
А можешь, так плутуй исподтишка».
Так повара следят, чтобы их служки
Топили мясо вилками в котле
И не давали плавать по верхушке».

Как все тщательно спланированные фантазии,
Дантов Ад будет воссоздан. Сначала как компьютер-

ная игра и физический «Аидленд», затем как схема для виртуального существования кибернетических слепков живых душ. Данте не только тщательнейшим образом планирует архитектуру преисподней, но и чувствует магическую силу планирования. Ад можно сделать при помощи слов. Не случайно казнь грешника он сравнивает с начертанием букв:

Метнулся змей и впился, как копьё,
В то место, где сращенье плеч и шеи.
Быстрей, чем «И» начертишь или «О»,
Он вспыхнул и сгорел, и в пепел свился,
И тело, рухнув, утерял своё.

Потеряв тело, человек превратился в буквы (даже в цифры - латинские «I» и «O» это двоичный код компьютера), в вечно живой персонаж бессмертной Комедии. Это не натяжка, Данте так действительно думает. Он вечно живой автор, вмораживающий лица реальных людей в адский лёд, пинающий их ногами... и тем самым оживляющий в виде персонажей своего произведения. Спотыкаясь о затылки замороженных в лёд грешников, Данте подозрительно всматривается в один из «булыжников» - уж не враг ли какой замаскировался? - и просит его назвать своё имя. Тот имя назвать Данте боится (в аду!), а поэт его соблазняет:

«Я жив, а ты бы утешенье встретил, -
когда б из рода в род
В моих созвучьях я тебя отметил».
И он сказал: «Хочу наоборот.
Отстань, уйди; хитрец ты плоховатый:
Нашёл чем льстить средь ледяных болот!»

Вцепясь ему в затылок волосатый
Я так сказал: «Себя ты назовёшь
Иль без волос останешься, проклятый!»

И он в ответ: «Раз ты мне космы рвёшь,

Я не скажу, не обнаружу, кто я,
Хотя б меня ты изувечил сплошь».

Уже, рукой в его загривке роя,
Я не одну ему повыдрал прядь,
А он глядел всё книзу, громко воя».

Писательская мечта - безнаказанно выдирать волосы у несчастного. Руки-то заморожены в лёд. Удобно!

И никакой рефлексии. Только один раз поэту окрашивает уши благородный стыд. Когда Вергилий делает замечание, что он общается с разной уголовной швалью. Два сытых советских писателя в тёплых энкеведистских тулупах идут по лагерю, собирают материал для «Огонька». Их шапки-ушанки мелькают то у штрафного барака, то у вышки с охранником, то у вольера с овчарками. Уже и название материала готово: «Всё во имя человека, всё на благо человека». («Оставь надежду всяк сюда входящий» это только окончание длинной надписи над воротами в дантов ад. Выше говорится, что ад есть «творенье первой любви».)

Но вот непредвиденная задержка перед плачущим доходягой на задворках хозблока. Оборванное ничтожество, обнимая сапог товарища-писателя, пытается жаловаться на лагерную администрацию. Тут старший писатель, видимо уже лауреат сталинской премии, делает замечание младшему:

«Что ты нашёл за диво?

Я рассердиться на тебя готов...

Позыв их слушать - низменный порыв».

И Данте от справедливого укора вспыхивает, как маков цвет. В довершение картины есть в книге Данте и «самокритика». Автор с большим вкусом подобрал себе кокетливый пеньюарчик с рюшечками - «гордость», - и сделал в нём на пристойном

карнавале чистилища несколько «па» и «книксенов». Оказывается, у ядовитой ехидны, поместившей в ад всю Италию, есть и некоторые негативные качества. Например, она чистит зубы только раз в день.

И Данте не идиот. Идиот - человек. Сама ситуация идиотская: **КОНЕЧНЫЙ РАЗУМ**. Это что-то вроде одноногого страуса. Утёнок он хоть плавать может, пускай кругами. Вырастит - так и полетит с одной лапой. А вот страус на одной лапке... И смех, и грех.

Нет, «Божественная комедия» удивительно интересное и остроумное произведение. Действительно божественная **КОМЕДИЯ**. Её своеобразный горький юмор - единственно правильный тон при несоизмерном человеческому масштабу взгляде на мироздание. Это не авторский юмор, это комическое начало, вытекающее из самой сути замысла, подобно тому, как истоки комизма Свифта - в постоянном несоответствии точки зрения Гулливера окружающей его реальности. Творец-человек всегда дефектен. Он же сам «тварь Божия», так что его творчество неизбежно подражательно и вторично. Пародийно. Максимально правдоподобно он может создать только ад (с раем, как известно, у Данте ничего не получилось), и то оборачивающийся лишь саморазоблачением маленького ничтожного человечка. В величине этого саморазоблачения, его античной откровенности и прямоты и заключается грандиозность Данте - первого, «первобытного» писателя.

июнь 2002

*) В ноябре цикл начали печатать в «Независимой газете» (*прим. ред. сайта*).

**) Рыцарь, уговоривший героиню романа поцеловать своего друга Ланселота (*прим. Д.Г.*).

НОВОГОДНЯЯ АНКЕТА «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ»

Новый год - время подарков, чудес и, как водится, пожеланий, прогнозов и подведения тех или иных итогов. Нас, разумеется, интересуют итоги литературные, книжные. Вот и обратились мы перед Новым годом к писателям и поэтам с небольшим опросом. Конечно, здесь представлены далеко не все пишущие по-русски литераторы, а лишь те, до кого удалось дозвониться, или с кем получилось повидаться лично.

Вопросов, собственно, было два.

1) Какую книгу стоило читать, живя в России в году уходящем?

2) Что следует читать в году следующем?

1. Я в этом году прочитал много книг. Самая интересная - «Божественная комедия» Данте. Поскольку символический объем этой книги уходит в бесконечность, там можно найти аналогии с любым годом, в том числе и с 2002-м. Например, это. Грешник вырвался из озера горящей смолы на берег, а черти тут как тут:

Когда не хочешь нашего крюка,
Нырять назад в смолу.
И зубьев до ста
Вонзились тут же грешнику в бока.
Крутись, но не показывай макушки;
А можешь, так плутуй исподтишка.
Так повара следят, чтобы их службы
Топили мясо вилками в котле
И не давали плавать по верхушке.

«Плутуй исподтишка» - это добрый совет обывателю, вдруг очутившемуся на сатанинском спектакле. Комедия переходит в ад, ад оборачивается буффонадой. Куда податься бедному человеку? А будь поумнее: потихоньку пописай в платок и дыши через него в зале. Может, и выживешь.

2. Ох, не знаю. Всегда хочется надеяться на лучшее. Пускай это будет «Сказка о Гадком Утенке».

декабрь 2002

ИНТЕРВЬЮ САЙТУ GALKOWSKY.COM

- Дмитрий Евгеньевич, ваш «Бесконечный тупик» является типичным гипертекстом. Тем не менее он появился задолго до создания гипертекстовых конструкций.

- Да, лет за десять.

- Вы понимали, что это гипертекст?

- Конечно, нет. Но когда увидел персональный компьютер и немного на нем поработал, то сразу оценил гипертекстовые возможности. Это был год 1992.

- А как тогда можно было сделать гипертекст из текстового файла «Тупика»?

- О «Бесконечном тупике» я не думал. Это для меня тогда было, увы, далекое прошлое. Фаза «Бесконечного тупика» это, я вам скажу, это «Галковский 1978-1984 года». Нет, я думал, что можно использовать компьютер для создания принципиально новых видов искусства. Сначала диалоговых систем, с ними я довольно много носился, читал книги по «Прологу»...

- ??

- Ну, это тогда считался как бы язык искусственного интеллекта, а в само понятие искусственного интеллекта вкладывалось содержание, благополучно улетучившееся к середине девяностых. Развитие компьютерного мира пошло в другой плоскости.

Да. В общем, это было потерянное время, я понимал, что это не то... Параллельно я интенсивно изучал мир компьютерных игр. Думаю, что в известный момент я был одним из самых информированных людей в этой области. Я посмотрел девяносто процентов всех компьютерных игр, вышедших в мире за период 1984-1996 гг. - штук четыреста. Компьютер тогда стремительно эволюционировал, приходилось каждые полгода делать радикальный апгрейд. Денег у меня совсем не было. Собственно, я все убил на компьютер и игры.

- Не жалеете?

- Не-е-е-ет, что вы!!! В «куда идти» я не ошибаюсь. Денег никогда не мог заработать, личная жизнь - к черту. Оглянешься - у всех сверстников свои дома, семьи - страшно становится. Но зато где рыть - у меня чутье. Я *чувствую*.

- Вы полагаете, что будущее за электронными текстами?

- Нет, конечно. Речь идет об общей тенденции. В конце девятнадцатого века появился телефон. Горячие головы утверждали, что из опер и театров протянут провода, будут слушать постановки по телефону. Это оказалось архаичной нелепостью, но «из телефона» возникли новые синтетические виды искусства, изменился тип общения между людьми. Сам по себе электронный текст вещь малоинтересная и, кстати, развивающаяся удивительно «торможно». Как и телефон.

- То есть?

- Ну, сильно изменился телефон за последние сто лет? Очень медленно эволюционировал, как парусники, пока ситуацию в самом конце XX века

не изменил прогресс в смежной области. Электронный текст - это прежде всего изменение системы научного цитирования и работы с источниками. Даже в Америке в этой области до сих пор сделано удивительно мало. Процесс идет и постепенно приведет к изменениям качественным, но «взрыва» не будет.

- Качественные изменения это отказ от печатания обычных книг? Точнее, перенос центра тяжести печатного дела в электронную продукцию?

- И это. Но я говорю о более фундаментальных изменениях. Представьте себе, что в электронный вид переведут *все* книги, когда-либо напечатанные на земле. Потом - *все* открытые архивы. И по поисковой системе любой пользователь сможет не просто найти справку, скажем, о Черчилле, как сейчас, а иметь перед глазами *все*, всю гипотетически доступную информацию об этом человеке. И это «все» можно будет препарировать специальными программами в любом направлении. На что ранее «черчеллевед» тратил годы, можно будет сделать за час. Это что-то вроде изобретения телескопа для астронома. Но «взрыва» здесь не будет. Постепенно, постепенно процесс пойдет, уже идет. Но всеобщая «телефонизация» наступит при таких темпах лет через сто.

- А где будет, как Вы говорите, «взрыв». Конечно, в компьютерных играх?

- Думаю, «куда идет дело» мало кто понимает. Все *идут*, не понимает - никто. Все, что сделано до сих пор в играх, это ерунда. Люди *не умеют*. Ситуация похожа на начальный период развития кинематографии. Паровоз показали на экране и радуются. Мальчик на шланг наступил - буря хохота, аплодисман. А очень скоро будет «Броненосец По-

темкин», потом великий Голливуд, потом Феллини, Тарковский. Да дело даже не в именах, а **в новом языке**, новом **виде искусства**. А то «За стеклом» сделали и радуются. Это уже «паровоз» порнографический. Думаете, первое кино про паровоз было? Как же - решили парижан паровозом удивить. Там такой паровоз сняли, до сих пор показывать стесняются. Люди есть люди. Изобрели что-то. Первым делом попробовали нельзя ли этим кого-нибудь убить. Вторым делом идет «когда коту делать нечего...» Изобрели резину. Изделие №1 - резиновая дубинка. Изделие №2 - презерватив.

Реальных результатов в мире компьютерного искусства пока нет. Но так и должно быть на первом этапе. На самом деле сделано очень многое. В виде элементов конструкция уже существует. Есть планер, есть двигатель внутреннего сгорания, есть винт. Осталось только все это собрать в «самолет».

- *Как это будет выглядеть?*

- Очень трудоемкий вопрос вы задали. Не знаю, как на него кратко ответить... И даже не кратко. Я могу по этому поводу написать эссе, могу сценарий, могу аналитическую записку - все будет **не то**. Это надо **сделать**. То есть выступить в роли «режиссера виртуального театра». Это невозможно рассказать. Задача в сто раз труднее изложения ненаписанного произведения. Как писатель действует? Он вздыхает, пишет книгу и продает уже готовый продукт. Потом уже под имя могут аванс дать. Но главное, что затрат на производство у писателя нет. Крыша есть над головой, кусок хлеба, и ладно. Писателя ничего не остановит. А здесь? «Виртуальный писатель» должен выйти на подиум и сказать: «Дайте мне миллион долларов, сорок человек и я за полгода человечество на уши поставлю». Что он полу-

чит в ответ? - «Сначала - стулья, потом - деньги». Но без денег здесь, увы, много не сделаешь. Это как кино. Будь хоть Разантаниони, а съемочную площадку организуй, труппу собери, технику арендуй. Остается долгая, нудная позиционная игра двумя пешками, вроде знаменитой «публикации «Бесконечного тупика»».

- *Но все-таки ваше творчество связано с компьютерными технологиями будущего.*

- Конечно. Это вообще мой характер. Я по натуре философ, то есть созерцатель. Философ никогда не бывает бунтарем. Он всегда идет по течению и гладит вдоль шерсти.

- *Ну да?*

- Да. Я вижу тенденцию, гольфстрим - и на плотике туда подгребаю. Я против никогда не шел. В свое время «Бесконечный тупик» объявили андеграундом, а меня подпольным писателем. Бред. Я не пью, не курю, даже близких мне людей называю на «вы». Ни разу во взрослой жизни не то что драться, а не кричал ни на кого. Буквально. Даже формально «Бесконечный тупик», видите, вы сами обратили внимание, не извращение какое-то, а обычный, понятный, хрестоматийный гипертекст. Я *вдоль* иду, а не *поперек*. Другое дело, что поняли это через десятилетие, так как я гипертекст написал *до* создания технологии гипертекста.

- *А дальше получается ваше творчество есть игра на опережение со следующим витком компьютерных технологий?*

- Попытка вписаться в этот виток. После «Тупика» я написал пьесу «Каша из топора». Мне надо было освоить приемы драматургии, стать профессиональ-

ным драматургом. Это пьеса обычая, для обычного театра. Но если приглядеться, там есть скрытая виртуальность. Там актеры играют образы актеров второго уровня, а автор, играя себя, вступает в конфликт с собой-актером. Киносценарий «Друг Утят» это уже почти «виртуальный театр». Это тоже реальный сценарий фильма, но уже не «не только» (как «Каша»), а «не столько».

- *В какой степени действие фильма имеет подлинную основу?*

- В гораздо большей, чем Вы можете себе представить.

- *Значит Владимир Меньшов действительно хотел...*

- Да.

- *Вы нас разыгрываете.*

- Это не мой метод. Поймите, как все философы, я закоренелый реалист. Философ не выдумщик. Он созерцатель.

- *Что же, и утята есть на самом деле?*

- Конечно.

- *И в кенотафах все жить будут?*

- Увы. Но здесь, если вы обратили внимание, я писал про будущее. То есть это возможность, а не реальность. Но сама возможность - реальная, и гораздо в большей степени, чем вы можете предположить.

«Друг Утят» не совсем сценарий фильма, но тем более это не замаскированная под сценарий проза, как наивно полагают некоторые критики. Это вообще не мой метод. Я пишу столько, сколько следует

написать для решения определенной задачи. Не больше и не меньше. Избыточной формы у меня не бывает. Стал бы я повесть зачем-то в виде сценария писать. Стебалово что ли? А в чем здесь стебалово? Юмора в этом никакого нет. Вот «Святочный рассказ №3», сделанный как литературоведческая статья о «Святочном рассказе №3», это действительно, на мой взгляд, смешно. Кстати, этот рассказ Меньшова и соблазнил. Он прочитал его в «Литературной газете» и попросил меня сочинить для него сценарий. Меньшов почувствовал, что я мыслю кинематографически. Ведь литературоведческие отступления в рассказе №3 помогают «проматывать» сюжет.

- *Вместо показа проезда паровоза из пункта А в пункт Б комментатор говорит: особенно автору удалась сцена с паровозом, едущим из А в Б.*

- Ну да. «Святочный рассказ №3» - это рассказ для чтения, но написанный для зрителя. Сейчас долгие отступления читать никто не будет. А метазамысел в том, что комментируемое ядро рассказа разрывает комментаторскую оболочку, да с таким треском, что при этом умирает сам комментатор. Все опрокидывается, и русская литература оказывается живой. А говорящий о ее гибели литературовед - гибнет. Потому что русская литература - литература *реалистическая*. Спорящий с ней спорит с реальностью. А против реальности *не попрешь*. Мадам Шкурко (литературовед из «Святочного рассказа №3») спорила с реальностью (в виде Галковского), а не с литературой, и погибла.

- *Здесь выражен креационизм русской словесности.*

- Да. И Меньшов он почти-почти, ну совсем почти

понял. Не понял, но почувствовал. Мне кажется это человек необразованный, но стихийно талантливый. Я это любя говорю - он мне понравился. Он почувствовал степень «сбываемости Галковского». Почувствовал, но испугался. То есть отказался понять почувствованное и согласиться. Я был готов написать сценарий второго порядка, сделать DVD-версию фильма, но Меньшова надо было сразу сломать. После этого что угодно. Но он не сумел сломаться, так скажем. Начало было гениальным по своей безумности. Но далее он почувствовал, что его тянет чужая воля, и не согласился.

- *Сценарий второго порядка?..*

- Меньшов хотел, чтобы я написал сценарий про недавнее будущее недоснятого фильма умершего режиссера. В фильме должны были быть привязки к современным политическим реалиям, вроде взрыва американских небоскребов, а по тону фильм должен был быть полуфарсом. Такой фильм можно было бы сделать как псевдодокументальный фильм о съемках и прокате фильма «Друг Утят». «Друга Утят» можно было бы подать через мозаику пародийных интерпретатораций всякого рода околокиношных персонажей, вроде Дыховичного (я типаж беру, а не человека) или, забыл фамилию, он ведет передачи о композиторах - тоже типаж отличный...

- *А DVD?*

- Меньшов на DVD последний свой фильм выпустил. Можно было бы DVD версию «Друга Утят» выпустить с киноцитатами и несколькими вариантами сценария, задаваемыми программно. Это несложно сделать, люди просто не поняли еще. Например киноцитаты. Новелла «Космическая Одиссея 2001» в моем сценарии вся построена как соединение фан-

тазий шестидесятников о XXI веке и детстве этих же шестидесятников, воспитанных на трофейной оперетте Штрауса. И на реальном XXI веке. **Во что** это все вылилось. Хотели 2001 год и получили 2001 год. Но в кино линейном этот ход народ не просечет. Там так сделано, что и не надо. Не хотите и не надо - и так хорошо. Так и должно строиться художественное произведение. Но слой этот есть. И его дать можно. Как? А цитатами. Ведь компьютерный диск можно смотреть совсем иначе, чем даже ленту на видео. Сделать опцию и дать фрагмент из Кубрика, где под Штрауса космическая станция вращается, и знаменитое место из оперетты, где «он и она» с кучером в пролетке по аллее едут и «еп-па-па» поют...

- *Получается какая-то интерактивная киноэнциклопедия.*

- В известном смысле. Скорее, самостоятельное художественное произведение, использующее (и с большой долей иронии) форму псевдоупорядоченного комментаторства.

- *Кстати, если уж зашла речь, ваш любимый фильм?*

- Пожалуй, «Сталкер». Это фильм обо мне, про меня и на языке, мне максимально близком.

- *Вы Сталкер?*

- Нет. Я все его герои, включая девочку, собаку и зону. Сталкер это такое состояние души. Вам сорок лет. У вас ничего нет и вам ничего не надо. Вы знаете все. Больше ничего не будет. Акме. Три часа ночи. Спать вроде хочется, а вроде и нет. Вы ложитесь на диван, включаете телевизор, там «Сталкера» показывают. Какая-то муть. Свалка, вода, издерганные люди с нудными диалогами. В руках у

вас пульт управления - кнопку нажать и все исчезнет. А кнопку вы нажать не можете. Гипноз. Вода течет, планы медленно сменяют друг друга. Вот это **игра** - сделать неинтересное настолько подозрительно неинтересным, что становится интересно. Необыкновенно интересно. Возникает медитативное состояние «выключить - не выключить», «заснуть - не заснуть». Уже вроде все, а тут Тарковский на другую чашу весов соломинку, нет пушинку добавляет и снова смотрите, смотрите. Никто не срывается. В сущности, это ведь главное для художника - «держат интерес». Вопрос чем. Тарковский держит интерес почти ничем. Это **мастер** сделал. Великий Мастер. Человек, который даже свои недостатки сделал достоинствами...

Но сам бы я фильм в подобной поэтике никогда снимать не стал. Я другой и эстетика у меня другая. «Мой фильм» это «Криминальное чтиво».

- Неожиданно.

- Там есть три слоя. Одинаково интересных. Этот фильм, в отличие от «Сталкера», могут смотреть все и каждый найдет там свое. Сталкера подросток смотреть не будет и домохозяйка не будет. А Тарантино посмотрит и священник, и уголовник, и профессор-искусствовед, и футболист, и каждый найдет там свое. Уйдет довольный с огромным пакетом подарков. Американцы добрые.

- А русские?

- Добродушные, но злые. Может быть, поэтому у них хорошо получается сочувствие. «Вместе поплакать».

- В «Друге Утят» есть реминисценции из «Криминального чтива»?

- А вы помните, с какой сцены «Криминальное чтиво» начинается?

- Нет.

- Кажется в Макдоналдсе...

- Там весь фильм про Макдоналдс (смех).

- Вы посмотрите первую сцену внимательно.

- Заинтриговали, Дмитрий Евгеньевич.

[Здесь произошла пауза, вызванная нашими манипуляциями с диктофоном. В промежутке Дмитрий Евгеньевич интересно рассказывал о прототипах своих произведений.]

- Итак, «Друг Утят» это фильм о компьютерной реальности. Как бы взгляд Галковского с птичьего полета на свою деятельность в области Интернета и компьютерных игр. Можно сказать, что это период «зрелого Галковского». Но сценарий написан. Над чем Вы работаете сейчас?

- Вы неправильно разбиваете на периоды. «Компьютерный Галковский» это фаза 1985-1993. Дальше был провал так называемой «издательской деятельности». Провал наползает и на конец предыдущего периода. Это годы 1991-1998. Я и до этого несколько лет рукопись пристраивал, после 1998 тоже года два с книгой возился. Но главным занятием публикация была семь лет. Этой «семилетки» я никому не прощу. То, что писали обо мне тогда - плевать. Я и говорю: русские народ черствый. Или, скажем так, отзывчивый, но холодный. Их трудно достать: называй хоть горшком, только в печь не клади. Но русские так же природы утилитаристы, материалисты. Климат такой - без печки замерзнешь. То есть я дурак-идиот-скотина-хам-импотент-иноп-

ланетянин - ладно. А вот *утенка раздавили*. Я его выращивал для супа, а по нему сапогом. И я его потом долго-долго выхаживал.

- *Супчик ничего получился.*

- Да дорого обошелся. Не по деньгам - всем ведь уже ясно, что не нужны мне деньги были. Система приоритетов другая. Я *к людям шел*. С книгой. На огонек. Просто издать... Не хочу говорить даже... Все поломали. (Пауза.)

В общем, в 1998-1999 я попытался завершить компьютерную фазу. Этот период оказался неоправданно растянутым. Меня затормозила техническая реализация предыдущей фазы и медленное развитие компьютерной техники. После 2000 начался новый период. Обдуманное и написанное в девяностые годы надо «публиковать», но творческий период тут закончился, я здесь все знаю и дальше ничего не будет. Дальше дело техники. По-людски на все должно было уйти лет пять. Десять лет - это добрые соотечественники отгрызли.

- *А после 2000 это что, святочные рассказы?*

- Ой, только не это. Это как раз период девяностых годов. Или даже восьмидесятых. Все тогда было в душе написано. Знаете, следующий этап в искусстве не уничтожает этап предыдущий. Кино не убило театр. Они существуют параллельно. Но нерв не в этом.

- *Тогда что же дальше? Интернет-проекты?*

- Ну это очевидное развитие второй фазы. И, кроме того, что касается собственно Интернета, то я из него практически ушел.

- *Разачарование или пресыщение?*

- Нет, просто ушел. Главное я видел. Остались частности и повторы. Это само по себе не так Интересно. Кругами будет расходиться - вот ваш проект неожиданно возник. Есть несколько сайтов, еще хотят сделать мои единомышленники. Сам я пользуюсь электронной почтой и т.д., но жизнь в интернете это что-то вроде жизни в телефоне. Телефон надо иметь под рукой и о нем не думать. Период «думания» об Интернете у меня давно закончился.

- В чем его достоинства и недостатки?

- У интернета ни достоинств ни недостатков нет. Это вещь. То и другое проявляется при взаимодействии людей. Дело в людях, а не в «атомной энергии». Достоинства - это самоочевидно. А недостатки... Главный недостаток - в дефектности общения. Иллюзия человеческого общения создается легко. Подлинные человеческие отношения - только в случае их коррелятивного существования в реальности. Интернет - это переплетенье монологов. Люди друг друга не слышат.

- Что же тогда после 2000?

- А вот не скажу. Но я очень сильно изменился. Отношение к миру изменилось.

- Из-за политической ситуации в стране?

- И из-за этого тоже.

- Дмитрий Евгеньевич, и все-таки что это за новый вид искусства будет, о котором вы говорили. После изобретения фотографии об эре движущегося изображения догадывались. Жюль Верн об этом писал. Но что такое «виртуальный театр». Сетевые компьютерные игры, вроде Гэлэкси Плюс?

- Нет. Кстати Г+ это не сетевая игра, а игра по электронной почте. Более древняя стадия.

- А что тогда? Интерактивное телевидение?

- Тоже нет. Произойдет сдвиг сознания. Все изменится. Я думаю, вы даже не там ищите. Не в той области. Что максимально быстро, можно даже сказать устрашающими темпами развивалось за последний век?

- Интернет?

- За век.

- Кинематограф?

- Нет. Кино стабилизировалось в районе тридцатых годов. С огромной скоростью, по экспоненте весь XX век развивался спорт. И конца краю этому не видно. Параллельно, не в области искусства, а...

- Извините, а спорт по-вашему это искусство?

- Разумеется. В очень грубой, но зато массовой форме. Это примитивный театр, «зрелище». Да. Параллельно спорту так же развивалась биржевая игра. Я подчеркиваю, *игра*. В максимально обобщенной форме это тоже вид искусства. «Искусственной» деятельности. Произойдет слияние этих двух потоков. Это переворот в экономике, в культуре, если хотите, в основаниях человеческой цивилизации. В «Друге Утят» я это назвал «гудилапом». Гудилап это театр+стадион+биржа. Гудилапы будут строиться как гостиницы, прозрачные для телевидения и интернета. Член гудилапа будет одновременно актером, скаковой лошадью и бизнесменом. На самом деле это очень просто, и элементы такого подхода уже обкатаны. Трудность в написания метасценария гудилапа - его может написать только амфибия, одинаково хорошо чувствующая себя в нескольких совершенно разных областях. Потом, конечно, задача

станет тривиальной. Это первые летчики были одновременно спортсменами и изобретателями. Затем быстро произошла дифференциация.

- *Звучит загадочно, но интересно.*

- Я и говорю, рассказывать об этом бесполезно. Надо сделать.

- *И Вы смогли бы?*

- В Америке еще три года назад. Да я особо не переживаю. В голове у меня все есть. Я это вижу - остальное дело техники. Чисто художественные задачи тут не главное. Вообще, если задуматься, искусство за последние столетия постоянно теряет глубину за счет массовости. Театр мельче живописи, кино мельче театра, виртуальное искусство будет, конечно, мельче кино. Это неизбежно. В конце концов, должна наступить эпоха «самообслуживания», когда культурный обыватель будет творцом для себя и даже творцом себя как такового. Такой плохонький Леонардо да Винчи или даже Божок. Сверхчеловечек.

С точки зрения содержательной для меня интереснее использовать некоторые новые технологии для традиционного высокого искусства и философии. Именно **внутренне** использовать. Ведь «Бесконечный тупик» это не насильственная привязка гипертекста, нет, он вырастает изнутри. И надо создать такие вещи, которые из себя бы выращивали новые, более сложные формы организации текста.

- *Вы над этим сейчас работаете?*

- Вы прямо не филологи, а следователи какие-то. (Смех.) Я ничего не буду об этом говорить. Но в общем да. Хотелось бы написать такую книгу, которую никто бы прочесть до конца не смог. Даже автор. И которую в какой-то форме могли бы прочесть все нормальные читатели.

- Н-нда.

- То есть действительно бесконечный тупик?

- Бесконечное число конечных образов бесконечности.

- Это будет художественное произведение?

- Нет. Вы же видите, я не писатель. Для меня литература - инструмент для изложения своих мыслей или для реконструирования сознания, или для чего-то еще. Но это не самоцель.

- Спасибо за интервью. Будем надеяться, что Вам удастся осуществить все свои планы. И не в Америке, а у нас, в России.

- Будем надеяться. Лет в двадцать пять я решил, что окончательно развился и умнее уже не стану. Достиг предела. В общем правильно решил. Но психология с возрастом сильно меняется. В молодости я думал: удача-неудача, судьба - это все ерунда. Никаких «обстоятельств» нет. Если что-то поперек идет, сломаю через колено. Главное не ошибаться внутри. Ну, год-другой потрачу лишний. Что это для молодости - один день. А вот потратил десять лет на публикацию «Бесконечного тупика» и вижу: очень многое зависит от других людей. И поведение этих других, в отличие от моего собственного, во многом случайно. Захотят - поступят так. Захотят - этак. Это и есть - судьба.

январь 2003

ОТВЕТ НА ОПРОС «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ»

Роман «12 стульев» - это повествование о великой советской мечте. Потому что легально стать богатым в СССР было невозможно. Единственный выход - пробиться в академики. Еще вариант - получить наследство от тетушки. Или внезапно разбогатеть, найдя клад (хотя бы и в стуле). Да и сам стул в брежневское время можно было приравнять к кладу, потому что гарнитур из 6 югославских стульев нужно было «доставать» с боями «НГ» опросила известных москвичей об их отношении ккладам и стульям. - Вы когда-нибудь верили, что в стуле можно найти клад? - Сколько стульев должно быть в доме?

1. Наверное в стуле можно найти жемчужное зерно. Только он для этого должен быть жидким.

2. У меня дома — сейчас посчитаю — 9 стульев. Точнее, 2 обычных кресла, 1 вертящееся для компьютера, 2 стула с матерчатыми сиденьями, 2 стула цельнодеревянных белых и 1 сборная табуретка (ещё штуки три лежат развинченные). Самый любимый предмет перечня — вертящееся кресло. Мне его подарили на Новый год в сильно разобранном виде. Пять дней назад добрые люди кресло собрали. Обычные кресла — отстой, им по 25 лет и они полуразвалившееся. Матерчатым стульям по 35 лет, они тоже давно потеряли товарный вид. Два белых стула мне подарил директор книжного магазина. Через некоторое время он хотел их забрать, так как ему грозила опись имущества. К счастью, обошлось. После

вертящегося кресла единственная цивильная вещь в доме, так как табуретка тоже старая и страшная.

А вот сколько стульев должно быть в доме... Во-первых, должен быть сам дом. У меня дома нет, так что в любой момент могу я полететь со всеми своими стульями куда подальше (что уже неоднократно и было). Во-вторых, надо, чтобы на стульях было кому сидеть. На моих стульях сидеть, кроме меня, некому. Иногда я хожу из угла в угол, сажусь то на один стул, то на другой и сам с собой разговариваю. Чтобы не заплакать от ужаса. И наконец, в-третьих, стулья нужно покупать самому. Прожив 42 года, за свою жизнь я не купил ни одного стула. Всегда что-то доставалось, оставалось или дарилось. Наверное это очень приятно – пойти в магазин, самому выбрать стул, самому его купить и на нём сидеть или усаживать родных, близких и гостей. Мне мои стулья не нравятся. Какие-то все они разношёрстные и неудобные. Кроме вертящегося кресла. Кресло хорошее.

Так сколько человеку стульев надо? Одно вертящееся кресло. Но волшебное. Чтобы крутанутся на нём - р-р-раз – и в ответ на идиотскую анкету написать очень даже симпатичный рассказик. Хотите – могу дать на моём месте посидеть. Смотрите только с ума не сойдите.

Хотя вы на моём месте и сидите. И без малого сто лет. На 12 миллионах стульев убитых и ограбленных русских людей. Ну сейчас, ну сейчас начнётся великая советская литература. Но нет ничего. Только «12 стульев» да «Золотой телёнок». И то как случайная удача. Что, Данила-мастер, не выходит вересковый мёд?

январь 2003

АНКЕТА "ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ" О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

Ваше любимое произведение Солженицына?

«Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ».

Главное произведение Солженицына?

То же самое.

Когда и при каких обстоятельствах вы читали Солженицына первый и последний раз?

Первый раз я услышал о Солженицыне от отца в 13 лет. Я нашёл на кухне за батареей старый номер «Нового мира». Половина журнала была оторвана, не было и обложки. Первые страницы были забрызганы масляной краской. Я хотел грязные страницы выбросить в мусорное ведро, а отец вырвал их у меня из рук, засунул обратно за батарею и запретил трогать. Это был «Один день Ивана Денисовича». Читать я не стал, но запомнил странную фразу из разговора отца с другом:

- Эта вещь как Библия. Перечитываю, когда совсем плохо, и становится так хорошо, спокойно. Что мы - нам по сравнению с НИМИ жить и жить.

Прочитал я «Один день» позже, когда работал на заводе Лихачёва. Мне было семнадцать лет. Я сидел в телогрейке и каске на полу у тепловой завесы Инженерного корпуса, мимо шли хорошо одетые люди, женщины. У меня не было друзей, не было девушки, отец умер. Я ощущал себя «зеком», да, пожалуй, и был им. По душевному одиночеству, депрессии, ночным слёзам, чувству вины перед отцом.

Солженицын оказал на меня коллосальное влияние. Я очень благодарен Александру Исаевичу, считаю его единственным великим человеком в современной России, человеком, судьба и нравственный подвиг которого, может быть, так же оправдывает наше проклятое время, как подвиг Царя-мученика искупил и оправдал позор «революции» и гражданской войны.

Главное, что среди всеобщего оскотинения и подлости он НА ДЕЛЕ показал, что можно жить иначе. Я уже задумывался: а зачем это всё? Ничего нет: нет любви, нет совести, нет нравственного долга. А Солженицын мне, совсем молодому и неопытному человеку дал УРОК. «Неправда, всё это ЕСТЬ». В известном смысле, я считаю его своим духовным отцом.

Кто (или что) грядет за Солженицыным?

Мне кажется, Солженицын из русской истории никуда не денется. То есть никуда не уйдёт и всегда останется с нами. Скорее, уйдут все остальные. Может быть, слабость этого человека и заключается только в том, что некого поставить рядом. Один в поле не воин, «одиночка в поле» всегда комичен, похож на Дон Кихота. Правда, потом время всех умников стирает в пыль, а Дон Кихот остаётся. Такой добрый Кощей-бессмертный.

декабрь 2003

НОВОГОДНЯЯ АНКЕТА "НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ" О КРУГЕ ЧТЕНИЯ

1. К сожалению в этом году читал мало. Больше всего понравились «Опыты» Монтеня. Выдержки я изучал в университете, а тут прочитал всё подряд. Совершенно иное впечатление. Раньше Монтень представлялся мне компилятором античных текстов, а теперь я увидел, что это новатор, важное звено в цепи развития европейского индивидуализма. Первая стадия индивидуализма, это конструирование и претворение в реальности личности дефектной. Любой актёр скажет, что легче всего играть пьяного. Поэтому первая роль, сыгранная европейской индивидуальностью, – роль юродивого. Иаков «король Неаполитанский» в XV веке вступал в города, работая под психического. Впереди роскошной свиты и армии несли ПАРАШУ, в которой сидел Яков: рубище на голом теле, безумный взгляд. Подобная пиар-акция производила на жителей неизгладимое впечатление. Отморозка запоминали надолго и предпочитали беспрекословно выполнять все его приказания.

Монтень – это переход от юродства к кокетству. Кокетство Монтеня ещё достаточно неуклюже. Оно многословно и однообразно. Все мысли сопровождаются монотонным рефреном: я некрасивый, я необразованный, вся моя книга составлена из ворованных мыслей. Кроме того, кокетство по-детски наивно. Сначала Монтень хвастается блестящим образованием и заявляет, что усилиями отца в детстве

знал латынь лучше французского, причём хвостовство доходит до раблезиенского гротеска: на уроки его будили тихой музыкой, а все крестьяне в округе тоже начали говорить по-латыни. В другом месте Монтень проговаривается, что латынь почти полностью забыл и предпочитает читать по-французски. Тот же факт, что у него было пять братьев и, следовательно, никакого воспитания единственного ребёнка, в котором души не чаяли, не могло быть в принципе, вообще остаётся за рамками изложения.

2. Что читать в будущем году, не знаю, но хотелось бы пожелать нашему обществу побыстрее завершить переход от культурного уровня «неаполитанского короля» хотя бы к Монтеню.

декабрь 2003

АНКЕТА "НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ" О НИКОЛАЕ БЕРДЯЕВЕ

130 лет назад, 18 января (по новому стилю) 1874 года родился русский философ Николай Александрович Бердяев. В связи с этим юбилеем мы попросили ряд современных российских мыслителей поучаствовать в небольшом опросе, посвященном памяти философа. Вопросы были такие:

1. Ваше отношение к личности и философии Николая Бердяева?

2. Какие из его идей могли бы быть актуальны сегодня?

О Бердяеве я услышал в начале 80-х годов, то есть сразу после появившегося интереса к философской литературе. Поразило обилие и сравнительная доступность его работ. Шестова, Булгакова или Флоренского удавалось находить хорошо если книгу в год. Бердяев же буквально наводнил черный рынок, хотя большинство его работ приходилось на особенно запретный эмигрантский период.

На мой взгляд, значение Бердяева в отечественной культуре заключается в доведении до саморазоблачительного гротеска шовинистической клеветы о «национальной идее»: будто бы русские люди – это узколюбые идиоты, одержимые какой-то параноидальной «идеей», не важно, со знаком плюс или минус. Некоторое время назад оную «идею» даже принялись дружно искать, что являлось уже издевательством второго порядка. Правда, недавно решились, что национальная идея русских – это дости-

жение ВВП, бывшего в СССР тридцать лет назад. На этом вроде успокоились. Думаю, это и есть логическое завершение бердяевской философии.

январь 2004

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Галковский Д.Е.: Нашу сегодняшнюю встречу можно построить таким образом: я расскажу об истории создания «Бесконечного тупика» и отвечу на ваши вопросы.

Сама книга – примечания к центральному тексту, который в неё не включен (позже он был опубликован отдельно). Выстроены примечания в виде своеобразного дерева. К книге приложена даже соответствующая схема. До определенной степени это шутка, но вообще мне хотелось показать динамику развития мыслей. Мысль интересна самим фактом своего существования: из чего она возникла, как она развивается, во что она переходит. Такого рода текст называется теперь гипертекстом. В середине 90-х «Бесконечный тупик» вышел и в гипертекстовом варианте.

Афористическая форма мышления типична для философии. Достаточно вспомнить Паскаля, Монтеня, Ларошфуко или Льва Шестова, Розанова. Но там не прослежена динамика возникновения «афоризмов», как они появляются и из чего растут. Мои критики считали, что «примечания» написаны к какому-то несуществующему тексту – это неверно, потому что такой текст есть, он действительно на-

зывается «Бесконечный тупик». Довольно небольшой, он был написан раньше и потом издан отдельно в журнале «Континент». Я его не стал публиковать в книге, потому что он не так важен. Это телеграфный столб, к которому привиты ветви мыслей. Столб я решил убрать. А еще раньше была «первая часть» «Бесконечного тупика» - статья о Розанове, написанная в 1983 г. для неофициального студенческого кружка на философском факультете МГУ. Кружок быстро распался, потому что это было время андроповщины, все были страшно запуганы. Но за время его существования я познакомился с несколькими интересными людьми, например с Игорем Миханьковым, секретарем А.Лосева (ныне его издателем). Кружок возглавлял 30-летний студент, нам он казался стариком. Однажды ему позвонили и сказали, что хотят поговорить его деятельности и сделать интересное предложение. Он по наивности подумал, что звонят из общества «Знание». Но оказалось - из другого общества, общества «Незнания». Встречу назначили в доме на окраине Москвы, предложили сотрудничать. Студент отказался, но кружок распался. Контакты между студентами продолжались. Свой доклад я так и не успел прочесть, но в виде статьи он ходил по рукам. Особых связей с интеллигентской средой у меня не было - я из простой семьи. После статьи я написал собственно «Бесконечный тупик» - небольшое произведение, которое принесло мне известность в Москве в очень узких кругах. Это были художники, люди, связанные с кинематографом, с литературой. И я для них стал Димой Галковским, который написал «Бесконечный тупик».

Про это мало кто знает, иначе не появилась бы в начале 90-х точка зрения о том, что «Бесконечный тупик» — это примечания к несуществующему

тексту, то есть некоторая мистификация. Я не люблю мистификации, можно сказать, я довольно прост. «Реалист». Жизнь сама по себе настолько загадочна и удивительна, что не надо ничего выдумывать. Любая выдумка будет казаться прозаизмом. Например, как я оказался сейчас в Минске. Я последний раз выезжал из Москвы в 1986 году в Оптину Пустынь, перед этим в 1975-м. Странно, но теперь приехал к вам. Мой однокурсник в 80-х звал меня в Минск (почему-то ему захотелось в Минск), тогда я не поехал. Для меня это был поступок непонятный. Допустим, человек поехал в Крым – отдыхать или к друзьям. А почему в Минск? Прошло двадцать лет, и если бы я тогда с ним поехал, у меня было бы сейчас другое мировоззрение. То есть жизнь очень странна и загадочна в своих самых бытовых проявлениях. Этого не понимают некоторые критики. Мои рассказы гораздо более реалистичны, чем это может показаться. В «Святочных рассказах» я писал о завещании Марка Твена, которое должно быть опубликовано по частям после его смерти через 50, через 100 и через 200 лет. Подумали, что это выдумка, но все это правда. Я основываюсь на фактах. Мне интересна фактическая основа мира. Я не писатель в общем-то. Я впервые осознал себя профессиональным писателем два года назад, когда мне дали за один рассказ поощрительную премию им. Казакова. Мне казалось, что я пишу произведения философские, может быть, отчасти связанные с историей. И художественная форма помогает мне попроще, пояснее и поинтереснее что-то изложить. Я никогда не мечтал быть писателем, мечтал быть философом и историком. Собственно, ими я и был, потому что закончил философский факультет МГУ, где занимался историей античной философии. Так получилось, что «Бесконечный тупик» воспринима-

ют прежде всего как художественное произведение. А мне казалось, что это история и философия. Может быть, я ошибаюсь.

История публикации достаточно драматична. Я никогда не входил ни в какие писательские организации, я не контактировал с какими-то писателями, я не знал, как издают художественное произведение и был оторван от литературного процесса. Мое мировоззрение резко отличалось даже от мировоззрения андеграунда, советского и постсоветского.

Реплика Гыдова В.Н. (представлявшего Галковского Д.Е.): Поскольку Дмитрий сделал все сам, то он считает, что роман до сих пор не издан, хотя вышло второе его издание.

Галковский Д.Е.: Могу рассказать про второе издание. Со мной познакомилась Ева Адлер, филолог из Америки. Она прочла «Бесконечный тупик» и сказала, что хотела бы издать эту книгу. Спросила, сколько нужно денег. Я сказал: «Десять тысяч долларов». Она эти деньги нашла, причем сняла их со своего пенсионного фонда. Я заметил, что в критический момент появляются какие-то странные люди и превращают мои фантазии в реальность. Почему в России не нашлось ни одного человека, который захотел бы издать «Бесконечный тупик»?

Реплика Гыдова В.Н.: Деньги Еве Адлер мы вернули, распродав тираж.

Вопрос: Как Вы оцениваете итоги XX века и второго тысячелетия?

Галковский Д.Е.: Мне этот вопрос напоминает историю с молодой аспиранткой, которая пришла в библиотеку и попросила что-нибудь почитать по проблеме человека... С точки зрения материальной, и прошлый, и позапрошлый века чрезвычайно успешны. XXI век будет апофеозом техники. Что касается социальной эволюции, то итоги весьма печаль-

ны. Советское общество распалось на пустом месте, значит, оно было изначально дефектно. Мне кажется, не совсем правильно проецируют прогресс в технике на прогресс социальных отношений.

Современные государства возникли из полисов, а каждый полис в своем развитии проходил фазы общественного развития, которые крупные государства проходят столетиями. Потому сто лет существования одного полиса – это тысяча лет существования одного государства. Мы находимся на примитивной стадии общественного развития. Эта массивная структура, достаточно грубая. Общественная жизнь у нас очень ангажирована, политизирована и идеологизирована. В XXI веке мы увидим процесс распада крупных государств на более мелкие структуры. Кризис государства вызовет обрушение государственных институтов, что отчасти и произошло с нами, но в очень маленьких масштабах. Судьба СССР, мне кажется, настигнет будущее человечество.

Вопрос: Как Вы оцениваете состояние современной философии в России и за рубежом? Что в этом отношении за последние годы наиболее заинтересовало? Считаете ли Вы перспективным сближение философии и литературы?

Галковский Д.Е.: Мне кажется, что расцвет философии – это XVII-XVIII века (если брать Новое время и абстрагироваться от античной философии). После этого философия устарела. Она может существовать на поверхности в каких-то синтетических формах. Для России сближение литературы и философии было продуктивным, происходило их взаимное опыление. Как теперь обстоят дела, не знаю.

Вопрос: Ваше отношение к метафизическому идеализму и в связи с этим к книге К. Кедрова «Инсайдаут» (если знакомы с ней)?

Галковский Д.Е.: Не читал.

Вопрос: Может ли быть сохранена в прежнем виде русская идея? Ваше отношение к ее трансформации в книге Ю. Мамлеева «Россия вечная» (если знакомы с ней)?

Галковский Д.Е.: С Мамлеевым лично я знаком, но эту книгу его не читал. Я не думаю, что у русских была какая-то особая идея. Просто народ интересный, отчасти странный, отчасти смешной, отчасти великий. Может быть, он погиб, может быть, он еще существует в унифицированной форме. Существует идея, что коммунизм — свойство, имманентно присущее русскому человеку, по-моему, это — проявление политической ангажированности. Я всегда очень скептически относился ко всем формам национальной идеологии.

Вопрос: Считаете ли Вы возможным распад России? Какая идея, на Ваш взгляд, способна объединить многонациональное российское население?

Галковский Д.Е.: Если считать Россию как СССР, то она уже распалась, и Белоруссия — один из элементов этого распада. Мне кажется, что если откололась Белоруссия, то восточные области России тем более должны отколоться. Распад продолжается. Возникает огромная держава — объединенная Европа. В нее включили Прибалтику, скоро включат Румынию. Маловероятно, что Белоруссия жёстко объединится с Россией. Не бывает, чтобы люди, получившие независимость, потом от нее сами бы отказались. Независимость всегда очень сладка для любого народа, любой этнической группы.

Вопрос: Какова роль культуры в современном обществе? Как можно противостоять натиску массовой культуры?

Галковский Д.Е.: Если в какой-то культуре появляется массовая культура — это свидетельство того, что сама по себе эта культура достаточно специа-

лизирована. Есть культура для избранных, для среднего класса, для народа. Важно не смешивать одно с другим. Любая литература в какой-то степени является массовой культурой. Для меня главным художественным критерием является наличие у читателя интереса.

Я не люблю публичные выступления, так как понимаю, что я не актер, я не умею эмоционально воздействовать на аудиторию. У меня нет клавиатуры, которая позволит изменить в чем-то ваше сознание. А мои письменные тексты – могут. Я встречался с людьми, которые общались не со мной, а с некоторым образом, который был создан у них после чтения моих произведений. Я пытался разрушить этот образ, а потом понял, что это безнадежно. Сейчас я морская черепаха, которая вышла на берег, пытается загребать лапами, но ничего не получается. А текст – моя морская стихия, где я обладаю всеми степенями свободы. Любая культура должна быть культурой массовой. Достоевский – тоже массовая культура и Розанов – массовая культура. А элитарная культура – это поверхность массовой культуры.

Вопрос: Ваше отношение к идее “конца литературы”?

Галковский Д.Е.: Я думаю, что литература кончилась, а искусство вечно. Литература – это ведь только некоторый вид искусства. С развитием кинематографа или еще какого-то вида искусства роль литературы потускнела. Тексты ещё могут добираться до зоны читательского интереса, проскальзывая туда через смежные секторы. «Бесконечный тупик» – это электронный текст. Век чтения закончился. Это не значит, что не нужны филология и филологические факультеты. Само по себе искусство вечно. Ни один вид искусства не погибает. То, что со-

здано, не исчезает, как, например, египетские пирамиды. Но сегодня их уже не строят.

Вопрос: Какие есть отклики на сетевой вариант «Бесконечного тупика» и может ли быть попытка чтения-письма в его основе?

Галковский Д.Е.: Отклики есть, хотя разные. Один человек прислал мне письмо, где сообщает, что хочет перечислить большую сумму денег, при этом просит не называть его имени и фамилии. Я подумал, что это розыгрыш, но на всякий случай пошел в банк, — действительно, есть деньги. На них я жил два года. Вот такой отклик. А какой-то сумасшедший присылает мне анонимные письма на день рождения в стиле «чтоб ты сдох», «надеюсь это последний день рождения в твоей жизни».

Вопрос: Что Вам дает Интернет?

Галковский Д.Е.: Прежде всего доступ к информации. Я все больше отказываюсь от книг. У меня дома всё завалено книгами; я стараюсь от них избавляться, переводя в электронную форму. Не сканируя, это долго, а скачивая тексты через интернет. Примерно 1000 книг таким образом уже занены в компьютер.

Вопрос: По словам Татьяны Толстой, отказавшись в 1997 году от Антибукеровской премии, Вы искусили руку дающую. Действительно ли публичный плевок из подполья имеет место быть?

Галковский Д.Е.: Я уже говорил, что я человек чрезвычайно простой. Я склонен к простым отношениям, но не примитивным. Любовь в виде ненависти, замаскированной под симпатию, может быть в художественном произведении. Лично я этого нахлебался еще в раннем детстве. Я жил в сложных условиях, потому что мой отец — бесконечно любимый для меня человек — был сломлен жизнью. Во-первых, он спился, а во-вторых, был болен шизоф-

рений. Поэтому, каждый день пребывания с ним был “карнавализмом”, “постмодернизмом”. С тех времен я к пьяным и к сумасшедшим отношусь с преувеличенной осторожностью. Я сторонник нормальных, «мещанских» отношений между людьми. Меня многие годы поливали грязью, а когда я сам издал текст, который они прекрасно знали, мне дали большую премию. Когда я пытался издать «Бесконечный тупик», то столкнулся с обструкцией. Думал, плохой роман, оказалось, что нет. Я не пытался сделать из отказа скандала, хотя мне предложили поучаствовать в программах «Скандалы недели», «Времечко» и прочих. Я от этого ушел, потому что я, может быть, преувеличенно, боюсь любых форм неправильного поведения. Я в жизни человек чрезвычайно трезвый. В чем-то мое поведение действительно андеграундное, как и любого творческого человека.

Вопрос: Что подтолкнуло Вас к созданию «Бесконечного тупика»?

Галковский Д.Е.: Я был очень одиноким в молодости. По двум причинам. Во-первых, я был философом в тоталитарном обществе. Делиться своими мыслями было опасно. У меня не было среды общения. Единственный человек, с которым я общался, — это мой отец. Когда он умер, я ни с кем больше не мог разговаривать. Поступив в университет, я искал какие-то формы коммуникации. У моего однокурсника был выход на ксерокопировальный аппарат. Я делал ксерокопии труднодоступных работ по философии и почувствовал, что для некоторых я интересен как человек, который может достать интересные книги. Из этого утилитарного соображения возникли первые контакты с людьми. «Бесконечный тупик» возник из одиночества, потому что не с кем было говорить. Фамилия героя — Одинокое. Но это

также девичья фамилия моей матери. Мне было тяжело психологически придумать псевдоним, потому что я считал это неправильным. “Псевдо” – это ложно. А свою фамилию я не мог писать, так как боялся репрессий. Так возник текст, фиксирующий мышление человека отчасти “перекисшего”, засидевшегося в своем одиночестве.

В начале 90-х годов я был очень популярен за счет того, что напечатал несколько статей в «Независимой газете». Меня сразу стали везде приглашать, искали со мной дружбы. Но я не журналист, сам тип общения журналистов мне чужд.

Вопрос: Толстая ещё назвала Вас “быстрым, мелким, суетливым, неприятным и бессовестным” – что Вам ближе?

Она никогда со мной не общалась. Я не суетливый, но запуганный человек, на всю жизнь. В школьном возрасте наблюдал смерть очень близкого человека – отца. “Мелкий”? Не думаю, что я человек очень крупный, но не считаю, что мелкий; скорее – средний. «Быстрый» я по обстоятельствам жизни. Я всегда очень быстро считал и ориентировался. «Неприятный и бессовестный» – не мне судить. Обычно люди заблуждаются на свой счёт. Иногда на счёт других тоже.

Вопрос: Случайно ли посвящение романа Отцу – с большой буквы? Как Вы объясняете смысл названия романа?

Галковский Д.Е.: Поиски Отца – это поиски Бога. Удачное название должно быть «бесконечным» – иметь бесконечность смыслов, которые сам автор не может до конца уловить. «Бесконечный тупик» – это бесконечное число формулировок. Может быть, это просто раковина, в которой живет улитка. А с другой стороны, это, может быть, некоторая ошибка.

Для меня русская культура была спасением от

убогой жизни. Я читал Достоевского. Розанова, который пишет о каких-то вещах безразмерных, говорит о метафизических вопросах. Но не метафизическим языком, как Соловьев, а русским литературным. Я почувствовал, что он – Собеседник, Учитель, Друг, Отец. По-моему, сейчас Розанов один из наиболее популярных русских философов. Нужно учитывать, что в то время большое количество текстов было недоступно, и может быть я цитировал его в книге из-за влюблённости излишне много. Мне хотелось поделиться его текстами с читателями.

Вопрос: Какие ценности определяют Ваше мировоззрение?

Галковский Д.Е.: Разговор о ценностях – это риторика. Сама жизнь отвечает на эти вопросы. Важно не ошибиться в критических моментах жизни, когда стоишь перед Выбором. Я пытался делать свой выбор сознательно. Это и есть основа моего мировоззрения.

Вопрос: Ваше отношение к Розанову как писателю?

Галковский Д.Е.: Розанов – писатель никакой, точнее очень бездарный поэт. Но в качестве философа, он обладает удивительным литературным даром. Для русской культуры это необычно. В России писатели – философы. Например, Достоевский. Л. Толстой – не только морализатор, он едкий литературный критик. А Розанов пришел с другого конца. У него очень широкая модуляционная способность. Если рассматривать его как писателя, он очень беспомощен и неинтересен, сентиментален, сюсюкалка.

Бердяев – литературно беспомощен. У него есть какие-то блестящие афоризмы, несколько интересных философских статей, но интимного голоса,

умения зацепить читателя и не отпускать его до конца, в отличие от Розанова, нет.

Вопрос: Каковы, на Ваш взгляд, три лучших произведения античной философии?

Галковский Д.Е.: Платон и Аристотель – почти все их произведения. Из постантической – Монтень: забавный переход от юродства к кокетству. Мне лично одно время нравился Ницше. Немецкая классическая философия никогда мне особо не нравилась. Гегеля студентом читал и смеялся: мне казалось, он очень смешно пишет.

Реплика Гыдова В.Н.: Дмитрий перенес свою публичную деятельность в Интернет, где все доступно. И вступает в прямой диалог с читателями.

Вопрос: Как родилась идея «Уткоречи»?

Галковский Д.Е.: Мой отец был человеком, сложенным судьбой, оказавшим очень большое влияние на меня. Он был очень умным и обаятельным. Это было поколение 1924 г. Из его класса выжили только двое, остальные все погибли.

Вопрос: Не слишком ли негативно Вы оцениваете наше прошлое, судьбу отцов?

Галковский Д.Е.: У моих сверстников не было отцов. То, что у меня был хоть какой-то отец — это огромный подарок судьбы. Моя двоюродная сестра не знала, кто ее отец. Ее отцом был заключенный, офицер-подводник, которого арестовали и посадили. Тетка перед смертью призналась в этом. Это поколение страшно изуродовано. Мой отец был сложен судьбой. Его брат — художник. В 60-е годы они жили в одной квартире в центре Москвы. Это была 60-десятническая тусовка. Отец собирал библиотеку советской поэзии, кажется, у него была идея «первого издания» — он купит книжку начинающего поэта, а потом это окажется Лермонтов или Тютчев. Что-то он угадал, например с Новеллой Матвее-

вой, с которой дружил. Но в общем подборка получилась нелепейшая, после его смерти книги оказались никому не нужны, их хотели выбросить, а я из любви к отцу сделал антологию и посвятил его памяти. Вот такое фантастическое сбывание мечты получилось. Не такое уж нелепое, надеюсь. Антология имеет и отдельное значение — как энциклопедия советской пропаганды. Есть ли здесь злоба? Конечно, но это часть моего мира, и я это понимаю. Отец был очень похож на Ленина, но более симпатичного, чем в реальности. Матушка подошла к нему познакомиться. В результате родился я. Из “образа Ленина”. Сейчас я готовлю двухтомное издание интересных “извлечений” из Ленина.

Реплика Гыдова В.Н.: Дмитрий, может быть, единственный человек, который прочитал все 50 томов собрания сочинений Ленина.

Галковский Д.Е.: 55. По своим интересам я историк русской революции и историк Италии XVII века. Это мне интересно. 90% литературы, которую я читаю, — об этом. Странно, но факт.

Вопрос: Я учитель истории средней школы. После того, как я прочитал Вашу книгу, я стал другому вести свои уроки, снял герб «Погоня» и повесил портрет нашего президента Лукашенко. Рядом хотел повесить Ваш портрет, а потом повесил свой. На уроках у меня дети стали ругаться, плевать, намного стало веселее. Каково Ваше отношение к тому, что происходило и происходит сейчас в России и тому, что происходит у нас?

Галковский Д.Е.: Я лучше отвечу о своем отношении к школе. Почему-то считается, что школа — это что-то веселое и интересное. На самом деле школа — это зубоврачебный кабинет, больница. Человек может стать образованным только путем механических штудий, это очень неприятно. В общем,

школа – это то, что учитель должен как-то сглаживать. Школа – это то, что больно и неприятно, и никуда от этого не денешься, надо это как-то смягчать. Школьные занятия изначально не интересны. Когда люди вспоминают о школе, то вспоминают какие-то интересные истории, происшествия, проказы. Но монотонное сидение, прение за партой, домашние задания – это такая зубная боль. В университете человек уже сформировался. У него уже есть форма овладения материалом. Здесь уже можно себе позволить какую-то игру.

Я некоторое время преподавал русскую литературу в театральном лицее. Мои ученики стали читать Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Я давал тему сочинения: «Психологическая характеристика главного героя «Сказки о попе и его работнике Балде»» и предлагал два варианта – «позитив» и «негатив». Мне хотелось, чтобы у людей возникло подобие стереоскопического взгляда на вещи. Любое художественное произведение – это эксперимент мысли. Допустим, Достоевский решил подумать, а что будет, если он убьет человека. Ведь это же он был Раскольниковым. Как гениальный художник, он мог виртуально пойти кого-то убить и получить не виртуальные переживания (как мысленный эксперимент).

«Бесконечный тупик», мне кажется, не надо понимать как руководство к действию. Мне хотелось немного повысить интеллектуальную температуру читателя. Хотя бы на один процент.

Вопрос: Какой писатель наиболее сильно повлиял на формирование Вас как личности и чем?

Галковский Д.Е.: Два писателя – Достоевский и несколько позже Набоков. Набоков поразил меня интеллектуальной свободой, свободой запредельной. Хотя, думаю, лично он был человеком довольно неприятным. Может быть, иногда он вел себя оскор-

бительно. Он был плохим литературным критиком. Его разборы «Евгения Онегина», на мой взгляд, плохие. Но Набоков самодостаточен, свободен. У него было прекрасное образование, социальная и интеллектуальная независимость. Я никогда не был человеком свободным, я завидовал Набокову и был за него счастлив, что ему удалось прожить жизнь на свободе. Так не удалось прожить Достоевскому, который был человеком сложным, зажатым собственной болезнью. Некоторая эмоциональная сложность, искушенность, коварство и совершенство Достоевского и простая пушкинская свобода Набокова повлияли на меня больше всего. Я говорю о писателях.

Вопрос: Обычный читатель, прочитав художественное произведение, начинает примерять на себя его персонажей, экстраполировать их модель на свое поведение. Не вызывает ли у Вас опасения, что, создав «Бесконечный тупик», Вы выпускаете в свет тысячи Одинокowych, примеривших Вашу боль на себя?

Галковский Д.Е.: Я не сообщаю новой информации, а по-новому ее поворачиваю. Например, я только в возрасте 35 лет с удивлением понял, что у меня нет слуха. Мне это даже в голову никогда не приходило. Я не понимаю, что такое ноты – я «дальтоник». Я понял это случайно, в трамвае. Посмотрел в окно и подумал: «А слуха-то у тебя, голубчик, совсем нету». Человек также не понимает, если у него что-то «совсем есть».

С 15-16 лет я выбирал какого-то реального человека и мысленно с ним беседовал, но каждый раз в беседе был какой-то новый обертон. Я поворачивал эту головоломку десятки раз, даже не понимая, что пишу рассказы и пьесы. У читателя должна появиться такая модуляционная способность после прочтения «Бесконечного тупика» — взглянуть на одну и ту же

тому по-разному. Я пытаюсь из читателя делать писателя.

В «Бесконечном тупике» затронута тема антисемитизма. Ирина Роднянская из «Нового мира» прочла «Бесконечный тупик» и сказала: «Я десятки раз хотела Вас убить и десятки расцеловать». Она отнеслась ко мне с симпатией, потому что увидела, что мне интересны переживания и некоторые темы в разных аспектах. Там нет какого-то учительства. Единственная тема, в которой нет каких-то обманов и коварства, это личная жизнь. Я ее не выдумал. Всё, что я там написал, — это всё правда. Жизнь несчастного одинокого мальчика, молодого человека, который живет в мире своих фантазий и при этом понимает, что живет в мире своих фантазий.

Вопрос: Что бы изменилось, если бы Вы писали «Бесконечный тупик» сейчас?

Галковский Д.Е.: Я целиком «Бесконечный тупик» не читал. Сейчас я бы вообще не стал ничего подобного писать. Я превратился в другое существо, я довольно далеко продвинулся. Сейчас написал бы историческое или чисто художественное произведение, но не философское. Этот период прошел. И я бы не стал включать столько цитат из текстов, которые сейчас доступны.

Вопрос: Как Вы относитесь к религии, в частности, к православию?

Галковский Д.Е.: Для меня религия — это вещь серьезная и чрезвычайно ограниченная. Это что-то вроде простой операционной системы в компьютере. Это гвоздь, который держит на себе всё. Если человек пытается этот гвоздь убрать, то рушится всё (либо он сходит с ума, либо замещает другой религией, более примитивной). Я считаю, что человек должен верить в Бога и верить очень просто, на уровне бытового православия. Ходить иногда в церковь,

соблюдать религиозные обряды, но без фанатизма. Это та невидимая часть жизни, которая наполняет смыслом существование человека.

Я считаю себя человеком нерелигиозным. Философия и религия – вещи очень слабо связанные. Философ – это бог, бунтарь, но человек – существо конечное, и он проигрывает. Я трагический рационалист.

Вопрос: Как Вы считаете, можно ли осмыслить мир, не формируя в своем воображении образ чужого, внешнего врага?

Галковский Д.Е.: Уже на первых страницах моего произведения – насмешка над расовой ненавистью. Надо учитывать, что интернационализм – это тоже форма расовой ангажированности. Расизм невыгоден государству, расистских обществ мало. Но они бывают. ЮАР периода апартеида – расистское общество. Но белые считали себя там не расистами, а интернационалистами. Расистами для них были негры, которым дай только волю, они из расовой ненависти всех перережут. Основа любого интернационализма – это обвинение других в расизме. Точно так же как наиболее простой признак цензуры в обществе – это утверждение, что цензуры нет. Национальные предрассудки есть у всех. Нужно уметь их корректировать. В «Бесконечном тупике» я показываю, что человек не способен мыслить в абстрактных категориях, он неизбежно попадает в какой-то эмоциональный миф. Культура основана на умолчании; не на господстве, а на терпимости. Надо давать возможность другим людям высказать свою точку зрения.

Вопрос: Вы считаете закономерным превращение эзотерической литературы в профанную и что есть сейчас “эзотерическая литература”?

Галковский Д.Е.: Эзотерическая литература – это религиозная литература. Допустим, тот или иной

человек хочет быть известным, но в определенных пределах: если он придет в аптеку покупать слабительное, то в этот момент ему не хочется быть известным. За все нужно платить, в том числе за известность. На 90 % общество моей молодости было ужасно. Но была тяга к знаниям, духовной жизни. К сожалению, в 90-е годы интеллигенция потеряла свой ореол учителей жизни. Может быть, заслуженно, но — лишь отчасти. Писательство, философствование облагораживают. Говночист постепенно превращается в то, чем он занимается. Когда я был рабочим, ходил в промасленной телогрейке, этот труд меня не облагородил, я не стал лучше. А в университете я стал заметно лучше и умнее. То, что сейчас человека умственного труда превращают в клоуна, пиарщика, — это делают специально. Человека унижают люди, которые лишены нравственных ориентиров.

Та литература, которая была запретной в 70-х — начале 80-х годов, носила привкус сакральности. Даже когда я читал слабые произведения диссидентов, для меня это было откровением. А сейчас изменилось время, и вся ее привлекательность исчезла, но что-то и осталось. Трудно сказать, что такое сейчас элитарная литература.

Вопрос: Ваша книга заразила моего друга. Из учителя знающего он превратился в учителя думающего. В головах его учеников каша. Как Вы относитесь к жанру абсурда, провокации? Считаете ли Вы себя постмодернистом и вообще провокатором? У Вас же парадоксальное письмо.

Галковский Д.Е.: Первый отклик на «Бесконечный тупик» был от какого-то чеховеда, который сказал, что я оболгал Чехова. Но я прочел и законспектировал полное собрание сочинений и писем Чехова. И прочел всю литературу о нем. По поводу «Беско-

нечного тупика» было очень много ругательных высказываний. Ну взяли бы и написали на 150 страничек разбор. Они начинали злиться: «откуда взял Галковский такой факт? Нет такого факта!» А потом смотрят: был такой факт. Оказывается, что в «Бесконечном тупике» есть академический пласт.

Я против путания постмодернизма и невежества. Постмодернист в наших условиях – полуобразованный человек, который прочел две-три культурологические работы и решил что это «модно». Постмодернизм на Западе возник по диаметрально противоположенной причине – от культурного избытка. Я не считаю себя постмодернистом.

Вопрос: В «Словаре культуры XX века» В. Руднева «Бесконечный тупик» – вершина постмодернизма. Как Вы к этому относитесь?

Галковский Д.Е.: По результату моей деятельности это постмодернизм, но как сознательное направление <мысли> — мне это чуждо.

Вопрос: Вас называют постмодернистом.

Галковский Д.Е.: Кем меня только не называют.

Вопрос: А вообще по жизни маску примерить можете?

Галковский Д.Е.: Я пытался искренне ответить, а любой искренний ответ содержит в себе противоречие.

Реплика Гыдова В.Н.: Что касается резких определений, то во втором номере «Разбитого компаса» есть раздел «Челюсти», а потом Дмитрий еще собрал «Челюсти-2».

Вопрос: Каково Ваше восприятие Белоруссии и перспектив создания единого государства?

Галковский Д.Е.: Приход к власти Путина что это: реставрация (в позитивном смысле) дореволюционной России или продолжение Российской Федерации? Второй путь — это путь развивающейся стра-

ны по латиноамериканскому типу. То, что сейчас происходит на постсоветском пространстве, это примерно то же самое, что происходило с Латинской Америкой: когда латиноамериканские страны освободились от власти Испании, они тут же стали вассалами США и Великобритании. Только сейчас будут вассалами объединенной Европы. Россия, Белоруссия, Украина и другие страны СНГ будут маленькими и большими латиноамериканскими странами, а тон будет задавать Европа. Объединение Белоруссии и России вряд ли произойдет — нельзя пришить то, что отрезано. К сожалению, в этом мире предстоит жить нам и нашим детям, и с этим ничего не поделаешь. Своими маленькими силенками я пытался против этого бороться. Поэтому я и вернулся в большую литературу после прихода к власти Путина. Я понял, что это общество сделало выбор. Я перестал себя считать русским человеком, такого народа уже нет. У меня нет национальности, я — человек мира.

Вопрос: Знаете ли Вы, что приезжающие из России писатели-почвенники воспевают Лукашенко? Заявляют: Белоруссия — это Куба в центре Европы, стойте до конца.

Галковский Д.Е.: Это политика. Я занимался политикой вынужденно в годы застоя. У меня нет менталитета политического деятеля. Я мог бы стать членом парламента, но это не мое, я не политик.

апрель 2004

«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» ПСКОВ

Вопрос первый: У читателя наверняка вызывает недоумение факт, что такой известный литератор, как Галковский, печатается не в столице, а в провинциальном издательстве. С чем это связано?

Меня больше нигде не печатают. После того как я стал снова публиковаться (2001 год), я обратился в несколько московских и петербургских издательств. Предлагал самые разные тексты: художественные, философские. публицистические. Предлагал даже сказки для детей. Никто не согласился. Издателями в Пскове я доволен. Пока они выполняют взятые на себя обязательства, да и качество изданий мне нравится. Будем сотрудничать дальше.

Вопрос второй: Ваше публицистическое творчество - пример яркой и взрывной журналистики. Вас с удовольствием цитируют так называемые «национал-патриотические» издания. К какому лагерю Вы относите себя сами?

Мне кажется, что «Дмитрий Галковский» и «лагерь» две вещи несовместные. По крайней мере хотелось бы избегать совмещения этих двух понятий как можно дольше.

Вопрос третий: Когда читаешь Ваши произведения, создается образ незаслуженно «обиженного» человека. Что это - повествовательная маска или живая реакция на реальность?

Я очень простой человек с очень простыми реакциями на действительность. Какая реальность, та-

кая и реакция. Тютелька в тютельку. Я не обиженный. Просто я бедный, одинокий, постепенно стареющий человек, давно переживший «зенит своей славы». Если под зенитом понимать несколько ругательных статей в прессе начала 90-х, и присуждение второстепенной литературной премии - в конце этого же десятилетия. Ничего, стараюсь не унывать. Я, кстати, мало склонен к мрачному настроению. Как-то поздней осенью смотрел по телевизору душераздирающую передачу об осенне-зимних депрессиях. Оказывается, на уменьшение светового дня реагирует всё живое. Показывали несчастных собак, впавших в меланхолию. Давали советы хозяевам по их разгуливанню и отвлечению от чёрных мыслей. Я подумал, неужто я такой бесчувственный, наверно и у меня что-то происходит. Присмотрелся - точно. В это время я очень много смеюсь. Смотрю какую-нибудь комедию по телевизору и заливаюсь от хохота. Вообще я улыбчивый, но не смешливый. А в ноябре-декабре пробивает. Наверное, организм чувствует дополнительную нагрузку и так лечится от плохих мыслей.

В общем, Галковский - это одноклеточное.

Вопрос четвертый: Интересна Ваша оценка нынешней ситуации в русской литературе. Какие имена Вы выделили бы?

Слабо знаком с предметом.

Вопрос пятый: Вы - человек непубличный. Как это возможно при столь яростном темпераменте публициста, то есть общественного человека?

Я человек вполне публичный. Именно как публичный человек я и ушёл из публичной жизни в период 1993-2000 годов. Ибо почувствовал: «Меня не надо». Дали понять. Непубличный человек бы не понял. А я, как светский человек, понял сразу. И

вернулся, как только меня согласились терпеть. Или, хотя бы, не замечать.

Вопрос шестой: Ваша «Уткоречь» - проект, явно рассчитанный на интеллектуально пресыщенную публику. Вы полагаете, что современный художник имеет право всерьёз заниматься «археологией литературы»? Быть может, честнее «быть современным, только современным»?

Если рассматривать «Уткоречь» как постмодернистский стёб, да, проект «на любителя». Но я эту антологию составил в конце 80-х, и мне казалось, что её основными читателями станут школьники и студенты. Это хрестоматия советской культуры. Да, немного карикатурная. Как все хрестоматии.

Вопрос седьмой: Вы, что называется, «засветились» в начале девяностых. Спровоцировали бурную полемику в прессе, сорвали аплодисменты и визги негодования. Сейчас же ушли в тень. Не хотелось бы Вам вернуться в «большую журналистику», дабы дать оценки с высоты нового опыта?

Я и вернулся. Просто этого никто не заметил. Мне негде печататься. С удовольствием стал бы постоянным сотрудником какой-нибудь крупной газеты или раскрученного сайта. Пока удаётся время от времени печататься в «Экслибрисе», «Литературной газете». Одно время удалось устроиться в «Консерватор», где меня печатали почти в каждом номере. Но это исключение, связанное с тем, что проект был провальный и серьёзные журналисты из него ушли. Трудно начинать карьеру, когда вам за сорок. Нет ни связей, ни протекции. А нарабатывать контакты самому - несолидно, мешает возраст. Стар я по редакциям ходить, люди будут коситься, получится ещё хуже.

Вопрос восьмой: Пафосом многих Ваших работ в

литературе была борьба с «советским». Ушло ли это явление из нашей сегодняшней жизни или до сих пор остается актуальным?

Да ни с чем я не боролся. До конца 80-х сопротивлялся, пытался сохранить свободу и достоинство в условиях тотального оскотинения. Потом, когда общество стояло на развилке, в меру своих сил подталкивал людей к лучшему. Сейчас проблемы выбора нет, один человек ничего сделать не может. Остаётся личная судьба и вечность. Я не политик.

Вопрос девятый: Как по-Вашему, что ждет современное искусство в самом ближайшем будущем?

Дальнейшее падение общего уровня при резком увеличении людей, время от времени играющих в творчество. Это не так ужасно, как может показаться на первый взгляд.

Вопрос десятый: Вы - философ. Это, как известно, ко многому обязывает. Как бы Вы лично определили роль философии в современном мире?

Не думаю, что философия к чему-либо обязывает. Скорее отвязывает. Философ свободен и если он эту свободу выдерживает, значит его мышление безошибочно. Мне кажется что философия очень архаичный вид культуры, вроде классической музыки. Музыка «закончилась» в середине 20 века. Философия в середине 19. И музыка и философия будут существовать вечно, но как мёртвая (или вечно живая) классика.

(Беседу вёл Александр Донецкий)

05.2004

ИНТЕРВЬЮ «ДНЮ ЛИТЕРАТУРЫ»

Вы родились в советское время, ощущаете ли Вы в себе хоть частично советскую ментальность? Даже в постоянном противостоянии советскости? Остаётся ли Вы подсоветским человеком?

Я родился в 1960 году. Основное чувство, которое было у меня в молодости – чувство гнетущего страха. Этот «праздник» был всегда со мной. Когда я ходил в школу, работал на заводе, учился в университете. Я никогда не противостоял советскости. «Советский» в моём мире – это тщательно промытый и наодеколоненный бомж с залитыми водкой глазами. В сущности, не человек, а робот, который сам не понимает, что делает. Его «научили». Какое здесь может быть «противостояние»? С равным успехом можно назвать противостоянием стояние у светофора на оживлённом перекрёстке. Главное было не подпустить советских близко. Алкоголики отличаются большой «вязкостью». Зацепит рукой за пиджак – от него не отделаешься. Не отстанет, пока не изломает все кости.

Сейчас чувства страха перед ЭТИМ нет. Кривое зеркало социализма разбито и эти люди превратились в оборванных нищих, делящих городские помойки. Социализм кончился.

Может быть, сейчас пора забыть о советском государстве, пора забыть уже и о красных, и о белых, не будет ни тех ни других, а всерьёз думать о будущем России, делать какие-то реальные шаги к её возрождению?

Возможна ли будущая Россия без русской философии, без русской литературы?

Обычно государство объясняет себя само. Внятно: зачем нужно, что делает. Никаких объяснений от кремлёвской власти зачем она нужна, я до сих пор не услышал. Вроде бы пытались сказать, что для того, чтобы мочить чмырей в сортирах – как-то неубедительно. Сейчас намекают, что для того, чтобы через 10 лет достигнуть ВВП уровня 70-х годов прошлого века. Тоже смешно. Посидим, послушаем дальше. Может, чего и придумают. А чтобы предумысливать ЗА НИХ, да ещё БЕСПЛАТНО... Несколько лет назад было и такое – дружно искали «русскую идею». Потом поняли, что перебор, и успокоились на «сортире» и «удвоении».

Как Вы думаете, почему Ваш «Бесконечный тупик» не заинтересовал Запад?

Почему не заинтересовал? Деньги на второе издание книги мне дала профессор Вермонтского университета Ева Адлер. Я довольно хорошо известен в Венгрии. Мои тексты публиковали в Японии. Так что некоторый интерес есть.

Чувствуете ли Вы себя одним из духовных лидеров своего поколения?

Я себя всегда чувствовал лидером, вёл себя как лидер и наверно был лидером. Но это «моя личная трагедия». В обществе лидерами становятся только в результате всеобщего признания и наличия большой группы единомышленников. Я никогда не видел вокруг себя своего поколения. Только отдельных людей. Думаю, что поколения моих сверстников не существует. Оно целиком ушло в отвал. Может быть появятся молодые. Так, кстати, обычно и бывает –

лидер, как правило, старше. Не знаю. Поживём – увидим.

Не кажется ли Вам, что Ваше поколение так до сих пор и не востребовано временем? До сих пор царят шестидесятники и их наследники.

Что значит «невостребованы»? Мир жесток – ТУДА И ДОРОГА.

Каково место интеллигента, интеллектуала в нынешней России?

Мне кажется местная интеллигенция до сих пор не доросла до осознания собственных корпоративных интересов. Интеллигенты разобщены, их профсоюзы находятся в зачаточном состоянии. Нормы эксплуатации интеллигентов в нашем обществе чудовищны. Преподаватель ВУЗа зарабатывает в десятки раз меньше западных коллег, при этом ещё говорится, что он должен быть БЛАГОДАРЕН за это. Как следствие, в вузах процветает взяточничество. Какие-то деньги преподаватели зарабатывают, но чувствуют себя воришками на птичьих правах. А что если бы, например, в Москве взять и подготовить студентов сделать АКЦИЮ. Серьёзно, по-молодёжному. Например, перебить все мерседесы лодками в радиусе пятиста метров от мери. Прокачать на тачке до Москва-реки пару десятков чиновников. Забросать Путина тухлыми помидорами во время очередной встречи со студентами. Не как фарс провокатора Лимонова, а по делу, серьёзно: требуем то-то и то-то. Не сделаете, БУДЕМ МСТИТЬ. За права борются. Гражданское общество формируется с фундамента личных и корпоративных интересов. Человек, не смогший отстоять личные интересы, не отстоит интересы своего сословия. Человек, не

поднявшийся до осознания сословных интересов, не поймёт и не отстоит интересы общенациональные. Политическая жизнь РФ фиктивна и дегенеративна. Прежде чем говорить о правах «левых» и «правых», «либералов» и «демократов», надо поучиться на отстаивании интересов сословных.

Что такое – быть русским? Надо ли им быть? Русскость в культуре?

С точки зрения гражданской, быть русским – это отстаивать права русского населения, используя институты правового общества. Недавно прошла выставка «Осторожно, религия!», глумящаяся над русским православием. Лимоновцы по приказу ФСБ микшировали ситуацию. Мне кажется, надо было возбудить уголовное дело серьёзно, во-первых, доказав, что выставка была организована религиозными экстремистами. Там не было глумления над мусульманской религией или иудаизмом. Религиозная жизнь имеет свои законы. Очевидно, акцию организовали некоторые религиозные конфессии. Для своих адептов, внутри храмов и религиозных центров они могут делать и не такое. Если сосед плюёт на вашу фотографию у себя в уборной, это его личные проблемы. Если же речь идёт о публичной акции, надо было предупредить посетителей выставки: некая религиозная организация, имеющая мало общего с институтами демократического общества, проводит ритуальную акцию. Затем надо было провести экспертизу этой ритуальной акции – может ли она проводиться публично, если да, то какова форма её регламентации. Эти вопросы должны были решить не политические экстремисты и не русская православная церковь, а общество по борьбе с диффамацией против русских, обратившееся к услугам профессиональных юристов и экспертов.

Что касается всякого рода риторики о русских и русскости, то она всем давно надоела.

Как Вы относитесь к проектам и идеям всемирной глобализации? Не есть ли это конец истории?

На мой взгляд, история ещё и не начиналась. Точнее, мы прошли несколько процентов пути. Кончается некоторый период истории, это да. Но этот период – период крупных однопациональных государств – не такой уж и большой. Примерно лет в 300–400.

Ваша философия – это философия разума? Нужен ли разум в потерявшей свой ум России? Выстоит ли он?

На мой взгляд, Россия после 1917 действует крайне умно, рационально. Гораздо расчётливей, чем во времена царизма. Только ум этого государства находится в Лондоне.

Что может спасти сегодня человека – уход в одиночество?

Скорее правильное осознание собственных интересов и умение их отстаивать. Получить образование, создать семью, реализовать свой творческий потенциал.

Нужны ли России какие-то новые корпоративные правила общности?

Мне кажется гражданину РФ надо в первую очередь сориентироваться, кто он – русский или советский. Дальше всё выстроится. И тот и другой вариант приемлем. Плохо когда эти два этноса начинают набиваться в родственники друг другу. Бразильцы

это бразильцы, португальцы это португальцы. Найти общий язык и уважительно относиться друг к другу им можно только признав собственную инакость.

Что такое перестройка для России? Кто и зачем её затеял?

Перестройку затеял Лондон. Видимо, там решили демонтировать СССР и принять его западные республики в состав ЕС в качестве проанглийского лобби.

Кем Вы себя считаете: философом, писателем, государственным, индивидуалистом?

Наверное, я писатель, историк, философ и публицист. В общественной деятельности мне нравится принимать участие, но только на правах лидера. В другой ситуации я замыкаюсь, занимаю круговую оборону, словом, превращаюсь в ярко выраженно-го индивидуалиста.

Спасёт ли семья наше общество? Или распадётся сама под давлением нынешней безнравственности?

С точки зрения демографа ситуация в РФ интересная. Депопуляция происходит по двум противоположенным причинам. В культурном отношении значительная часть населения принадлежит к пост-индустриальному обществу и заводить детей не хочет. Одновременно социальные институты достигли такой степени деградации, что старшие поколения вымирают из-за недостаточности медицинской помощи. В стране свирепствуют эпидемии, характерные для развивающихся государств: туберкулёз, гепатит. В демографическом отношении Россию мог бы спасти более низкий уровень культуры.

Что значит для Вас русская национальная идея? Есть ли она вообще? И нужна ли ?

По-моему это расистская чепуха, придуманная (или поддержанная) русофобами.

Место Православия в жизни России, в Вашей жизни?

Возвращение православия в бытовую жизнь русского человека я приветствую. А вот политизация и коммерциализация РПЦ не может не огорчать.

Нужны ли Вам люди? Нужны ли Вам читатели? И какие читатели?

Я в смысле читательского интереса очень счастливый человек. 50% моих друзей и 90% моих знакомых сначала были моими читателями.

Считаете ли Вы себя консерватором?

Нет. Я считаю себя Дмитрием Галковским.

Почему Вы обошли в «Уткоречи» по-настоящему талантливых поэтов, тоже писавших на те же темы? Не есть ли уткоречь - основой любого общества, и западного, и постсоветского? Смогли бы Вы составить «Уткоречь» нынешнего времени, из сочинений нынешних бездарных авторов, взяв тоже самые характерные темы перестройки?

Конечно, «Уткоречь» есть в любом языке. Сам этот термин - из книги Оруэлла «1984». Что касается перестроечной уткоречи, боюсь ничего яркого не получится. Для существования и развития уткоречи нужен агитпроп. Чем мощнее агитпроп, тем мощнее идеологическое крякание. «Кря-кря» современного российского общества похоже на крякание госпожи

Гурвич в фильме «А зори здесь тихие».

Не переписываете ли Вы своим творчеством русскую историю, создавая ещё один её вариант?

Мне кажется, русская история XX века ещё не написана. Вообще. «Табула раз». Назовите хотя бы одного историка. В XIX веке были Карамзин, Соловьёв, Ключевский. И то они писали не о своём, XIX, веке, а о веках предыдущих.

Считаете ли Вы себя интеллигентом, или это понятие чуждо и противно Вам?

Это слово в русских условиях сильно политизированно. Если считать интеллигентом интеллектуала, то я типичный интеллигент. Это определённый тип людей, тип биологический. Есть дылда, есть задохлик, есть толстяк. И есть головастик. Я из головастиков. Как и у других человеческих пород, у нас есть свои достоинства и свои недостатки.

Вам уже за сорок. Вы счастливы? Вы нашли себя в жизни? Какова Ваша семья?

В жизни я многое пропустил. Жизнь - это случай, зигзаг. А мой путь прямой. Вот и живу в 44 года без семьи, без денег, в чужом доме на птичьих правах.

Бывали ли Вы на Западе, где, и Ваше впечатление о Западе и западной современной культуре?

Я всю жизнь прожил в Москве почти безвыездно. В этом году съездил в Минск и в Псков. Это для меня настоящие путешествия. Надеюсь ещё поездить. Если не считать Минск, за рубежом я ещё не был.

Кто Ваши литературные учителя кроме Роза-

нова? Кого Вы цените в современной литературе из старшего поколения, из сверстников?

Розанов для меня не писатель, а философ. Писатель он никудышный, и у него в жизни не было естественного чувства реализма, столь характерного для русских писателей. Он, например, всю жизнь как дурак покупал у жуликов фальшивые монеты. Навряд ли так просто могли бы обмануть Толстого, Достоевского или Чехова. Из русских писателей классического периода на меня оказали влияния все. В общем, у меня стандартный набор пристрастий. Из 20 века Набоков очень сильно подействовал. Отчасти Платонов. Никаких экстравагантных пристрастий, как видите, у меня нет. Современную литературу я знаю плохо. Разве по кино. Хорошая экранизация «Пыры Валтасара» по Искандеру. В детстве очень увлекался фантастикой: Стругацкие, Ефремов, Снегов.

Не кажется ли Вам, что Ваше поколение творчески не состоялось? Кого, кроме Вас самих, Вы могли бы предъявить миру и России из писателей, поэтов, философов, мыслителей?

Ещё раз повторяю, ТУДА БЕЗДАРНЫМ СВОЛОЧАМ И ДОРОГА.

Должна ли литература служить государству, вообще кому-либо или чему-либо служить? Должна ли быть духовная цензура? И какая?

Интеллектуал существо сильное и опасное. Разумное государство должно его подкупать. Подкупать культурно, уважительно, давая некоторый простор для творчества - лакеи из писателей, художников, музыкантов, учёных получают не ахти какие.

Общества без цензуры не бывает. В развитом обществе отсутствуют только грубые её виды, вроде предварительного штемпелевания текстов.

Верите ли Вы хоть частично в патриотические высказывания Путина? Ваше отношение к нему и нынешнему режиму?

Впервые с 20-х годов во главе государства находится человек, имеющий нормальное среднее образование. К тому же, в отличие от Ленина, Путин не сумасшедший. Всё это не может не радовать. Другое дело, что он мало что решает.

Художник и политик. Что между ними общего? Вы интересуетесь политикой?

Политикой интересуюсь как историк и как член сословия интеллигентов-интеллектуалов.

Что можно противопоставить хаосу абсолютной свободы? Религию? Абсолютизм? Авторитаризм? Диктатуру?

А что значит абсолютная свобода? Как зверь хомо сапиенс умеренный демократ. В естественных условиях он живёт группами в несколько десятков особей со слабо выраженной иерархией.

Что Вы сейчас пишете, кроме святочных рассказов? Почему Вы пришли к сказкам? Для детей? Для себя?

Кое-чего пишу, в основном по истории. Сейчас подготавливаю «Майн Кампф» из полного собрания сочинений Ленина. Туда входит 2231 отрывок из его работ и писем. Сказки? Я всегда был сказочником. Моей маленькой сестре было 4 годика, а мне 11. Я

ей рассказывал на ночь сказки. Главным действующим лицом был чайный гриб Григорий. Он жил на кухне в большущей стеклянной банке.

Ваши критерии в жизни? Ваши правила игры?

На всё смотреть сквозь пальцы. Кроме главного, когда пошло НА ПРИНЦИП.

Духовные ценности, которые Вам наиболее дороги?

Думаю, я здесь не оригинален.

Как Вы относитесь к восстановлению двух ветвей русского Православия? Вы – православный человек? Когда и где Вы крестились?

Мне кажется, российское общество гораздо менее религиозно, чем это хотят представить. Воссоединение церквей это узко-религиозная проблема, мало кого интересующая. Из всех форм религии мне ближе всего православие, но я человек нерелигиозный. Мне кажется, философия и религия две вещи несовместные. Мои предки и со стороны отца и со стороны матери были священниками, а я даже не знаю, крещён или нет. Тогда это была проблема. Вроде пионером меня хотела окрестить сильно верующая тётка. Я с ужасом отказался. А мать говорит, что меня годовалого тайно окрестили. Мне бы хотелось, чтобы это было правдой, но креститься сейчас считаю нелепостью.

Способны ли Вы работать на какое-то общее дело? Или это Вам чуждо?

У меня всегда была тяга к корпорации. В школе я был распропагандированным школьником («школь-

ный вальс»). На заводе и ощущал себя трудягой, рабочим классом («та заводская проходная, что в люди вывела меня»). В университете считал себя студентом («гаудеамус игитур»). При этом в школе я не успевал по всем предметам, рабочих считал низшим классом, а учёбу на философском факультете МГУ - профанацией.

Вы – монархист? Как Вы относитесь к идее монархии?

Вопрос с монархией сильно идеологизирован. Ни на чём не основано утверждение, что монархия первичная форма правления, из которой кристаллизуются демократические институты и монархию свергают. Наоборот, монархия возникает из демократических институтов и возникает довольно поздно. Европейские монархии возникли в 16-17 веках. Монархическая форма правления более эффективна, но меньше соответствует демократической природе человека. Русская монархия в начале XX века была современной передовой формой правления, обеспечивший нашему обществу процветание. Отказ от монархии привёл к абсолютному краху. Однако восстанавливать монархию сейчас, когда поезд ушёл и всё мировое развитие пошло по другому пути – безумие.

Николай II является для меня образцом умного, компетентного и удачливого главы государства. Он привёл Россию к триумфу, а когда его перед триумфом отстранили от власти, всё разрушилось. Его личность сильно мистифицирована. Ясно, что никакого Распутина не было, Распутин был одним из придворных юродивых, которых специально содержали в пропагандистских целях для простого народа. Кажется, Николай с ним и виделся один или два

раза. Все дневники и письма царской четы подлог, сфабрикованный большевиками. Думаю, Николай даже не отрекался от престола.

ЦРУ подготовило доклад о том, что через десять лет Россия развалится на пять-шесть государств. Верите ли Вы в это? Как этому противостоять? Надо ли противостоять?

Всё зависит от того, какой доклад приготовили в Англии. Вашингтон - предполагает, а Лондон - располагает.

Вы за небольшую этнически однородную Русь или же за новую Империю?

Думаю, и то, и другое невозможно. Духовные силы русских подорваны, они изменились даже биологически, у них нет правящего класса. Скорее всего их ждёт роль белой общины в Бразилии.

Возможно ли воссоединение славянских народов? Или это вред и бред, как писал ещё Константин Леонтьев?

Славяне вполне могли объединиться под эгидой России в первой трети XX века. Русские с огромным отрывом преобладали и этнически, и политически, и экономически, и культурно. Но после 1917-года всё навсегда пошло под откос.

Ваши любимые занятия?

Люблю читать, рассматривать географические карты, лазить по Интернету, собирать пазлы, выращивать растения, рассматривать животных в естественных условиях (особенно уток), фотографи-

ровать, писать дневники, письма, рассказы, пьесы и сказки, играть в компьютерные игры, гулять в парке.

Ваше кредо в жизни, Ваш девиз?

См. № 31.

Место любви в Вашей жизни. В жизни страны, в жизни человечества?

В детстве я был обделён любовью настолько, что понял это только в зрелом возрасте. Мне казалось, что ситуация всеобщего равнодушия или даже злобы – жизненный стандарт.

Любовь многое смягчает и облагораживает в жизни.

Можно ли Вас считать пропагандистом и агитатором определенных ценностей в жизни?

У меня большая пропагандистская мощность. Я умею внедрять свои мысли в головы других людей, причём делаю это с большой изобретательностью. Но меня всегда пугала власть над людьми. Мне казалось нечестно пользоваться людской слабостью.

Есть ли у Вас друзья? Место мужской дружбы в Вашей шкале ценностей?

Мой идеал – спокойные ровные отношения с людьми, которые я поддерживаю десятилетиями. Истерическая мужская дружба кажется мне подозрительной. Зацикленность на замкнутой группе друзей – свойством криминальной психологии. Можно сказать, что меня окружают друзья и знакомые без резко очерченной границы между этими двумя категориями.

Какой период истории России Вы больше всего любите и хотели бы в нём жить?

Мне бы хотелось жить в разных временах понемногу и безопасно. Походить по летней Москве 1937, попить газировки. Потом махнуть в Венецию 1650 года.

Расскажите о Ваших родителях, об отце и матери, о близких родственниках. Это всё интересно Вашим читателям.

Родственников у меня нет. Одни умерли, другие отдалились. Есть старенькая мама и сестра. Я их люблю.

В общем же я принадлежу к людям, основывающим династию. Я не вижу среди своих предков, включая отца, «Галковских». Можно сказать, что я сирота. О моей жизни (целиком) никто не знает, и о моих планах и фантазиях никто не знает.

июнь 2004

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С АНДРЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ СЕРКОВЫМ

- Для начала – *Ваша краткая биография.*

- Все мои родственники по отцовской линии были профессиональными писателями. Мой отец был десятым человеком в семье, и все были писателями. Отец писателем не стал, но у него была такая черта: он читал газеты и постоянно делал всевозможные вырезки. Вероятно, это у меня на генном уровне: собирать какие-то папочки и все систематизировать...

Фото 50

Второе – воспитание. Я рос в 70-х, когда отношение к книге было другое. По субботам-воскресеньям отец таскал меня на “книжную ярмарку” около памятника Ивану Федорову, где происходил нелегальный книгообмен. Меняли, например, всю ЖЗЛ на Собрание сочинений Толстого. Все общались, нужно было найти нужную книгу, нужного человека. Так возникало уважение к книге, пока не к содержанию, а к книге как таковой. Вскоре начались первые симптомы моей “болезни”. Лет в 9-10 я гостил летом у бабушки. Делать было особенно нечего. Мне попался дурацкий роман о декабристах, и я начал составлять картотеку, еще не зная толком, что это за персонажи, где реальное лицо, где вымышленное. На основе романа я начал систематизировать его героев. Кто только не оказался у меня среди декабристов. Тут жизнь преподавала мне первый урок: не успел я составить картотеку, как объявили о выходе Нечкинского алфавита декабристов. До меня дошло, что люди, которые жили до меня,

уже успели что-то сделать. Оказалось, что алфавит декабристов давным-давно составлен.

– *Жестоким, но необходимым опытом...*

– Да. Но картотечная работа с тех пор въелась в мою жизнь и стала ее частью. Есть ученые с большой буквы, есть люди с полетом фантазии, которые сразу начинают заниматься историософией, а я – архивная крыса, спокойный человек с картотечкой, для которого факты являются гораздо более важными, чем их интерпретация.

– *Мне кажется, что широкозахватная “историософия” может быть интересной в том случае, если автор владеет материалом. Если нет, то получается в лучшем случае компиляция.*

– В 90 % случаев именно так и происходит. Это реальность, и никуда от нее не денешься. Человек ценит прежде всего себя, свои “мысли по поводу”, а не осмысление прошлого. Но встречаются и такие картотечники, как я.

– *Вы поведали о начале Вашей “болезни”... Если более подробно, то – Вы родились...*

– Я родился в маленьком городке Бузулук Оренбургской области. В XVIII веке здесь была казачья линия защиты от иноземцев. В XX – через этот город проходила железная дорога на Ташкент... Оказались мои родители там случайно, как все, – бежали от нашей “нормальной” действительности. Какие-то корни там были, крестьянские. Отсюда мои родственники по материнской линии. Учился и рос я в Москве. Родители мои – врачи. Обычная семья. Нестандартным было, пожалуй, то, что я занимался плаванием и учился в спортивной школе. Поэтому можно сказать, что пионерско-комсомольская юность меня миновала. Для школы подделывали справки, что “уехали на сборы”, а сами уходили в кино. Брали большую киноафишу и выискивали, куда пойти

между двумя тренировками. Так что обучения в классическом понимании этого слова не было. Если кто-то получал знания, то лишь по собственной инициативе. У нас были такие деятели, которые появлялись только на выпускных экзаменах в 8, 10 классах, а остальное время числились на сборах. Коротче говоря, я был лишен многих прелестей советской жизни, мог игнорировать “учителей-воспитателей”, за что спортшколе искренне благодарен. Пловца из меня не получилось. Думаю, по психологическим причинам. Мне важен был сам процесс и не имело значения обгону я кого-нибудь или нет. Первый год после окончания школы (1981) я тренировался поступать в институт. Приобретя опыт непоступления в четыре института, я понял систему: не демонстрировать свои знания, а говорить то, что от тебя хотят услышать. Сделав правильный вывод из своих наблюдений, на следующий год оказался на истфаке МГУ. Специализацию я выбрал по кафедре с сюрреальным названием “история СССР периода капитализма”.

– Да, похоже на 150-летие кондитерской фабрики “Большевик”.

– На факультете было четкое разделение, кого на какую кафедру принимать. Полные идиоты – на никому не нужную кафедру славяноведения. Дети номенклатуры стабильно имели два пути – “зарубежная новая и новейшая история” или, для явных карьеристов, “история КПСС”. Одно из самых больших отделений, между прочим, было.

– То есть или чисто “религиозное” отделение, или шпионское.

– Да, многим потом предлагали работать в органах переводчиками и т.д. Моя кафедра – это, так сказать, “средний путь”. Славяноведческого слабоумия на этой кафедре не было. А по сравнению с

истпартом кафедры была либеральной – в общем, можно было заниматься тем, что нравится. Сомневаюсь, что научные руководители этой кафедры когда-нибудь прочитали хоть одну мою студенческую работу, включая диплом. Но это и не важно. Идеальное состояние: никто на меня не давил. Я окончил университет в 1987 году.

– *Как раз началась перестройка...*

– В университете поветрия были тогда очень робкими. Например, сдавая кандидатский минимум, я сдавал историю КПСС в полном объеме. Когда мне попалась “коллективизация”, было крайне сложно что-либо ответить. Отвечать на вопрос: «А что Вы думаете о коллективизации?», не зная преподавателя и то, как он сам к этому относится, было очень сурово. Наш факультет был идеологическим. Не комсомолец – автоматическое исключение из университета. Было целым событием, когда парторг нашей кафедры первым подал заявление о выходе из КПСС. Я во все свои работы вписывал обязательный пункт: “Маркс, Энгельс, Ленин о масонстве”, хотя они на эту тему не говорили ничего. Приходилось что-то выискивать.

Окончив университет, я полтора года отработал учителем в школе. Рядом с “автозаводом им. Ленинского комсомола”, с соответствующим контингентом. После чего был переведен в заочную аспирантуру. В аспирантуру МГУ попасть было непросто. Брали в основном “позвоночных” студентов, с соответствующими родителями. Я же, как “беспозвочный” попал в аспирантуру “привеском”, потому что несколько приличных преподавателей, прочитав мой диплом, сказали, что это уже готовая диссертация.

– *По какой теме?*

– Этой же – масонство. Заниматься историей масонства я начал со второго курса. Во многом слу-

чайно. На кафедре меня долго отговаривали... Предлагали взять, например, “декабристов без Декабря”, вроде Вяземского...

– *“Декабрь без декабристов” тоже тема.*

– А что вы хотите, основу преподавательского корпуса составляли люди, которые сами учились в то время, когда история России начиналась с освободительной борьбы рабочего класса. Я их поразили тем, что начал работать над списками, которые потом составили шесть томов приложений к моей дипломной работе. Вдобавок ко всему, тогда компьютерные веяния только начинались, я сделал контент-анализ персонажей по составу, вероисповеданию, с процентным соотношением. Это считалось новацией.

– *Получается, что выбор подобной темы – целиком Ваша инициатива?*

– Да. Но интерес к масонству возник у меня еще до поступления в университет, в 80-81-м году. Я хотел стать архивистом, однако идти в Историко-архивный институт, откуда брали в армию, мне не хотелось. Я тогда старался общаться со всеми людьми, имеющими хоть какое-то отношение к истории, и попался мне один человек из классических русофилов – я очень подозреваю, что он такой же классический сотрудник «органов», – причастный к нараставшему уже довольно активно движению «Память». У “памятников” интерес к масонству был уже артикулирован. А я был помешан на декабристах, достаточно много о декабристах знал и все, что было доступно, читал. Он и посоветовал: возьми тему «декабристы и масоны», раскрой, какой вред они принесли России.

– *А как Вы с ним познакомились?*

– Совершенно случайно. Мать у меня врач, он курировал студентов-медиков, которые уезжали за

рубеж, проверял добротность их образования. Параллельно почему-то занимался историей. И мама попросила его со мной поговорить, может быть, что-нибудь он сможет посоветовать как человек, знающий историю и систему поступления. Ведь предварительные собеседования тогда при поступлении были обязательны. Он встретился со мной, чтобы подготовить меня к этому пресловутому собеседованию. Я очень этого боялся, думал, что сидят серьёзные профессора, будут задавать сложные вопросы, он же просветил, что в комиссиях сидят комсомольские активисты и решают, пропускать – не пропускать, по признакам чисто формальным, вроде классических вопросов при приёме в комсомол: “В каком месяце была Октябрьская революция”, “назовите три источника и три составные части”. Наверное, первый раз я с ним беседовал в году 79-80. Тогда где-то в подсознании отложилось: можно этим заниматься, тема совершенно не раскрытая.

– Он давал Вам читать Емельянова, например.

– Он знал лично не только Емельянова, но и Евсеева, и прочую “классическую литературу”, но я очень быстро от этого отошел. Для меня уже тогда существовало четкое разделение: есть история, а есть публицистика.

– Да, причём в кавычках.

– Пожалуй что и без кавычек. Судя по нынешней печати, они как раз задали тон и уровень на десятилетия вперёд...

А потом, на первом курсе университета в Иностранке случайно мне попался (до сих пор помню шифр – ЯБ-5) биографический словарь Татьяны Алексеевны Бакуниной (Осоргиной). Мы там занимались с моей будущей женой, она искусствовед, а библиотека устраивала перед экзаменами так называемые «выставки». Сдают они, допустим, Ренес-

санс, им дают шкаф и все книжки по Ренессансу туда запикивают. И чтобы не заказывать по двести раз, они к этому шкафу подходят и читают. Тогда разрешения в спецхран давались туго, и уж, конечно, не на первом курсе. В Иностранке, в отличие от Ленинки, система каталога была более либеральной, и в одном из ящичков я и наткнулся на этот словарь. И увидел, что очень многое уже сделано. Первый раз он был подготовлен к печати в 1939 году в Бельгии. В 40-м тираж был отпечатан и всю войну пролежал на фабрике. А после войны издателя обвинили в коллаборационизме, потому что он печатал бельгийские фашистские газеты, и вся литература, которая печаталась в его типографии, была уничтожена. От того тиража осталось буквально экземпляров десять, которые Татьяна Алексеевна Бакунина разослала в крупнейшие библиотеки. Второй раз она переиздала словарь в 1967 году. Там же была дана обширная библиография русского масонства, составленная на основе сведений, взятых из картотеки Бурышкина, и из старых журналов: «Русский архив», «Русская старина» и т.д. и т.п. Это послужило для меня руководством к действию. Как бы два справочника оказались в моем распоряжении: библиография и словарь. Надо было садиться и все это читать. И вот, начиная с первого-второго курса, я стал потихоньку осваивать материал.

С самого начала мне было очевидно, что и словарь и библиография составлены на основе только напечатанных источников, а архивы даже близко не рассматривались. Кстати, здесь сложилась интересная ситуация: всем казалось, что архивы должны быть засекречены 250 раз, а в действительности они свободно лежали, и никто не осмеливался к ним подойти и заявить, что хочет заниматься историей масонства.

– Это ведь был период, когда библиотечный формуляр мог послужить обвинительным приговором. Могли вызвать и спросить, почему читаете это, когда у нас много других книг.

– Конечно. Тем не менее, многие масонские журналы в Иностранке свободно лежали. Те же статьи Телепнева по истории России, печатавшиеся в английских масонских изданиях...

– И что, Вашу тему утвердили на кафедре?

– Не то чтобы утвердили. Со второго курса я стал этим серьезно заниматься. Я благодарен своим преподавателям за то, что они не мешали мне заниматься моей темой: декабристы и масонство. Конечно, если бы не декабристы, изучением масонства мне бы заниматься не дали.

– Какую все-таки огромную положительную роль сыграли в русской культуре декабристы. Дали индульгенцию на любую тему. Без них, может быть, и Пушкина запретили бы: «Якшался с Николаем, реакционер». Памятник на Страстном бы взорвали. А так – «свободолюбивая лирика»...

– Это одна из возможностей... И наоборот – не будь Пушкин масоном, не известно, что бы вообще с ними было.

– Понятно... Но вот началась перестройка. Вы говорили по поводу аспирантуры.

– Ну по поводу аспирантуры я говорил, что были на кафедре люди, сказавшие “Добро, надо, чтобы человек занимался наукой”. Правда заявили, что напрямую поступить в аспирантуру нельзя, поступай, сынок, на заочную, потом что-нибудь придумаем. Дали направление в вечернюю школу: «Поучи рабочих, а потом мы что-нибудь сделаем. Наш завкафедрой Федосов является одновременно проректором МГУ, никаких проблем не будет. Позвонит, решит вопрос, сразу же поступишь вне конкурса в

очную аспирантуру.» Однако слово за слово, полтора года в школе я все же отработал, и только потом меня удостоили чести перевести в очную. Перспективы были понятные и определенные: дают заниматься наукой и ладно. Преподавательская деятельность в университете была мне противопоказана из-за моей темы и моих убеждений. Сначала в глубине души были какие-то надежды: вдруг оценят, но очень быстро все это ушло. И слава Богу, потому что, то, что из себя сейчас университет представляет и его преподавательский состав, – это тема отдельного разговора.

– *Да уж, если во главе Садовничий...*

Вот именно. Время обучения в аспирантуре я использовал по максимуму. Диссертация с самого начала была у меня готова и можно было спокойно заниматься, не числясь ни на какой работе, да и перед семьей не оправдываться, что бездельничает. Потом возникли планы издания журнала, которые благополучно провалились.

– *Какого?*

– Был такой историк у нас, я её до этого не знал, – она в университете не преподавала – Наталья Михайловна Перумова (Наталья Иосифовна)...

– *Ох, сноска почти обязательная.*

– Да, «информация к размышлению». Так вот она старалась объединить и пестровать «исторический молодняк». Перумова давным-давно задумала составить словарь историков, которые жили в России, добротный биографический словарь. Это было году в 90-м.

– *То есть ещё в “том” времени.*

– Да, хотя уже пошли во всю “ростки нового”, в словаре были сведения о репрессированных историках и т.д. С другой стороны, словарь охватывал период до 20-х годов, и советских докторов наук

там уже было очень много. Она сбросила на меня эту работу: переписку с авторами, сбор информации. Я вёл всю секретарскую работу. Началась перестройка, появлялись совместные предприятия, только-только заработало издательство "Терра", возникнув неизвестно откуда с большими деньгами в помещении райкома ВЛКСМ. Директор сказал: "Будем издавать красивый, иллюстрированный, умный журнал". Наподобие гремевшего тогда «Нашего наследия», но с большим уклоном в историю. И Наталья Михайловна, зная что я такую нудную работу делаю, пригласила меня ответственным секретарем. Она собралась уезжать на полгода читать лекции в Америку, и получалось, что я хозяин журнала и могу что-то делать.

— *Как назывался журнал?*

— "Отечественные записки". Я, конечно, согласился. Развернул бурную деятельность. Если бы журнал и сейчас вышел, мне бы за него не было стыдно. Материалы и подбор иллюстраций были добротными и, кстати, совсем не копировали "Наше наследие". Набрали, смакетировали, поехали в типографию, посчитали, сколько будет стоить, а тут путч начался, ну и решили повременить, предложив мне переключиться на редактирование романов про индейцев. Меня эта закамуфлированная форма получения денег, не имеющая ничего общего с моими интересами, не устраивала и на этом моя редакционно-издательская деятельность закончилась.

Масонами я продолжал заниматься. Защитил диссертацию. Тема называлась «Российское масонство 1800 – 1860 годов», кстати совершенно неправильно. Эта искусственная хронология последняя дань совку (де 1860 год – начало буржуазного развития России).

— *Как прошла защита? Тогда ведь уже всё бурли-*

ло, – в том числе и вышеупомянутая “Память”.

– Нет. Все было спокойно. За семь лет все на исфаке ко мне и моей теме привыкли. Замечания сводились к тому, например, почему вы подробно не осветили деятельность масонов в Московском университете. Правда, потом, когда я выступал с какими-то сообщениями, лекциями, обязательно один-два человека находились и спрашивали, почему вы не пишете о Звезде Героя Советского Союза, которая является масонским символом. Я скромно отвечал, что к сожалению, Звезда Героя Советского Союза появилась не в XIX веке, о котором я рассказываю, а несколько позже.

– Ну, это юродивые, на костылях...

– А так ничего не было. Понимаете, ко мне привыкли. Я ведь с одной стороны постоянно был у всех на виду с первого курса, семь лет. А с другой стороны, никогда никого не трогал.

– Это как растение. Постепенно, незаметно, но раз- и выросло.

Именно так. Всё прошло незаметно. Диссертации, собственно, как бы и не было. Она не была опубликована. Более того, – исчезла. До сих пор никто не может с ней ознакомиться. Эта работа сейчас ни для кого, кроме меня, не существует. Я её оставил на кафедре – она исчезла. Исчезла из библиотеки МГУ, где формально должна была храниться. В Ленинку она не поступила. Формально в природе она вроде бы и есть. Ко мне подходили люди и спрашивали: а Вы защитились? Где можно прочитать? Недавно я увидел один из экземпляров своей диссертации в пригороде Парижа... Стоял на нижней полке.

– А с другой стороны, тогда же эту тему начали “жучки” вроде Авреха осваивать. Ну и появились вроде бы серьезные исследователи, Старцев...

– К изысканиям Старцева я относился и отношусь во многом как к политиканству. Я занимался масонством XIX века. Все это – игры в политику: заявление академика И.И. Минца, «Обреченный альянс», «миф о масонском заговоре»...

– Ну, Минц – это просто партийный функционер.

– Всех людей, занимающихся у нас масонством, я воспринимаю как функционеров разного масштаба.

– То есть, вы считаете, что Старцев не историк? Я не специалист, но все-таки он старается действовать наукообразно, ссылается на факты...

– Это тот тип историков, которые собирают материал под уже созревшую в их головах идею.

– Ага. А эта идея, как правило, – поездка туда-то, оплаченная государством...

– Нет. Дело даже не в этом. «Поездки туда-то» у них не на первом плане. Главное отсечь от “поездки” конкурента, на борьбу с которым тратятся обычно все силы. Скажем, Московская и Питерская школы историков. Если не заявляли бы в Москве полную ахинею о масонстве, Старцев написал бы гораздо худшую работу у себя в Питере. Потому что в силу принадлежности к питерской школе, он должен был опровергать заявления москвичей.

– Как у вас запущено! У вас – какие-то ШКОЛЫ. У философов, например, вообще ничего нет.

– Ну, школа – это условное название. Это не школа, а общак.

– Мне это, знаете, что напоминает? Шизофрению в больнице №6 и шизофрению в больнице №5. И вот они как-то друг с другом противоборствуют.

– Я знаю, что В.И. Старцев поставил себе целью опровергнуть Авреха, а для того, чтобы спорить с

Аврехом, ему нужно было обладать какой-то информацией. Начались поездки за рубеж. Он благополучно съездил, отсидел там полгода. И начал публиковать документы. А я просто РАБОТАЛ в архивах и изучал все, что есть в них по истории масонства XIX века.

– У Вас были с ними какие-то контакты, полемика?

– Нет. Я вне разборок, которые называют историческими. Никогда не стремился ни познакомиться с ними, ни писать какие-то рецензии на их труды. Они живут своей жизнью, при своих институтах, при своих научно-исследовательских организациях. А я живу своей жизнью и занимаюсь своим делом. Я стал больше копаться в XVIII, в XX веке, расширять материал... Некоторые люди влюбляются в свой персонаж и только им занимаются. У меня возможностей гораздо больше: много тысяч людей, у каждого своя судьба. Можно не зацикливаться. Не надоедает. Надоел период Второй мировой войны, взял занялся северными аккордами XVIII века.

– Какой период Вам ближе? Есть предпочтения?

– Совершенно нет. Периоды увлечений прошли. Просто обычно занимаюсь полгода-год XVIII веком. Потом, когда этот материал уже слишком примелькался, перестаешь его ощущать, уже появляются собственные шаблоны, штампы при взгляде на события. Значит, пора этот период бросать. И – на 200 лет вперед. Потом также обратно.

– Мы дошли до начала 90-х. Как дальше развивалась Ваша судьба?

– А дальше в конце 91-го я оказался безработным. Нужно было определяться. Какой был выбор – чем-нибудь торговать, в Турцию ездить... Я выбрал отдел рукописей Ленинки. В Российскую государственную библиотеку её переименовали одновре-

менно с моим приходом. Последние семь лет работаю здесь. Здесь я имею возможность постоянно работать с тем материалом, который мне интересен. Хотя эту возможность мне дали, конечно, не сразу.

– *Были ли у Вас единомышленники в университете? Или Вы всегда были один?*

– Друзей и приятелей было достаточно много. Но коллег... На истфак 50 процентов шло для того, чтобы делать карьеру. Мне с самого начала было понятно, что тех людей, которые пришли на факультет ради истории, было очень и очень мало. Была такая группка молодых историков, внешне очень умных, стремившихся изучать древние языки, но ничего за этим не стояло. И ничего в результате не вышло.

– *Не пытались издавать какой-нибудь журнал?*

– Нет, истфак это пустыня. Те, кто пытался издавать какие-то журналы, были, как правило, не из МГУ. Я к таким элитным группам отношения не имел.

– *Я помню появился тогда молодой человек из “Мемориала”, ему делали рекламу, собирался он издавать картотеку. Потом куда-то исчез.*

– Да он и сейчас продолжает делать свое дело, но из-за постоянных расколов в “Мемориале” он оказался вне “Мемориала” и картотеки. Были попытки студентов Педагогического, Историко-архивного институтов создавать политические клубы, потом издавать журналы. Например журнал “Былое”.

– *А исторические альманахи – «Лица», «Минувшее»...*

– Это другое. Их издавала компания людей, бывших студентами в 70-е годы. К тому времени многие из них уже ушли из исторической науки. Сейчас кто-то живет за рубежом, кто-то занимается

чистой политикой, кто-то уже умер. Вышло 24 выпуска «Минувшего», и все. То же произошло с журналом «Память». Тоже ничего не вышло – перепрыгивание от одного издательства к другому. В действительности эти сборники, что “Лица”, что “Минувшее”, делали 1-2 человека.

– Поражает почти полное отсутствие научной полемики в подобных изданиях.

– К большинству этих людей я отношусь очень уважительно, и с профессиональной, и с человеческой точки зрения. Но им не удалось создать сколько-нибудь значимого явления ни в социальной жизни, ни в собственно исторической науке. Получилось так: есть свой узкий круг людей, занимающихся той или иной проблемой (например, Вернадским), и никого другого они в эту проблему никогда не пустят.

– Позиция не учёных, а учеников: любой интерес к своей теме воспринимается не как возможность более глубокой структурной организации исследований, а как попытка отнять кусок пирога.

– У меня был такой случай. Давным-давно я одним из первых участвовал в полемике с Никитой Струве об авторстве «Романа с кокаином» Леви. М. Агеев – Леви – Набоков. Они первые попытались опровергать Струве и опубликовали свои изыскания, очень умозрительные. Направление было правильным, но искали не там. А ту статью, которую я предложил им и в которой на основании документов доказывалось, что автором «Романа с кокаином» был не Набоков, они отвергли. Хотя это было вполне в продолжение полемики. Если бы я написал статью в соавторстве с кем-то из тех, кто опубликовал первую статью, то это могло бы пройти. Но статьи за подписью 3-4-х лиц меня всегда раздражали, это признак коллективного творчества.

– Мне нравится, как в Северной Корее поступают. Там авторов вообще нет. Издаётся, например, либретто оперы “Море крови”, о ранних этапах партизанской борьбы Ким Ир Сена. На обложке скромно написано: “Союз писателей КНДР”.

– Вот я в результате оказался вне подобных «союзов писателей».

– Итак, Библиотека.

– Да последние семь лет, с 1992 года, сижу в библиотеке.

– Вообще Ленинская библиотека как бы печальная стезя, а уж отдел рукописей...

– Да нет. Я же пришел туда не ради того, чтобы поддержать ту или иную группировку, то или иное сословие. Мне просто хотелось работать, отдел рукописей для моей работы возможности давал, и весьма хорошие возможности.

– Но ведь как раз, когда Вы туда пришли, там развивалась эта история с еврейскими рукописями. Вас как-то это затрагивало? Не говорили: “Вот, занимается масонами...”

– Все это было, но я стараюсь на подобное не обращать внимания. Кто что скажет: масон-немасон, “высокая степень посвящения”, “негодяй”, “недемократ”, “надо ему статью за разжигание межнациональной розни”. Если обращать внимание на всю эту дурь, которая вокруг нас, можно погрязнуть в склоках, переживаниях, стремлении нанести ответный удар и на нормальную работу не останется времени. Пойти по этому пути – значит пасть морально. Те симпатии-антипатии, которые были в Отделе рукописей, они сложились до меня, и чем меньше я к этому имею отношение, тем лучше.

– То есть люди быстро поняли, что человек Вы неопасный, и Вы опять же как растение стояли себе в кадке, постепенно росли. Ну, может быть

иногда о кадку кто-то случайно спотыкался. А так Вы слились с пейзажем.

– В любом учреждении, любой организации одинаковое число карьеристов, кегебистов, функционеров, и нужно несколько человек, которые хоть что-то делают, – работать ведь организация должна.

– *Причем тех, кто работает, побольше загружать.*

– Конечно. И за месяц платить такую же зарплату, которую в другом месте они получали бы за день. Ну и мне конечно не сразу позволили заниматься тем, что мне было интересно. Сначала, например, посадили за разборку архива Сафронова. Там было много интересного – огромное количество поздравительных телеграмм к 60-летию, 70-летию.

– *Это просто готовый альбом для издания советской Академией Наук.*

– А что, недавно прошла выставка, посвященная Софронову. Потом бросили меня на архивы Наркомата. В течение 80 лет макулатуру сбрасывали в специальную комнату, и надо было привести все это в какой-то порядок.

– *Это советское делопроизводство?*

– Нет. «Наркомат» – условное название. Начиная с 20-х годов, архивные материалы, которые совсем никуда не вписывалось, сбрасывали в кучу. В конце концов кучу решили привести в какой-то минимальный порядок. Наверное, их надо было бы просто сразу выбрасывать, а время тратить на обработку действительно ценных архивов. Но тут главное «имитация активности», а поскольку даже для имитации нужны «негры», работа для них всегда есть. Раз работающие люди нужны, можно жить спокойно и между «делом» заниматься своими нелепыми и никому не нужными исследованиями.

– Так Вы постепенно и вышли на архивы по основной своей теме.

– Конечно. Но не только по основной, но и по смежным.. Эмиграция, например.

– А там вообще много архивных материалов по Вашей теме?

– Ленинка, конечно, не Питер. Мало кто знал, что они там есть. В действительности же больше половины масонских архивов XIX века лежат в России.

– А как они попали сюда?

– Начали попадать в хранилища они в 60-х годах прошлого века. Системы государственных архивов тогда не было. Но вот, например, скончался последний Великий Мастер Сергей Степанович Ланской, министр внутренних дел во время «эпохи великих реформ». Мельников-Печерский уговорил его дочь сдать архив на хранение в Румянцевский музей.

– Как-то это отслеживалось, что это именно масонский архив?

– В большинстве случаев – нет. Ну лежал себе и лежал благополучно. Никто его не смотрел. Не помнил. Все считали, что там о масонстве никаких открытых материалов нет. А в нем документы по внутримасонскому делопроизводству: журнал посещений, десятки метров таблиц, список в 200 человек с плюсиками, кто когда посещал заседания лож.

– Получается, что с того времени специальных архивов нет?

– Как таковых их никогда не существовало. Есть архивы именные, фамильные. Например в Отделе рукописей есть архив Голубинского, два архива Арсеньевых. Наследственные. Из поколения в поколение масоны передавали их из рук в руки. Масонство лучше всего представлено в подобных архивах. Материалов очень много. Вся переписка их, про-

токолы философских бесед. Все это там хранится, никто это не смотрел, никто не знает.

– *Ну раньше понятно. И сейчас никто не смотрит?*

– Мало людей, которые занимаются этим профессионально или хотя бы на уровне дипломных работ. В действительности материала очень и очень много, а у нас в целом, не знаю, может быть, это только в последние годы или постоянно так было, к архивам обращаются в крайнем случае. Принцип работы историка сейчас сводится к следующему: вы берёте, изучаете труды предшественников, читаете пару-тройку монографий, а потом на основе этих монографий пишете свою работу. При этом научный руководитель вас направляет и указывает, чьей точки зрения вам надо придерживаться. Меня поражает: существуют какие-то огромные историко-архивные институты, люди их оканчивают и ни разу в архиве не появляются.

– *Собственно занятия студента-историка это 50% – лекции и библиотека, 50% – архивы.*

– Вот это меня поражает. Вкус к документу, к изучению документа отсутствует. Сотни людей, к примеру, занимаются изучением творчества какого-нибудь писателя, и никто из них не удосуживается прийти посмотреть документы. У нас не меньше ста неопубликованных произведений Чехова, хотя считается, что издано полное собрание его сочинений. Никто практически не обращается к воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской, которые не были опубликованы и лежат у нас. Да в тех же самых масонских документах можно обнаружить новые сведения о Пушкине и Грибоедове. Я, например, нашёл их только потому, что брал большой массив и смотрел.

– *Ну хорошо, это Ваша работа в Отделе руко-*

писей... А я слышал, что Вы уезжали работать за границу. Это что по линии Библиотеки или нет?

– Нет, независимо. Ко времени начала работы в Отделе рукописей я был знаком с Бакуниной. Сейчас она уже скончалась. Я тогда начал переписываться с ней, обмениваться информацией. Она мне присылала те немногочисленные сведения, которые есть о русских масонах XVIII – XIX веков в зарубежных архивах. Я подробно рассказывал, какие архивы я здесь нашел, как я продолжаю её труд, её словарь, который я в процессе работы постоянно дополнял новыми сведениями. Она посчитала, что я обязательно должен посмотреть зарубежные архивы. Помогла мне, максимум сделала. Вообще я думаю, что ей, кроме всего прочего, просто было интересно (это я не от завышенного самомнения говорю) посмотреть, кто же там этим хочет заниматься, что это за человек, чем он живет, что из себя представляет. Одно дело письма, редкие телефонные разговоры, другое дело – личное общение. И она по существу оформила мне все бумаги, приглашение. Первый раз на полтора месяца, это было в 1994 году, потом еще несколько раз.

– И она Вас сама там встретила...

– Да. Мы к этому времени уже лет пять переписывались, я здесь с её бывшими однокашниками общался, тоже 90-летними. Тогда начался бум – открытие всех спецхранов, не нужно было специальных “отношений”, степень открытости информации стала принципиально другой. Я получил возможность брать подшивки эмигрантской периодики: «Русской мысли», «Русских ведомостей» и сплошняком читать их, изучать. Общие работы – Бердяева, Франка – были более или менее на виду, известны, можно было прийти в спецхран, взять книжку и прочитать, а вот именно этот пласт периодики –

чем они жили, как они ежедневно ругались, какие у них были интересы, какие были группировки – никто этого не знал. И мне было любопытно этим заняться. И получилось так, что одновременно с этим начали всплывать масонские документы XX века. Я вольно или невольно лет 5-6 полностью занимался этим периодом: эмиграцией и эмигрантским масонством. Тут в Москве открылся (относительно “открылся”) Особый архив. Стало возможно говорить о том, что масонский архив хранится в Москве и мы – самый главный «центр масонства», потому что архивы всей Европы лежат у нас.

– А почему так получилось?

– Из-за феноменального стечения обстоятельств. Гитлер в свое время поручил создать «Институт по изучению жидомасонских древностей». Документы со всех стран стали свозить в один из Моравских замков. Потом благополучно наши войска всё захватили и вывезли в Москву.

– Это не войска, а зверушки такие специальные...

– В кавычках, конечно, “войска”. Специфический род войск – идеологический. И это лежало у нас. Хотя, правда, мы как вывезли, так и ухитрились передать Германии более 400 масонских архивов обратно.

– А я вот слышал, вернее, это было в официальной прессе, что масонские архивы Франции переданы её правительству.

– Ну я как раз оказался в тот период в этом архиве, когда они уже стали открытыми, но еще не передавались во Францию.

– Была такая замысловатая формулировка, я помню, что архивы передаются без сохранения копий, а французы обязуются сами сделать копии и нам предоставить.

– Договоров о передаче этих документов я не видел, но могу точно сказать: когда сейчас люди приходят в Особый архив (ЦХИДК) и заказывают те документы, которые я читал несколько лет назад, то им говорят, что этих документов нет. Во Франции, я узнавал, говорят, что эти документы к ним не поступали. Ситуация такая получилась: мы передали официально Министерству внутренних дел, но никуда, ни в национальные архивы, ни в национальную библиотеку Франции эти архивы не поступили.

– Там, если не ошибаюсь, были сосредоточены архивы «Сюрте женераль».

– Да, это была основа – первый, основной фонд, одна опись которого занимала несколько шкафов.

– Это всё равно, как если бы в 1945 году вдруг все архивы НКВД оказались в Париже.

– Конечно.

– Да, попали французы. Это равносильно публичному изнасилованию. Бедные, такое нарушение престижа. Французы, конечно потом в этом направлении у нас «поработали».

– Не только французы. Пользуясь нашими дружескими отношениями, мы передавали документы (я сам видел картотеку на уничтожение перед передачей архивов), в Югославию, Чехию, ГДР.

– Когда это началось?

– Это началось во второй половине 50-х. Передавали большими пластами. Система такова: созываются 5-6 псевдоспециалистов, они наискосок просматривают эти документы, то, что обращает на себя их внимание, копируют, остальное, не копируя, автоматически передают. Ни о каком предварительном изучении документов нет и речи.

– Ну и чисто масонские документы при такой системе уходили бесследно. «Специалисты» навер-

ху давали добро, а «псевдоспециалисты» внизу даже не понимали, с чем имеют дело.

– Конечно. Вот, например, была в Петербурге ложа «Урания», в которой состоял Радищев. Дело-производство велось на немецком языке. Человек из комиссии открывает дело, видит: какая-то «Урания», где находилась не известно, написано все немецкой готикой, конец XVIII века... Ну чего там разбираться! Традиционный масонский документ Западной Европы. Они возьми, да передай. А ведь даже с точки зрения коммунистов передавать было не надо. Тут же «Радищев», «освободительное движение». Историки партии могли бы настругать десять диссертаций. Где теперь хранятся эти документы в Германии, никто не знает. Немцы опять же заявляют, что документов у них нет.

– *Тут одновременно с нашей стороны некомпетентность, а с их – компетентность, профессионализм. Умение работать с документами. С людьми.*

– Да. Сейчас иностранные исследователи приезжают к нам и изучают те документы, которые у нас ещё остались, потом стараются как можно больше опубликовать. Доскребают остатки. Как я работал с нашими архивами, достойно кретинического эпоса. Любой иностранец мог за энное количество долларов заказать ксерокопию любого документа из Особого архива. Чиновник главного архивного управления сам ему их приносил. Я же был поставлен в положение другое. Мне прошивали тетрадочку шнурком, писали на ней «Секретно». В эту тетрадочку я аккуратно вписывал интересующую меня информацию. Каждый день её, после того, как я с ней поработал, запирали в сейф. Потом она по письму пересылалась на мою работу. После чего главный «специалист по органам» нашей библиотеки тетрадочку торжественно уничтожал. Копировать её я не имел

права. Таким образом, все, что я выписал, было уничтожено.

– *Это какой год?*

– Тетрадочку уничтожили два года тому назад. Меня умиляет, что любой иностранец мог прийти и унести из архива нужную ему копию, а для меня эта информация была секретной.

– *Ну люди там работают, они отчитываются. Например, что человек сделал в 1997 году? Сжѐг тетрадь. Пепел показывает.*

– А что, составлялся акт. У меня даже разрешение спросили: можно мы уничтожим. Перестройка – могли бы и просто так сжечь.

– *Да, это напоминает состязание Левши и английского полшкипера. Отматываем плѐнку назад и поговорим о Вашей поездке в Европу.*

– За рубежом ситуация в чём-то похожая. Формально документы все доступны, но все боятся к ним подойти. Существует какое-то психологическое воздействие что-ли.

– *Это называется “политкорректность”.*

– У исследователей не хватает наглости прийти в какую-нибудь Великую ложу и сказать: «У вас хранятся такие-то документы. Я хочу их посмотреть». Или, может быть, мешает боязнь того, что следом за тобой идет сотрудник соответствующих «органов». Но я почему-то наглостью этой обладал и вне зависимости от того, кто как к кому относится, я документы посмотрел в каждом из соперничающих масонских послушаний. Там документов масса, и больше всего в национальной библиотеке Франции.

– *Вас интересовали русские и русская эмиграция?*

– Да, русские. Ну, ещё иностранцы, связанные с деятельностью масонства в России. Например, Жозеф де Местр, который, живя в Петербурге, про-

клинал якобинцев и одновременно посещал петербургские ложы. Не говоря о том, что был Досточтимым Мастером своих лож и даже масонскую реформу провел. Иностранцы, которые у нас жили и были связаны с русской культурой, конечно же, меня интересовали и я документы по этим людям смотрел. Ещё характерный пример - иезуит аббат Никола, в пансионе которого воспитывались многие декабристы. Он интересовал меня как один из руководителей масонства и основателей ришельевского лицея в Одессе. То же - сам Ришелье Ланжерон. И наоборот, интересовало бытие русских лож в Париже. Например, ложы Екатерины II при русском посольстве. Все эти документы я изучал подряд. Смотрел списки масонских лож, выискивал в них людей, так или иначе связанных с Россией, и кое-что мне удалось найти интересное.

- *Как к Вам там относились: с озлоблением? с любовью? Или равнодушно?*

- Надо сказать, что во всех архивах к людям, которые действительно хотят что-то найти, которые занимаются этим на профессиональном уровне, относятся безразлично: ну есть какие-то ненормальные, чем-то там интересуются, что с них взять, с убогих, пускай смотрят.

- *Ну, хотя бы не мешали.*

- Ну как не мешали. Система «помех» такая же, как у нас, - просто говорят: «Извините, этих документов у нас нет». Надо обладать какой-то информацией, чтобы доказать, что эти документы в данном архиве все-таки есть.

- *А у вас там на четвертой полке слева в черной папочке...*

- Именно так. Я приносил сдаточные описи этого архива и говорил: «Вот этот человек в соответствии с этим списком сдал вам такие-то документы, сле-

довательно, они у вас должны храниться. Если у вас их нет, значит вы нарушили волю фондообразователя. Будьте добры их найти!». Это стандартная ситуация.

– Скажем так: местные власти не чинили препятствий, но особого энтузиазма Ваши поиски у них тоже не вызывали. А как к Вам относились местные остатки белой эмиграции. Контакты у Вас с ними были, кроме вышеупомянутой Бакуниной-Осоргиной?

– Постоянные. Наиболее приятно было общаться с представителями первой эмиграции. Для меня было радостью говорить с ними о людях, которые мне знакомы по произведениям, и которых они знали лично. Это были «свои». Масса таких людей. Взять, например, Бориса Николаевича Лосского, он очень интересно рассказывал о Никодиме Павловиче Кондакове. Как они ко мне относились, мне сказать труднее, но вот передали же они в мои руки часть своих архивов, я привёз оттуда массу интереснейших документов.

– Они к Вам относились как к полуофициальному представителю...

– Нет. Я никогда так не представлялся. Старался установить чисто человеческий контакт, и если такой контакт возникал, рассказывал, где я работаю, как в Москве хранятся документы. Я ни в коем случае не действовал нахрапом, не выкачивал из них информацию, как Зильберштейн, под видом «официального представителя великого Российского государства». Хотя он не смог привезти материалы из архива Коровина, а я привез. Без всякого биения себя в грудь и шума вокруг очередного «подвига». И архив Парижской частной оперы, где есть масса документов о русском масонстве, о таких фигурах, как Дягилев, например.

– *Вы упомянули Зильберштейна...*

– Это наш советский классик, издатель “Литературного наследства”, создатель музея частных коллекций. Он был знаком со многими масонами.

– *Это он говорил в 60-е годы какие-то восторженные банальности по поводу русской иконописи?*

– Он всё говорил.

– *Понятно теперь, почему про него мне всё время долдонили советские дурачки из «Внешнеполитической ассоциации». Что Вы, кстати, можете сказать о судьбе масонства в Советской России?*

– В России среди так называемых репатриантов, среди «советских патриотов», – которые вернулись в Россию, здесь жили, занимались даже какой-то деятельностью, – было достаточно много масонов.

– *Об этом писал в своих мемуарах Любимов.*

– Да, у него есть об этом кусочки, но он всю историю аккуратно обходит.

– *Было такое время.*

– Нет. Я не об этом говорю. Он был одним из активных масонов и в своих воспоминаниях, рассказывая о людях, которые чем-то занимались, определяли какую-то политику, умолчал о том, что он сам эту политику определял. Умолчал, хотя я уверен, что у него информации было очень и очень много.

– *Но ведь он, по-моему, сидел.*

– Он никогда не сидел. Он из тех, которые работали на несколько людей одновременно.

– *То есть все, кого Любимов привез, сели, а он...*

– Конечно. Так же как был один такой деятель у нас, один из руководителей масонства, который максимально выманивал, выманивал всех в Россию, все благополучно сели, а он доживал остаток своих дней в санатории Дома актера.

– *Сдал экзамен по актёрскому мастерству.*

- Да, оценили его мастерство как актера.

- Это называется козёл-провокатор. Когда скот ведут на бойню, стадо чует и упирается, тогда впереди спецкозла вожакom выпускают. Он стадо в ворота заводит и сворачивает на новый круг, а этих всех - на колбасу.

- Да. Этих «советских козлов» была масса, из них можно отдельное стадо сделать. «Офицерский полк». Такой Бренштейн был, - полудатчанин, полурусский, хотя там русского очень мало - он такую же классическую провокаторскую деятельность с 20-х годов в ложах вёл, потом благополучно доживал остатки дней в Волгограде. Это отдельная тема - провокаторство.

- Такой Казим-бек был.

- Казим-бек не имел отношения к масонству. Хотя и был репатриантом. Очень много людей возвращалось. Из Парижа каждый пятый уехал. А те, кто взял советские паспорта, это почти половина эмиграции.

- Когда я об этом узнал, я был поражен. Ведь это безумие. Это были культурные люди, имеющие образование, понимающие, что за страна СССР. Значит у них были какие-то серьезные гарантии. Вопрос, что за гарантии...

- Я общался очень со многими из этих «советских патриотов» - «возвращенцев» - ещё в Москве, до своих поездок. Произошла смена поколений в эмиграции. Молодежь, не пережившая гражданской войны, не имела инстинкта самосохранения, и у них поехали мозги сильно.

- Ну да, «эйфория»: «1945 год», «Победа», «погоды», «Россия».

- Плюс указ о восстановлении в советском гражданстве...

- Все-таки, знаете, они объективную информа-

цию **ИМЕЛИ**. Например, журнал "Часовой". Там все открыто писали.... с этим боролись...

– Это очень большая разница: Бельгия, бельгийская эмиграция, которой было очень мало, и парижская эмиграция. После войны единственной солидной русской газетой в Париже (до учреждения «Русской мысли») были «Русские новости». И «Русские новости» во многом поддерживали тогда это движение. Не говоря уже о «Русском (потом «Советском») патриоте». Эта газета прямо призывала эмигрантов к возвращению. Настолько была сильна пропаганда, настолько влияла эйфория победы и эйфория восстановления западных границ России, что это пересилило всё.

– Я думаю, что и официальные власти Франции подыгрывали.

– Конечно. И не только подыгрывали. В так называемой свободной французской прессе никогда не было никаких опровержений и разоблачений до начала 50-х. Они дождались, когда выедет эта волна.

– Когда поезд ушёл, уже можно было говорить что угодно.

– Французы ведь очень прагматичные люди. Они в то время распродавали все русские архивы в Америку, закрыли все русские школы, гимназию, закрыли Русские комитеты, бывшее посольство России, которые возглавлял Маклаков и которое имело полуофициальный статус. Параллельно вели активную борьбу против белой эмиграции. Отношение к белым эмигрантам во французском обществе было отрицательным. Французское общество в то время само было заражено бациллой социализма.

– С другой стороны, знаете, мы тоже были не подарок. Русская эмиграция их "достала". Ведь всё-таки убили президента Франции.

– Это тоже. Тогда покаянные письма писали. И

Франсуа Мориаку, председателю Союза писателей, и во все органы. Настолько панический был страх, что опять начнется 17-й год, новое избиение русских фамилий, русским придётся опять куда-то бежать, уже неизвестно куда.

– Да, чуть ли не на следующий день после убийства какой-то русский офицер демонстративно застрелился, чтобы смыть кровью позор с русских... Тем не менее факт остается фактом – пустили курдов в ФРГ, а они Гельмута Коля убили.

– Да вообще с 1917 года нас уже ненавидели – как предателей, пошедших на сепаратный мир с немцами.

– Для эмигрантов второго и третьего поколения первой волны Вы были отчасти победителем, представителем России «после 1991 года», который может их хоть перед смертью выслушать, с которым можно чем-то поделиться.

– Вы правы. И я бы не сказал, что все они тосковали по России, хотели знать, что там в России происходит. По-моему, это распространённое заблуждение. Да и для тех, кто интересуется Россией, есть спутниковое телевидение, можно смотреть НТВ или ОРТ. Это не такая уж большая проблема. Для них важно было другое – поделиться своими воспоминаниями, оказаться кому-то нужными в своей старости.

– Да они могли и приезжать сюда. Конечно, это не проблема. Мне кажется, что первую волну ударило то, что большого интереса к себе из России они не почувствовали. Именно на уровне человеческих контактов. Ведь это видно. Приехал прощелыга со стеклянными глазами, чего-то спрашивает, и видно, что ему не то что на всех них плевать, а ещё хуже – он просто НЕ РУССКИЙ. Не знает русской истории, культуры. Его характер

и привычки тоже не русские. И вообще он весь из себя какой-то «человек-собака». Думаю, что это потрясало. Ведь раньше, в 70-х, например, можно было себя успокаивать, что это ничего, это они так из-за страха советские. А на самом деле люди как люди. Наши, русские. А оказалось нерусские – советские. Вы мне представляетесь человеком совсем несоветским и это, видимо, в вас и привлекало в первую голову, поэтому они так откровенно с Вами себя и вели. Они ведь обобщали, видели... Кому что надо...

– Конечно. В последнее время официальная «работа» с представителями русской эмиграции первой волны велась следующим образом. К носителям громких монархических фамилий посылались представители нашего посольства. И начинали их «раскручивать». Настоящего интереса к эмиграции на официальном уровне не было и нет. И мне все эти официальности были совсем не нужны и не интересны. Я не чиновник. Не интересно было общаться с Зинаидой Шаховской. На мой взгляд, в силу своего возраста она уже не могла развить дальше того, что написала в своих книжках. Советских чиновников интересовало именно это: Шаховская это ИМЯ – как это замечательно, можно «пользоваться», делать передачи, это пойдёт.

– Я помню «привезли» Одоевцеву...

– С ней я и не общался. В общем никакого внимания к эмиграции нет. Нужны громкие фамилии, на которых и себе можно имя сделать. Когда часть бунинского архива пропадала, я в Париже об этом узнал, никто не попытался его спасти, потому что на этом карьеру не сделаешь.

– *Что-то там с домом Тургенева тоже происходило.*

– Ну, это пускай. В конце концов это в силу разных личных обстоятельств уже своя местная епар-

хия и, может быть, русским и нет до этого непосредственного дела. А вот русские могилы во Франции надо отстаивать. Иначе всё погибнет, ибо наследников и преемников, в отличие от дома Тургенева, нет. Муниципалитет Парижа запретил хоронить русских на кладбище Сен-Женевьев дю Буа.

— Почему?

— А потому что они считают, что русских там не должно быть. Я когда туда первый раз ехал, я думал, что это маленькая деревушка, где живут русские, есть Русский дом, русское кладбище. А это довольно большой городок. Типа Химок. По нему часа два можно идти. Он так растянулся... Париж можно за два часа пройти, то же самое и Сен-Женевьев дю Буа. Одна длинная-длинная улица по типу грузинского села. А в Русском доме сейчас осталось три человека. В Кони — один человек. Порядка семи русских старческих домов было, которые контролировали русские эмигрантские организации. Сейчас это все разрушено полностью. Мы, в свою очередь, еще с доперестроечных времен поощряли туда продвижение социалистов-коммунистов и напротив русского кладбища построили огромный зал дискотеки на наши деньги. Чтобы “весело” жилось нашим эмигрантам. А теперь советские же плачут, слезы льют крокодиловы. Отношение к русской культуре глубоко ханжеское. И в любой книге, телевизионной передаче об эмиграции — стабильный набор проверенных имен — имён ханжей.

— А что вы хотите? КПСС отдала приказ своему внешнеполитическому ведомству: имитировать преемственность с исторической Россией. Они честно и имитируют. Что ярко, броско, чем можно позвенеть на весь мир — используют в своих интересах. Где реальное ДЕЛО, связанное с сохранением русской культуры — зачем им это?.. Ходить с со-

вочком, за могилками ухаживать... Это прости-господи не пенсионеры какие, а люди с понятиями. Они работают. Деньги зарабатывают, гранты отгрызают. Чтобы и себе, и детям.

Потом, мне кажется, если вернуться к теме масонства, раз началась эта перестройка, потом пост-перестройка, огромное количество людей хлынуло на запад вне государственных каналов. Аферисты, шарлатаны, просто провинциальные сумасшедшие. Они там достали всех. От русских на Западе УСТА-ЛИ. Ну, приходит какой-нибудь человек из Днепропетровска и говорит: давайте, я создал ложу, великий наместный мастер, инсталляция...

– Они сначала ко всем русским относятся с доверием, но потом, месяца через два, начинают хвататься за голову – ах, с кем же мы общались!

– Похоже, что совок упёрся в стену и лимит доверия Запада давно исчерпан.

– Я тоже думаю, что скоро этот процесс совсем прекратится. Люди сломя голову не хотят куда-то лезть.

– Они шарахнулись сдуру, потому что все это совершенно секретно. Отсюда нет должной информации. Им морочат голову. Общественного мнения в стране нет, и из полной темноты вылезают какие-то Каданниковы, какие-то тамплиеры высочайших степеней посвящения с обкомовскими рылами. Если бы совок рухнул в 30-е годы или 40-е, можно было себе представить, попытку реальной интеграции западного масонства в Россию. Была бы какая-то революция, вторая гражданская война, интервенция, эмигрантское масонство перевело сюда деятельность лож....

– Судя по ситуации в предвоенных эмигрантских ложах, которую я знаю хорошо, подобная возможность возрождения масонства была.

– А сейчас это даже не профанация, а карнавал.

– Ну, конечно. Единственное, что ещё играет на руку местным шарлатанам, это то, что существует несколько соперничающих между собой зарубежных масонских группировок. Когда те же русские масоны-эмигранты во Франции сейчас смотрят телесюжеты по НТВ об открытии итальянских лож в Кишиневе или Одессе, их это задевает: почему итальянцы смогли найти и привлечь этих людей, а мы нет. И они начинают лихорадочно искать, хвататься за полных маразматиков.

– И в результате каждый из шарлатанов прокачивается через соперничающие группировки по несколько раз. Возникает ротация и кругообмен дерьма. Они приходят к тому, от чего хотят уйти.

– Я беседовал по этому поводу с Владимиром Владимировичем Успенским. Он когда-то был масоном очень высоких степеней посвящения, сейчас из этих степеней ушел. Успенский сказал, что пока у вас новое поколение не вырастет, которое родилось, когда уже не было коммунизма, не было партии, то только тогда можно будет что-то создавать. До этого это обязательно будут шарлатаны, подонки, карьеристы, и кто угодно. Что ни пытаться сейчас делать, это будет без пользы, бессмысленно. Этот совок, он всех задавит.

– Я вольно или невольно в своё время думал об истории масонства в России – что же всё-таки привлекало людей в нём, причём людей высокообразованных и высококультурных. Зачем им это надо было. Ведь, в сущности, это явление западное, невытекающее из корневой основы русской истории. Наверно, как и на Западе, масонство в России было формой самовыражения и самоосознания интеллигенции и, шире, образованных сословий. С одной стороны, это позволяло противостоять бездуш-

ной бюрократии государства, с другой – защищало от невежества черни, что в русских условиях было особенно актуально и наверно и обусловило такое большое развитие масонской идеологии при сравнительно незначительной его социальной базе (слабое развитие и излишняя централизация городской жизни). В этом смысле развитие масонства в постсоветской России, по-моему, было бы очень перспективно: оно бы давало возможность самоорганизации и самообороны интеллигенции. А получилось, что тот хам, от профанства которого и должно бы защищать масонство, сейчас самый главный масон в России и есть. «Грядущий хам», о котором писал Мережковский, вышвырнул пинком сапога русское масонство на эмигрантскую помойку. «Хам уходящий» напоследок, не снимая сапог, нацепил на себя запон и решил удивить мир холуйским мачкерадом. «Как у взрослых».

– Да, они оказались первыми. Сейчас пытаться вступить в масонство с целью встретить там высококультурных, интересных людей и заняться интересным делом бесполезно. Вольно или невольно вы окажитесь в филиале ЦК ВЛКСМ, т.е. внутри структуры, которая вас съест. Может быть, это абстрактные какие-то рассуждения, но мне кажется, любое название дореволюционной партии можно взять, обязательно получится (и получилось же!) КПСС №2, №3, №33. Все здравые идеи, которые там будут, последовательно, с садистским педантизмом идиота испохабятся.

– Без определённого плана, а просто потому что «как же иначе». Обезьяна, если её запереть в чистом помещении, она там за час все изгадит. Не потому что она «плохая», а потому что обезьяна.

– Конечно. Сейчас модно называть себя националистами, эсерами, кадетами, монархистами, масо-

нами, но менталитет всех этих людей остается вполне советским.

- *Наряжайте обезьяну в любой мундир, она останется обезьяной...*

- Может быть это всё и к лучшему. Заманчиво было бы наблюдать снова происхождение человека от обезьяны, но вообще-то это уже было. И «старых» людей куда тогда?

- *Всё к лучшему в этом лучшем из миров, как сказал философ. Но хочется всё время чего-то большего... Н-нда...*

- Давайте на этой оптимистической ноте и закончим беседу.

- *Пожалуй. Только под конец расскажите немного о Вашей конкретной работе. Что уже сделано, что предстоит сделать? Я слышал, Вы делаете картотеку по персоналиям русского масонства.*

- Картотеки как таковой уже нет. От карточек я отказываюсь... О том, что я сделал и чего не сделал. Одну книжку удалось издать: «История русского масонства (1845-1945)» в 1997 году. Лежат у меня книги по второй половине XX века, по истории российского масонства XIX века*. Короче говоря, общая история масонства России. Всего 4 тома. И биографический словарь, в котором более 10 тысяч персоналий. Это люди, которые так или иначе к русскому масонству имели отношение. Они внесены в словарь на основе конкретных документов, а не слухов. Это не выдуманные масоны, как у той же Берберовой.

- *А что у неё тоже...*

- Конечно.

- *Но вроде она работала в архивах.*

- Это отдельный вопрос, где она работала и как. Понимаете, недостаточно сказать, что Гайдар, Чубайс или Мавроди – масоны. Вопрос на каком осно-

вании это можно сказать. На основании, что кто-то в какой-то книжке их так назвал?

- Ну да, вон разоблачалкин Платонов написал, что Галковский масон. Когда про других читаешь, думаешь – «а всё-таки». А когда про себя – начинаешь затылок чесать. Может быть и другие в таком же положении.

- Вот именно. Хотя это ещё не худший вариант – хотя бы формально числиться в одной организации с Грибоедовым, Пушкиным. Не очень обидно. Так вот я работаю иначе. Практически все документы, которые сейчас существуют в мире, которые были русскими масонами написаны, 90 процентов этих документов, я видел, я их знаю.

- То есть у Вас эти более 10 000 персональных только на основе документов: протоколы заседаний лож, списки, удостоверения.

- Да. Мемуары это не тот исторический источник, на котором можно основываться. На их основе можно только строить дальнейшие поиски. Предположим, вариант с Лениным. По слухам, он состоял в такой-то и такой-то ложе. Какие мои дальнейшие действия? Я пытаюсь найти, с кем из масонов Ленин мог общаться, контактировать. Не нахожу. Или нахожу контакты непродолжительные. Потом у меня была возможность пойти в архив и взять документы всей этой ложи, где якобы состоял Ленин, и подробно их просмотреть: нет ли там Ульянова-Ленина. И таких документов я там не нахожу. Значит я не могу включать его в этот список. Пока. То есть до тех пор, пока не найдётся документа.

- Значит, если какая-то персона находится в этом списке, вероятность того, что это масон – 99 и 9 в периоде. Если её там нет, вероятность 50 процентов.

- Нет, не 50. Меньше, потому что я смотрел до-

кументы всех степеней посвящения, вплоть до Высшего русского особого Совета 33 степени, и вероятность того, что за пределами моего внимания вдруг оказался какой-то список, очень и очень маленькая. То есть я взял документы всех лож и весь состав этих лож просмотрел. Я ещё допускаю, что могу найти список XVIII века и там появятся принципиально новые имена. Но по XIX и XX веку этих имен может быть очень и очень мало. Не больше 50.

— Понятно. Но если брать несколько фамилий сверхпопулярных, например Ленин, Троцкий, то в данном случае сказать “нет” пока нельзя. Если это какой-нибудь третьестепенный персонаж, то, если он в эти списки не входит, то вероятность 95 процентов, что нет.

— Конечно. Ведь не исключено, что по тому же самому Ленину документы были активно почищены. Такая вероятность существует. В любом случае бесполезно утверждать о чем-либо масонстве, если нет документов.

февраль 1999

* Эти книги Серкова изданы.

БЕСЕДА С АНТОНОМ КРУГЛОВЫМ

Д.Г. Начало стандартное. Краткая биография...

А.К. Я родился в Москве в 1970 г. в семье архитекторов. Мой отец – кандидат наук, после начала перестройки стал православным священником. У него свой приход в городе Истра, под Москвой. В 1986 г. закончил школу, поступил в Московский авиационный институт на факультет прикладной математики, где сразу же параллельно устроился работать на кафедру. Получилось как-то само собой. Я, ничего не зная, пришел и сказал, что хочу работать на электронно-вычислительных машинах. Там в 1988 году я увидел первый персональный компьютер. Это была замечательная машина IBM PISI на процессоре 86 с цветным экраном EGA. Компьютер был подарен французами нашему факультету. Чтобы на нем работать или поиграть, нужно было записываться в большую-большую очередь.

Фото 51

Первая графическая игрушка, которую я увидел, была «Ларри», потом несколькими минутами позже – «Диггер», тетрисы, а до этого я видел только игры на цифровых мониторах, то есть на терминалах, которые не имели возможности выдавать информацию в графическом виде.

Мне сразу расхотелось идти на свой компьютер, у меня на кафедре тогда был свой компьютер – Мера, аналог РТР 1120, мини-ЭВМ, как тогда это называли, в нем было энное количество терминалов, то есть это компьютер многопользовательский, на нем уже стояла операционная система ЮНИКС.

Д.Г. Интересно, в детстве Вы отдавали предпочтения каким играм? Солдатики или что-то еще?

А.К. Как это не покажется странным, у меня в школе, я не помню в каком классе, классе, наверное, в шестом, была своя Вселенная. Я не помню, как она называлась. Там были свои планеты, карты планет, звездолеты, еще что-то, я уже не помню. Я во все это играл, играл один.

Д.Г. У Вас были какие-то жесткие правила?

А.К. Там были какие-то правила. Звездолет не может перелететь сразу на любую планету, он должен лететь. Но вообще это было баловство, то есть это была не игра. Эта было представление о каком-то мире, знаете, как игра в куклы. А если вспомнить раннее детство, мои родители очень гордились, что я, ещё не умея ходить, разобрал импортный дорогостоящий электрический трактор моей сестры, после чего она меня возненавидела. С гусеницами этого трактора я потом долго играл, жевал их.

Д.Г. Понятно. Вернёмся всё же от гусениц к более позднему времени. Институт...

А.К. Мне не интересно было учиться, чистая математика меня совершенно не интересовала. Она интересовала меня как прикладная дисциплина, когда я мог что-то сделать. Работая в институте программистом, я писал базы данных, которые мне пришлось изучить, чтобы у меня было свое рабочее место у персонального компьютера. Я писал программы для отдела АСУ на ГИБС-2, ГИБС-3, ГИБС-4, на Клипере. Само по себе меня это не интересовало, но давало возможность в свободное время заниматься какими-то изысканиями с помощью компьютера и, разумеется, играть. Играть мне нравилось

Д.Г. В «Элиту», наверное, играли?

А.К. Позже. Она, к сожалению, требовала больших ресурсов, насколько я помню, 286-го компьютера, но он был в обозримом окружении только у

начальника, а начальник любил совсем другую игру, которая называлась «Тест драйв». Это автосимулятор. У начальника был «запорожец», на котором он не мог себе позволить ездить так быстро и так успешно, как на «Тест драйве».

Д.Г. Я вспомнил «Элиту», потому что, кажется, это одна из первых игр, вокруг которой начало образовываться не то, что постоянное сообщество, но люди пытались обмениваться информацией, обсуждать, на бибизсах какие-то тексты стали появляться.

А.К. У нас институт был закрытый, модема во внешний мир не было. Поток данных, игр и программ шел через людей, которые работали в местах с доступом к телефону. Они звонили за рубеж, из западных бибизсок что-то скачивали, потом ходили и говорили: «вот у меня есть игра на дискете» и требовали к себе соответствующего отношения. Что касается «Элиты», у нас вокруг неё не было никакого сообщества, просто люди играли. Дал её нам сослуживец. Он привёз фирменную версию из Америки, с книжками, со всеми делами и в двух вариантах – цветном и черно-белом. Но народ понял её по-своему. Ведь в «Элите» был скрытый сюжет, надо было выполнять определённые миссии. А мы восприняли её как «поток жизни» и стали использовать как поле для состязания друг с другом по некоторым неписанным правилам. Потом я как человек, более осведомленный в программировании, посмотрел, как она написана внутри. Тогда только мы узнали, по внутренним текстам, скрытым в ней, что там есть квестовая часть. Можно было уже догадаться, что нужно сделать, но я её так до конца не прошел.

Д.Г. Фактически Вы входили в первый круг людей, которые стали заниматься игрушками в Москве. Ясно, что тогда не было ещё интернета, да и система бибизсок только начинала формироваться.

Мы потихонечку-полегонечку приближаемся к огромному айсбергу Гэлэкси Плюс, который маячит на горизонте, а мы, на резиновой лодочке, к нему подплываем, рассказывая о некоторых перепитиях жизни господина Круглова. Давайте самый ранний период – «прото-Гэлэкси» – осветите. Я знаю, что это как-то связано с Зеленоградом.

А.К. Эта история началась до смешного просто. Я работал, ещё продолжая числиться в институте, в одной коммерческой фирме. Это был год 93-й, и мой коллега по работе сказал, что фирме нужна электронная почта. Тогда это звучало экзотически, но мы в «Демосе» купили электронную почту и подписались на тоже ещё экзотические электронные конференции. И в этот момент этот же человек говорит: «Слушай, вот в конференции какое-то объявление есть – всех приглашают сыграть первую партию игры в Интернете – в игру Гэлэкси». Причем адрес был написан неправильно, было написано: zgrab.ru, что означало zelenograd.ru, то есть последняя буква была изменена, но тем не менее коллега выяснил настоящий адрес, получил правила этой игры и передал их мне, чтобы я их изучил и научил его, как играть. Правила я, разумеется, не читал.

Д.Г. Это было на русском или на английском?

А.К. Правила были на русском. Кроме правил, там больше ничего не было, поскольку клиентов тогда не было вообще, и понятие «имитатор» звучало совершенно экзотически. К тому времени в Зеленограде уже было какое-то игровое сообщество, человек 5–6.

Гейммастером на сервере в Зеленограде был Женя Тимофеев, который тогда был администратором фирмы «Зелакс». Она и сейчас существует и занимается производством алфавитно-цифровых дисплеев и модемов для выделенных линий. Тогда Женя

прекрасно вёл эту игру - Гэлэкси, правда у него были проблемы со временем. У него было трое детей, жена постоянно его пилила за то, что он занимается «галактикой», а не зарабатыванием денег, и в конце концов все свелось к тому, что партия на «Зелаксе», в которую я записался, так и не окончилась. Поскольку мне эта игра понравилась и, кроме того, у меня дома уже стоял компьютер с модемом, я предложил Жене взять часть его функций на себя. Так я стал сначала отвечать на письма, которые были ему адресованы, верстать «Galaxy Times», тогда она называлась «Blake Hole»; несколько последних номеров пришлось верстать и соответственно комментировать мне, а потом Женя пропал. Он уволился из зеленоградского предприятия. Где он был дальше, я не знаю. Сервер прекратил свое существование, причем очень резко. Незадолго до исчезновения, до закрытия сервера, Женя прислал мне исходные тексты этой игры...

Д.Г. А откуда они у него были?

А.К. Поскольку он имел прямое отношение к Интернету, он ещё тогда мог работать в онлайн-режиме. Тогда это было слишком дорого даже для организаций. Цены были, как сейчас, а доходы, как тогда. Средней месячной зарплаты хватало на 10 минут работы в Интернете. Так вот он в онлайн-режиме с иностранного сервера получил исходники этой игры, которые распространялась бесплатно её автором Расселом Уолесом. Поскольку я был тогда программистом достаточно квалифицированным, я понял, что человек писал эту игру в качестве курсовой работы в каком-то не очень высшем учебном заведении, и решил все это дело переписать на нормальной язык, исправить все ошибки, и доделать то, чего там не было сделано. Так появилась в конце 1993 года игра под названием Гэлэкси Плюс.

Д.Г. Получается, Вы все-таки играли не в первую партию, до Вас там уже было какое-то сообщество.

А.К. Я могу сказать точно, - я начал играть в восьмую партию. Это была первая партия, которая проводилась по Интернету, а первые семь партий, проводились внутри объединения, то есть внутри Зеленограда. Мы начали играть с моим другом Женей Михайловым. Собственно, он меня ввел в мир Интернета и в Галактику. Разумеется, вначале я стал и строить не то, и играть не так, и тем не менее мы оказались почти рядом - между нами была одна раса. Ну, видимо, я любитель интриг, как я сейчас понимаю. Я разослал всем анонимные письма (а та игра сильно отличалась от Гэлэкси Плюс, тогда известно было, кто где находится в Галактике, где какая раса, известно было, кто на какие планеты претендует), ну я послал анонимные письма с целью инсценировать различные конфликты вдалеке от меня. Письма были такого плана: «поддержи, я атакую, пришли мне помощь». Если избиралось три-четыре расы, то эти письма между ними распределялись, то есть я думал, кто будет атаковать и т.д. Несколько удачных провокаций удалось сделать. Самое главное - подписаться правильно, все подписи были в газете, из газеты я их и взял, а остальные, те, кто не публиковался, соответственно их подписи нельзя было проверить, поэтому их подделать было тоже просто. Тем не менее мой заговор был почти раскрыт, потому что одна хитрая раса подписывалась в разных местах по-разному. Я однажды взял письмо, которое мне показал Женя, которое пришло от этой расы, взял эту подпись и послал кому-то. Быстренько все было раскрыто. Жене предъявили ультиматум, сказали, что он такими нехорошими делами занимается. Он сказал, что это не он, а я. Мы тут же поругались. После этого

мы вошли в две враждующие группировки. Вот так, грубо говоря, развивалась моя деятельность в Галактике. Как ни странно, несколько людей, с которыми я там повстречался, общаются со мной до сих пор. Я не буду называть их, потому что это люди достаточно известные, сейчас они не играют ни в Галактику, ни во что. Один из этих людей впоследствии помог мне создать свой сервер.

Д.Г. В чём содержательное отличие Гэлэкси от Гэлэкси Плюс?

А.К. «Гэлэкси без плюса», с моей точки, зрения не привлекала особого внимания к личностям игроков. Поэтому я ввел много изменений, которые позволили сделать игру на общение, то есть развитие Гэлэкси произошло в сторону увеличения поводов для общения, увеличения средств для общения.

Д.Г. Например...

А.К. Например, новости, широковещательные сообщения, послания с планеты на планету, которые можно передавать, - этого ничего не было. В прото Гэлэкси не было голосования, возможности побеждать альянсами.

Д.Г. И тем не менее уже просто в Гэлэкси был заложен элемент литературный, потому что «Blake Hole» формировалась на основе Гэлэкси, а не Гэлэкси Плюс. То есть что-то людей побудило стихийно создать подобие одного из первых электронных журналов.

А.К. Я могу объяснить, как все развивалось. Поскольку в Гэлэкси не было возможности посылать широковещательные сообщения, первый и единственный способ был - написание вот такого рода журналов, дайджестов.

Д.Г. Это был суррогат бродкастов.

А.К. Сначала да, именно так. Если вы почитаете эти выпуски, то там большинство обращений ши-

роковещательных, информационных, то есть это не ролевая игра, а именно информационные сообщения. Хотя многие, в том числе и я, уже представляли себя правителями в Галактике и писали от имени этих правителей. Тогда газета выходила раз в одну-две недели, поэтому особо не попишешь. В Г+ это было исправлено, можно было писать как угодно, с любой частотой, хоть каждую минуту.

Д.Г. Что мне кажется несколько странным в развитии Гэлэкси, а затем Г+, это то, что там сразу вырисовалась и дальше стала развиваться литературная составляющая, хотя все люди не были пишущими.

А.К. Я могу объяснить, почему это было. Женя Тимофеев - гейммастер из «Зелакса» - осуществлял подпитку ролевой игры, то есть он сам выступал как персонаж и поэтому провоцировал людей на подражание. И я скажу прямо, если бы у Жени не сложилась бы так ситуация в его личной жизни и он не ушел бы из Галактики, то я свой сервер отдал бы ему. Собственно, для чего я его и писал, чтобы передать Жене, чтобы было удобнее и лучше, а я с удовольствием просто играл бы в Гэлэкси. Гэдэкси Плюс, может быть, и была бы, но свою роль я там уже бы сыграл*.

Д.Г. Ну это не известно. Я думаю все примерно развивалось бы так, как развивалось. Кто такой гейммастер в этой игре? Это прежде всего судья, который поддерживает состояние гомеостаза, либо это режиссер, который умело опосредованными способами формирует мир Гэлэкси, включая сюда человеческие контакты, галактическую прессу, нравы, которые существуют в игре, и т.д.

А.К. Когда Г+ зарождалась, без гейммастера, без его инициативы, ничего бы не получилось. Ролевая начинка должна кем-то поддерживаться. Первые вы-

пуски «Галакси таймс», самые первые, с первого по пятый, на 90% содержат текст гейммастера, то есть, в данном случае, меня. Игроки стали завидовать – во даёт! дай-ка и я что-нибудь напишу, это здорово – общаться на ролевом уровне. Так все и началось. Потом, когда партий стало больше, на основные позиции вышли люди, литературно одаренные. Вокруг них спланивались какие-то галаксиане, начиналось движение. Когда «золотые перья» не находили времени, чтобы писать, жизнь Галактики немножко утихла, партии становились более однообразными. Мне кажется, что количество людей, литературно одаренных в Галактике, не зависит от общего количества галаксиан. У 20 человек литературно одаренных есть возможность высказаться, но при этом вне зависимости от того, сколько их читает – 100 человек, или 1000, или 5000 человек. Поэтому небольшое количество людей, которые пишут что-то, очень сильно влияют на общую атмосферу Галактики.

Д.Г. Уже прошло пять лет существования Г+, а если считать нулевой период «Гэлэкси просто», то и шесть с гаком. По компьютерным меркам это огромный промежуток времени и, наверное, он распадается на несколько основных этапов.

А.К. Ну если брать все гэлэкси-подобные игры... Во-первых, всё зародилось на Западе. В 1992 году была написана игра Галакси, там появился сервер и небольшое количество игроков. Потом стараниями Жени Тимофеева он был принесен в Россию. Говорят, что игра была в ФИДО. Я точно не знаю, какие сервера есть в ФИДО, но я точно знаю, что мой сервер стоит в Екатеринбурге, и там один из старых галактиан ведет его, кстати, хорошо. Очень одаренный человек, к сожалению, ему уже за 50 и он не имеет возможности посвящать много времени Галактике, да и в Екатеринбург не Москва. Жизнь

там более сурова. Есть также сервер в Литве, он полукоммерческий, потому как давным-давно в электронной связи имели значение государственные границы, почта в Литву и из Литвы считалась зарубежной. Чтобы снизить затраты на почту, было принято решение установить сервер в Литве, так, чтобы литовцы играли с литовцами, а остальные играли на сервере у меня. Сейчас это уже не имеет никакого смысла. Я думаю, сервер в Литве, видимо, отпадет за ненадобностью и все будут играть здесь.

Д.Г. Итак, этапы Г+.

А.К. Первые два года я не отходил от компьютера, меня мало заботили деньги и я два раза в неделю выпускал «Таймс».

Д.Г. Вы почувствовали, что Г+ развивается. Какие у Вас тогда были планы или мечты - куда это должно было, по-Вашему, вылиться и куда вылилось реально.

А.К. Я могу сказать, может быть, это немного цинично, но с помощью ГЭЛАКСИ я изучал реакцию человека на разные раздражители.

Д.Г. Булавки под ногти?

А.К. Не то, чтобы булавки, но определенно поданная информация вызывает эмоции определенного уровня, мне было интересно именно с этой точки зрения все делать. Хотя, разумеется, я представлял, что из Г+, кроме инструмента по воздействию на массы, можно получить цивилизованное сообщество, способное к саморазвитию.

У меня, не знаю, к сожалению или к счастью, не было возможности реализовывать свои глобальные планы по будущему Галактики.

Д.Г. Особенность Г+, мне кажется, вот в чем. С одной стороны, там все происходит автономно, то есть люди играют, они записываются за ту или иную расу, у них какая-то дипломатия и т.д. И Вы в дан-

ном случае находитесь над схваткой. Вас, собственно, не видят, и идеально, когда даже не знают о Вашем существовании.

А.К. Абсолютно точно.

Д.Г. Но фактически Вы же обладаете колоссальной, абсолютной властью над людьми в этой ситуации. Вы являетесь божеством Г+. Вы создаете мир - Галактику, создаете все планеты, Вы создали в современном виде все правила Г+ и соответственно у Вас есть неизбежно, как у любого человека, соблазн применять эту власть над людьми на практике. Как Вы уже сказали, все это в какой-то степени моделируется, Вам было интересно посмотреть реакцию людей на те или иные ситуации. И эта реакция, как правило, стандартная, то есть грубо говоря, бьют человека по голове - он плачет, гладят по головке - ему нравится. Делаете Вы человеку рядом какую-нибудь планету гигантскую, он ее заселяет, и ясно, что он радуется, у него эйфория, он на всю Галактику об этом кричит, как все хорошо, замечательно. А если к нему попадает какой-то астероид, всё точно так же, но наоборот. А кто делает этот астероид? В конечном счете Вы. И вот здесь мне интересно. Я говорю так много, потому что сложно сформулировать вопрос. Насколько я знаю историю развития Гэлэкси, у вас ни разу не появилось ситуации, когда Вы реально, а не опосредованно воздействовали на события. Что это? Либо Вы очень хорошо управляете, так что ваших манипуляций не видно, либо это самоорганизующаяся система и личность гейммастера и его режиссура не очень-то и нужна?

А.К. Идеальным гейммастером, конечно, является человек, которого вообще не видно. Игроки, которые видят гейммастера внутри игры, ощущают дискомфорт от сторонней воли. Я всегда старался сделать так, чтобы проблемы разрешались сами собой,

внутриигровыми методами. Но создать абсолютно совершенную модель невозможно. Поэтому иногда приходится светиться и лично залатывать те дыры, которые существуют в любом рукотворном проекте.

Д.Г. Возьмём шахматы - чрезвычайно абстрактный вид игры. Там все равно развиваются какие-то коллизии: то Карпов и Каспаров доходят до рукоприкладства, то Илюмжинов строит Нью-Васюки. Развивается какой-то театр абсурда. Хотя шахматы, очень сухой, несколько наивный, чопорный вид взаимодействия людей друг с другом через движение фигур, через формальные операции, а в Г+, кроме всего прочего, существует еще и элемент неформального общения, просто переписка. Поэтому возникает удивительный накал страстей. Каким образом можно всем этим управлять? Ведь ясно, что когда речь идет о десятках, сотнях и даже уже тысячах участников, то среди них попадают люди с неустойчивой психикой, может быть, с какими-то антисоциальными наклонностями. Г+ дает колоссальные возможности для провоцирования, мне кажется, можно провоцировать и серьезные конфликты и даже заболевания. Были ли такие случаи?

А.К. Случаев, которые требовали вмешательства врачей, наверное, не было. Наверное... Хотя иногда игру принимают слишком близко. Потому что игра очень реалистична и реалистична она не событиями, которые там происходят, а чувствами, то есть если вас обманывают, то у вас нет сомнений, что вас обманывают, если вы с кем-то дружите, то это настоящая дружба, и тут примесей не бывает. Разумеется, люди, которые хотят и обмануть, и подружиться, они видны, и поскольку Г+ - инструмент достаточно тонкий, он это выявляет как электронный микроскоп. Вмешиваться в отношения игроков мне никогда не приходилось. Бывали случаи, когда

заигравшегося приходилось «удалять с поля» - я просто отключал человека от сервера.

Д.Г. За что?

А.К. Например за нецензурную ругань в бродкастах.

Д.Е. А если Вы видите, что человек действует в рамках литературных норм, но он не адекватен, то есть он настолько сильно переживает, что видно, что эта игра его разрушает. Были ли такие случаи?

А.К. Я не психиатр, и сложно определить - разрушает эта игра конкретного игрока, или, наоборот, он находит там свое новое Я. Поэтому я предпочитаю не вмешиваться. Летальных исходов до сих пор не было, хотя был случай, который меня потряс. Один игрок мне написал, что он играл-играл в Г+, и игра на него так сильно подействовала, что когда у него отключили телефон на несколько дней, он посмотрел глазами предводителя расы, которым он был, на тот мир, в котором он живёт, на свою жену, на своих друзей, с которыми он работает, на своих сотрудников, ужаснулся и решил всё изменить. Таким образом он остался без работы, без семьи и без друзей. Но тем не менее через некоторое время он написал, что у него есть другая работа. Про семью он ничего не говорил, но, я надеюсь, все у него нормализовалось. То есть потрясение у него было серьезное и спровоцировала это потрясение игра. Я это объясняю достаточно просто: в Галактике все чувства не завуалированы, то есть они не смешаны с другими, поэтому они достаточно яркие, и, соответственно, если человек делает зло, понятно, что это зло, как бы он это не, объяснял. Если он делает добро, то понятно, что это добро. В реальной жизни зло можно назвать добром и красочно объяснить, почему же это так, и наоборот. Все зависит от искусства автора. А в Галактике в основ-

ном понятно, что если человек что-то сделал плохое, то он сделал плохо, все это понимают и оценивают адекватно. Когда же человек выходит из мира ГЭЛАКСИ, он точно также начинает видеть эти чувства, эти отношения, то есть понимать, что человек, допустим, хочет сделать что-то или сделал что-то, и может оценивать это «что-то» не по описанию этого человека, а исходя из собственных ощущений.

Д.Г. Получается, игра, изменяет взгляд человека на мир.

А.К. Я не знаю, хорошо это или плохо, но изменяет и очень сильно.

Д.Г. Можно считать, что эта игра вид спорта, если считать спортом шахматы. Естественно, помимо того, что есть вообще спортивный характер, каждый вид спорта формирует и привлекает людей определенного склада. Допустим, боксер - это антисоциальный агрессор, футболист - это тоже агрессор, но социальный, действующий в команде, шахматист - это человек, который склонен к созданию каких-то умозрительных конструкций, человек, пытающийся существовать в реальном мире, перенося на него опыт шахматного бытия, выстраивая какие-то комбинации. Интересно, какой тип людей, по-Вашему, Гэлэкси привлекает прежде всего, и второе - какой тип людей Гэлэкси формирует.

А.К. В своё время был проведён соответствующий социологический анализ по этому поводу. Возраст среднестатистического галаксианина - приблизительно 27 лет, социальное положение - «молодой специалист». При этом разброс достаточно большой. В Г+ играют и 12-ти и 40-летние. Много безработных, много и «новых русских». В Г+ практически нет стариков-пенсионеров, но это следствие общей молодости Интернета.

Д.Г. Всё-таки есть какие-то типично галак-

сианские качества?

А.К. Практически нет. Думаю, единственное исключение - это любовь к интригам. Люди, которые не любят интриги, какие-то неожиданные коварные ходы, в Галактике не приживаются, хотя, может быть, чем-то она их и привлекает первое время.

Д.Г. Гм-гм. Если употребить более мягкое выражение, галаксиане это люди, у которых есть какие-то дипломатические задатки.

А.К. Да. Скорее всего, дипломат останется в Галактике. Даже не потому, что ему нравится тема игры - жизнь на иных планетах и т.д., а потому что здесь есть общение и возможность по-разному обыграть ситуацию, возможность поиска оправдания своих поступков.

Д.Г. А с другой стороны, у человека есть дипломатические способности, он в реальной жизни выстраивает себе дипломатию и ему не нужен еще какой-то коррелят в виде игры. Наоборот, может быть, человек одинокий, у которого есть большие проблемы в общении, находит себе костыль в ГЭЛАКСИ?

А.К. Наверное 50:50. Профессионалу будет интересно пошутить. С другой стороны, если человек ничего не смыслит в дипломатии, это прекрасный инструмент, чтобы научиться, попробовать пообщаться с людьми на обезличенном уровне. Никто не знает, кто вы такой, вы можете делать ошибки, может экспериментировать как угодно. В реальности экспериментировать обычно жалко или опасно. Вы не можете взять и поэкспериментировать со своими близкими - вот я любящий сын или отец, а интересно, что будет, если я...

Д.Г. Так же можно экспериментировать не с валентностью социальной роли, а с самой ролью как таковой. Например, изменить пол, потому что муж-

чина может играть за женщину и наоборот. Это ситуация карнавала. Самый простой вид карнавального костюма - это когда человек переодевается в костюм противоположного пола.

А.К. Хорошая аналогия, так как «женский вопрос» в Галактике всегда актуален. На эту тему существуют разные взгляды. Понятно, что если сидящий мужчина видит женщину в общественном транспорте, у него возникает желание уступить место. Может быть сейчас это не принято, но желание такое возникает. В Галактике всё сложнее, потому что, если он встречает женщину, во-первых, не факт, что это женщина. Во-вторых, он не может оценить её привлекательность прямо и вынужден анализировать её поведение. Если женщина ему нравится по манере игры, он может пойти на какие-то жертвы ради того, чтобы ей стало хорошо. Ещё на «Зелаксе» произошёл интересный случай. Мужчина играл за женщину, а женщина за мужчину. Они не знали друг друга, но обыгрывали ситуацию прекрасно. С обоими я встречался уже позже и по другим делам. Одновременно этой женщине стал симпатизировать другой игрок. Когда на «Зелаксе» была устроена встреча игроков, на эту встречу он привез огромный букет цветов, чтобы подарить этой женщине. Когда же он увидел улыбающегося парня в очках, ему стало плохо и он подарил букет другой даме, которая как раз играла за мужчину. Возникла водеvilльная ситуация, кстати, имевшая своё продолжение.

Это очень деликатная тема. Ведь флирт в Галактике идёт через письма, а гейммастер ту или иную часть переписки, к сожалению, вынужден читать. Она никогда не разглашается, но...

Д.Г. У меня сложилось впечатление, что в Г+ существует женский вопрос и вопрос пока неразрешимый. Женщин, играющих в эту игру, достаточно

мало. С другой стороны, вокруг любой женщины в Галактике возникают вихри страстей. Между тем, это игра сексуально не ориентированная. То есть там существует элемент легкой эротики, но не больше и не меньше, чем в обычной жизни. Это некий элемент общения, при каком-то другом модерировании его можно было бы подчеркнуть, но, видимо, Вы в силу каких-то особенностей своего характера и отношения к жизни этого не сделали. И он остался вещью в себе.

В Г+ проблема человеческих контактов актуальна сама по себе. Для какого-то процента галаксиан их письма в игре - это первая переписка в жизни, по крайней мере неделовая. Это создает массу коллизий. И здесь, мне кажется, - может быть вы разрушите эту точку зрения, - все-таки перспективный игрок-галаксианин, это человек, у которого изначально существуют проблемы с общением.

А.К. Не уверен. В галактическом мире есть люди, которые вообще не играют в Г+, а только занимаются перепиской, они пишут статьи в наши газеты. Им механический процесс игры мало интересен, им интересно пообщаться, что-то написать.

Д.Г. Но почему они для этого общения не используют электронную почту как таковую, а прибегают к опосредованной игровой форме Г+. Наверное, у них что-то не получается в реальной жизни, они находят здесь какой-то костыль, чтобы с его помощью как-то ковылять по поверхности.

А.К. Я еще раз отмечу, что это все-таки игра, и она позволяет делать ошибки. Если человек хочет что-то попробовать, ему проще поиграть в Г+, один раз написать письмо, второй раз написать письмо, что-то получить в ответ, даже пусть ответ ему не понравится, но тем не менее у него возникнет привычка к общению. Я сторонник того, что если человек чего-то

боится, он обязательно должен сделать это много раз...

Д.Г. Кого-нибудь убить, например.

А.К. Ну, убийство... В Галактике нет адекватного действия, которое можно назвать убийством. То, что кто-то разбил какую-то расу, не убийство.

Д.Г. Я не знаю, это взгляд со стороны, но взгляд, может быть, имеющий свои преимущества, потому что со стороны иногда виднее. Так вот, на мой взгляд, Гэлэкси - игра достаточно жестокая и, более того, я думаю, что это одна из самых жестоких игр, которые можно придумать, потому что процент выигравших исчезающе мал. Хорошо, если в конце игры выиграет 10% из числа тех, кто принимал в ней участие. В конечном счете подавляющее число игроков переживает всю гамму чувств, но заключающим аккордом является чувство поражения. То есть это трагедия - главный герой погибает. Поэтому в Г+ играет мало женщин. Это игра для мальчиков - здесь нужен бойцовский характер и умение держать удар. Без поражения эта игра невозможна. Первые партии - всегда поражения, часто очень обидные и жестокие. Потом человек находит какую-то правильную динамику и начинает выигрывать. Конечно, об этом говорилось, в галактической прессе я читал об аналогии с пауками в банке. Все игроки живут в замкнутом пространстве. Вначале пытаются установить какие-то отношения положительные, но в результате оказывается, что играют в «десять негрятят».

А.К. Отчасти это правильно, но мне кажется, что люди играют в Гэлэкси ради самой игры. Прежде всего цель не выиграть, а получить удовлетворение от игры.

Д.Г. Такой вечный перманентный Маресьев, который постоянно регенерирует ноги, а ему их ломают и ломают с завидным постоянством.

А.К. Да, были прецеденты. Один человек, видимо игра была не его, но ему очень нравилась атмосфера игры. Он не очень любил писать, не очень любил составлять приказы и думать над ними. Но записывался он в каждую игру и в каждой игре его убивали, и ему, наверное, нравилось, что он находится в этом мире.

Д.Г. Мы, наверное, пришли к выводу, что люди играют в Гэлэкси разные. Выделить какого-то клиента, это наш человек...

А.К. Хочу добавить, совсем недавно ко мне пришла заявка: «в моей конторе трое играют в ГЭЛАКСИ, а я не играю. Раньше мы были друзьями, а теперь они отделились, отдельно что-то обсуждают, а я тут не при чем. Запишите меня в следующую партию вместе с ними».

Д. Г. Да, играют разные люди, но, как мне кажется, опыт, который приобретали эти разные люди, он примерно одинаковый. У людей возникает понимание каких-то конкретных интересов, которые окружают их в реальном мире, они более адекватно понимают, что форма общения в реальности связана с достижением этих материальных целей. Человек начинает относиться к реальности более прагматически, более по-взрослому, причем эта взрослость часто бывает в кавычках, это взрослость ребенка, который преувеличивает это прагматическое начало.

Хорошо. Мы немножко отклонились, даже «множко» отклонились, потому что мы, если отмотать пленку назад, говорили о первом романтическом этапе в развитии Гэлэкси, который длился для Вас лично, и может быть, вообще, два года. Потом что-то изменилось?

А.К. Затем пришло много самостоятельных личностей. Игроки стали вариться в своем соку, это не

всегда давало положительные результаты. Галактика пережила кризис, «Гэлакси таймс», электронная газета, стала выходить все реже и реже.

Следующий этап - это когда пошла масса игроков. Сегодня, например, каждый день мне приходит заявок по десять, причем больше половины - это люди, которые не играли в Галактику. Через некоторое время я просто не смогу поддерживать эту Галактику. Придется искать другие пути, в том числе самоорганизации Галактики, создавать институт гей-мастеров, чтобы случайные люди не могли воспользоваться этим механизмом. Гейммастер может делать многое, он может испортить полностью игру, может сделать ее очень интересной.

Д.Г. Год или полтора назад начался процесс коммерциализации Интернета, стали скупаться на корню мнигие проекты, появились сайты обычных СМИ. Не протягиваются ли щупальцы к Г+?

А.К. Как коммерческий проект Г+, наверное, не имеет будущего, потому что зарабатывание денег на чувствах людей вызовет распад сообщества. Можно получать какие-то деньги на поддержку сервера в качестве спонсорства, но формула «я плачу деньги, а вы мне давайте удовольствие» не пройдет. Если человек ощущает себя не строителем Г+, а потребителем продукта, то общество загнивает. Сами по себе деньги ничего не значат, никто за деньги не будет писать статьи, которые интересно читать, и не...

Д.Г. Почему, извините. Если это будет хорошо оплачиваться, если будет выходить красочный журнал «Гэлакси плюс» с картинками, то почему бы людям чего-то не писать туда? В том числе и профессиональным журналистам?

А.К. Возможно, на Западе это было бы воспринято нормально - если работа сделана, то за нее нужно заплатить.

Д.Г. Там существует культура оплаты всякого рода интеллектуальных усилий, там есть очень сложные и мягкие формы оплаты, а у нас, к сожалению, приходит зверушка и кидает в лицо кошелек с деньгами - вот тебе бабки, заткнись. Сама форма такой оплаты разрушает дело, если оно не коммерческое, а скорее связано с искусством. Г+ это прежде всего что-то вроде литературного сообщества людей, виртуального театра, а не игра вроде покера или бильярда. Так?

А.К. Да, я полностью согласен. В Г+ возможны какие-то коммерческие элементы, но они не должны влиять на саму игру.

Д.Г. Смотрите, Г+ - это вид деятельности, который достаточно существенно изменяет психику человека. С другой стороны, мы выяснили, что это не коммерческое предприятие и не какой-то вид спорта, а некое сообщество людей, которые занимаются не совсем понятной деятельностью. С одной стороны, это театр, с другой - клуб, с третьей - ещё что-то. Но если мы суммируем все эти признаки Гэлэкси, то можно сказать, что это на самом деле получается какая-то религиозная организация. Все признаки религиозной организации здесь присутствуют.

А.К. Может быть, есть люди, которые захотят использовать Галактику в каких-то собственных интересах, я думаю, что уже есть такие люди, есть подтверждения тому...

Д.Г. То есть сделать слет галаксиан на своем дачном участке, незаметно людям раздать грабли, лопаты, заставить вырыть прудик, например...

А.К. В Интернете распространены сомнительные способы зарабатывания денег, для которых необходимо привлечь знное количество людей. Галактика - как раз то место, где можно людей попросить что-

то сделать, и они это сделают, и кто-то один может заработать много денег. Но при этом все остальные будут чувствовать себя использованными и выброшенными.

Д.Г. Может быть Г+ один из элементов какого-то нового вида взаимодействий между людьми при помощи и Интернета, при помощи особых правил. Что из этого получится и как, пока туманно. Ясно, что что-то происходит, процесс идёт. И конкретно Гэ-лэкси является маленькой, игрушечной, картонной моделью этих процессов, и на изучении её тоже пока игрушечной истории можно видеть, как это новое возникает, и что такое это новое - может быть, что-то хорошее, может быть, что-то пугающее.

А.К. Как только Интернет стал средством существования информации в информационном потоке, некоторые вещи делаются только внутри Интернета и не выходят в реальную жизнь. Появилась жизнь ДРУГАЯ - жизнь в Интернете. Происходят процессы, которые не должны влиять на реальную нашу жизнь, и ГЭЛАКСИ - первая ласточка в таких процессах. Когда у человека появится еще одно измерение, где он будет существовать, - информационное сообщество, в котором он будет точно так же жить, у него будут какие-то обязанности, какие-то права, интересы и т.д., которые не выходят за рамки Интернета, не преобразуются в реальные дела, в реальную жизнь.

Д.Г. Вы знаете, со стороны просто не понятно, что происходит. С одной стороны, в Г+ можно играть и вне Интернета. Можно себе представить, что в 18-м веке люди пишут репорты гусиными перьями, их крепостные делают звездные карты. Но на самом деле без интернета и без компьютера это невозможно. Человек, который сейчас не понимает, что такое интернет и компьютер, ему уже объяс-

нить, что происходит в Г+, в принципе невозможно.

А.К. Пока Г+ сильно связана с реальной жизнью, пока человек больше живет в реальной жизни, чем в Интернете, и изменения в его мышлении все-таки отражаются на его реальной жизни.

Д.Г. Я знал нескольких людей, которые понимали, что происходит в Г+, только после того, как они, ну не обязательно играли, а видели вьюер, читали какую-то электронную почту, имели опыт работы с интернетом. Без этого, несмотря на то, что я обладаю какой-то способностью объяснения, я не мог им объяснить, что это такое.

А.К. Моя бабушка, если видит у меня на экране компьютера картинку, спрашивает: «ты что, играешь?». Как объяснить человеку, когда игра, а когда не игра, если он не понимает, что такое компьютер. Возможно аналогии можно найти: существуют игры и без компьютера, в том числе дипломатические игры, различные тренинги.

Д.Г. На мой взгляд, аналогии достаточно отдаленные. Как передать дух игры. Здесь получается, что игрок, будучи «естественным интеллектом», выступает для другого игрока в виде искусственного интеллекта. Происходит виртуализация идей, чего на самом деле настольные игры, даже очень разветвленные, когда бросают кубик одиннадцатигранный, не происходит. А в Г+ происходит мистификация. Действительно человек ощущает, что он существует в особой реальности. Потому что ход - это ход человека против компьютера. Он так это для себя видит. Суммарный ход компьютера - это ход каких-то десятков и даже сотен людей, но для данного конкретного человека - он чувствует какую-то особую реальность через монитор. Это чувство невозможно передать. Если человек его испытывает, он его понимает сразу. Если он его ни разу не испытывал, ему

кажется, что это какая-то превращенная реальность.

В этом смысле развитие виртуальной реальности, и Интернета, и компьютерных игр (компьютерные игры я беру в кавычки, поскольку, наверное, будут найдены другие слова, это не игры или игры в таком же смысле, в каком играми является всё: чтение книг - игра) находится на таком же этапе развития, как развитие кинематографа в самом начале XX века, до Чарли Чаплина. Кинематограф постепенно создал новый символический язык. Его впервые использовал Эйзенштейн в «Броненосце Потёмкин» - чередование кадров, наплывов, какие-то символические изображения, затянутость сцен или наоборот излишний динамизм и т.д., сейчас это воспринимается естественно, но на самом деле этот язык сложен для неподготовленного человека. Например, мы смотрим - человек идёт по лестнице, а следующий кадр - он уже у себя дома. Логический скачок. Для неподготовленного человека, допустим, для человека начала века или прошлого века, невозможно объединить эти два элемента в единое действие, а для нас, с рождения впитывших язык кинематографа, эти две сценки логически следуют одна из другой. Соответственно, разная компоновка этих сценок, разная их динамика и так далее может передавать какое-то внутреннее состояние человека, его мысли и чувства. Человек, знающий этот язык, это воспринимает, человек, не знающий, - не воспринимает, он воспринимает это как беспорядочное чередование кадров. Даже самый умный человек начала 19-го века, Пушкин, например, если бы он смотрел современный фильм, даже очень хороший, он просто не понял бы, о чем там речь, это был бы калейдоскоп разных кадров. Каждый конкретный кадр он мог бы воспринимать, может быть, эстетически, но в единую картину это бы не скла-

дывалось. Точно также современный Интернет. Он ещё находится в таком состоянии, когда люди не обладают этим языком, они только начинают овладевать языком активного воздействия на реальность со стороны читателей и пользователей. И здесь, мне кажется, Г+ дает такой жесткий, острый пример двусторонней связи между человеком и машиной. Потому что здесь несовершенство машины, пока еще очень большое, ибо современные компьютеры сверхпримитивны, восполняется коллективными усилиями десятков людей. Для каждого конкретного галаксианина все остальные галаксиане являются единым нейропроцессором.

А.К. Интернет сейчас в основном состоит из занимающихся интернетсёрфингом. Пользователю что-то надо, иногда нечто весьма расплывчатое, но попадая внутрь интернета он становится жертвой вполне отработанных методов перенаправления его интересов. Его стараются привлечь к каким-то работам, к потреблению вещей и прочее, прочее, прочее. Г+ наверное, первая ласточка в этом отношении. Действительно с помощью Гэлэкси можно решать конкретные задачи, совершенно конкретные. Я не буду здесь говорить, какие конкретные, а то неумелыми руками можно сделать и зло. Интернет очень быстро примет цивилизованную форму, но пока всё выглядит по-прежнему - человек пришел в зоопарк и смотрит.

Д.Г. Ага. Всё больше людей просекает, что при этом он является одним из зверей этого зоопарка. И кто-то уже берет деньги за то, чтобы его там другие посмотрели, как он смотрит зверей.

А.К. Да. Появляются умные такие товарищи, которые понимают, что можно удивление новой зверушкой использовать для сбора денег.

Д.Г. А ещё другим сказать, что это не человек, а просто зверушка, похожая на человека, и, соответ-

ственно, на нее тоже, как на зверушку, можно смотреть другим. И вообще всем сказать, что они зверушки, и они друг на друга будут смотреть, им будет казаться, что они в зоопарке, а на самом деле это будут люди в замкнутом пространстве, которые будут смотреть друг на друга и думать, что они не люди, а обезьяны.

А.К. Возвращусь к тому моменту, когда Вы говорили про человека, считающего что он играет в Г+ с компьютером. На самом деле все наоборот: человек считает, что он играет с противником, если компьютер недостаточно искусен в достижении своих целей, он просто плохой противник, и человек разочаровывается. Если он играет с человеком с помощью компьютера, у него тоже есть возможность разочароваться, но в большей степени у него есть возможность наоборот - быть очарованным этим человеком.

Д.Г. Развитие компьютеров приведет к тому, что лет через десять будет очень трудно определить в такого типа играх, против кого конкретно играет человек - против человека же или против искусственного интеллекта.

А.К. Я не верю в это. До сих пор не научили компьютер делать экспромты. Генераторы случайных чисел выдаются за возможности введения каких-то нестандартных систем и нестандартных ситуаций.

Д.Г. Ясно, что через какое-то время, учитывая развитие техники, достаточно сложные поведенческие модели компьютер будет в состоянии имитировать и использовать очень сложную лексику, элементы случайности и так далее. В принципе это возможно, другое дело, что сейчас мы находимся в самом начале пути, потому что даже такая примитивная игра, как шахматы, ещё до конца не исчерпана, и люди продолжают играть с компьютерами, но я думаю, в этом-то и парадокс - Г+ мне кажет-

ся моделью будущего, потому что действительно она построена таким образом, что в ней существует псевдоискусственный интеллект, который создают люди, то есть каждый игрок, играя, выполняет функцию этого зверя в зоопарке, о котором мы говорили раньше. Он не только играя получает удовольствие, но одновременно играет для другого и приносит удовольствие другому человеку, в превращенной форме, через компьютер, как человек, имитирующий искусственный интеллект и очень совершенный.

А.К. Я хочу заметить, что это свойство дает только общение. Существует масса игр, которая позволяет играть людям с людьми, не используя общение, а используя только технические возможности для взаимодействия.

Д.Г. Я и имею в виду прежде всего общение. Идеальный вариант для иллюстрации моей мысли: предположим, что в игре 40 игроков. Можно сделать так, что за 39 рас играет гейммастер, а за одну играет конкретный человек. И цель гейммастера, сделать так, чтобы этому одному игроку было как можно более интересно играть, он в принципе может это сделать, если он профессионал. Одной расой будет раса новичок, другой - ветеран и т.д., он будет так выстраивать движение, что человек будет играть несколько месяцев. Конечно, это огромных усилий потребует от гейммастера.

А.К. Ровно столько, сколько усилий будут тратить все эти 39 игроков.

Д.Г. Да. Но игра построена таким образом, что здесь получается дверь Эдисона, которая была связана с насосом. Гость Эдисона, открывая дверь, одновременно качал для хозяина воду. Игрок, открывая дверь в мир Гэлэкси, одновременно выполняет работу для поддержания игры других игроков. В принципе это просто, но надо было так подогнать

правила, чтобы это все работало. Идея понятна, надо, чтобы этот рычаг работал, чтобы люди могли открыть дверь, не сломав при этом кости, чтобы вода подавалась на второй этаж и т.д. Мне кажется, Г+ - единственная работоспособная модель такого типа. Я не вижу других игр. Разве что игры с доминированием литературной составляющей, но это просто проекция клубной жизни.

А.К. Вроде толкиенистов.

Д.Г. При всей колоссальной разнице между покупателем в советском магазине, где человек покупал плавленый сырок в очереди и радовался, и покупателем какого-нибудь западного супермаркета, где есть триста сортов сыра, в общем их действия равноценны. Все-таки это потребительство. Это, конечно, разные уровни потребительства, но здесь человек - существо достаточно пассивное. Здесь нет искусства, только дизайн. Конечно, если человек покупает по интернету какие-то товары, ему приносят их на дом, может быть немножко увеличивает его активное взаимодействие с миром протребительских товаров, но не более того.

А.К. Действительно все так, как Вы описали. Когда можно будет перевести пользователей из разряда потребителей в разряд создателей, вот тогда это будет следующий этап существования Интернета. Тот, кому это удастся первому, будет владельцем интернета, хотя это звучит очень комически. Кто сможет создать ресурсы, позволяющие самовыражаться людям и не требующие специальных знаний и умений, будет контролировать поведение людей в Интернете, а это значит - он будет править ими.

Д.Г. Я бы закончил на более оптимистической ноте, потому что затруднительно управлять людьми, находящимися в состоянии творческого процесса, а любая форма активного выбора - это творчество.

Когда человек начинает выбирать осмысленно, участвовать в процессе формирования собственных потребностей...

А.К. Даже покупка сыра в той же самой очереди является действием, и если мы сможем вынудить людей решить - да, нужно вставать в эту очередь, тогда у нас будет рычаг.

Д.Г. Это и присутствует в современном обществе потребления. Человек, который производит сыр трехсот видов или одного вида, - это не важно, - он соответственно включается в систему этих отношений и играет в игру покупатель-потребитель сыра.

А.К. Так об этом и речь. В Интернете пока человек ходит и удивляется каждому листику появившемуся, каждой зверушке.

Д.Г. Интернет дает возможность человеку быть не просто потребителем сыра, он позволяет ему самому формировать собственные потребности и, более того, выступать по отношению к другому человеку своеобразным катализатором его творческой активности. То есть его превратить в винтик, который будет механически потреблять сыр, а потом его перерабатывать в органическое удобрение, невозможно.

А.К. Так и сейчас невозможно заставить людей потреблять сыр, если это не монополия.

Д.Г. Потреблять сыр - да, но потреблять вообще продукты, быть потребителем - сколько угодно. Современный человек ориентирован на потребление. Если разобраться, о чем он 99% своего времени думает, чему посвящает время - он посвящает это процессу потребления. Только последнее время возникает новая ситуация - ситуация постиндустриального общества, когда человек начинает от состояния человека жрущего сыр переходить к состоянию сыром кидающегося. Или сыр роняющего.

декабрь 1999

МАГНИТ

Место и время публикаций отдельных материалов сборника

ЭССЕ

Русская политика и русская философия – сб. «Иное», М., 1995, Разбитый компас № 2, 96.

Русская война и русский мир – Bungei, 1995 (яп.); сборник русских авторов на яп. языке, 1996.

КРИТИКА И САМОКРИТИКА

80 лет вместо - День лит-ры № 11 (62), 15.10.01 (с незн. сокр.).

«Пушинка к пушинке» – Литературная газета № 38 (5893), 24.09.02.

А Я ИДУ, ШАГАЮ ПО МОСКВЕ

Странные, смешные и магические места Москвы – Консерватор № 3 (19), 1.02.03.

Последний переулок – Консерватор № 3 (19), 1.02.03.

Улица Энгельса – Консерватор № 5 (21), 14.02.03.

Мультик-пультик – Консерватор № 8 (24), 7.03.03.

Не с того конца – Консерватор № 10 (26), 21.03.03 (с сокр.).

Как у взрослых – Консерватор № 11 (27), 28.03.03.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТЦЫ

Инопланетянин – Консерватор № 6 (22), 21.02.03.

Сумасшедший полковник – Консерватор № 7 (23), 28.02.03.

Кучер – Консерватор № 9 (25), 14.03.03 (с незн. сокр.).

Бедный русский – Консерватор № 14 (30), 18.04.03.

По Сеньке и шапка – Независимая газета № 216 (2770), 10.10.02.

Обаятельная личность – НГ-Exlibris, 25.09.03.

Гриб – НГ-Exlibris № 29 (279), 29.04.04.

ВСЯКО-РАЗНО

Нетеррористический акт – Консерватор № 4 (20), 7.02.03.

Мы были немцы – Консерватор № 7 (23), 28.02.03.

ВЫСТУПЛЕНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

Интервью «Литературной газете» – Литературная газета № 43 (5854), 30.10.01.

Интервью «Книжному обозрению» – Книжное обозрение № 30 (244), 13.02.03 (с сокр.).

Новогодняя анкета – Независимая газета № 276 (2830), 26.12.02

Анкета о «12 стульях» – Независимая газета № 14 (2847), 28.01.03.

Анкета о Солженицыне – Литературная газета № 49, 10.12.03.

Новогодняя анкета о круге чтения – НГ-Exlibris, 25.12.03 (с сокр.).

Анкета о Бердяеве – НГ-Exlibris, 18.03.04.

Интервью «МК Псков» – Московский комсомолец в Пскове и Великих Луках № 7, 19-26.05.04.

Интервью «Дню литературы» – День литературы № 7 (95), 07.04.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Интервью с Серковым – Кто есть кто № 6, 1999 (фрагм.).

Интервью с Кругловым – Кто есть кто № 1, 2000 (фрагм.).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЭССЕ	
Русская политика и русская философия	9
КРИТИКА И САМОКРИТИКА	
80 лет вместо	129
"Пушинка к пушинке"	154
Утиная охота	168
Химия и жизнь	196
А Я ИДУ, ШАГАЮ ПО МОСКВЕ	
Странные, смешные и магические места Москвы	203
Последний переулок	207
Улица Энгельса	209
Мультик-пультик	211
Не с того конца	213
Как у взрослых	222
НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТЦЫ	
Инопланетянин	227
Сумасшедший полковник	233
Кучер	238
Бедный русский	244
По Сеньке и шапка	254
Обаятельная личность	259
ГПУманист	266
Гриб	273
ВСЯКО-РАЗНО	
Нетеррористический акт	285
Мы были немцы	290
ВЫСТУПЛЕНИЯ И ИНТЕРВЬЮ	
Интервью «Литературной газете»	301
Интервью «Квиждному обозрению»	304
Новогодняя анкета НГ	319
Интервью сайту www.galkovsky.com	321
Анкета НГ о «12 стульях»	337
Анкета ЛГ о Солженицыне	339
Новогодняя анкета НГ о круге чтения	342
Анкета НГ о Бердяеве	344
Выступление в Минском университете	346
МК Псков	366
Интервью «Дню литературы»	370
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Интервью с Серковым	387
Беседа с Кругловым	425

Дмитрий Евгеньевич Галковский

МАГНИТ

Проект С. Биговчий

Дизайн обложки	И. Китазима
Технический редактор	Л. Пошечева
Компьютерная верстка	С. Лазаренкова
Корректор	З. Николаенкова

Лицензия ИД № 02036 от 13.06.2000 г.

Подписано в печать 6.08.2004 г. Формат 84х108¹/₃₂

Гарнитура Journal. Печать офсетная

Объем 24 усл. п. л. + 0,84 усл. п. л. цв. вклейка

Заказ № 1691. Тираж 1500 экз.

ГП "Псковская областная типография"

180007, г. Псков, Рижский пр., 17

В 4 номере «Нового мира» Алла Латынина напечатала статью по поводу моей «Пропаганды». Зачин такой:

«Сборник статей Дмитрия Галковского "Пропаганда" тихо вышел в Псковском издательстве и остался незамеченным как московскими книготорговыми фирмами (тщетно искать его в продаже), так и широкой прессой. Дмитрий Галковский, скорее всего, опять увидит тут заговор...»